

Я просто тебя
люблю

К. Снежинская

Говорят, будто любовь способна всё победить, только быт ей неподвластен. Но ведь после помолвки и начинаются серые скучные будни. И тут уже не до страстей — суженного бы с работы дожидаться и не устроить ему скандала. Да и враги не дремлют и без того нелёгкую жизнь осложняя. Впрочем, может, и не происки недругов это вовсе, а любимый на сторону гульнул? Самое разумное — это взять паузу и, например, познакомиться с собственной бабушкой.

Я просто тебя люблю

Глава первая

Внемлите мне, дети мои! Имеющий уши услышит, имеющий глаза увидит, а тот, кто во мраке жить предпочитает, останется глухим и слепым. Есть ли истинная сила над живущими у Тьмы, Света или Жизни? Правда ли, будто они судьбами всех сущих правят? Или выбор только наш, и правда наша, и суд только земной имеется? Говорю вам, слышащие: никто не вправе решать судьбы, никто не в силе. Вольно вам то, что случилось на богов спихивать, ибо не ответят, слова защитного не возьмут. А истина всё ж проста: сами мы в ответе за сделанное.

(Из проповедей странника Бэхора)

Глава первая

Не знал, что состою в отношениях, пока со мной не начали их выяснять

(Из мемуаров старого ловеласа)

Воздух пах близким снегом и красными яблоками. Кусочек неба, робко выглядывающий из-за небрежно отодвинутой занавески, был прозрачен до полной потери цвета. Чёрная тонкая ветка, смахивающая на паучью лапку, скреблась о край открытой рамы, нищенски тряся одиноким скрученным в жгут листком. Нынешняя осень в Ахаре выдалась непривычно холодной — ещё и за середину не перевалила, а уж того и гляди снег пойдёт.

Где-то тоненько, минорно пикикала скрипка. Музыкальное сопровождение точь-в-точь под настроение: то ли загрызть кого-нибудь, то ли самой повеситься.

— Леди Нашкас, повернитесь, пожалуйста. Вот так, бочком, совсем немного, — ласковой крыской прошелестела портниха. — Девочки, нужно подол ещё подобрать. Чуть-чуть, буквально на полпальца. Чтобы фестоны кружев спадали каскадом. Ещё немного повернитесь, леди Нашкас, будьте столь любезны.

Арха, не протестуя, не ворча, да и вообще ни слова не говоря, сделала, что от неё требовали. А с чего бы ей спорить? Манекены вообще никаких звуков подавать не должны — не манекенье это дело. И в зеркала, так любезно вокруг расставленные, смотреться им не надо. Это даже очень хорошо, потому что отражение ничего приятного не показывало: гора золотой парчи, кружев, ленточек. А над этим великолепием нелепо торчащая голова с раздражённо прижатыми ушами.

— По-моему, эта гирлянда розочек тут лишняя, — заметил Адин. — Уберите, оставьте только шнурки. Видите? Так гораздо изящнее.

— Не устаю восхищаться вашим вкусом, лорд Иварр! Вы абсолютно правы. Рисунок ткани богат сам по себе и дополнительный декор тут абсолютно не требуется, — угодливо пропела портниха, благоговейно прижимая к груди пухлые руки и влюблённо глядя на ивтора, элегантно бокалом поигрывающего.

Синеглазик не столько пил, сколько ловил на хрустальные грани тусклое солнце, любуясь перекатами рубиновых винных бликов. Кто в этой комнате действительно был хорош, так это демон, небрежно развалившийся на кушетке. Хотя, какое там «развалившийся»? Расположившийся — вот как. Ноги изящно в щиколотках скрещены, рука, кольцами унизанная, покоится на подлокотнике. Небесно-голубой атлас придворного камзола переливается живыми волнами света. Кружева — пеной, волосы — локонами,

взгляд — томный.

Лорд, чтобы ему во Тьме тепло стало!

— Это всего лишь навык, — отмахнулся от восторженной бесы Адин. — И умение наблюдать. На вашем месте банты с лифа я тоже бы убрал. К счастью, леди Нашкас искусственные объёмы не требуются.

— Но мода... — не слишком уверенно попыталась возразить портниха.

— Мода должна быть разумной, — веско заметил ивтор. — Элегантные округлости — это, безусловно, красиво. Но именно элегантные, а не чрезмерные. Могу посоветовать запомнить золотое правило кроя: лучше в чём-то недобрать, чем переборщить. А в данном платье юбка уже создаёт немалый объём и...

— Меня тошнит, — мрачно сообщила Арха.

— Ничего тебя не тошнит, — не поверил синеглазик.

— Тошнит!

— Хорошо, — обречённо вздохнул демон. — Дамы, попрошу минут на пятнадцать покинуть комнату. Леди необходимо отдохнуть.

— Но мы ещё...

— Вернётесь позже, — ослепительно улыбнулся блондин, ненавязчиво подпихивая портниху вместе с обеими помощницами к высоким дверям, украшенными медальонами с розами и голыми пухлыми демонятами, на лютях играющими.

Медальоны, розы, демонят и сами двери Арха ненавидела.

— Ну и что опять? — устало поинтересовался Адин, вернувшись к пуфику, на котором лекарка манекен изображала.

— Ничего, — буркнула ведунья. — Мне просто надо отдохнуть.

— Это я соврал, — напомнил ивтор. — Придётся тебе придумать что-нибудь другое.

Леди Нашкас с ненавистью глянула в зеркало. Отражение блондина, даже и со спины, было безупречно. Её собственное, хоть и почти скрытое фигурой демона не смотря на все пуфики и подставочки, ничего, кроме глухого бешенства не вызывало. А вот коробки, шкатулки и сундучки, раскиданные по ковру, вместе с лентами, кружевами, бантами, каскадами, ножницами и только Тьма знает чем ещё доводили почти до истерики.

Почти — это значит, что в глазах уже муть плавала, но удержаться и не завизжать сил ещё хватало.

Арха стиснула зубы, сжала кулаки, длинно выдохнула, задрав голову. Взгляд упёрся в потолок, расписанный всё теми же пузатыми демонятами — в пару к дверям. Роз там тоже в избытке имелось. Комната это была такая, особенная. Называлась: «Розовая гардеробная». Предназначалась она исключительно для примерок новых туалетов леди Харрат. В данном случае и вопреки всем правилам, будущей леди Харрат.

— Я всё ещё здесь, — напомнил о своём существовании ивтор, нежно беря девушку за руку.

— Я, к сожалению, тоже, — сквозь зубы выдавила лекарка.

Ещё раз глянула в зеркало и рывком, едва половину шевелюры не вырвав, выдернула шпильки из пучка волос, так старательно с утра уложенного. Куафёром, между прочим, а ни кем-то там, чтоб и ему во Тьме местечко нашлось.

— Ну и зачем? — укоризненно поинтересовался Адин.

— Ненавижу эту причёску! — змеёй прошипела ведунья. — Как будто корова языком вылизывала. И уши торчат!

— Дальше, — спокойно подбодрил демон.

— И платья эти ненавижу! Они неудобные, жёсткие и колются! Я в них на пугало похожа! Какое золото? Ты на меня посмотри: где я, а где золото!

— Золотое на чёрном — это классическое сочетание.

— Вот сам эти классические сочетания и таскай! И дом этот ненавижу! Зачем мы сюда приехали? Лучше б в Дановский особняк... И его тоже ненавижу!

— Дана? — деловито уточнил блондин. — Или особняк?

— Всех! — выпалила ведунья.

— Очень хорошо, — синеглазик снял Арху с пуфика и как держал — за талию — так и перенёс на кушетку, на которой сам сидел. Сунул лекарке в руки платок, воды налил, но не подал, а предусмотрительно рядом поставил: то ли на случай, если ей пить захочется. То ли если понадобится что-нибудь швырнуть. — Итак, истерику беременной женщины мы выслушали. Теперь давай реальную причину с чего такие настроения? Всё же хорошо было.

— Хорошо? Боюсь тогда спросить, что такое плохо! — рыдать ведунья передумала, вместо этого разодрала платок на две части. — Через пять дней меня ко двору представлять будут! А там Адаша, и императрица. И я опозорюсь обязательно! И...

— И Дан опять пришёл поздно ночью, — кивнул не в меру догадливый Адин.

— И спальни эти дурацкие, отдельные!

— Малыш, ты ребёнка носишь, не забыла? И есть правила...

— Я беременная, а не при смерти! — не выдержала-таки, заорала. — А правила... Знаешь, куда пусть ваши правила катятся? В...

Ивтор, не забывая смотреть сочувственно и успокаивающе по ручке похлопывать, бесстрастно и даже с интересом выслушал всё, что лекарка смогла вспомнить из словарного запаса Ируш, приправив их знаниями, подчерпнутыми в солдатском лазарете. Подождал, пока Арха выговорится. Помолчал — не добавит ли ещё чего-нибудь. И только потом воду ей предложил.

Лекарка выпила одним махом, клацая зубами о край стакана.

— Легче? — поинтересовался Адин. Ведунья обречённо кивнула. — Примерку закончим? Можно уже портниху обратно звать? Честно, я бы тебя отпустил. Но нужно ещё в клинику сегодня ехать.

— Знаешь ты кто? — леди Нашкас всё-таки хлопнула носом, но так, для порядка и на сухую. — Ты самый натуральный садист.

— Я не садист, а друг, — наставительно поправил её красавец. — Хотя порой одно не исключает другого. Давай, вставай. Нас ждут великие дела.

В величии ожидающих её дел Арха сильно сомневалась. Но всё же встала. А куда деваться?

***

К дому, в котором Тхия с Ю поселились, леди Нашкас испытывала только одно, зато чистое и ничем не замутнённое чувство: самую чёрную зависть. Двухэтажный коттеджик, расчерченный перекрестьем внешних балок, окружённый чахлой растительностью, которую садом язык не поворачивался назвать, нравился ведунье до дрожи. Хотя, конечно, он ни в какое сравнение не шёл ни с особняком Дана, в котором лекарке гостить доводилось. Ни, тем более, с официальной резиденцией Харратов, где леди нынче проживала.

Не было тут ни розовых гардеробных, ни голубых купален, ни парков, ни зимних садов с оранжереями и гротами. И статуй имелось всего две — каменный мастиф и пони, стоящие

по сторонам ярко-красной двери не то, что подъездным пандусом — крылечком не обременённой.

Зато в этом домике прочно поселились слегка безалаберный уют и тепло. А ещё любовь, как бы высокопарно это не звучало. И чхать на то, что под ногами постоянно путались щенки, кошки, дети, игрушки, книги, а порой даже и предметы гардероба вперемежку с оружием. И пусть слуг тут было всего двое, да и то проходящих. И плевать, что половицы скрипели, а краска кое-где облупилась. Зато тут жить хотелось.

Правда, хозяйка всего этого богатства счастливой не выглядела. Скорее уж смущённой. Впрочем, её можно было понять. Открываешь ты так дверь, в одной руке грозно сжимая сыромятный ремень с немалой пряжкой, подмышкой другой держа ребёнка, а на пороге... гости. Неудобно как-то получается.

— А, это вы... — буркнула Ю, зачем-то пряча ремень за спину.

При этом про сына, висящего на материнском локте вниз головой, кажется, забыв. Правда, фирменно рыжего Рангаша такое положение ничуть не смущало. Наследник Саррешей был занят запихиванием кулака в рот и одновременным пусканием пузырей.

— Это мы, — согласилась Арха, отбирая наречённого пасынка во Тьме из нежных материнских объятий. Рангаш, немедленно воспользовался ситуацией и попытался засунуть в рот второй кулак. — А ты кого ждала?

— Догадайся, — язвительно предложила Ю, испорченная тесным общением с демонами.

— Ну, если встречаешь с ремнём, а не со сковородкой, то, наверное, Данаша, — послушно предположила ведунья, проходя внутрь и немедленно спотыкаясь о щенка, которому пришла блажь поприветствовать пришедших.

То есть, опробовать на молочный зуб подол лекарского платья.

— Гы! — сообщи младший Сарреш.

— Полностью с тобой согласна, — кивнула Арха, — безобразие.

Но вожака добычу у пса отбирать не стала. По собственному печальному опыту знала: панкийские волкодавы, конечно, не грахские волки, но уж что на зуб попало, то его. Тем более щён действительно был маленьким, и подолу грозила только отгрызенная оборка. А ни платьем, ни его отделкой леди Нашкас не дорожила. Поэтому собачий детёныш — к полному своему удовлетворению — поехал вслед за гостьей на пузе.

— И что в этот раз учудило твоё старшее чадо? — светски поинтересовалась лекарка, усаживаясь в кресло.

Правда, перед этим спихнув с сиденья кошку, сильно смахивающую на бегемота, и ножны от кинжала, к счастью, без клинка. Хотя, это был повод задуматься: где сам нож. Он вполне мог обнаружиться, например, в подушках спинки.

— Тоже, что и всегда, — откликнулась из кухни Ю, злобно громяхая железом. Архе только оставалось надеяться, что граха там чайник на плиту ставит, а не топор точит. — Как летом связались с кодлой каких-то оборванцев, так с ними и шляются! Приходят когда хотят, уходят, никого не предупредив. И я им не указ. А Ируш с ним везде таскается. Представляешь, позавчера явились и от обоих табачищем несёт!

— Ну, табак не самое плохое, что может случиться, — заметила ведунья.

Правда, сказала-то тихо — её только Рангаш и расслышал. Что-то лекарке подсказывало: не одобрит мистрис Сарреш такого педагогического подхода.

— Чего ты там бурчишь?

— Говорю, Тхию призови на помощь. Пусть продемонстрирует отцовскую волю.

— А где я того Тхию возьму? — злобно буркнула Ю, закончив греметь и появившись-таки в гостиной. Граха швырнула поднос на стол, наплевав на то, что расплескавшаяся заварка на печенье попала, и плюхнулась на диван. — Ты вот Дана часто видишь? Лично мне от мужа достаётся только храп перед рассветом и утренние вопли: «Где мои рубашки!».

— Это ты сама готовила? — подозрительно глядя на печиво, поинтересовалась Арха.

Взяла одно, повертела, со всех сторон осматривая, и предложила Рангашу — опять же, судя по наработанному опыту, желудок метисика с лёгкостью переваривал даже дегтярное масло для тележных колёс. Демонёнок подношение милостиво принял, вгрызшись в печенюшку клыком, одиноко торчащим из младенческой десны.

— С ума сошла? — мрачно спросила Ю. — Мои познания в домоводстве дальше приготовления чая не пошли. В пекарне купила. Лучше скажи, ты рожать вообще собираешься?

— Вообще собираюсь, — вздохнула Арха, тоже за печенье берясь. Пить чай, который, по словам Ю, она готовить научилась, ведунья не спешила. Уж слишком напиток походил на то самое дегтярное масло. — Только не спрашивай когда.

Этот вопрос немало народу заботил. А ответ на него не только леди Нашкас дать не могла, но и премудрая мистрис Шор не знала. Как-то так получилось, что информации о правильном развитии плода от метиса человека с шавером и хаш-эда даже в университетской библиотеке не нашлось. По всему выходило, что такой дикой смеси вообще в природе существовать не должно. Но он был и, судя по всему, совсем неплохо себя чувствовал.

Только вот подсказок, когда чудо кровосмешения на свет появиться должно, никаких. По подсчётам самой Архи, беременность за шестой месяц перевалила. Поправилась она всего на пару килограмм и живот едва-едва округлился. Люди детей вынашивали по девять месяцев, шаверки — двадцать четыре недели, хаш-эды — почти два года.

Дан предложил высчитать среднеарифметическое и на этом успокоиться.

— А я ещё жира нарастила, — вздохнула Ю. — Терпеть не могу!

Чего граха не способна терпеть, ведунья уточнять не стала. Произведя на свет потомство, мистрис Сарреш действительно несколько округлилась. Что при её габаритах было практически незаметно. Но сама гигантша пребывала в твёрдой уверенности, что разрослась до размеров осадной башни. И больше всего Ю донимала невозможность отвести душу, вдоволь железками помахать: некогда, негде, да и не с кем.

— А ты мучного поменьше трескай, — участливо посоветовала добрая подруга.

— И чем ты мне предлагаешь заняться? — не менее ядовито отозвалась граха, забрасывая в рот разом два печенья. — У меня старший сын козлёнок, его сердечная подруга коза, а муж козёл! Сама я бочка с салом и туберозы помёрзли.

— Какие туберозы? — опешила лекарка.

— Да, которые я у крыльца посадила, — обречённо махнула рукой Ю. — Правда, они бы всё равно не прижились. Потом-то мне сказали, что корни им обстригать не стоило. А я смотрю: торчат усы какие-то. Ну, подумала, что лишние.

Да уж, если граха решила садоводством заняться, то дело, наверное, совсем труба. Только и остаётся, что жизнь свою горькую сладким заедать.

***

У дома Саррешей имелась и ещё одна отличительная особенность — двери его были

открыты двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. О визитах сюда никто заранее не договаривался. Просто брали и приезжали, когда нужда такая случалась. Правда, в гости преимущественно наведывались бывшие сослуживцы по гвардейскому корпусу и северные лорды. Но в очередной раз звякнувшему колокольчику никто не удивлялся.

Не спрашивая, кого там ещё Тьма принесла, Ю просто открывала. И порой даже без ремня и ребёнка подмышкой. Например тогда, когда родное дитё у названной матери на коленях уснуло, а ремень куда-то запропастился.

Правда, к гостеприимству грахи требовалось ещё привыкнуть.

— Здрости, кого не ждали! — поприветствовала радушная хозяйка нового посетителя. — А ты чего?

— А я попрощаться вот... — по своему обыкновению едва не шёпотом сообщила Ллил.

Хотя с таким же успехом она могла бы и во всю глотку кричать или вовсе молчать. Окончание её фразы Арха всё равно бы не услышала. Потому что стоило двери открыться, как лай поднялся такой — мыслей не слышно. Щенок, преспокойно на обгрызенном подоле лекарки уснувший, яростно затыкал. Из кухни подала голос подобранная сердобольною Ю старая дворняга. А со двора забухал, будто железом громыхая, сторожевой пёс. А тут и младший Сарреш проснулся, громко высказав собственное мнение по поводу устроенного бардака, нарушившего дневной сон.

А вот ирхан-поводырь, спокойно стоявший у юбки слепой, даже ухом не дёрнул. Кошка-переросток, лысая, как новорождённая мышь, только шкурой на спине презрительно подёргивала, да красными глазищами сверкала. Правда, костяной гребень, за ушами начинающийся и тянущийся до самого кончика тощего хвоста, приподнялся, как у ящерицы. Вроде бы Дан говорил, будто это признак агрессии.

По глубокому убеждению Архи, ирхан целиком — от кончиков когтей, до кисточек на ушах — был признаком агрессии. Может, он и непревзойдённый поводырь и охранник, а всё равно кошмар ходячий. И куда Ирраш смотрел, когда подарок для любимой выбирал, ведунья искренне не понимала.

Шай утверждал, что неприязнь лекарки от примитивных инстинктов идёт. Мол, ирханы с шаверами общие корни имеют. Но говорить он такое рисковал, только убедившись предварительно, что Ирраш его не услышит. Тот ведь тоже мог рассказать что-нибудь о близких родственниках ифсоветов. А то и доказать. Причём используя самые убедительные доводы. С выбитыми клыками спорить сложновато: дикция нарушается, и твои аргументы для оппонента становятся непонятны.

— Я попрощаться зашла, — сообщила Ллил, когда чудовище в конюшне заперли, собак успокоили, Рангашу рот очередным печеньем заткнули, вынули из-под Архи нашедшейся кинжал, на живую нитку распоротую юбку заштопали и чай по новой разлили.

— Уезжаешь? — всё-таки спросила ведунья, хотя вопрос этот был чистой воды риторическим.

Об отъезде вот в этой же гостиной говорили немало. В том, что Ллил в столице не приживётся, понимали все, кроме Ирраша. Делать тут слепой было абсолютно нечего. Арха пробовала её к Шор пристроить, но из этого ничего не вышло: одно дело за больными в собственном доме ходить, и совсем другое в немаленькой клинике. В университет её не приняли, несмотря на все протекции. Всё же обучение там на зрячих рассчитано. В доме восстановленного на прежнем месте капитана городской стражи ей тоже занятий не нашлось, кроме как читать целыми днями. А без работы девушка попросту чахла.

Да ещё очень её донимал собственный статус. Старейшины ни в какую не соглашались признать Ллил иррашевской женой. Второй — бери, никто слова не скажет. Но сначала на первой женись, да роди от неё чистокровного наследника. И даже угроза на Шхара наследство скинуть старых ослов не убеждала. Ну а дальше угроз котяра и сам зайти не решался.

В общем, сложно всё.

— Уезжаю, — кивнула Ллил.

— Как это его не разорвало тебя домой отпустить? — проворчала Ю.

— А он и не отпустил, — светло улыбнулась блондинка. — Помните, Ир моих крестьян на свои земли переселил? Вот туда я и еду. Помогу обустроиваться. От его старейшин подальше, но всё равно под охраной. И вроде как своя деревня. Пока там поживу, а дальше посмотрим, что получится.

— Да обязательно хорошее получится! — оптимистично предсказала Арха, с расстройства даже чай глотнув.

Лучше б она этого не делала. Напиток не только своим видом, но и вкусом дёготь напоминал.

— Даже я и не знаю, завидовать тебе или как? — буркнула Ю. — Тоже сижу тут, будто... А, да что там! Ладно, хватит сопли лить! Слушай, Ар, а чего ты там называла лучшим лекарством от хандры?

— Я не могу! — испугалась ведунья, моментально вспомнив, чем её «лечение» обычно заканчивается. — Мне ещё в клинику надо. Никак отвертеться не получится.

— Что, опять общественные мероприятия? — криво усмехнулась граха.

— Они, — с тяжёлым вздохом согласилась лекарка.

И ей немедленно, просто до жжения в желудке захотелось «полечиться». А, может, даже и «налечиться». До зелёных бесов.

— Да ладно вам, девочки, — попыталась снизить накал хандры Ллил. — Не так уж всё плохо. Ну, подумаешь, маленькие неприятности и трудности. Зато...

— Вот про любовь не надо! — остановила её Ю. — Я уже так этим себя наутешала, что самой тошно.

— Да почему?!

— Да потому, что любовь есть, а мужа ни Тьмы нет! — рывкнула гигантша, грохнув кулаком по столу.

Рангаш распахнул сонные глазёнки, не слишком внятно, но укоризненно пробормотав: «Ма-а!» — узнал родительницу.

— У тебя, между прочим, ещё и свекрови нет, — напомнила Арха, баюкая растревоженного пасынка. — А у меня есть. И у нас официальное знакомство на выходных намечено. Так сказать, смотрины на высшем уровне. Нет желания поменяться?

— У тебя вроде и свёкор есть? — робко заметила Ллил.

— Да что мне свёкор? — отмахнулась лекарка. — Подумаешь, император. А вот мамочка вместе с якобы сестричкой двоюродной — это да.

— Как-то это всё кисло, — подытожила граха. — Издала веселее смотрелось.

— Слушай, Ю. А вот если дети козлята, подруги у них козы, а муж козёл, то ты получается кто?

— А я козлиный сторож.

— Почему сторож?

— Потому что пастух своё стадо выпасает. А я сижу и жду, сторожу, когда они явятся, — рыкнула великанша.

Во входную дверь деликатно постучали.

— Ну кто там ещё? — рявкнула хозяйка дома, не спеша с дивана вставать.

— Прошу прощения за беспокойство, — прогудели с улицы смущённо. — Я просто хотел напомнить леди Нашкас, что ей время в клинику ехать. Мы уже и так задерживаемся. Ещё раз прошу меня извинить.

— И давно твои тахары такими вежливыми стали?

В ответ Арха только скривилась, передавая ребёнку матери. Ведунья своих телохранителей предпочитала не замечать. Жаль, что они отказывались охраняемый объект игнорировать.

Ещё одна здоровая ложка к кислятине жизни, от которой деваться некуда.

***

Если кто-то в Хащране и радовался матримониальным планам лорда Харрата, то владелица клиники, специализирующаяся на женских проблемах, мистрис Шор.

Дело в том, что пасынок императора и родной сын императрицы — это вам не отпрыск мельника, а фигура для империи значимая. Тем более что, вернувшись с войны и умудрившись где-то по дороге героем стать, вышеозначенный хаш-эд снова настойчиво в политику полез. Да ещё умудрился стать лучшим другом наследника престола, который Харрата активно поддерживал во всех его начинаниях.

Понятно, что такая одиозная личность не может взять в жёны кого попало. Проблема в том, что как раз на ком попало он жениться и собрался. Да ещё на каком «попало»: с сильно подмоченной репутацией и серьёзными проблемами с инквизицией в прошлом. Конечно, то, что невесту ныне представляли исключительно, как леди Нашкас несколько помогало делу. И, может, при упоминании шаверки благородного рода не каждый вспомнит ведунью-полукровку. Но личный секретарь императора посчитал, что этого мало. Надо леди имидж создавать.

Вот этим последние два месяца Арха активно и занималась. А перед этим ещё два месяца за свой имидж воевала. Предложенные варианты её категорически не устраивали. Не захотела она быть ни законодательницей мод, ни богемной штучкой, ни активным борцом за права женщин и расовых меньшинств. В конце концов, сошлись на образе благодетельной и сострадательной девы, мечтающей самой стать лекарем. Когда-нибудь. В будущем.

А пока суть да дело, занимающейся делами милосердными. Ибо всем известно, что завираться не стоит. Лучше придерживаться той лжи, которая ближе всего к правде лежит. Какая Арха-метиска, даже фамилии не имевшей, полумойка бывшая? Нету такой. Зато есть бывшая студентка, вынужденная прервать своё обучение в силу непреодолимых обстоятельств.

Вот и курировала теперь леди Арахша ашэр Нашкас арш Каро бесплатное отделение клиники мистрис Шор, где, в своё время, скромно практики набиралась, и приют для младенцев Тьмы Милосердной, потому как брошенным детям сочувствовала.

Ну, как курировала? Периодически привозила какие-то вещи необходимые, неизвестно откуда бравшиеся, и чеки передавала, о происхождении которых Арха тоже только догадываться могла. И всё это под пристальным вниманием специально под такое дело согнанных и тщательно отобранных журналистов.

Они бы, конечно, и сами набежали. Но тех, кто самотёком на такие мероприятия

заявлялись, не милосердие интересовало, а вопрос: действительно ли император позволит своему пасынку на шаверке жениться, да почему он предыдущую помолвку расторг. Ну и с какой стати потенциальная невеста живёт в одном доме с гипотетическим женихом.

И это они ещё каким-то чудом до сих пор не разнюхали, что лорд Харрат леди Нашкас до сих пор официально опекуном приходится. А-то была бы новость месяца!

Зато клиника мистрис Шор за эти два проклятых месяца умудрилась стать образцово-показательной. Какие там заплесневелые стены, которые когда-то девчонки приютские щётками драили? Какие гнилые тюфяки на голом полу? Теперь всё просто сияло чистотой. Стены свежеевыкрашены, новые койки разделены ширмочками, пациентки — кстати, действительно настоящие, с улицы пришедшие — лежат чистенькие и счастливые.

Правда, к заднему входу, где из этих пациенток очередь ещё затемно выстраивалась, а городская стража отбирала из них только самых приличных, журналистов не пускали. Но, как известно, меньше знаешь, крепче спишь.

Сегодняшнее мероприятие ничем от других не отличалось. Чек Арха вручила, по клинике прошла. Персоналу, до сих пор таращившемуся на неё, как на ожившее воплощение Тьмы, поулыбалась. И на заранее заготовленные вопросы ответила. А чего не ответить, если их Адин написал и заставил зазубрить так, чтобы от зубов отлетало?

Ведунья, в окружении тахаров, уже к карете, украшенной гербом Нашкасов, направлялась, помахивая на прощание журналистам ручкой, надеясь, что всё наконец-то закончилось. И тут случилось-таки непредвиденное. Как женщина мимо охранников проскользнула — никто не понял. Конечно, шаверки не простые бесы, ловкости в них побольше. Но и телохранителей Дан приставил к невесте не с улицы взятых. А вот проморгали.

Демонесса выскочила так неожиданно, что Арха остановиться не успела — толкнула женщину. Но тут же её сама и придержала, схватив за руку и не давая упасть.

— Вы в порядке? — ведунья отпихнула плечом тахара, вознамерившегося возмутительницу спокойствия подальше отшвырнуть, и загородила шаверку собой. — Я вас не ушибла? Давайте вернёмся, пусть врач осмотрит и...

— Не надо меня осматривать, — усмехнулась женщина, оглаживая надутый, далеко вперёд выступающий живот. — Не помните меня?

— Честно говоря... — действительно, демонесса лекарке кого-то напоминала. А, может, они раньше встречались? Уж больно лицо у неё приметное, с такой картины писать — красавица настоящая и даже беременность её не портила. Но вот где Арха эту шаверку видела, ведунья не припоминала. Хотя не так много представительниц этой расы и знала. — Нет, извините, не вспомню. Вы пациентка мистрис Шор?

— Пациентка, — протянула демонесса. Всё-таки кривоватая усмешка ей не шла, уродовала гораздо больше, чем припухшие веки. — Только нынешняя, не бывшая. Ну, раз вы меня не узнали, то и спроса никакого. Простите, что помешала.

— Может, всё-таки я могу чем-нибудь помочь? — в конец растерялась ведунья.

Странная какая-то. Не в себе, наверное. Говорят же, будто женщины, ребёнка ждущие, дуреют. С другой стороны, кто и где видел нормальных шаверов — беременные они или нет?

— Всё может быть, — пожала плечами демонесса. — Я вам сообщу, если что понадобится. До свидания, леди Нашкас.

— До свидания... — проямлила Арха, заставляя себя руку опустить.

Уж слишком хотелось пальцем у виска покрутить.

— И кто это был? — хмуро поинтересовался капитан тахаров.

— Понятия не имею, — честно ответила лекарка.

— Ясно, — едва заметно кивнул каменной башкой демон. — Я доложу лорду Харрату.

Думаю, вашу охрану мы усилим.

Ведунья едва не застонала. Слава Тьме, сдержалась, вспомнив про журналистов. Только сквозь зубы зашипела. Усиление охраны могло означать лишь одно: теперь тахары с ней даже в нужник ходить будут. И, видимо, одеялко на сон грядущий подтыкать. Просто дальше усиливать вовсе уж некуда.

Кажется, жизнь вознамерилась из очень-очень кислой превратиться в горькую. Что не день, то новая радость! А всё так неплохо начиналось. Может, стоит намекнуть Дану: рубежи родины в опасности, война всё ещё идёт и без помощи хаш-эда со Светом никак не справиться? А самой в лазарет...

Глава вторая

Глава вторая

Замужних женщин надо награждать медалью «За победу», женатых мужчин — «За мужество», а холостых — «За оборону»

(Из наблюдений старого холостяка)

Отражение двух свечей рождало иллюзию коридора — длинного-длинного, уходящего в никуда. Смутно белел балдахин кровати, в зеркале кажущийся призраком. И сама Арха как приведение — светлая ночная рубашка, да жёлтые глаза, а всё остальное размыл полумрак и чуть дрожащее свечное пламя. Это завораживало.

Ведунья вздохнула, отложила щётку, с трудом отводя взгляд от собственного отражения. Глянула на часы, убедившись, что она в очередной раз перед зеркалом больше получаса проторчала, успев волосы до потрескивающих искорок расчесать. С ней в последнее время такое частенько случалось: сидела, уставившись в одну точку, прислушиваясь к тишине особняка. На самом-то деле ждала цокота копыт внизу, тархтения колёс по брусчатке подъездной дорожки, хлопка двери, шагов в коридоре.

Не дождалась. В который раз? На дворе глухая ночь, в кровать давно пора.

Арха открыла маленькую шкатулку — не шкатулку даже, а жестянку из-под печенья, украшенную исцарапанной полустёршейся картинкой диатезно-радостной бесочки. Рядом с тяжёлым серебряным ларцом с виньеткой жемчужин, в которой шпильки с гребнями хранились, коробка выглядела странно.

Но ещё страннее смотрелся кристалл, лежащий в гнезде из лоскута бархата — тускло поблёскивающая неровная стекляшка с округлыми, будто оплывшими гранями, как у осколка винной бутылки, выброшенного на речной берег.

Ведунья замерла, держа пальцы над кристаллом близко, но всё же не дотрагиваясь до него — ничего. Стекляшка — она стекляшка и есть. Ещё разок вздохнула, закрыв крышку, затушила свечи. Постель, взбитая до облачной пышности и предусмотрительно служанкой согретая, не радовала. Но спать надо. И не только для отдыха. Надежда на то, что Мать всё-таки отзовётся, до сих пор ещё не скончалась. Может быть, сегодня повезёт...

Влажно-стылый воздух пах прелой листвой и дровяным дымом. Над голыми ветками корявых, покрытых лишайником старых яблонь висело низкое небо с грязными тряпками облаков — неподвижное, будто замершее в движении. Короткий рваный порыв ветра дунул в лицо, запорошив глаза мелким мусором и тут же пропал. Где-то надсадно орала невидимая галка.

— Что, девонька, небось подумала, что на кладбище снова очутилась? — раздался за спиной голос. Совершенно незнакомый и одновременно до боли узнаваемый: не старый и не молодой, не высокий, и не низкий — шёпот всех женщин, девушек, старух и младенцев, живших давным-давно и ещё не родившихся вместе сплетённый. Вот только доброты в нём и на медяк бы не набралось, лишь злая язвительность. — Гложет тебя, видать, совесть-то, сосёт. А я уж было подумала, от неё и вовсе ничего не осталась. Ошибалась. Ну что ж, и этому порадоваться, пожалуй, стоит.

Арха не стала оборачиваться. Просто опустила на колени, ткнувшись лбом в сложенные на земле ладони. Пальцы в прелую, склизкую и холодную листву почти

полностью ушли.

— Вот и правильно, — похвалила богиня, обходя ведунью, перед ней становясь. Арха её не видела, только слышала, как подол шуршит. Неприятный звук, ползущую змею заставляющий вспомнить. — Так и нужно приветствовать. А то ишь ты, взяли волю со мной как с соседкой лясы точить.

— Чем я прогневала тебя, Мать? — едва слышно пролепетала лекарка.

И ведь ни на йоту не претворялась. Страх такой накатил, что пальцы на ногах поджались, а в позвоночник будто ледяной кол всадили.

— Прогневала? Ты? Меня? — сухой короткий смешок точно старухе принадлежал — седой скрюченной ведьме. — Да что ты, девонька! Мне ль на очередное предательство гневаться? Привыкла уж за столько-то эпох! Меня дети родные живьём похоронили, так что ждать от приبلуды шаверской? Бабку свою ни за что продала, чего уж про прародительницу говорить?

— Я не предавала... — только и смогла выдавить.

Язык одеревенел, не желал ворочаться. И во рту мерзко стало, будто бедную монету сосала.

— Ах ты паршивка! Думаешь, если на коленях ко мне приползёшь, то я в любое вранье поверю? — пальцы — жёсткие, будто вовсе неживые — впились в подбородок, заставляя задрать голову, смотреть в лицо, закрытое плотным чёрным покрывалом. — Или рассчитываешь: чуйка у меня совсем пропала? Не настолько я ослабела, чтобы пирожка в твоей печке не углядеть! Чей подарочек? Уж точно не мой! А ну отвечай, чего тебе Тьма посулила за то, чтоб твой рогатый тебя обрюхатил?

Ладонь, Арху удерживающая, сжалась так, что щёки по зубам размазались. Тут не до внятных ответов — не взвыть бы. Да и что отвечать на такое?

— Ишь ты! Матерью Свершителя захотелось стать! Да только знаешь, что я тебе скажу? — головное покрывало, обрисовывающее только нос, оказалось близко-близко. Чужое горячее дыхание, яблоками пахнущее, коснулось лица. — Пророчество штука такая, его вывернуть, что носок. Вы кусков натаскали, сложили, как мозаику и радуетесь: получилось! Но неизвестно ещё, в чью сторону тот Свершитель чашу-то наклонит — ко Тьме или к Свету. А, может, ещё и Равновесию выигрыш достанется. Учитывали бы это, мухлёвщицы! И уж поверь, все силы, что мне детки любимые оставили, приложу, а вам с того прибытку не видать!

— Я не понимаю... — смогла-таки промычать Арха.

Наверное, молчать бы стоило. Тем более что так, как Мать сейчас, её и Тьма не пугала. Даже, пожалуй, в храме шаверов ведунья себя посмелее чувствовала. По крайней мере, тогда желание белье обмочить настолько острым не было.

— Не понимает она! — фыркнула Богиня и отбросила лекарку с такой силой, что она на бок завалилась. — Тварь лживая! Или скажешь, что не брюхата?

— Я не...

— Молчи! Я слова пока не давала! Или закон забыла? Тот, кто жизни другим дарит, сам продолжения не имеет! Равновесие всегда и во всём! Так чей подарочек у тебя в пузе? Может, к Свету на поклон пошла? Впрочем, это мне без разницы. Убирайся к своей госпоже, а меня призывать больше не смей. Помощи тоже не жди! И вот тебе мой подарок напоследок: тот, кто Свершителю вашему дороже жизни станет, к твоей хозяйке и отправиться! Вот тогда и ты, и щенки твои слезами умоетесь.

— Да за что?..

— За что? Ты ещё спрашивать смеешь? — Мать повернулась к лекарке так резко, что подол чёрного платья вздулся колоколом. А под ним ничего — пустота. Только листья взметнулись, словно от порыва ветра. — Равновесие, дитяtko! Оно всегда соблюдаться должно. Ты меня по сердцу как ножом резанула. Ну, так пусть и у тебя болит. Мучайся теперь. А как думала? Мол, ласковый телятя от двух маток сразу сосать может? Так ведь я не дойная корова. Прочь пошла!

Мокрый ветер хлестнул по лицу пощёчиной, выжимая слёзы из глаз. Пахнуло горьким, мёртвым. Листья закружились, зашелестели, зашептали угрожающе, вырастая ураганом. Ведунья падала, проваливалась в пустоту, у которой границ не было.

А галка продолжала орать — надсадно, монотонно, будто секунды отсчитывая.

***

Неожиданно по-весеннему радостное солнце купалось в графине с водой, отчего по накрахмаленной до картонной жёсткости скатерти плясали радужные блики. Вот только Арху они не радовали совершенно. Воспалённые от недосыпа глаза слезились, слишком яркий свет колот иголочками. Но отвести взгляд и в голову не приходило. Лекарка будто замороженная таращилась на блестящий графин.

— Нож, — негромко напомнил Дан.

— Что?

— Говорю, что не стоит размазывать масло пальцем. Для этого нож есть.

Хаш-эд сидел, откинувшись на спинку стула, кофеёк прихлёбывал. Сложенная салфетка рядом с полупустой тарелкой лежала — завтракать лорд Харрат уже закончил, а теперь пристально так за невестой наблюдал. Интересно, давно ли?

Арха опустила голову, послушно нож взяла. И заметила своё отражение в серебряном квадратном кофейнике — размытое, нечёткое, но всё равно различимое. Светлое платье под горлышко, прилизанная строгая причёска, спина прямая, будто палку проглотила. Впрочем, в жёстком, как доспех корсете особо и не ссутулишься.

Желание швырнуть этот проклятый нож, и лучше всего в сверкающий графин, вспыхнуло костром. Пришлось, сцепив зубы, положить его на стол — аккуратно, чтоб не приведи Тьма, не звякнул.

— У тебя что-то случилось? — поинтересовался Дан.

Лекарка глянула на хаш-эда и поспешно глаза опустила. В этот момент она демона почти ненавидела. За его вечную бесстрастность, за безупречность. За бархатный костюм, кружевные манжеты и бриллиант на пальце ненавидела тоже.

В смысле, почти ненавидела.

— Нет, у меня всё в порядке. Просто немного голова болит.

Ответила как надо, как учили. Вот только голосок подвёл, дрогнул истеричной ноткой. Его лордство это, конечно, заметил. Небрежным жестом велел слугам, наизготовку, как статуи стоящим, удалиться. Подождал, пока двери за ними закроются.

— Так в чём дело, котёнок?

Ну да, отвертись от него! Если уж упёрся, так клещами вытянет.

— Ты сегодня опять поздно будешь? — спросила Арха, деликатно воды из бокала пригубив.

Идеально чистого бокала, словно его специально перед завтраком полировали. Только два пятнышка — следы от её собственных пальцев. Которые тут же захотелось стереть

салфеткой. Желание было почти таким же горячим, как и ножами швыряться.

— Скорее всего, — бесстрастно ответил лорд Харрат. — А почему ты спрашиваешь? Разве на сегодняшний вечер мы что-то планировали?

— Мы планировали... — смешок вышел почти истеричным. — Нет, мы ничего не планировали. Наверно мне просто надоело сидеть по ночам у окна, тебя выглядывать.

— А зачем ты сидишь? Много раз тебе говорил: ложись спать. Меня дожидаться нет ни смысла, ни необходимости. Ты прекрасно знаешь, где, с кем и зачем я провожу вечера.

— Я не знаю, — спокойно положить салфетку всё же не получилось — швырнула, угодив в тарелку с ненавистной кашей, выглядящей как сопли тролля. — Ты сказал, что вы с Адашем заседаете, заговоры плетёте. Проверить, так ли это, возможности у меня нет.

— В очередной раз спрашиваю: в чём дело? — температура тона хаш-эда разом упала на пару десятков градусов. — Котёнок, из-за меня сегодня отложили заседание имперского секретариата. Только ради того, чтобы я мог с тобой спокойно позавтракать. Но ты недовольна.

— Странно, правда? И чего это мне недовольной быть? — прошипела лекарка. — Наверное, стоит благодарственную молитву Тьме вознести за то, что из-за меня отложили проклятое заседание драного секретариата! Тебе в ножки не поклониться? Или сразу башмаки облобызать?

— По всей видимости, ты себя просто неважно чувствуешь, — Дан поставил чашку. Встал, даже стулом не скрипнув. — Думаю, что сегодняшний день тебе следует провести в постели. В твоём положении...

— Да провались оно, это положение! — Арха тоже вскочила — ножки её кресла проскрежетали по полу, наверняка оставляя на зеркальном паркете уродливые царапины. — Лучше бы этого всего вообще не было!

— Арха! — теперь голос демона звучал предупреждающе. — Не наговори того, о чём жалеть станешь.

— Я стану жалеть? — а вот не расхохотаться истерично всё-таки получилось. Правда, пришлось щеку до крови прикусить. — Если б ты только знал, как я жалею! Обо всём! А больше всего о том, что мы вообще сюда вернулись! Зачем мне это, а?

Лекарка развела руками, будто приглашая полюбоваться ткаными шпалерами огромной, как бальная зала, столовой, в которой были только они. Да ещё солнце, равнодушно заливающее светящимися лужами медовый паркет.

— Я всё понимаю, тебе сложно и непривычно. Новое всегда пугает. Кроме того, твоё положение только усугубляет ситуацию. Но нужно просто потерпеть.

— Терпеть? И сколько ты мне терпеть прикажешь?

— Наверное, столько же, сколько и мне, — глаза демона сощурились в две полыхнувшие алым бойницы. — Чего тебе не хватает?

— Мне тебя не хватает!

— Тьма возьми, Арха! Поэтому я сейчас и здесь!

— Отложив заседание своего драгоценного совета? Или канцелярии?

Когда он этого хотел, двигался демон очень быстро. Только что по другую сторону стола стоял, а теперь рядом совсем, нависает, как скала, глазищами сверкает.

— Моему терпению тоже есть предел, — прошипел сквозь зубы. — Даже хаш-эдская выдержка не безгранична. Не стоит её испытывать на прочность.

— Я её испытываю?!

Вот интересно, почему так получается: если Харрат начинал почти шептать, Арха голос повышала? Наверное, со стороны это странно слышалось — орёт себе в одиночестве.

— А ты поставь себя на моё место. Работаю столько, сколько ни одному крестьянину не снилось. Сплю по четыре часа в сутки. И домой прихожу лишь затем, чтобы очередной скандал получить.

— Так не работай!

— И что ты мне предлагаешь делать? — зрачки у демона превратились в две щёлки — узкие, как волоски. Лекарка глянула — кулаки сжаты до побелевших костяшек. — Помниться, я тебе обещал сделать мир, в котором ты со своими..., - Дан споткнулся, словно хотел одно выпалить, да в последний момент решил всё-таки другое сказать, — ... принципами могла жить спокойно. Я этим и занимаюсь. Миры из постели женщины не меняют. Для этого надо на самый верх влезть. И, поверь, дело это не простое.

— Ну и меняй! Я-то тут при чём?!

Арха и сама кулаки сжала так, что ногти в ладонь впились.

— При том, что ты моя! — совсем уж на едва слышимый шёпот перешёл демон. — И ты должна быть со мной. Хотя, возможно, и в твоих словах правда есть, — лорд Харрат отошёл — обычно, как все нормальные существа ходят. Отвернулся к окну. — Подумай, нужно ли тебе это всё. Пока время есть, подумай. У высшей аристократии разводы не приветствуются. А теперь прошу простить, меня уже ждут в имперском секретариате. К счастью, в канцелярии сегодня ничего не запланировано. Удачного дня, леди Нашкас.

Дан коротко поклонился и вышел, бесшумно за собой дверь прикрыв.

Арха ничего не сказала. Стояла, грызя щеку — только бы не разреветься при нём. У высшей аристократии публичное проявление чувств, а тем более слабости, приветствовались ещё меньше, чем разводы. Это многочисленные наставники, лордом Харратом нанятые, уже успели вдолбить.

***

Темно-серый суконный сюртук того нелепого покроя, который неведомо по какой причине предпочитали секретари и успешные клерки носить, Тхия не шёл совершенно. Да и не смахивал метр Сарреш ни на секретаря, ни на клерка. Сколько не кланяйся, сколько предупредительно двери кареты не открывай перед «хозяином», а на лбу всё равно большими рунами написано: «Лорд!». И ни какой-нибудь избалованный-столичный, а грозный да гордый — северный.

Но кому до этого дело есть, если хотя бы видимость приличий соблюдена? Никто на личного секретаря лорда Харрата и не посмотрит лишний раз. А уж узнавать в нём опального лорда Сарреша и бывшего ректора лучшего университета империи и вовсе невежливо.

Дана такое положение дел бесило.

Впрочем, в данный момент его всё бесило.

— С тобой Ирраш хотел переговорить. Срочно, — занавесившись рыжими волосами и усиленно делая вид, что записи в папке перебирает, пробормотал Тхия.

— Что там ещё? — недовольно отозвался хаш-эд, косясь на арифедда. — Хотя о чём это я? Спорим, что ничего хорошего?

— Даже и не собираюсь спорить, — хмыкнул «секретарь». — У меня жалование маленькое.

Кабинет лорда Харрата по обывательским меркам роскошью не отличался: размером

примерно с кровать самого Дана, одно узенькое окно, стол да кресло, посетителям предназначенное. Но тем, кто в иерархических тонкостях разбирался, это помещение о многом сказать могло. Потому что к нему примыкала пусть крошечная, но собственная приёмная да комната отдыха, на чулан смахивающая. А ещё кабинет этот располагался аж на пятом этаже и был защищён не хуже, чем казна короны. Может, даже и лучше. Потому что казну от прослушивания никто не экранировал.

Ирраш, манерами по своему обыкновению пренебрёгший, а попросту наплевавший на них, дожидался хозяина апартаментов в его собственном кресле. Да ещё и не постеснялся ноги в ботфортах, до колен грязью забрызганных, на стол положить. Правда, на самый край. Что не мешало ему концом нагайки присохшую глину раздражённо отколупывать, роняя ошмётки на бумаги.

Шай, беззаботно ногами болтающий, на подоконнике пристроился. Блондин был весел и откровенно пьян. Под наполовину расстёгнутым камзолом белела рубаша со следами помады на воротничке. Точнее, двух помад разных оттенков. Но это красавца, кажется, несколько не смущало.

И только Адин, занявший кресло для посетителей, выглядел безукоризненно аккуратно. И спокойно.

— Доброе утро! — радостно поприветствовал вошедших Шай. — А вам тут уже места нет! Дан, посмотри на себя: ты же убого живёшь! Не мог выпросить у Адаша что-нибудь приличней этой конуры? Да у леди Нейхрес сортир больше будет.

— Он ещё или уже? — поинтересовался у Адина хаш-эд, плечом к шкафу с бумагами прислоняясь.

Не сделай он этого, Тхия даже войти бы не сумел. Места в кабинете действительно не осталось.

— Вроде бы, ещё, — невозмутимо ответил ивтор. — Помнится, вчера вечером он леди Нейхрес отправился с днём рождения поздравлять.

— И поздравил, прошу заметить, — поиграл бровями блондин. — И её и её сестру. Хотя у малышки именины только через месяц будут. Но я, так сказать, авансом. Потом ещё раз поздравлю. Что мне, жалко, что ли?

— И? — спросил Дан, косясь на перемазанный воротник ивтора.

Кстати, камзол у красавчика не просто расстёгнут был — на одежде пуговиц, с мясом выданных, не хватало. Видимо, поздравление действительно вышло бурным.

— И ни-че-го! — развёл руками Шай, едва с подоконника не свалившись. — Фрейлин к императрице по-прежнему не пускают. Говорят, больна твоя матушка, Дан. По такому случаю в покои вхожи только личные горничные и её наперсница. Но даже не пытайся меня уговаривать! Ты эту каргу видел? У неё, конечно, тоже день рождение скоро. Но, кажется, трёхсотое. Я, понятно, душой за наше дело болею, но телом страдать не готов. И...

— Заткнись, — бросил хаш-эд. Блондин не только послушно рот закрыл, но ещё и ладонью его зажал. — Просто какое-то мировое поветрие во дворце, все болеют: дядя, императрица, Адаша.

— Ну, тогда моя новость тебя должна порадовать, — хмыкнул Ирраш. — Сестрица твоя, в полном здравии, в данный момент направляется в северные провинции. Без кареты и багажа, в сопровождении только двоих охранников. Сам с ней на постоялом дворе едва не нос к носу столкнулся.

— Я смотрю, нынче пути через Тьму актуальность потеряли, — заметил Адин.

Мог бы и не делать глубокомысленную мину. Без неё понятно: коли хочешь сохранить своё путешествие в полной тайне, то двигайся своим ходом. И то ведь гарантий нет, что не доведётся с кем-нибудь нос к носу столкнуться.

— Она тебя видела? — поинтересовался Дан.

Шавер только молча глянул исподлобья. Правда, взгляд у него вышел весьма красноречивый.

— Тхия, передай своим, чтоб тихо сидели, — распорядился хаш-эд. — Пока не выясним, что этой стерве на севере понадобилось, ничего не предпринимаем.

— Так лорды марок уже выступили...

— Значит, останови! — рыкнул Харрат. — Пусть хоть в землю закапываются! Тьма, как же всё не вовремя-то. Адашу сообщили?

— Нет пока. Он...

— Неважно. Значит, вечером обсудим.

— Дан, увёз бы ты куда-нибудь Арху, — подал голос Адин. — Ю с детьми спрятать легче, их и в столице никто не достанет. Ллил у Ирраша ничего не грозит, а...

— Я твою мысль понял, можешь не развивать. Только если я сейчас заикнусь об отъезде... — Харрат запустил пятерню в шевелюру, но договаривать не стал.

— Опять поругались? — скроив плаксивую мину, сочувственно протянул Шай. — Ладно-ладно, нечего на меня так смотреть. Уже и просто спросить нельзя? Я ж так, поинтересоваться.

— Ирраш, бери эту пьяную рожу и делай что угодно, но через час она мне нужна трезвая и вменяемая.

— Только рожка? — удивился блондин. — Всё остальное не требуется? А, между прочим, кое-кто считает, что у меня и задница ничего. Вы просто не ценители!

— Вменяемости не обещаю, — буркнул шавер, из-за стола выбираясь, — её там сроду не было. Но протрезвить — протрезвлю.

— Дан, вот ты как хочешь, а намечается грандиозная заваруха, — Тхия посторонился, пропуская Ирраша, волочащего за шиворот не слишком успешно отбивающегося Шая. — Как бы нам не опоздать.

— Не каркай, каркун, — лорд Харрат уселся в освободившееся кресло. — И это мы вечером у Адаша обсудим. А сейчас давайте немножко поработаем на благо императора, а не против него. Ну так, для разнообразия. Что там с советом? Ты документы подготовил?

Рыжий, подавая Дану папку, на Адина вопросительно покосился. Тот в ответ лишь головой покачал, мол, не дави. Арифед едва заметно скривился — ему фатализм ивтора не нравился категорически и позиции: «Пусть идёт, как идёт, а там посмотрим, куда вырুলит» — он не принимал. Но совету последовал. Нравится или не нравится, а на хаш-эда сейчас и впрямь давить не стоило. И без того как пружина свёрнутая: только тронь и начнёт головы сносить. Лучше уж не провоцировать.

***

Храм Изначальной Тьмы подавлял. Наверное, именно эту цель архитекторы и преследовали, его проектируя. Но Архе он всё равно не нравился. Огромная коробка, казалось, готова была на каждого вошедшего потолок уронить. Вроде бы и высоко он. Полированный базальт отражает такой же чернильный гладкий пол и гигантские колонны, смахивающие на пальмы. А мерещится, что каменные плиты над макушкой висят.

Да и темно, не смотря на то, что храм насквозь крест-накрест коридорами-тоннелями

прорезан. А масляные светильники на длинных — в рост лекарки — ножках не разгоняют полумрак, делают его только гуще, плотнее. И традиционный образ богини — неровная дыра, пробитая всё в той же базальтовой плите и задрапированная чёрным, вечно колышущимся муаром, просто жуть нагонял.

Ну а меньше всего ведунье нравились местные служители. Все как на подбор пузатые, плешивые, с сальными глазками. Салились они не на симпатичных прихожанок, а только при виде развязанных кошельков.

— Чем я могу помочь леди? — подлетел лысый колобок, не успела Арха из кареты выйти. — Желаете жертву Великой Тьме принести? Ежели о делах любовных молить станете, то советую сердце ягнёнка. Для богатство хорошо печень идёт, а против врагов мозги.

— Просто мясная лавка, — буркнула лекарка, машинально опираясь на руку, капитаном тахарской стражи поданную.

— Ну что вы, гораздо лучше! — упомянутым ягнёнком заблеял служка — смеялся, наверное, так. — Всё чисто, никакой вам крови и неудобств. Органы для жертвоприношения специально подготовлены: омыты и ароматическими маслами растёрты. Госпоже останется только рядом постоять и пожелания свои высказать. Но если есть нужда, то можем и живого барашка заколоть. Правда, это будет стоить чуть дороже.

— Не стоит, — скривилась ведунья.

Нет, против баранины она ничего не имела. Но исключительно в виде котлет. А вот любоваться, как ягнёнка на алтаре разделявают, не желала. Хотя, наверное, и такой вариант стоило бы рассмотреть.

— Так что леди будет угодно? — не отставал плешивый.

— Ничего, — отрезала Арха. — Леди переводчики не нужны.

И пошла вперёд, зная, что охрана и без её усилий от пристава отделается.

Днём народу в храме немного было. Никакого строгого канона поклонения Тьме не существовало. Но так традиционно сложилось, что к её милости зывали после захода солнца. Немногочисленные молящиеся терялись между ровными рядами колон, почти невидимые и неслышимые. Акустика храма гасила и голоса и звуки шагов, превращая их в невнятный и очень тихий шёпот, который, казалось, со всех сторон доносится.

Жутковато, честно говоря.

— Ты только посмотри на себя! — женщина, с ног до головы закутанная в чёрное, с закрытым покрывалом лицом, просто возникла рядом из ниоткуда — не было её и вот она уже есть. — Ну, просто вправду — леди урождённая. И ни кареты её не смущают, ни охрана — смотреть приятно. Да что ты шарахаешься? — бледная рука, вынырнувшая из-под покрывала, сграбастала Арху под локоть совсем с неженской силой. — И на колени бухаться не надо. Я тут инкогнито. Сама же сказала: тебе переводчики не нужны. Вот и давай поболтаем по дружески. Ну что ты тарацишься? Это действительно я. Личико показать?

Богиня отбуксировала онемевшую Арху под тень колонны — та только и смогла, что махнуть охране, приказывая на месте оставаться.

— Глянь, какие жесты освоила! — фыркнула Тьма. — И где там наша заморённая шаверочка? Но в одном ты, безусловно, права: служители никуда не годятся. Пора, пора устроить явление во плоти. А то распоясались! Видела бы, какие тут раньше мальчишки прислуживали! Что там гвардейцы! Цыплята они перед старыми жрецами. А эти только мясо палить могут. Знаешь, как горелое мясо воняет? Ужас! Ну, чего? Язык к горлу прилип?

Лекарка только кивнула согласно. А что тут скажешь, если действительно прилип? Одно дело с богами во снах и видениях общаться. Даже если потом и понимаешь, что это въяве было, всё равно ощущение неправды остаётся. И совсем другое, когда Тьма в реальности за руку таскает. Мысли о галлюцинациях и не слишком умных розыгрышах в голову сами лезут.

— Ладно, обойдёмся без диалога, — фыркнула богиня — покрывало колыхнулось, как от живого дыхания. — Про предсказания, судьбы мира и нерождённых героев ничего не скажу. С этой старой стервой нечасто соглашаюсь, но тут вынуждена: смухлевала немножко, больше уже нельзя. И особо губы-то не раскатывай. На спасителей мира ни ты, ни отпрыски твои по-прежнему не тянете. Помнишь, что говорила про маленькие камешки, лавину сдвигающие? Назвать-то можно и пафосно, например, Свершитель или Свершительница — фу, бред какой! — но суть от этого не меняется. Камешек всё равно остаётся ма-аленьким.

Тьма снова выпростала руку, свела указательный и большой пальцы, демонстрируя размер. Получилось чуть поменьше пшеничного зёрнышка.

— Уяснила? — Арха покорно кивнула. — Очень хорошо! Значит, едем дальше. Тебя я не обманывала, тут обвинения не принимаются. Скажешь, не хотела ты ребёнка от своего рогатого? Хотела, даже и не спорь. Ну и получила. А свободу выбора я ни у кого никогда не отбирала и впредь этого делать не собираюсь. Подарок сделан, принимать же его или отказываться — решать тебе.

— Как... отказываться? — проямлила лекарка.

— Мне ведунье объяснять, как от детей отказываться, тем более ещё не рождённых? — хмыкнула богиня. — А, прости, ты же больше не ведунья! Но сути дела это не меняет. Одна небольшая операция, а то и настоечка — и нет ничего. Можешь возвращаться к старой гримзе. Поноешь, поплачешь — она назад и примет. Клянусь: я не обижусь, карать не стану. Мне-то что? Вас, камешков, много. Не ты, так другая найдётся. Просто компания ваша нравится. Да и отношения у нас... особые. В общем, руки не заламывай и меня в подлости не обвиняй. А думай, что тебе надо. Только побыстрее мозгами шевели. Скоро поздно станет. Нет, от подарочка ты избавишься, конечно, в любом случае. Но как бы и самой в Бездну раньше времени не отправится.

Тьма потрепала ледяной ладонью Арху по щеке и отвернулась, явно уходить собравшись. Но притормозила.

— Да, чуть не забыла! Ты Данаша-то своего не спрашивала никогда. И правильно, что не интересовалась. Видать чувствовала, как он ответить может. Ну, так я тебе скажу, чего зря мучиться? Нет, дорогая, никаких детей он не хотел и сейчас не хочет. Наш рогатенький вообще отцом становиться не собирался. Ему эта роль глубоко несимпатична. И про то, что жрицы Жизни бесплодны, знал прекрасно. Я бы на твоём месте задумалась, с чего вы эту тему не обсуждали никогда. Но, к счастью, я не ты.

— А это зачем было? — прошлёпала одеревеневшими губами лекарка.

— Как зачем? Во-первых, Тьма никогда не лжёт — это закон. И, во-вторых, сколько раз тебе повторять: меня забавляют ваши метания и страдания. А развлечений мало и каждое из них драгоценно. Ну всё, сообщишь, как надумаешь. Впрочем, не надо сообщать, сама узнаю.

Тьма по-девчоночьи лукаво хихикнула и растворилась в тени колонн. Была и нету.

Глава третья

Уникальные свойства хрена: если его на что-нибудь положить, то сразу становится легче

(Пометки на полях справочника лекарственных растений)

Сначала Арха шаевы сапоги увидела и только потом демона разглядела. Потому что красавчик, никого не стесняясь, а на храм, рядом с которым карета стояла, вообще плюя, удобненько развалился на сиденье, сунув руки за голову. И поскольку ножищи блондина внутри уже не помещались, ифовец их просто в окошко приоткрытой дверцы экипажа выставил.

— Привет, подруга! — Шай махнул рукой, с зажатым между пальцев листиком клёна. — У меня проблема, не поможешь? Нужна рифма к «кровоавые очи».

По всей видимости, текущая «настоящая» любовь блондина уродилась хаш-эдкой. Правда, любовные томления демона лекарку в данный момент меньше всего интересовали. Арха резко распахнула дверцу, сбрасывая нежно-голубые бархатные ботфорты с окна, и плюхнулась на диван, слепо уставившись в стену напротив.

— Эй, с тобой всё в порядке?

— Кто такой Свершитель? — спросила ведунья, собственного голоса не узнавая.

Так, обычно чревовещатели говорят, а не живые существа.

— Ну, вероятно, тот, кто свершает, — осторожно предположил Шай, садясь. — А что?

Арха только головой мотнула.

— Хорошо, коли ничего, — не стал спорить ифовец. — Едем-то куда? — ответа он так и не дождался. — Давай, брат, к особняку Харратов правь, — велел блондин капитану тахарской стражи, закрывая дверь, — там посмотрим. Теперь давай, выкладывай старине Шаю, что твою душеньку гнетёт. А потом я расскажу, на чём сердце успокоится.

Арха хотела было улыбнуться, честно хотела, даже губы скривила. Но вместо этого разрыдалась, да ещё как: с истеричными всхлипами, невнятным попискиванием, икотой и подвываниями. Успевая между делом вываливать на ифовеца свои беды. Ну как вываливать? Сама бы ведунья из такого гундосого лепета вряд ли что-то поняла. Но у Шая опыт богатый имелся, потому и смотрел сочувственно, вопросы уточняющие к месту вставлял. А платок подал только когда водопад иссякать начал. Так от тоненького батиста хоть какая-то польза вышла и всё равно насквозь промок.

— Ну, то, что Тьма стерва первостатейная, я в курсе, — сказал, когда Арха почти совсем успокоилась, только икала тихонечко. — Это тему мы с тобой как-нибудь потом обсудим. А теперь говори, что на тебя больше всего давит.

— А что, мало? — возмущилась лекарка, вытирая нос, и призналась горестно, — да всё!

— Так не бывает, — блондин откинулся на стёганную спинку сиденья, руки за голову закинул. — Да, собственно, тут и гадать нечего. А то я вас, женщин, не знаю? От ребёнка избавляться будешь?

— Тебе в глаз дать? — мрачно поинтересовалась лекарка. — Или сразу кастрировать?

— Вот и я говорю: не станешь, — довольно кивнул блондин. — Едем дальше. Собственно, никуда ехать не надо, уже приехали. Потому что всё остальное мелочи,

внимания не стоящие.

— Мелочи? Ну, знаешь!.. Я тебе больше никогда...

— Ку-уда собралась? — демон перехватил Арху, силой усадив обратно на сиденье. — Я, конечно, всё понимаю, но это не повод на ходу из кареты вылетать. Да осторожней ты! У меня ещё свидание вечером! Как я с фингалом перед дамой покажусь? — блондин, не слишком церемонясь, скрутил брыкающуюся ведунью, перехватив её руки за спиной, и усадил к себе на колени. — Сиди смиренно! Давай всё разберём спокойно.

— Не буду я ничего с тобой разбирать, — прогундосила лекарка.

— Ну, не разбирай, я сам разберу, — разрешил ифовец. — Итак, что мы имеем? Дан размножаться не хочет? А с чего ему хотеть? Он детей только на картинке видел и то давно. Вот ты, например, цунами хочешь?

— Ну и сравнения у тебя, — буркнула Арха, безуспешно вырваться пытаясь.

— А по-моему, очень точные и ёмкие, — не согласился Шай, кажется, не прикладывая ни малейших усилий, чтобы ведунью удержать. — У меня два сильно младших брата и сестра — знаю, о чём говорю. Но так, на минуточку, он хоть раз тебе о своём нежелании сказал? Ну, может, намекнул?

— Нет, — в сторону косясь, призналась ведунья.

— Не-ет, — протянул блондин. — Вот именно, что нет. Значит, факт он принял и смирился. Вот если он от готовых детей бегать начнёт, тогда и станешь переживать.

— Тогда уже поздно переживать будет.

— Переживать никогда не поздно, — отмахнулся красавчик. — Ну, то, что вы ругаетесь, медяка не стоит, все ругаются. Я даже чего-то умное по этому поводу слышал... О! Притирка или затирка, что ли? Короче, как-то так. В общем, раздел территории и сфер влияния. Он нервничает, ты истеришь — всё нормально. Идёт здоровая семейная жизнь.

— Тоже по собственному опыту судишь?

— А как же? Теоретическому. Знаешь, сколько я про мужей наслушался? На два, а то и три брака хватит, точно тебе говорю. И что там у нас осталось? Ты отныне не ведунья? Ну и отлично! Теперь тебя с полным на то основанием можно ведьмой называть!

— Издеваешься, — мрачно констатировала Арха, снова вырваться попробовав.

К её собственному удивлению, лекарке это удалось. Шай даже галантно под локоток подержал, помогая на своё место усесться.

— Я серьёзен, как удар по печени, — действительно неожиданно серьёзно отозвался демон. Красавчик даже посмурнел, вечная улыбочка слиняла, брови нахмурились. Руки из-за головы вынул, на груди сложил. Такого Шая Арха, пожалуй, и не видела прежде. Разозлённого лицезреть доводилось, а вот эдаким суровым никогда. — Знаешь, я вообще к дарам богов отношусь так себе... Минуй нас пуще всех печалей и так далее. Ну, вот лишилась ты этих своих сил, дальше что?

— Ты не понимаешь? Я же теперь вообще ничего не могу!

— То есть, Арха — это только зелёнькое сияние и фокусы? Их нет — и тьфу, пустое место? — Красавчик глянул исподлобья — лекарка аж поёжилась. Такой взгляд скорее бы Иррашу подошёл, чем этому балагуру. — Чего ты там хотела? Лечить, жизнь возвращать? Ну и кто тебе мешает? Заканчивай университет, получай диплом и вперёд. Хотя я так скажу: леди Харрат обездоленных спасти может гораздо больше, чем простая лекарка. Но это уже нюансы. Короче, сама решай, кто ты есть: чего-то-там богов или... Вот про или и решай.

Меньше всего в данный момент ведунье что-то решать хотелось. Уж слишком она была

несчастной и, пожалуй, потерянной. Всё и вправду смешалось: правильно-неправильно — не разберёшь. Да какое-там! Арха абсолютно не понимала, что ей нужно и нужно ли вообще хоть что-то. Конечно, жизнь лекарки и раньше спокойствием не отличалась, но такой катавасии не случалось. Честное слово, как щенок, которого в воду бросили. А куда плыть, где берег — не видно.

И если уж до конца откровенной быть, так и подмывало лапки сложить и на прощание: «Буль!» — сказать. Решайте, мол, без меня, сами.

***

На переизбыток чувства самосохранения эта шаверка явно пожаловаться не могла. У клиники мистрис Шор она тахаров не побоялась, а возле особняка Харратов решила под карету броситься — кучер едва лошадей сдержать успел, вывернув в сторону. Да так резко, что у экипажа, набок завалившегося, ось треснула. А лихие хендерские кони боками протёрли ограду, погнув чугунную секцию.

— У вас мозги есть? — Арха, позабыв про всё достоинство, леди полагавшееся, выпрыгнула из накренившийся кареты. — А ну стой! — это уже капитану охраны, собравшемуся перетянуть шаверку поперёк спины, рывкнула. — Убери плётку, иначе засуну... куда-нибудь не туда!

— Не подходите к ней, госпожа, — мрачно пробухтел тахар, нагайку всё же в сапог засовывая. — Мало ли что эта бешеная задумала.

— Серьёзно, Арха, держись подальше! — поддержал охранника Шай, лоб потирая.

Когда экипаж крениться стал, лекарку-то красавчик тисками к мягкому дивану прижал, а сам башкой о стойку треснулся, шишку набил.

Но когда это ведунья здравых советов слушала? Тем более упавшая на колени шаверка никак подняться не могла — огромный живот её в сторону тянул. Как тут не помочь?

— Ушиблись? — Арха, сама от натуги едва пупок не развязав, помогла женщине встать, ещё и поддержала, под локти подхватив. — У вас же все ладони ободраны! И колени наверняка тоже. Пойдёмте-ка в дом, я ссадины промою и за врачом пошлю.

— Через мой труп!

Капитан встал перед так и не открывшимися воротами с видом «шутить не изволю».

— Сейчас обеспечу! — прошипела лекарка.

— Не нужно в дом, — подала голос несостоявшаяся самоубийца, мягко, но настойчиво от архиной поддержки освобождаясь, и на шаг отступая. — Я вам всего пару слов сказать хотела. А это и тут сделать можно. Только попросите господ отойти.

— Через мой труп, — веско повторил тахар.

— Ага, сейчас, — пообещал Шай, — лишь портки подтяну.

— Ну, собственно... — растерялась лекарка. — Вы же не императорские секреты рассказывать собрались? Можно и тут, но внутри удобнее. Вы как себя чувствуете?

— Нормально я себя чувствую, — усмехнулась беременная. — А вы, смотрю, меня так и не вспомнили, леди Нашкас?

— Собственно...

— Меня зовут Рахша иншэр Ханшарр ош Нашкас.

На пару мгновений ведунье пришлось в ступор впасть: ещё разок повторив змеиное шипение имени. А, заодно, не без труда, но припомнив значение всех этих «ашэр», «аш» и прочих «исов». «Иншэр» — это «жена», да не просто жена, а старшая. Титул архаичный, нигде, кроме как у шаверов, ныне не используемый. «Ош» же означает просто «из рода», без

указания, какое место он в этом роду занимает, что тоже странно.

В общем, получалось, что беременную зовут Рахша, она старшая жена неведомого Ханшарра и ведунье явно родственницей приходится. Информации море. Пользы ноль.

— Дозволит моя госпожа недостойной говорить?

Женщина поклонилась со странной для демонессы, только что самостоятельно встать не способной, грацией. Было в ней что-то и от кошки, и от змеи одновременно — эдакая слаженная плавность единого движения.

Вот тут-то Арха её вспомнила, наконец. Ну, точно — эта красавица и приходила к ней за Шхара просить. Вроде бы, у дамы ещё пророческий дар имелся.

— Так вы жена какого-то из братьев Ирраша, — облегчённо выдохнула ведунья.

— Кажется, именно это я и сказала? — усмехнулась шаверка.

— Ну да, — смутилась лекарка. Действительно, нехорошо получилось. Не стоило, наверное, ныне покойного, а, точнее, Иррашем угробленного, мужа «каким-то» называть. — Но теперь-то всё разрешилось. Невестку я могу в собственном доме принимать? — не без здоровой порции яда поинтересовалась Арха у своей охраны.

— На самом деле, не стоит, — Рахша подняла руку, будто хотела до ведуньи дотронуться, но передумала. — Мне действительно нужно всего пару слов сказать. Дело в том, что отец моего ребёнка лорд Харрат.

— И? — ничего не поняла ведунья.

— Дан, ваш жених, — с расстановкой, словно умственно отсталой растолковывая, пояснила шаверка. — Лорд Харрат отец моего малыша.

— Ты чего несёшь? — брякнул Шай, быстро-быстро третьим веком моргая, как удивлённая ящерица.

— В данный момент я ношу маленького хаш-эда, — хмыкнула женщина. — Поверьте, эта беременность никоим образом не входила в мои жизненные планы. Так распорядилась Тьма. Всего пара ночей и вот, — женщина обняла ладонями свой живот. — Но на судьбу мне грех жаловаться. Лорд Харрат знает, что такое честь. Он перевёз меня в столицу, подарил дом и обеспечил более чем приличное содержание. Поэтому я ни в чём не нуждаюсь. И снова вас беспокоить не собираюсь.

— Зачем, тогда, это было сообщать? — поинтересовалась Арха.

Спроси кто, что она в этот момент чувствовала, лекарка и ответить бы не смогла. Мир не рушился, низкое хмурое небо на голову не падало, сердце в пятки не уходило. Ничего — самое верное определение. Ведунья ничего не чувствовала, совсем.

— Простая женская солидарность, — пожалала плечами Рахша. — Как вы знаете, я и сама настрадалась из-за мужского деспотизма. Только благодаря вашему... — «вашему» она голосом подчеркнула, эдак насмешливо, — ... брату не смогла соединиться с тем, кого всю жизнь любила. Поэтому хочу предостеречь от подобных ошибок. Вряд ли лорд Харрат, не смотря на всю свою порядочность, сообщил об ожидаемом отцовстве. Всегда разумнее принимать решения с открытыми глазами.

— Какое решение?! Ополоумела в конец?!

Не придержи ведунья Шая за рукав, и фовет шаверке затрещину точно бы отвесил. Демоны, конечно, женщин не бьют, но блондин, кажется, уже морально готовился послать все принципы во Тьму.

— Так ведь вроде леди Нашкас замуж собралась? — приподняла бровь Рахша. — Пусть знает, с чем жить придётся.

— Погоди, Шай, — Арха снова разбушевавшегося демона остановила. — Я хотела только одну деталь уточнить. Когда эти пара ночей случились?

— Вероятно, когда я видела Дана в последний раз, — не без надменности пояснила шаверка. — Во время вашего визита в земли Нашкас.

— То есть, весной?

— Если мне память не изменяет.

— Спасибо за очень ценные сведения, — от души поблагодарила лекарка. — Я непременно передам эти новости моему... — ну, а почему бы и не подчеркнуть «моему»? Хорошее же слово, — ... брату. Думаю, Иррашу стоит знать, с каким гостеприимством встречают друзей в его владениях. И, кстати, не подскажите адрес дома, который вам Дан подарил? Ведь мой брат... — нет, приятное всё-таки слово, — ... должен знать, где вы живёте. По шаверскому-то закону Ир до сих пор ваш опекун, верно?

— Я не хочу беспокоить такими мелочами лорда Нашкас, — пробормотала красавица, несколько сблестнув с лица.

— Как вам угодно, — пожала плечами лекарка. — Впрочем, думаю, капитану городской стражи это узнать будет нетрудно. А вы можете навещать нас в любое время. Всё же родственник, да сразу с двух сторон. Мы с Данашем рады будем.

Шаверка буркнула что-то среднее между: «Непременно!» и «Чтоб ты провалилась!» — развернулась и удалилась. Не бегом, конечно, но и не прогулочным шагом.

***

Шай ведунью сразу же за воротами догнал, да она, собственно, никуда и не торопилась — брела себе по дорожке, нога за ногу. Но разговор демон заводить не спешил. Хоть и скрежетал зубами, играл желваками, а дождался, пока в дом не вошли. Зато стоило двери за ними закрыться, слуг взмахом руки отослал и заставил лекарку прямо тут, в холле, в кресло сесть. Да ещё и руки на плечи положил, придерживая.

— Ты чего, действительно в этот бред поверила? — прошипел грозно, снова третьим веком помаргивая — так разволновался. — Да Дан никогда... И почувствовала бы тоже, вы ж связаны!

— Дан прекрасно умеет свои эмоции от меня экранировать, — устало отозвалась Арха, освободиться даже и не пытающаяся.

Наоборот, откинула голову на подголовник, рассматривая потолок, украшенный фамильным деревом Харратов. Кстати, изображение Дана на нём почему-то не было. А лекарка всё забывала спросить, откуда такая скромность.

— Да и Бездна с этими эмоциями! — Шай в покое явно оставлять ведунью не собирался. — Но это же бред! Понимаешь ты? Бред!

— И бред, который мы уже проходили, — Арха вяло спихнула ладонь блондина со своего плеча. — У вас традиция такая, что ли? Чуть что, так сразу беременная. Если всем верить, получается: Дан пол столицы оплодотворить успел.

— Ну да, любимый баб... то есть, женский фокус, — то ли оскалился, то ли усмехнулся блондин.

— Странно, почему он мне-то на слово поверил?

— Сама додумалась в кой-то веке? — блондин отлип, наконец, от Архи. Отошёл к окну, отодвинул шторы, будто важное за ней рассмотреть пытаюсь. Хотя, что он там увидеть мог, кроме клумб и гравийной дорожки? — Доверяет он тебе, вот и всё. А ты!..

— А что я? — вздохнула лекарка, наклонив голову, пытаюсь рассмотреть: родинка у

одного из предков на подбородке намалёвана или бородавка. — Я ему тоже верю. Не скажу, что вот прямо ни на секунду этой шаверке не поверила. Ошарашила она, конечно, знатно. Это я потом сообразила: захоти Дан другую, так просто бы сказал или третьей в постель уложил.

— У тебя с головой всё нормально? — оскорбился за друга Шай.

— Нет, не нормально, — грустно призналась ведунья. — Было б нормально, тут не торчала. Но это я так, для образности.

— Ну а чего тогда квёлая такая?

— Уехать я хочу, — грустно протянула Арха.

— Совсем? — переполошился красавец.

— Не знаю, — ведунья села прямо, благонравно сложив руки на колени. — Нет, наверное. А, может, да. Не знаю. Но только чтоб подальше и никого не видеть. Ну вот совсем никого. Хоть землянку в лесу рой.

— Вырой, — кивнул Шай, но тоже как-то задумчиво-рассеянно. — Как только в окрестностях столицы найдёшь лес, так и рой. А лучше знаешь чего? Есть у меня одна идея. Только давай, ты горячку пороть не будешь, спокойно соберёшься. И письмо Дану напиши: так, мол, и так, уезжаю в гости. Извини, дорогой, надо подумать. Сама, короче, лучше знаешь, что писать.

— И к кому в гости я еду?

— Узнаешь, — ухмыльнулся блондин, — но тебе понравится.

***

Странно, но стационарных телепортационных станций в степях построить ещё никто не догадался. А через Тьму идти Шай почему-то категорически отказался. Вот и пришлось им от самого Хашша — грязного и нищего посёлка, почему-то себя гордо городом именующего — тащиться верхом. И именно тащиться. Здесь не только станций, но даже и тропинок имперское министерство дорожного хозяйства не предусмотрело.

Езда же по пампе, пусть и прогулочным шагом, дело непростое. Трава — лошадям по колено, а Архе по пояс, густоющая, земли не видно, к сожалению. Потому что земля — сплошные кочки с сусличьими норами. Чуть зазеваешься — и лошадь в такую дырку может копытом угодить. Хорошо, коли отделаешься полётом через конскую голову. А если животное ногу сломает? Когда ближайшая цивилизация в трёх днях пути находится, такое происшествие уже не проблема, а настоящая трагедия.

Но Арха всё равно пребывала в диком, и каком-то детском, незамутнённом восторге. Ей всё нравилось: и сухая, не изнуряющая, а будто прокаливающая жара. И сильный, практически неутихающий ветер, заставляющий травяное море волноваться, ходить валами. Бездонное, бесконечное небо, чистый горизонт, без единого росчерка деревьев, жаркое марево и горьковатый запах сухой полыни нравились тоже.

В первую ночь она не могла уснуть. Жёсткая земля колола бока сквозь попону каменными комьями. Тепло от костра палило лицо, а спина едва ли инеем не покрывалась. Переворачивание на другой бок не помогало — жар и холод просто местами менялись, а комки никуда не девались. Да и вой степных волков, лисье тьяквань, щебет сурков и неумолкающий звон цикад уснуть не давали.

И на вторую ночь ведунья не спала, но не ворочалась — смотрела на перевёрнутую чашу неба с неправдоподобно огромными блёсками звёзд, слушала степь, убаюканная говором трав — хорошо. На мысли философские, конечно, это всё наводило: о бренности бытия,

огромности мира и собственной мизерности. Но хорошо.

От корсета Арха почти мгновенно избавилась. От юбки амазонки чуть попозже, но и она осталась где-то позади. Лекарка очень надеялась, что сурки сочтут бархат по десять золотых империалов за локоть достойной подстилкой для сурчат. А шляпку, руководствуясь своими, никому не известными мотивами, ночью койоты утащили, оставив взамен дурно пахнущую кучку. Ведунья расстраиваться не стала. Повязала шарф на манер косынки, какие торговки носят. Ещё и осталось шею прикрыть, обгоревшую до красноты в первые же три часа пути.

В общем, жизнь явно начала налаживаться и даже успешно стёртые бедра и мягкое место особо не досаждали. В отличие от спутников.

Шай, не замолкая больше, чем на десять минут, ныл. Ифовету было жарко, холодно, сыро, сухо, слишком мягко и чересчур твёрдо. Причём, иногда всё вместе. Его — и только его! — кусали насекомые, жалил борщовник, которого лекарка тут в глаза не видела, лисы метили одежду, а сурки оплёвывали. Ну а больше всего блондина донимало отсутствие женщин и вина.

Господин Каррен ворчал, и тоже практически не переставая. У Архиного папеньки причин для недовольства было гораздо меньше, чем у красавчика. А, точнее, одна: шавер искренне не понимал, что он тут делает и как согласился на эту авантюру. Ну, ещё высказывался в духе: «Пятнадцать лет этих степей не видел и столько же не видеть!».

Днём ведунья от доуки избавлялась просто: отъезжала подальше. Всего-то двадцать-тридцать лошадиных шагов хватало, чтобы почувствовать полное восхитительное одиночество. Вечером и ночью приходилось сложнее. Но у лекарки как-то само собой выработалось умение их не слышать. Точнее, внимания не обращать. Вот снова волк завыл — призывно, даже требовательно. И ему ответили — сначала первый, а потом и второй — потоньше, повыше. Это же гораздо интереснее, чем слушать, где у Шая чешется!

В общем, Архе, считавшей себя сугубо городским жителем, в степи абсолютно неожиданно понравилось.

***

То, что Каррен называл «стойбищем» появилось на горизонте задолго до того, как всадники к нему подъехали. Арха понятия не имела, на что оно должно походить — родитель крайне неохотно и очень скупно делился сведениями о жизни степных шаверов. Но увиденное даже отдалённо не напоминало картинку, лекаркой нафантазированной. Она-то ожидала столбы и, почему-то, коров. Ну, вот такие ассоциации у неё это самое «стойбище» вызывало.

На самом же деле поселение степняков — это круглые шатры с острыми крышами, белые и, кажется, разрисованные цветным, ровными рядами выстроенные посреди пампы. И ни оград, ни заборов — ничего, что могло бы хоть отдалённо защиту напоминать. О том, что в поселении кто-то живёт, свидетельствовали только дымки, над крышами палаток поднимающиеся. А так — ни души. Пока всадники подъезжали — с момента появления на горизонте верхушек шатров добрых три часа прошло — ни единого движения.

Тем неожиданней оказалось появление встречающих. Может, они в траве прятались, может, маскировались так ловко — Арха не поняла. Для её шарахнувшейся и едва набок не завалившейся кобылы возникновение лошадей, которых она, по идее, чувствовать должна, тоже оказалось сюрпризом. Да ещё и не слишком приятным. Потому Ведьма, трусостью не отличающаяся, явно вознамерилась удрать. Чтобы её успокоить, ведунье повозиться

пришлось. За что Арха и заработала презрительный взгляд шаверки, восседающей на громадном жеребце.

Животина была великолепна: с рыже-медной шкурой, сливочной расчёсанной гривой и взглядом властителя Вселенной. Шаверка тоже не подкачала: дама без возраста — ей с одинаковым успехом могло и тридцать, и сто тридцать исполниться. Личико точно не молоденькой девочке принадлежало, но и морщин ни одной. А кожаные, щедро украшенные бисерной вышивкой штаны и куртка, плотно тело облегающие, не скрывали: с фигурой у степнячки тоже всё в порядке. Взгляд же госпожи наглядно демонстрировал: властитель Вселенной тут один — она сама. Что бы по этому поводу не думал жеребец.

— Йе, — шаверка не только губы скривила, но и плюнуть не постеснялась, — ты привёз свою жену, малыш?

— Это моя дочь, — ну очень нехотя, будто клещами слова из себя вытаскивая, проворчал Каррен.

— А где жена? — нахмурилась дама.

Получилось грозно.

— Жены нет, — ещё неохотнее, хотя это казалось невозможным, ответил архин папенька, старательно в сторону косящийся.

— Йе! Я всегда знала, что ничего путного из тебя не получится, — припечатала шаверка. — Хоть и плод моего чрева, но вскормили тебя шакалы. Ну-ка, девочка, иди сюда. Дай я посмотрю, что смогли выдавить немощные чресла моего сына.

Арха нервно оглянулась, в тщетной попытке обнаружить какую-нибудь другую «девочку». Шаверка её не то чтобы пугала — настораживала скорее.

— Ну же! — поторопила степнячка. — Или в тебе смелость не больше, чем в новорождённом жеребёнке?

Лекарке очень хотелось честно ответить: «Да!». Но пришлось дёрнуть поводья артачащейся Ведьмы, заставляя лошадь подойти к жеребцу поближе. Была ли степнячка сумасшедшей или нет, ещё предстояло выяснить. Но, судя по всему, и неизвестно благодаря каким законам, она здесь верховодила.

Шаверка облокотилась о луку седла, наклонилась вперёд, действительно без всяких церемоний Арху рассматривая. Ведунье даже захотелось в зеркало глянуть, проверить, не испачкано ли лицо, причесаться, одежду там почистить. В общем, выглядеть получше.

— Муж есть? — грозно спросила женщина.

— Нет, — пожалала плечами Арха.

И смущённо кончик носа почесала, искоса глянув на своих спутников, подсказки ожидая. Как с этой странной себя вести-то? Может, кланяться надо или ещё чего? Но на помощь ей никто бросаться не спешил. Шай, безмятежный, как небо, рассматривал горизонт. Отец траву изучал.

— И жениха нет? — насупилась шаверка.

— Жених есть, — не слишком уверенно отозвалась ведунья. И вспомнив, что папаша этим фактом даже гордился, решила побольше очков заработать. — Хаш-эд, лорд Харрат.

— Йе, — одобрительно кивнула... ну, бабушка, наверное? — Хороший жених. Убьёшь потом.

Арха закашлялась подавившись.

— Нет, вижу, в мою ты породу пошла, не смог отец опоганить. Хорошая девочка. Конечно, в этих городах ничего, кроме навоза, не налипнет. Но исправим, что не поздно. А

что поздно, тоотрежем. Дай обниму.

Ведунья и вякнуть не успела, как её родственница к крепкой груди прижала. Точнее, что-то вроде невнятного: «Вя!» — у неё и получилось. Потому как объятья у любящей бабушки покрепче Дановых оказались. Ну и ещё потому, что рукоять сабли, у «старушки» на поясе висевшей, впиалась лекарке в живот.

И всё равно от вопроса Арха не удержалась.

— А это кто?

— Где? — не поняла степнячка, не сразу догадавшись обернуться. — А это! Да не обращай на них внимания, наложники мои. То есть обращай, если нужда припрёт, пользуйся. Только вот того, с браслетом на руке не трогай. Им пока не делюсь.

Наложники — трое мускулистых, хоть и непривычно коренастых шаверов, увешанных оружием, как ёлка шариками, абсолютно голых по пояс и, кажется, даже маслом намазанных — на это замечание никак не отреагировали. Лишь тот, что моложе всех выглядел, примерно ровесник самой Архи, бросил на лекарку заинтересованный взгляд и тут же замер в каменной неподвижности.

— Ну что, внучка, решила я признать в тебе свою кровь, — улыбнулась степнячка, продемонстрировав треугольные, подпиленные зубы. — Будешь гостьей. Мой шатёр, мои табуны, мои мужчины и моё золото отныне и твоё. Слово моё слышали?

— Йе! — разом грохнули наложники так, что перепуганная Ведьма на месте заплясала, едва не отправив хозяйку в траву.

— Этот, белобрысый, с тобой? Раз с тобой, то пусть при тебе и остаётся.

— Ну, вообще-то, она моя гостья, — решил-таки продемонстрировать своё умение говорить Шай.

— Ты из этих, кто вечно в гоне, что ли? — прищурилась шаверка.

— Точно, я лорд Шаррах, — согласился блондин.

— Ну так и нечего тебе тут искать! — рявкнула нежная бабушка. Хорошо рявкнула. Таким голосом войсками командовать. — Моя земля, и мои табуны!

— А я ничего и не ищу, — на удивление спокойно ответил красавчик. — Только сопровождаю вашу внучку, уважаемая Агной-ара. И слежу, чтобы с ней и вашим будущим правнуком ничего плохого не случилось.

— Правнуком? — повеселела степнячка. — Так у нас сегодня двойной праздник!

— Йе! — поддержали её идолоподобные наложники.

Видимо, принято тут так было — орать по поводу и без.

— А тебя, выкидыш моего чрева, я к шатрам не зову!

— Ну и слава Тьме! — не слишком тихо буркнул Каррен, видимо, общения с матушкой не жаждавший.

И, не откладывая дела в долгий ящик, лошадь свою обратно развернул.

— А ты, внучка, желанный гость у моего очага, — жутенько ослабилась шаверка. — Можешь звать меня арычар. Что, даже языка не знаешь? Козий навоз твой отец, а не родитель! — это она вслед сыну своему крикнула и пояснила, голос, к счастью, понизив. — «Арычар» на истинном языке означает «бабуля». Вот так ко мне и обращайся.

Арха неуверенно кивнула, пытаясь понять, что ей делать: от радости прыгать или всё-таки плакать.

Глава четвёртая

Рано или поздно у любой женщины наступает время, когда она понимает самку богомола

(Из наблюдений мистрис Шор)

Сегодня с утра Арха со своими чувствами окончательно определилась: плакать ей хотелось. Уж слишком горячим гостеприимство степных шаверов оказалось. Настолько горячим, что сейчас ведунья и в седле-то с трудом держалась — всё тянуло её на ведьмову шею прилечь, да глазки закрыть. Лучше бы, конечно, растянуться на войлочном ковре, который нежная бабуля кошмой назвала. Кстати, штука оказалась на удивление удобной. Кошма, понятно, не родственница. Но за неимением лучшего и лошадиная шея вполне сгодится.

От жёсткого вяленого мяса, чересчур жирного бульона, а больше, наверное, от варёных бараньих глаз и мозгов, которые ей вчера как особо почётной гостье подали, желудок немилосердно крутило. Голова до сих пор раскалывалась, не в силах полученные впечатления переварить. Всё-таки дикий коктейль из воплей, непрерывного буханья обезумевших барабанов и плясок среди костров практически голых, дико орущих мужчин, неподготовленному существу с ходу принять сложно.

Ну а от местного пойла просто тошно. Свернувшееся и опять-таки слишком жирное молоко, густо приправленное створоженными комочками, солью и пряностями, оказалось не только мерзким на вкус, но и коварным. Последнее, что Арха со вчерашнего вечера помнила — это как она на коленях свежепребретённой родственницы свои беды выплакивала. Ну а дальше осталось лишь одуряющее метание костров, мельтешение бьющихся в судорогах теней и воинственные кличи, выдавливающие воспалённый мозг. Было ли это правдой или привиделось в кошмаре, порождённом шаверским гостеприимством, лекарка понять не могла.

А вот с утра — пожалуйста! Приспичило бабуле продемонстрировать внучке свои табуны. И ведь не откажешь же! Забирайся на лошадь, пристраивай мягкое место к седлу, а себя к реальности. Да старательно делай вид, что тебе всё нравится. Что за жизнь?

— Про тебя не знаю, нарчар, — ни с того ни с сего выдала бабушка, будто уже начатый разговор продолжая. — Никогда я не была умелицей чужую жизнь судить. Могу только про себя сказать. Станешь слушать?

— Стану, — кивнула Арха, потёрла глаза, прогоняя тошно-дурную сонливость. — Ещё как стану-то, арычар.

Всё правильно, всё как надо: любовь и полное взаимопонимание — она степнячку зовёт бабулей, арычар то есть. А родственница её в ответ нарчар — внученькой. Кто там последний в очереди за умилением? Кажется, Шай. То-то красавчик во весь рот ухмылялся. К счастью молча. Ехал себе позади тихонько: сразу за хвостом Ведьмы, но впереди «наложников».

Историю же степнячки и впрямь послушать хотелось. На вчерашнем-то празднестве, кроме неё самой и бабушки женщин Арха не заметила. Зато мужчин хватало, много их было: от подростков до глубоких старцев, едва на ногах самостоятельно стоявших. И к арычар все

они относились с почтением, кто-то даже с откровенным с подбострастием. А это с толку сбивало.

— Йе, — согласилась шаверка. — Слушай тогда. Мужа достойного мне долго найти не могли. У отца коней и овец без счёта было, половина степи ему принадлежала, — Шай кашлянул. — Говорю, ему принадлежало! — веско повторила бабушка, даже головы в сторону блондина не повернув. — Да и мной родитель гордился: ни одна из невест не могла поспорить со мной красотой и силой. На скачках я первой была, табуны водила и по солнцу, и по звёздам, ни одного жеребёнка в пути не потеряв. Кнутом волку хребет перебивала, а стрелой птицу в глаз сшибала.

— А про скромность мою вся степь от края до края песни слагала, — бормотнул блондин.

Степнячка и это предпочла мимо ушей пропустить.

— Но однажды пришёл он — сын старого врага моего отца. Неткей привёл столько коней и овец, что травы стало не видно. А в придачу к ним дал он не считано кошм вышитых и золота.

— Мешок, естественно, — снова не удержался красавчик.

— Нарчар, скажи своему белоголовому, — с плавного, растянутого тона опытного рассказчика не сбиваясь, велела шаверка, — если язык он свой, как у змеи раздвоенный, за зубами не удержит, то я его и укоротить могу.

— Говорю, — согласилась Арха. — А что дальше было?

— А дальше от нашей любви степь горела, и солнце за облака пряталось.

— От ужаса?

— Шай! — рывкнула ведунья. — Помолчи ты, ради Тьмы!

— Молчу, молчу, — покивал демон. — Дальше и вправду самое интересное начинается.

— Кому чужое горе насмешка, тот и сам не умён, — хмыкнула шаверка. — Если он того, что я сказала, не слышал, кто виноват? Ещё раз пасть поганую раскроет, до скончания веков молчать станет.

— Я ему сама язык узлом завяжу! — грозно пообещала лекарка. — Ты дальше рассказывай.

— А дальше и пришла беда, — вздохнула степнячка. — Любви той нам Тьма всего лишь восемь лун отвела. Потом я, как водится, понесла, сыном отяжелела. И сначала моё сердце вместе с душой возлюбленного Неткея пело. Но как дитя родила, так и поняла: кончилась моя жизнь. Муж позабыл, что брал в жёны Агной. Решил, что участь моя кобылицей быть. Тогда я его на поединок и вызвала.

— И... чего? — не слишком уверенно поинтересовалась Арха, поняв, что продолжать сказ бабушка не планирует.

Шаверка пожала плечами, приподнялась на стременах, гикнула дико так, что её жеребец с места в галоп взял, пластаясь над травой. Никого, кроме ведуньи, это не тронуло. «Наложники» как ехали, так даже шагу не прибавили. Шай же лихо свесился с седла, сорвал колосок, сунув его в зубы.

— Я ничего не поняла, — буркнула ведунья.

— Чего ты не поняла? — безмятежно откликнулся ифовец. — Всей степи известно, что сердце своё прекрасная Агной похоронила вместе с мужем и с тех пор горюет.

— Так, а что случилось-то?

— Да тут какое дело, — красавчик сдвинул шляпу на затылок, почесал мокрый

висок. — Твоя не в меру свободолюбивая бабка мужа на поединок вызвала. Ну, тот самый закон сильного, слышала, наверное? Короче, супружника она грохнула и получила все мужские права. Теперь вот, видишь, горюет. Хотя, наверное, мне бы тоже неудобно стало. Она же вслед за возлюбленным ещё пятерых претендентов на свои руку, сердце и табуны в Бездну отправила. Или шестерых? Это не считая тех, кто без всякой свадьбы решил на имущество покуситься. В общем, никакой тебе любви и романтики. Грустно.

— А-а... — обалдело протянула Арха, — так это она про Дана тогда...

— Ну да, — легко согласился Шай. — Если ты настоящая дочь степей и свою бабушку слушаешься, то выйдешь замуж, родишь наследничка, а потом Данаша того, в утиль. Ну и горевать всю оставшуюся жизнь в объятиях шаверских парней. Правда, сначала тебе и им навалить придётся, но всё же решаемо. А что? По-моему, очень неплохой вариант. Главное, разом массу проблем долой. И никаких тебе супружеских измен, страданий и детей на стороне. Полная верность до гроба.

— Да иди ты со своими шуточками!

— Кому шуточки, а кому суровая правда жизни сильной и самостоятельной личности, — теперь ухо поскребя, провозгласил красавец. — Уважение, понимаешь, к древним законам и заветам предков.

Лекарка обернулась, глянув через плечо на «наложников», по-прежнему безмятежных, как летний полдень. То ли «суровая правда» их нисколько не трогала, то ли просто не понимали они по-имперски. Хотя, возможно, жизнь в соответствии с заветами предков этих шаверов полностью устраивала.

***

Арха и не подозревала, что в степи дороги бывают. Как-то раньше они лекарке не попадались. А тут вдруг на тебе: ехали, ехали и неожиданно впереди открылся, будто декорация на сцену выехала, вполне приличный, плотно укатанный тракт, подпёртый с двух сторон стенами травы. Правда, рассмотреть это чудо бабушка не дала. Подняла руку, явно приказывая всем позади неё тащащимся остановиться. Кажется, она ещё что-то приказала, чего внучка не заметила — «наложники» ближе подъехали, видимо намереваясь её, Арху, охранять.

Агной-ара приподнялась на стременах, вытянула шею, как мальчишка, через забор заглядывающий. И лицо у неё стало соответствующее: любопытное-любопытное. А вот ведунья, сколько не тянулась, рассмотреть, чего так бабушку заинтересовало, не могла — только просвет в траве, да кусок утрамбованной земли.

Зато лекарка услышала кое-что: звон металла о металл — довольно далеко, звуки почти сливались со стрёкотом кузнечиков.

— Странное порой в степях творится, — протянула шаверка озадаченно. — И не всегда понятно, к чему такое.

— Я, конечно, могу и ошибаться, но, по-моему, перед нами классическая картина «Нападение разбойников на беззащитную деву», — почему-то отозвался Шай, лыбясь по своему обыкновению.

Улыбаться-то ифовет улыбался, но ещё и хмурился. А потом и вовсе рукой дёрнул так, словно едва удержался, чтобы монстра своего вперёд галопом не пустить, сам же глаза нехорошо прищурил.

— Откуда здесь беззащитные девы, белоголовый? — фыркнула шаверка. — А последних разбойников ещё мой дед на колья пересагал. С тех пор они земли Свободных стороной

обходят.

— Значит, я ошибся, — легко согласился ифовец. — И это просто... Ну, не знаю. Новый способ привлечь внимание женщины?

— Вполне в вашем духе, вечно жаждущие плоти, — скривилась бабуля.

— Да ладно тебе, Агной-ара, — ни с того ни с сего выверился блондин. Всерьёз так разозлился, даже глаза начали синим наливаться. — Передо мной-то комедию не ломай! Тоже мне, хранительница традиций!

И бросил-таки своего жеребца вперёд, правя коленями — руки у него мечами короткими заняты были. И когда только выхватить успел? Но, пожалуй, выглядело это красиво. Синее-синее небо, зелёная трава, будто на невидимых крыльях летящий чернильно-чёрный конь и красавец со сверкающими — а тут любая металлическая поверхность сияла — клинками и хвостом золотых волос, плескающимся на ветру.

Арха даже залюбовалась.

— Позёр! — выругалась бабуля на чистейшем имперском, без всякого акцента и даже со столичным выговором. — Пустоголовый болван! Жеребец в охоте!

И опять что-то такое сделала рукой, от чего «наложники» сорвались вслед за красавцем. Арха, естественно, за ними наладилась. Но родственница поводья Ведьмы перехватила, заставив кобылицу присесть на задние ноги, взбивая передними воздух — лекарка чуть на землю не полетела.

— Держись в седле! — велела строго. — Не позорь бабу.

— Я стараюсь, — клацнула зубами ведунья, пытаясь унять разошедшуюся лошадь.

Заодно и рассмотреть, что же там на дороге делается.

А творилось странное. Кто-то улепётывал: кто именно и в каком количестве не рассмотреть — пыль плотной завесой повисла. За ними, кажется даже с воинственными кличками, нёсся Шай. Следом же неспешно трусили шаверы — эти никуда не торопились. Ну и на обочине тракта то ли сидел, то ли лежал... опять же кто-то.

Вконец распоясавшаяся Ведьма дико взвизгнула, закусил удила, кошкой прыгнула вперёд, увернувшись от цепких бабулиных рук. И погарцевала по дороге, задрав хвост: мол, знай наших! Арха и опомниться не успела, когда вредная коняга остановилась возле лежащего, грустно опустила морду к утопанной земле: не лошадь, а олицетворение покорности.

Ведунья, цепляясь за седло, на землю сползла. Постояла, пытаясь отдышаться. И старательно не слушая, что там ей Агной-ара кричит. Явно же ничего хорошего.

— С таким отдыхом и родить раньше времени недолго, — проворчала лекарка.

Приподнялась на носочки, заглянула через лошадиную спину, рассматривая лежавшего. Точнее, лежащую. Женщина встать пыталась, ошалело мотая головой. И ничего толкового у несчастной не получалось — локти подламывались.

— Не подходи к ней! — рывкнула нежная бабушка, птицей с лошади слетая. И, между прочим, держа наготове саблю. — За меня отойди, нарчар.

— Будто никуда и не уезжала, — буркнула под нос Арха, снимая с седла тыквенную флягу с водой. — Отойди, не мешай, дай другие разберутся. Это просто раненая женщина, арычар!

— В степи не бывает просто раненных женщин, — отрезала шаверка. — Просто женщины по шатрам сидят.

— И что ты предлагаешь? Бросить её беспомощную на тракте?

— Это не тракт, а дорога для перегона скота. Я кому сказала: не суйся!

Грозная степнячка перегородила внучке дорогу. Встала-то она боком, на лежащую поглядывала. Но всё равно понятно: никуда Арху не пустит. И вот тут с ведуньей что-то случилось. Что именно, она и сама не очень поняла. Никакого тебе бешенства до пены на губах и кровавой пелены перед глазами. И злости не было. Наоборот, холодное такое, рассудочное спокойствие накатило, даже озноб по позвоночнику продрал.

— Уйди с дороги — процедила сквозь зубы, сама себе напоминая кого-то очень знакомого, — добром прошу. Иначе последствия будут печальными.

Нет, драться с бабкой ведунья не собиралась, но и от своего бы не отступилась. А в ссоре между родственниками и впрямь ничего весёлого нет, как не поверни. Агной, вроде, тоже что-то такое поняла — глянула на лекарку искоса и, наверное, правильное увидела. Всего на шаг, но отошла.

— Хоть нож с собой возьми, — предложила примирительно.

В ответ внучка лишь хмыкнула: ей что с ножом, что без ножа — всё едино, железом-то орудовать так и не научилась. Но, кажется, в кой-то веки она сумела на своём настоять. Не тишком сделать то, что нужным считает, не наперекор поступить, а заставить кого-то очень упрямого и в собственной правоте уверенного сделать так, как она, Арха, нужным считала.

Что не говори, а чувство приятное.

***

Женщина оказалась никакой не женщиной, а девушкой-ифоветкой, на вид примерно одного с Архой возраста — по демоническим меркам совсем девчонка: рыжая, курносая, на бледной до лёгкой зелени коже совсем неаристократические веснушки рассыпаны. Глаза голубые и потерянные. Не в смысле, что она испугалась подошедшей лекарки, а в смысле, что по голове ей крепко досталось. За узким-то мечом, рядом лежащим, рыжая сразу потянулась, как только ведунья подошла. Промахнулась, правда, мимо рукояти на ладонь, но всё же нашарила.

— Тише-тише, я только хочу посмотреть, не ранены ли вы, — успокаивающе заворковала Арха, вставая на колени. — По голове вас ударили, это я вижу. Ещё что-нибудь есть? Раны, царапины?

— Никто меня не бил, — очень чётко и дико недовольно ответила девушка, пытаясь сесть. — Сама треснулась, когда из седла вывалилась. Кстати, где эта тварь?

— Седло? — уточнила Арха, пытаясь зрочки раненой рассмотреть.

— Лошадь! — огрызнулась девица, слабо отпихивая лекарку. — Ну и седло, понятно, тоже. Вряд ли их разлучить успели.

— Логично, — одобрила ведунья, — сколько пальцев видите?

Девица сначала придиричиво пальцы, под нос ей сунутые, рассмотрела, потом ведунью оглядела.

— Пальцев я вижу два, — хмыкнула. — А вот лошадь свою не вижу совсем. И что это значит?

— Наверное, то, что она удрала? — предположила Арха, вставая и отряхивая колени. — С вами же, кажется, всё в порядке. Пить не хотите?

— Пить хочу, — согласилась ифоветка, облизывая змеиным языком губы. Села, снова потряхнув головой и став ещё лохматее, а волосы её и до этого больше всего стог сена напоминали. Провела по лицу, и без того чумазому, рукой в грязной перчатке. Понятно: физиономия от этого чище не сделалась. — Но вот на счёт порядка, это вы, кажется,

поторопились. Я посижу ещё, ладно?

— Да сидите, — разрешила ведунья, протягивая флягу.

Демонесса поблагодарила осторожным кивком, отхлебнула и тут же сплюнула в пыль.

— Вода! — рыжая повертела флягу, будто этикетку отыскивая. — Я же попить просила, а не помыться! Шаверы...

— Умный следит за тем, что произносит его язык, — напомнила о своём существовании Агной, про которую заботливая внучка благополучно забыть успела, — потому и живёт долго.

— Прошу прощения, — проворчала ифоветка, прищурилась, загоразиваясь рукой от солнца. — Ого! Ещё раз прошу прощения, достопочтимая Агной-ара, не хотела обидеть.

— Что мне до жужжания овода? — пожалала плечами бабушка, раздражённо уши поджимая. — На каждый укус обижаться, только кровь портить.

— Правильный подход, — одобрила рыжая, щедро плеснув из фляжки себе на лицо. Пыль потекла по щёкам и тут же засохла грязными потёками. — Собственно, я к вам ехала. Точнее, не совсем к вам. Сеньор приказал сопровождать вашу гостью, леди ашэр Нашкас. Вот я и...

— Сеньор это вам лично приказал?

Всё-таки когда требуется, демоны могут и верхом совершенно бесшумно передвигаться. А ещё, кажется, умудряются не отбрасывать тени. По крайней мере, Арха не заметила, когда Шай с «наложниками» вернулись. И рыжая, вроде бы, тоже. Потому что на замечание блондина она отреагировала странно: зашипела сквозь зубы и попыталась, не вставая, в траву отползти. Но только на спину опрокинулась. И лекарка готова была собственную руку прозакладывать, покраснела.

— Я вам вопрос задал, мистрис Нош. Извольте отвечать! — потребовал блондин таким тоном, что даже ведунью передёрнуло, хотя и не к ней обращались.

— Ты тоже откуда-то по пути упал? — поинтересовалась лекарка. — И головой ударился?

— Мистрис Нош, я жду! — не обращая на ведунью ни малейшего внимания, процедил Шай.

— Прошу прощения, милорд, — пробормотала рыжая и поднялась: неловко, сначала на колени встав, а только потом выпрямившись. На красавчика она не смотрела. Собственно, демонесса вообще ни на кого не смотрела, старательно землю разглядывая. — Нет, приказ мне отдал управляющий поместьем. Два дня назад пришло письмо, и сенешаль отправил меня к леди Нашкас. Я... Я не знала, что здесь будете вы, клянусь!

Клятва эта прозвучала на удивление жалобно, словно ифоветка готова была зареветь. Тем страннее выглядела реакция блондина: он поморщился! Это вместо того, чтобы броситься утешать страдающую деву!

— Мне уехать? — помолчав, спросила рыжая, головы так и не подняв.

Шай нахмурился, клыком прикусив губу.

— А, может, кто-нибудь объяснит, что тут происходит? — сладенько поинтересовалась Арха. — Ну так, для разнообразия? Кажется, дело-то и меня касается.

— Касается, — раздражённо согласился Шай. — Пока ты находишься на моих землях, я обязан обеспечить охрану...

— Ие, жаждущий плоти! — рыкнула Агной. — Думай, о чём говоришь! Это моя степь! И я смогу позаботиться о крови от крови моей!

— Думать ты можешь что угодно, но её безопасность!..

— Да я бы тебе овцы не доверила!..

— ... это моя обязанность и отвечаю!..

— ... не то, что женщину! Ты о собственном волосатом заде позаботиться не можешь, а штаны вечно спущенными держишь!..

— Так тебе моя задница покоя не даёт?! Никак забыть не можешь, оттого и бесишься?!

— Да как мне такое забыть? Столь немогущего жеребца в моём шатре никогда не было!

— Так! Стоп! — заорала новая, перерождённая Арха. — Повеселили зрителей и хватит!

А общественность на самом деле веселилась, как могла. «Наложники» следили за орущими друг на друга, словно за матчем в мяч — только головы поворачивали. Рыжая же, кажется, готова была кого-нибудь придавить. Или прибить? Так или иначе, но кулаки она сжала до побелевших костяшек. Зато щёки, скулы и даже, вроде бы, кончики ушей у неё маковым цветом пламенели.

— Первый вопрос, — ведунья стянула с головы косынку и зачем-то вытерла ей лицо. — Бабушка, ты правда с этим... Нет, даже знать не хочу! И это вообще не моё дело!

Кажется, степнячка действительно смутилась. Может быть, по-настоящему стыдно ей не стало, но руки на груди шаверка скрестила независимо. И не менее независимо уставилась куда-то вдаль.

— Значит, переходим сразу ко второму вопросу, — решила ведунья. — Кому земли-то принадлежат? Не то чтобы это сейчас важно, просто интересно.

— По закону Империи мои, — нехотя отозвался Шай. — То есть, моему отцу они принадлежат. В смысле, роду Шаррах.

— Здесь только один закон — слово Свободных! — огрызнулась степнячка. И добавила не без здоровой порции яда. — Прежде чем называть их своими, наберись сил отстоять.

— Это старый спор, — устало вздохнул блондин, — не одно поколение длится. Перед Даном я за тебя отвечаю — и на этом всё.

— Я за неё перед Тьмой и собой отвечаю! — не осталась в долгу бабуля.

— Это мы тоже напоследок оставим, — повысила голос ведунья. — Обсудим как-нибудь за чашечкой чая. Кто эта девушка, Шай?

— Мистрис Ирда Нош арш Шаррах, — даже не взглянув на рыжую, ответил блондин. — Я послал отцу письмо, попросил, чтобы он нашёл тебе компаньонку. Почему прислали именно её — понятия не имею.

— Потому что я лучшая сагреша рода, — ифоветка подняла-таки голову. Даже гордо подбородок вздёрнула, не без вызова глянула на Шая. — Вы станете это отрицать, милорд?

Милорд спорить с демонессой не спешил. Отвернулся, пожевав губами, словно едва сдерживался, чтобы не сплюнуть.

— Так, этот вопрос мы прояснили, — кивнула ведунья. — И кто такая... такое... Ну, которое вы лучшая?

— Я компаньонка и телохранитель, леди, — ответила девушка, присев во вполне придворном реверансе.

Учитывая, что на рыжей брюки были, выглядело это странновато.

— Ну, вот всё и выяснилось, — обрадовалась Арха. — И последнее. Арычар, ты позволишь этой женщине остаться?

— Зачем она тебе? — мрачно поинтересовалась бабуля. — Или думаешь, что она защитит лучше меня?

А вот это был действительно сложный вопрос. И как бы на него ответить, чтобы никого из присутствующих не оскорбить, лекарка понятия не имела. На самом-то деле, ей просто стало жаль демонессу. Уж какими козлами могут становиться её гвардейцы, вспомнившее о своём лордстве, она не понаслышке знала. Шай в таких настроениях раньше не замечался. Но, видимо, пришло его время. И что тут скажешь? Высокородная скотина таковой и остаётся, даже если он обычно хороший и со всех сторон положительный парень.

Поэтому ведунья только скривила страшную физиономию выразительно — ну, по крайней мере, ей хотелось думать, будто получилось выразительно — посмотрела сначала на блондина, а потом на ифоветку, и уставилась на бабушку. Ну неужели женщина женщину не поймёт?

***

«В табун» решили всё-таки не ехать, чему Арха была искренне рада. За одно только утро лекарка успела устать так, словно мешки с камнями таскала — тут уж не до лошадей. Да и рыжей пришлось бы пешком идти. Её лошадь один из «наложников» искать, конечно, отправился, но результатов поисков ещё дождаться надо. Потому и повернули обратно к стойбищу.

Ведунья из чистой вежливости предложила ифоветку подвести. И, кажется, умудрилась оскорбить и Ведьму, и демонессу. По крайней мере, обе глянули на неё одинаково презрительно. В конце концов, рыжая Ирда возле стремени лекарского пристроилась, шагая бойко — Арха бы через пятнадцать минут подобной прогулки пластом в траву легла. А этой ничего, и с дыхания не сбивалась. Хотя даже одежда на ней для такого путешествия неподходящей была. Кожаные брючки в обтяжку, заправленные в высокие сапоги, выглядели, конечно, мило. Но наверняка в них ноги прелели. Да и штучка, похожая на корсаж, но даже без намёка на нижнюю рубашку, слишком много тела открывала, а солнце-то пекло немилосердно. Но вольному воля.

— Интересный у тебя рисунок, — заметила Арха, просто для того, чтобы не молчать.

Шай-то тащился позади, на всех надувшись. Бабушка ехала впереди, тоже явно внучкой недовольная. А оставшиеся двое «наложников» по своему обыкновению молчали. Впрочем, они рот открывали, только если уважаемую Агной-ара поддержать требовалось.

— Это татуировка, — Ирда обернулась через плечо, словно пытаясь собственную спину рассмотреть. — Знак вороньей вдовы.

— А что такое воронья вдова?

— Женщина, похоронившая жениха до свадьбы и поклявшаяся замуж больше не выходить, — беззаботно ответила рыжая.

— Как... похоронившая? — поперхнулась ведунья. — Ты его сама?..

— Что сама? Похоронила?

— Убила...

— Нет, не я, — пожалала плечами демонесса.

Лекарка облегчённо выдохнула. Видимо, это утренний разговор так повлиял, везде ей мужеубийцы мерещились.

— Извини, что спросила. Я же не знала.

— Откуда бы тебе? — ифоветка взбила рукой волосы, проветривая шею, а, заодно, давая рассмотреть чёрную птицу, распластавшую крылья у неё по лопаткам, во всём великолепии. — Это же только наш обычай.

— А находить разбойников с большой дороги это тоже ваш обычай? —

поинтересовалась лекарка как бы невзначай.

Ирда посмотрела снизу вверх, насмешливо вздёрнув брови, усмехнулась.

— Ну, не всегда получается так, как нам хочется, — рыжая развела руками. — По плану-то ты должна была меня подобрать из сочувствия. Я же не знала, что... милорд тоже здесь. Сам же в письме настаивал, чтобы всё прошло шито-крыто.

— Как интересно, — протянула ведунья, вот почему-то теперь начиная злиться. — Сам настаивал, явно понял, что к чему и собственноручно всё дело завалил?

— Он тоже не думал, что это я буду, — неохотно ответила ифоветка.

— А что у вас какие-то особенно высокие отношения?

— Нет никаких отношений, — отрезала демонесса. — Он мой синьор и только. Да я его и видела последний раз лет пять назад. Как раз обучение закончила и меня в первый раз наняли. Ну, сагрешей.

— Да, кстати, что это вообще такое? — послушно позволяя разговор в сторону свернуть, спросила Арха.

Правда, не сказать, что у Ирды тему сменить получилось изящно и ловко, но раз не хочет говорить, то и не надо. Шай же всё равно язык за зубами не удержит, расскажет, как миленький.

— Да я же уже говорила, наперсница и телохранительница. Нас богатые ифоветы нанимают для своих жён. Род Шаррах сагрешами испокон веков славится. Так что буду я вас, леди, развлекать, пятки перед сном чесать, спинку тереть и поклонников отгонять.

— Не надо мне пятки чесать! — испугалась лекарка.

— То есть со всем остальным ты согласна? — ухмыльнулась Ирда, до боли кого-то напоминая. — Кстати, мы на «ты» или на «вы»?

— Давай на «ты», так проще, — улыбнулась в ответ Арха — не получилось не улыбаться.

— Стойте! — абсолютно неожиданно скомандовала Агной, сама коня остановив и то ли прислушиваясь, то ли принюхиваясь к чему-то.

Ведунья осмотрелась, ничего странного, понятно, не увидев: степь как степь — трава да небо.

— Дымом пахнет, — тихо сказал один из «наложников».

— Трава горит, — так же негромко добавил второй.

Прозвучало это, почему-то, угрожающе.

— Твоих рук дело, бледный? — прошипела степнячка, резко развернувшись в седле — точь-в-точь кобра, броситься готовая.

— Не моих, — ответил Шай, действительно, побледнев, глянув на Арху почему-то испуганно, — Тьмой клянусь!

— А, Бездна и перворождённые демоны, чтоб вам всем немощными стать! — бабушка дёрнула поводья, поднимая коня на дыбы, и добавила ещё несколько цветастых эпитетов. — Ходу! Рыжая, выбирайся, как знаешь!

Ирда серьёзно кивнула, отступая, будто бы действительно давая лошадям дорогу. Хотя какие тут дороги?

— Да что случилось-то опять? — растерянно спросила Арха.

Очень уж ей не понравились Шаевый испуг и то, как Ирда в свой меч вцепилась, будто с вражескими полчищами сражаться собралась.

— Степь горит! — рявкнул Шай, словно это всё объясняло. И следом выдал тираду —

не слишком цветастую, но дающую понять: всё очень-очень плохо. — Позади садись! — гаркнул рыжей, протягивая руку. — Ну!

— Мне не нужна твоя помощь! — вскинулась демонесса. — Твоя проблема леди Нашкас и...

Дослушивать список своих должностных обязанностей блондин не стал. Не долго думая, сграбастал ифоветку за волосы — рыжая только по-кошачьи взвизгнула — и бросил её поперёк седла.

— Вперёд, галопом! — рыкнул на обалдевшую Арху. — Отстанешь — убью!

— Ждать не стану! — предупредила Агной, зачем-то набрасывая на шею внучкиной кобыле петлю, зацепив другой конец длинной верёвки к своему седлу.

Демон кивнул с такой же смертельной серьёзностью, как и Ирда до этого.

— Да чтоб вам всем провалиться! — от всего сердца пожелала ничего не понимающая лекарка, пришпоривая Ведьму.

С расспросами, наверное, подождать стоило. Уж слишком все нервничали и явно рвались скакать куда-то сломя голову. Видимо, рано ведунья окончанию дня радовалась.

Глава пятая

Женская логика оставляет неисцеляемый след на мужской психике

(Из наблюдений императора Нахшона II)

Кто не видел пожара в степях, тот вообще никаких пожаров не видел. Что такое горящий лес, дом, да пусть даже замок, бором окружённый? Ничего! Громко, шумно, ярко, вонюче. Ну, страшно немного, но даже весело: сейчас ка-ак шарахнет! Ка-ак грохнет! Ой, мамочка...

Горящая трава — это совсем не страшно. Это ватный, тянущийся, как прокисшее тесто, сонный кошмар, когда понимаешь, что спишь. И от холодного пота насквозь простыни промокли. И сил больше нет засасывающую серость терпеть. А проснуться не можешь.

Тишина вокруг такая... И сравнить то не с чем: вязкая, глушащая, будто в перине, единственные звуки — глухой топот копыт и собственное надсадное дыхание. Ни треска огня, ни гула пламени — ничего. Лишь сбоку тянет жаром, как из духовки: волосы сворачиваются в оплавленные комочки, пересохшие глаза режет, обожжённая раскалённым воздухом кожа шелушится, чешется раздражённо — и не дотронешься.

Дыма тоже нет, лишь туманная завеса над травой: колеблющаяся, мерцающая, словно и она мираж. А над головой пронзительно синее нереальное небо. Никак не подходящее ни тишине, ни призрачной траве, ни хриплому, на срыв, дыханию — твоему и твоей лошади.

От степного пожара не уйдёшь, не опередишь — огонь быстрее любых крыльев. Арха сама видела, как чёрная птица камнем рухнула с неправдоподобно-бесконечного неба. Нет, огонь её не достал — его и не видно, огня-то. Горячий, невероятно горячий, лишённый и глотка кислорода воздух сшиб ястреба, бросил в мерцающую траву.

Шанс спастись, не испечься заживо, всего один, другого никто не даст: уйти из-под ветра, найти уже выжженную землю, обойти пожар, оказавшись позади него. Для этого нужна почти невероятная удача, одна возможность на миллион. И это понимали и демоны, и кони, дико скалящие морды в бахrome пены, пучащие налитые кровью глаза. Через Тьму Шай вынесет двоих, троих максимум. А их шестеро, да ещё и лошади. Кому оставаться, кому спастись? Тянули до последнего.

А пожар играл с ними — эдакий огромный, огненный кот с гривой раскалённого ветра. Он то дул ровно, нагоняя поток обжигающего воздуха сбоку, будто его кто мехами накачивал. То вдруг замирал, давая на мгновение, всего на один удар сердца поверить: всё кончилось! То бросался прямо в лицо, заставляя коней вставать на дыбы, едва не заваливаясь на бок, разворачивать, нестись в другую сторону — без направления, без цели: только бы уйти, сбежать!

И всё это... как во сне. Есть безумная скачка, есть хрипы, есть уже привычная барабанная дробь крови в висках и гонка, призом в которой всего лишь твоя жизнь тоже есть. Но это тянется, тянется, тянется ночным кошмаром, бесконечно и медленно, неправдоподобно, будто у мира, как у часов, заканчивается завод и он вот-вот остановится.

И завод кончился. Реальность врезалась в грудь, в лицо тараном, выбивая жалкие остатки кислорода. А всего-то и случилось, что рухнул шаевский конь. Сам ифовет среагировать успел, да ещё и Ирду поддержал. Соскочил лаской, спружинив на напряжённые

ноги, едва коснувшись земли ладонями. И тут же отдёргнул руки, зашипев: почва нагрелась, словно противень.

Чёрный жеребец завизжал зло, забил ногами, пытаясь встать, вытянул мокрую морду, напрягся так, что вены на шее верёвками вздулись. И лёг, вытянувшись, смирившись, только крутой бок поднимался тяжело, судорожно.

— Поднимай! — крикнула Агной — в голосе самая настоящая ничем не прикрытая паника. — Поднимай его, пешком не уйдёшь!

Демон зачем-то стащил на шею косынку, которой нос со ртом прикрывал, утёр лицо, огляделся растерянно — на Архе взгляд даже не остановился. И махнул шаверке: езжайте, мол.

— Хотя бы её через Тьму вынеси! — почти взмолилась бабушка, подбородком на внуку показав.

— Сил не хватит, — мотнул головой блондин. — Теперь уж и один не пройду.

Арычар кивнула в ответ, дёрнула аркан, на котором Ведьму держала.

Лекарка хотела сказать, что никуда она без Шая не поедет и даже поводья натянула, но... не успела.

Ветер снова замер, а с ним и всё остальное: отворачивающийся Шай, напряжённо вытянувшаяся в седле бабушка, лежащий на раскалённой земле конь, Ирда, на эту же землю, наоборот, садящаяся. Только и в этом замершем мгновении что-то ещё жило, что-то неопределённое, едва уловимое, на грани чувств. И лишь когда это «что-то» повторилось, до Архи дошло: в ней шевельнулось, толкнулось мягко, будто ладошкой изнутри тронуло. Чуть-чуть тревожно и немного напугано: «Что там такое? Ничего же страшного, правда?»

А замерший ветердохнул, словно воздух набрав, ровно дунул сразу отовсюду: с лева горячо, привычно. Спереди, справа, позади дыхание ещё не было раскалённым, терпеть можно. И трава по-прежнему стояла стеной, ещё не мерцая. Но Арха поняла... Да нет, не поняла, а будто на ухо кто шепнул: «Всё, конец!» Значит всё-таки ей на роду сгореть написано?

Поняла-то ведунья другое. Хотя нет, тоже не поняла. Осознала, прочувствовала до щекотки под черепом: у неё внутри... живут. Там, где-то под рёбрами свернулся в темноте крохотный, голенький, с мягкими беззащитными ушками, на мышонка похожий. Абсолютно беспомощный — делай с ним всё, что вздумается. Он в ответ только глазёнки станет испуганно таращить, даже пикнуть не способный. Хотя нет, глазки открыть силёнок не хватит. Но мышонок-то живой. И у него всей защиты только она и есть — Арха. Мама... Это она мама.

— Гоните, ну! — рявкнул Шай, замахиваясь, чтобы шлёпнуть и без того нервно танцующую Ведьму по крупу.

Арха рванула поводья, заставляя лошадь назад податься. Дёрнула ворот рубашки, вцепилась в цепочку, накручивая её на пальцы. Все барьеры, все стены, которые привычно, даже сама этого не замечая, держала — зачем? для чего? — будто тем же огненным ветром сдуло: «Дан!»

Тьма! И вправду, зачем, для чего? «Я сама»? Что сама, почему сама? Когда у неё есть тот, с мягкими ушами, при чём тут «сама», «надоело», «не могу больше»?

Вот сейчас и впрямь не может.

«Дан!»

— Давайте туда! Прорвётесь!

Ведунья не поняла: кто кричит, кому кричит — не до этого было. Приподнялась в стременах, крутя головой, пытаясь найти в мерцающем, подступающем мареве рогатую фигуру, верхом на чёрном жеребце.

«Дан!»

Ответ пришёл. Просто потому, что по-другому случиться не могло. Ну не могло и всё!

«Я здесь...» — как будто в затылок подуло свежим, прохладным.

Помаргивающая туманная дымка дёрнулась в стороны, словно её изнутри одним махом разорвали, выплёвывая, выгалкивая из себя тёмные фигуры. Мерещилось: кони в хмарной пелене ногами только перебирают, не касаясь земли. И всадники эти — тёмные, вырезанные на самой Тьме силуэты — казались нафантазированными. Масляно-сдержанно поблёскивающая сбруя, развевающиеся перья на шляпах, плащи... Какие тут могут быть перья, какие плащи? Здесь только пропотевшая до соляной корки рубашка, да чуть влажная косынка на лице. А ещё ватная тишина, даже стука копыт не слышно.

Но почему-то они, абсолютно неправдоподобные, сейчас были единственно настоящими в сонном кошмаре.

«Я здесь» — привычно-уверенное, до боли знакомо-самоуверенное. Реальное.

***

Вот, казалось бы: возлюбленный спас, кошмар и ужас позади, а впереди исключительно тихое безоблачное счастье — живи да радуйся! Кинься на шею драгоценного своего жениха, признайся, что дурой была, поцелуйтесь и отправьте все проблемы в мусор.

Как бы ни так! Во-первых, тот самый драгоценный жених к общению явно не рвался. Наоборот, старался подальше держаться, а в сторону наречённой и не смотрел даже. Во-вторых, кидание на шею ничему не помогло. Дан постоял, терпеливо пережидая, когда Арха с него слезет, да и отошёл. С поцелуем, понятно, тоже ничего не вышло.

Конечно, всё на усталость списать можно. Лекарка никогда не задумывалась, легко это или тяжело через Тьму ходить. Сегодня у богини настроения общаться не было, и шуток она не шутила, за что спасибо ей большое. Вот только видимо, четырём лордам, даром, что высшим, непросто далось перетаскивание четырёх же шаверов, двух ифветов, одной лекарки и пяти лошадей в придачу.

И перенеслись-то недалеко — на скальный клин, горбящийся над степью драконьим позвоночником. Отсюда пожар был хорошо виден, особенно когда солнце садиться начало: висел над землёй купол плотного, неподвижного, совсем почему-то не клубящегося дыма, подсвеченного снизу оранжевым. И даже странно, почему там, среди горящей травы, он совсем незаметен?

Пока Ирраш, предварительно дав Шаю в челюсть, подробно, обстоятельно, эмоционально и очень громко рассказывал Архе, почему она дура, Тхия, молчаливым неодобрением и укоризненными взглядами демонстрируя ведунье её идиотизм, нашёл пещерку. Не пещеру даже, а просто арку в камне, зато с потрясающе прохладным ручейком. Бабуле это нагромождение камней не понравилось. Агной пробурчала, мол: «Незачем здесь без дела появляться!» — но пояснять ничего не стала, только рукой махнула.

Костёр разводить никому не захотелось. Подкрепились хлебом и сыром, розданным бывшими гвардейцами, и все дружно завалились спать. И никакого тебе безоблачного счастья.

Лишь лекарке не спалось. Вернее, она, было, провалилась в дрёму. Но вдруг стало так жарко, что Арха на ноги вскочила, подбежала к роднику, на колени упала да и сунула голову

в воду. От холода виски заломило и зубы, зато лицо немедленно печь перестало. Выпрямилась, отряхнувшись, как кошка — прикасаться к обожжённой коже руками и думать не хотелось.

Дан стоял неподалёку, сунув ладони за ремень, камзол перетягивающий, смотрел на ведунью. Почему-то так неудобно стало, будто её чужой за чем-то неприличным застукал. Главное, не понять, от чего некомфортнее: оттого, что чужой или потому, что неприличное сделала.

— Спасибо, — пробормотала лекарка, ничего умнее не придумав.

— За что? — помолчав, равнодушно поинтересовался хаш-эд.

— За то, что нас искали. Мне Адин сказал: вы с утра по степи...

Лорд Харрат мотнул головой: непонятно, то ли соглашаясь, то ли во Тьму девушку вместе с её благодарностями посылая. Развернулся, да и пошёл к выходу. И опять же непонятно: расценить ли это как приглашение или оставить демона в покое?

Арха следом поплелась, потому как невозможно вот так чувствовать: Дан — и вдруг чужой?

А снаружи хорошо было. Уже совсем стемнело и небо над головой перевёрнутой чашей с бисером звёзд, каждая размером с яблоко. И тонкая полоска зарева на горизонте выглядела романтично. Цикады тихонечко стрекотали. Ветер, прохладный и совсем не страшный, зарылся пальцами в мокрые волосы.

Хаш-эд далеко отходить не стал. Облокотился о колено, поставив ногу на камень, нагнулся вперёд, сторбился.

— Дан, ну честное слово! Я на самом деле ни в чём не виновата и этот...

— Дело не в этом, — тут же перебил её демон, а у самого голос всё такой же ровный и совсем безучастный — никакой.

— И в чём же дело? — обречённо выдохнула лекарка.

Вот так, получается? Здесь и сейчас, в самый раз после того, как она едва не погибла; сразу следом за осознанием, что значит беременной быть, и состоится Тот Самый Разговор? Наверное, давно пора поговорить. Нет, не так. Давным-давно пора бы поговорить — вот как. И ни подходящего времени, ни подходящего места для него никогда не найдётся. Но сейчас... Как-то это совсем несправедливо.

Главное, запросто можно развернуться да уйти, Дан останавливать не пожелает — это точно. Всё останется по-прежнему, можно сделать вид, будто ничего такого и не происходит.

— Почему ты со мной не поговорила?

А вот сейчас можно спросить: «О чём?», потом прицепиться к словам, перевести совсем на другое...

— А смысл? — откликнулась тихо.

— Весь смысл в том, чтобы ответ получить, желательно правдивый, нет?

Хаш-эд глянул на лекарку через плечо, но темно, лица не разглядеть. Только далёкое пламя чуть подсвечивает кончики рогов.

— Ты политик. Тебе врать, как дышать, — пожалала Арха плечами.

— Хочешь, Тьмой поклянусь?

— Не хочу. Слишком уж много мы клялись. Кажется, между нами ничего, кроме этих самых клятв и нет.

Вроде бы, кто-то уже говорил, будто между ними ничего, кроме клятв, нет. Правда, это

давно было. Сейчас и не вспомнить, кто сказал. Наверняка Адин, кто же ещё?

— То есть правду тебе знать и не обязательно, — по-прежнему равнодушно резюмировал Дан. — Тогда, чего ты хочешь?

— Данаш, принцы не женятся на простолюдинках.

— Не женятся, — согласился демон.

— И лорды не влюбляются в нищенок.

— Не влюбляются.

— А человечки не становятся первыми леди империи.

— Третьими, а то и десятymi, — холодно поправил Дан. — Есть ещё королевы, принцессы, тётушки-матушки. Но да, не становятся.

— Тогда к чему это всё?

И снова руками развела, и снова плечами пожала, и головой помотала, будто бы не она это всё говорила, а если и говорила, то не те ответы слышала. Но как по-другому реагировать?

— Ты не простолюдинка, не нищенка, и не человечка. Ты леди Арахша апэр Нашкас из рода Каро. Конечно, тоже мезальянс, но его мне простят.

Помолчали. Вроде бы всё сказано, а на самом деле ничего. Вот совсем ничего: как было, так и осталось.

— Поправь меня, если ошибаюсь, — начала Арха, сумев-таки затолкать в желудок очень большой, очень ёжистый, и очень горький ком. — Вот всё с самого начала. Мы познакомились и ты захотел...

— Тебя трахнуть, — любезно подсказал лорд, решивший, видимо, побыть откровенным и честным.

— Вот именно, — опять покивала лекарка. — Потом эти ваши долги дурацкие. Но, наверное, ещё и забавным показалось такую ручную зверушку себе завести, правильно? А что, сам же говорил: необычная, мужчины на меня ведутся, забавная, да ещё и влюблённая до одури. Верно?

— Верно, — согласился лорд. — Кажется, в другом тебя и не убеждали.

— Ну да, ты сразу сказал, что ничего кроме места любовницы, мне не светит.

— Сказал, — рога на фоне неба едва заметно шевельнулись — кивнул. — Я никогда не принуждал, ни разу. Выбор всегда твой.

— Принуждал, — хотела улыбнуться, да губы в улыбку никак не складывались. — Но я не сопротивлялась. Только скажи, что потом-то случилось? Нет, я не про то, как пытался... до себя подтянуть. Мне лишь интересно, когда заставлял отца меня признать, уже просчитал, как вынудишь Ирраша в род взять или идея позже пришла?

— Это имеет значение?

— Да нет, пожалуй. В ваших интригах разбираться — голова заболит. Но на вопрос ты всё-таки ответь.

— Какой?

— Что же потом-то случилось?

Кое-чему она у своих демонов всё-таки научилась. Например, упрямству.

— Понял, что ты моя, принадлежишь мне. Ты мне нужна. Очень. Это хотела услышать?

— Нет, не это.

Дан кивнул, снова соглашаясь. Ведь и сам знал, что не это.

— А больше мне дать нечего.

— Да почему, Тьма тебя задери?!

— Спроси у Шая, чего вся ваша любовь стоит, — глухо проговорил Дан выпрямляясь. —

Спроси у моей маменьки и Адаши. У Адаша тоже можешь поинтересоваться, у Адина.

— У Тхия с Ю, — с энтузиазмом продолжила лекарка, — у Ирраша с Ллил.

— У них особенно, — хмыкнул хаш-эд. — Мы завтра в столицу возвращаемся. С нами поедешь?

А это, пожалуй, был самый сложный вопрос. Знать бы, как на него правильно ответить. И есть ли он, правильный ответ.

— Нет, мне надо... — мотнула головой, то ли показывая, что ей надо. То ли слёзы смаргивая. — Мне надо.

— Хорошо, я буду ждать, — прозвучало это, как клятва. Дан потянулся, провёл, будто слепой, пальцами по лбу лекарки, носу, щеке. — А бастардов у меня никогда не было.

Развернулся, да и ушёл в пещеру.

***

Хаш-эд то ушёл, а Арха осталась. Уселась на тот же камень, подобрала ноги, прижав коленки к груди. Очень, ну просто почти невыносимо хотелось плакать. Но ведунья не стала. И не потому, что слезы тут вряд ли помогли бы. Примерещилось, что от рёва мышенок проснуться может. Зачем ему это? Там, внутри, тихо, спокойно и уютно — пусть так и останется.

— Фу-ты ну-ты, страсти какие! — фыркнуло совсем рядом. — Аж на слезу пробрало.

— Кто здесь? — почему-то шёпотом взвизгнула лекарка и сама себе рот зажала, тоже непонятно зачем.

— Я здесь, ты здесь, а кто нам ещё нужен? — рассудительно отозвалась темнота. — Нет, если, конечно, хочешь, можно твоего рогатого обратно позвать, да за надо ли?

— За надо? — тупо повторила ведунья.

— Ну я про тоже, — согласились рассудительно. — Не за надо.

— Да вы кто?

— Я-то? — удивилась темнота, будто в жизни такого глупого вопроса не слышала. — Я — это я. И ты — это ты. По-другому разве может быть?

— Простите, но я вас не вижу совсем, — призналась Арха, уже морально готовая завизжать теперь по настоящему — так, чтобы в Ахаре услышали.

— А зачем тебе на меня смотреть? — хихикнуло удивлённо. — Я, чай, не невеста на выданье, да и ты на хорошего жениха не смахиваешь, нарчар. Впрочем, на плохого тоже не похожа. Хотя вот невеста получилась хоть куда. Тошная, бледная, с пузом и рыдает, — темнота рассыпалась сухими, отрывистыми смешками, как горохом. — Ну чего ты меня боишься-то? Вон, истряслась вся, глядеть радостно. Бабка я твоя.

— Ещё одна?

— Не ещё одна, а всего лишь вторая по роду. По уму-то и первая, — темнота возле локтя ведуньи не то чтобы посветлела, но как будто подтаяла, жиже сделалась. И оказалась, что рядом с камнем сидит себе шаверка. Архе примерещилось, что она в лекарку змейёй швырнула. На самом же деле просто клюкой за плечо зацепила, не дав с камня сверзиться. А потом и в запястье тонкими костлявыми пальцами впиалась, помогая выпрямиться. — Ну и куда это ты собралась, кровь от крови моей? — поинтересовалась ехидно. — Сама пришла, не звал тебя никто и бежать? Ничему, видать, родня не научила, даже ведовству!

— Ведовству?!

— Вежливости! — огрызнулась шаверка.

И подняла голову, скинув на плечи то ли капюшон, то ли просто покрывало. Темнота не давала лекарке женщину рассмотреть как следует. Но одно Арха могла сказать точно: возраст бабушки — той, что в пещере спала, а не вновь обнаруженной — ей определить было не под силу. Эта же оказалась старухой. Да такой, основательной, одной ногой на погребальном костре стоящей.

— Ну, и чего припёрлась? — поинтересовалась бабка уже без всяких смешков, неприязненно даже.

— Да мы тут случайно оказались. Там пожар, а мы сюда и... — забормотала лекарка, судорожно соображая, пора уже на помощь звать или ещё подождать можно?

— Здесь никто случайно не оказывается, — сообщила старуха веско, наставительно. — К Элной-ара Тьма просто так никого не приводит. Раз очутилась тут, значит, за надобностью, — странная шаверка вдруг понизила голос до свистящего шёпота. — Места тут тайные, заповедные. Вот сколько живу здесь, а самой порой боязно. Тени какие-то, шепотки по ночам чудятся. А то вдруг раз!.. Эй, ты куда намылилась-то опять?

— Никуда, — проворчала ведунья, обратно на камень забираясь. — Я упала. Так что там раз?

— Да то и раз. А, может, два или даже три, — отмахнулась шаверка. — Одно я тебе скажу, девочка. Ты страдания-то свои не страдай. Нету на то достойной причины. И недостойной нет. Никакой не-ту, — она развела руками, едва не задев клюкой Арху по носу. — Вот ты мне ответь. Если кто-то, к примеру, свою жизнь едва ль не с колыбели расписал и идёт себе так упорненько, трудненько, но идёт, шагок за шагочком задуманное свершая, а?

— Что?

— Отвечай, давай! — грозно потребовала бабка.

— Так вы вопрос-то задайте, — робко посоветовала лекарка.

— Ты глухая, что ль, или дура наовсе? — удивилась старуха. — Вроде на имперском изъясняюсь, не на гхарском. Ладно, спрошу ещё раз: за ради чего он это всё бросить должен?

— Ну-у...

— А ты не нукай! — прикрикнула шаверка. — Лошади твои вон там, а меня не запрягла! Давай, давай, соображай.

— Если близкому беда грозит? — ещё осторожнее предположила лекарка.

— Это кому такому-разэтакому тут беда грозит? — вконец рассвирепела женщина. — Тебе, недоразумение с выменем? Да что-то никакой беды над тобой не вижу! А ну хватит себя пупом мира считать!

Ведунья опять едва с камня не свалилась, шарахнувшись от свистнувшей кнутом клюки.

— Я ничего не понимаю... — протянула жалобно, нервно на пещеру оглядываясь.

Кажется, на помощь позвать всё же стоило.

— Вот хоть бы раз, хоть бы один разочек с первого раза кто понял, — хныкнула старуха, утирая сморщенную, как печёное яблоко, щеку. — Этому всё разжуй да в рот положи. Этому разъясни. Уж думала, в родной-то крови мозгов побольше, а туда же — дура и есть. Слушаешь меня или нет?

— Слушаю, — покорно согласилась Арха.

— А раз слушаешь, то отвечай. Ну вот кто в том виноват?

— В чём?

— Ах ты, Тьма! Ну, говорю же, говорю! Ты чего получить желаешь? От жизни своей кривой? Вот там хотела лекарем стать, в книжках умных рылась. А потом? Ну, соображай быстрее, некогда мне тут с тобой.

— Откуда вы?..

— Я всё ж Элной-ара, а не кобыла недоенная, — хмыкнула шаверка. — Ну, отвечай скорее!

— Да не знаю я! — выпалила вконец растерявшаяся лекарка.

— А я об чём?! — возликовала бабка. — Про тоже талдычу, уже весь язык отболтала. Не знаешь ты, чего тебе и нужно, урыльник твой поросычий. А от мужика, у которого всё по шажочкам расписано, ещё требуешь чего-то. Промежду прочим, чего и требуешь, сама не знаешь. Ты б в себе покопалась: чего хочу? Чтоб на руках с утра до ночи носил? Чтоб сидел рядышком, за ручку держал? Чтоб в глазки глядел?

— Да какие глазки?!

— Во-во, и я о том же, — старуха ласково погладила ведунью по руке. — Ты в себя-то загляни, загляни. Самое время сейчас, ведь никто за плечом не маячит. Нету ничьей власти — ни Тьмы, ни Жизни. Пойми, что тебя надобно, нарчар. А там уж и мужику несчастному душу выедай по кусочкам.

— Я выедаю? — тяжело изумилась Арха.

— Ты, ты! — закивала шаверка радостно.

Видимо, обрадовалась, что лекарка поняла, что ей втолковать пытались. Разубеждать полоумную ведунья побоялась.

***

Вроде бы всем давно известно: нервировать беременных женщин нельзя. Но в последнее время окружающие только и делали, что Арху пугали. Причём делали это удивительно однообразно, подкрадываясь незаметно. Вот и родная бабуля объявила о своём появлении тем, что внучке руку на плечо положила, да ещё похлопала успокаивающе. Хорошо, что сама за спиной ведуньи встала — лишь поэтому лекарка опять не навернулась.

— Проснулась — смотрю, а тебя нет, — заботливо пояснила Агной. — Решила проведать. Зря мы всё же дозорных не выставили. Конечно, тут, вроде, злодеев тут сроду не водилось, но глаза лучше открытыми держать. Хотя оно и понятно: что с мужчин возьмёшь? Они духом слабы, значит, и в теле сил немного.

— Сама же чего сторожить не встала? — насмешливо спросила старуха, на земле сидящая. — Легко на мужиков пенять, когда по старости да немощности сил осталось — сурок наплакал.

— Ты бы шла в пещеру, нарчар, — будто ничего не слыша, заботливо посоветовала степнячка. Эдаким специальным нежно-бабушкиным голосом посоветовала — Архе от неё подобного слышать ещё не доводилось. — К утру же сквозить стало, как бы тебе не простыть. А то смотри, я своих мужчин попрошу, рядом лягут, согреют.

— Нет, не надо! — выпалила лекарка, представив, как на такую заботу её демоныотреагируют. — Всё хорошо, мне и так жарко!

— Ну, смотри, — усомнилась шаверка. — Только себя-то беречь надо.

— Ты её слушай, слушай, нарчар, — хихикая, подсказала старуха. — Как уж себя-то сберечь, красотка Агной не понаслышке знает. Ей до других дела нет, лишь бы собственная шкурка в целости осталась. Да ещё в тепле и уюте, золотом украшенная. И ведь не посмотрит, что золото чужое, а тепло ворованное!

— Ничего я у тебя не крапа, дура старая! Я не виновата, что ты спятила!

Вопящей Агной, да ещё так, что слюна брызгала, Архе видеть тоже ещё не приходилось. С другой стороны, много ли она про родную бабушку знала?

— Спятила-поспятила! — завопила в ответ старуха, проворно на ноги вскакивая и даже про клюку свою забыв. — Сама дура, дура, дура! — лекарка была уверена: сейчас язык покажет. Не показала. — Скажешь, не ты у меня жениха увела? Другая, может, кто?

— Да не был он никогда твоим женихом! Он от тебя, как от бешеной кобылицы шарахался!

— Не ври, чего не знаешь! Он в твой шатёр зашёл, просто потому, что заблудился!

— Не заблудился, а от тебя прятался! Ты его своей рожей овечьей напугала до икоты!

— А с чего она у меня вдруг овечьей стала? Кто на меня ос насрал, кто мёдом меня намазал, пока спала? Не ты?

— Мало намазала! Надо было тебя в муравейник сунуть! Ты мне подпругу подрезала и тетиву подпалила!

— Так ведь не просто ж так! Кто у меня подвеску с камешками голубенькими попёр?

— Сама вначале у меня спёрла, а потом говорит, будто её, будто я? Как тебя Тьма только выносит?! Так и не выносит же, потому ты до сих пор и не сдохла, карга старая!

— А это, вообще, кто?

Негромко, так, что Арха, над ухом которой клекотали две разъярённые демонессы едва расслышала, поинтересовалась Ирда. Оказывается, пока шаверки пытались друг друга перекричать, спящие в пещере успели проснуться и наружу вылезти. Впрочем, это как раз и не удивляло. Гневных женских воплей даже цикады испугались, присмирели.

— Если я всё правильно понял, — пояснил один из «наложников», демонстрируя, что имперский местные шаверы всё же знают, — та, что с палкой — уважаемая Элной-ара. Другой тут взяться неоткуда, на этой горе только она живёт.

— И кто такая эта Элной-ара? — почесав нос, поинтересовался Шай.

— Видящая, — пожал плечами шавер. — Умеющая зрить то, что было и то, чему ещё только суждено случиться. Но об этом её редко спрашивают. Не дело смертным знать, что им Тьма уготовила. Потому к ней и обращаются только за тем, чтобы она растолковала, как сейчас жить. Советы даёт толковые. Если, конечно, понять. Уж больно запутанно говорит.

— Это точно, — подтвердила Арха, бочком, перебирая руками по камешку, отодвигаясь от старух.

— Н-да, — хмыкнул Дан. — Говорят и впрямь запутанно. Ирраш, разобрался бы ты, что ли?

— Почему я? — изумился лорд Нашкас. — Это не мой род, не мои женщины. Я тут вообще чужой.

— Зато шавер, — ухмыльнулся Шай, скривив надутую кровоподтёком щёку, — тебе и карты в руки.

— Я ещё жить хочу, — пожал плечами грозный капитан столичной стражи.

— Ну а вы? — хаш-эд искоса глянул на «наложников».

Неприяженно так глянул. Может, всё-таки слышал предложение заботливой бабули? Или ему просто местные нравы не нравились?

— А что мы? — хмыкнул тот самый, имперский знающий. — Нам только Агной-ара приказывает.

— Не смотри на меня! — выставил руки Тхия. — Я больше в женскую драку не влезаю.

— Так драки ещё и нет, — заметил Адин.

И припоздал с замечанием. Потому что пока он говорил, шаверки успели-таки в волосы друг другу вцепиться. Визжа и завывая, как самые натуральные кошки, покатались по земле, совершенно неженственно лягаясь.

Арха понятия не имела, как происходят демонические бои за право сильного. Вполне возможно, что её неведомый дед тоже отстаивал свою власть, пытаясь супруге глаза выцарапать, но это вряд ли. По совсем не экспертному мнению лекарки, Агной-ара в такой драке не сильна была. Старуха с клюкой явно брала верх. Уже и уселась на поверженную ступеньку, левой рукой вцепившись в шевелюру соперницы, а правой клюкой охаживая.

— Дан, как-то это... нехорошо, — высказал своё мнение Тхия, то ли неприязненно, то ли болезненно морщась.

— И почему всегда я? — едва слышно вздохнул хаш-эд.

Но, видимо, вздох расслышала не только лекарка.

— Потому что это твои будущие родственницы? — усмехнулся Ирраш.

— Твои тоже, — мрачно буркнул лорд Харрат.

— Справедливо, — мигом посмурнев, согласился шавер.

И глянул на Арху очень, ну просто очень недовольно. И вот как так получается: чтобы не случилось, чтобы не стряслось, а виноватой она оказывается? Проклял, что ли, кто при рождении?

А Дан на лекарку так и не посмотрел. Он, кажется, её вообще не замечал.

Глава шестая

Никогда не делайте зла назло. Гадости должны идти от души

(Из наблюдений мистрис Шор)

Солнце ещё толком встать не успело, а демоны уже обратно в столицу засобирались. Лорд Харрат Шая в сторону отозвал, долго ему что-то втолковывал. Судя по вытянувшейся физиономии блондина, ничего хорошего демон не услышал. Арха за их разговором со стороны наблюдала, сама не очень понимая, хочет она, чтобы Дан с ней попрощался или не хочет.

Выяснить мнение самого хаш-эда не удалось. Адин не дал дожидаться отбытия бывших гвардейцев. Настойчиво так за ручку ведунью взял и повлёк за собой. Может, и хорошо, что повлёк. По крайней мере, не пришлось наблюдать, как Дан её не замечает демонстративно.

Далеко синеглазик лекарку уводить не стал, всего-то за скальный взлобок завернул. А там уже и костерок разведён, и сухие сосновые иголки в кучу собраны, чтобы сидеть удобнее. Вон на эту кучу Адин и приземлился, царственным жестом предложив и Архе располагаться.

— Я тебе кое-что рассказать хочу. Честно говоря, давно хотел. Но Дан... Он считает, что тебе это всё не нужно. Говорит, что вас такое никак не коснётся. А в жалости, — Адин усмехнулся невесело, бессмысленно перевероршил палкой костерок, — наш лорд Харрат никогда смысла не видел. И если уж что-то не имеет прикладной пользы, то оно и не нужно.

— Да уж, — о своём вздохнула Арха.

— Ну, вот и я о том же, — демон вытянул ногу, откинулся назад, облокотился, глядя на дымную полоску горизонта. — В общем, я сначала про себя, а потом про других, чтобы понятней было, ладно? — ивтор быстро улыбнулся, будто стесняясь, головой покачал. — Мне-то повезло больше, у нас бабушка была. Её, конечно, к сёстрам приставили. Но уж раз рядом постоянно крутился, то она и меня под крыло взяла. Так сказать, до кучи. Вообще-то мне свои мамки-няньки полагались, но отцу из столицы за воспитанием детей присматривать неудобно, да и некогда. А мать... Моя родительница — это вообще отдельная песня, как-нибудь в следующий раз о ней.

Адин потянулся, сунул палку в костёр, покрутил веткой в воздухе, раздувая тлеющий на конце огонёк.

— Чтобы тебе про воспитание маленьких дворянчиков и высокие отношения в аристократических семьях кое-что понятно стало: отсылают мальчишек из дома почти сразу, как самостоятельно туалетом пользоваться научатся.

— Куда отсылают? — не поняла ведунья.

— Погоди, — отмахнулся, от неё демон, — всему свой черёд. Так вот, за всё время я родных навестил целых два раза. Потом уже кадетский корпус был, тогда вообще домой не ездил. И в самый раз, когда кадетствовали и всплыла правда про мою ущербность.

— Адин...

— Арха-а, — передразнил её ивтор, ухмыляясь. — Я, конечно, не Дан, но в жалости не нуждаюсь. И котятчи глаза по моему поводу делать не нужно. Слава Тьме, давно уже взрослый и местами даже состоявшийся лорд. Не о том речь. Так вот, когда отец о моих

предпочтениях узнал, он мать с бабкой выгнал.

— Как выгнал?!

— Просто. Выставил за ворота в чём были, — равнодушно пожал плечами синеглазик. — Я их потом нашёл, конечно. Ну, как нашёл? Бабушка к тому времени умерла, а мать окончательно с ума сошла. От меня-то отец отречься никак не мог, хоть ему и очень хотелось, но всё же единственный наследник. Естественно, он второй раз женился. Но у них только ещё, по-моему, три дочери родились. Сына нет, это точно. Но от моих сестёр по матери отказался. Чтобы, как он выразился, не плодили дурную кровь. Спасибо Адашу, у нас теперь собственное имение есть, да ещё и гербовые привилегии — я могу им хоть какое-то приданое собрать.

Адин снова сел, подобрав под себя ноги.

— Так к чему я это? Мать он вышиб за то, что урода родила. А бабуку за то, что благодаря её воспитанию таким вырос. Но, честное слово, в платья меня не рядили, вышивать не заставляли и кукол отбирали. Хотя, клянусь, я очень обижался. Но суть в том, что отца никто его не осудил.

— Да почему?

— Да потому, — демон переломил свою палку, кинув обломки в костёр. — Ты пойми — это не хорошо и неплохо. Это так, как оно есть. Так принято. Так и никак иначе. Чистота крови, величие рода и его же честь — вот, что важно! Всё остальное в расчёт не берётся. Адаш с Адашей в первый раз увиделись перед самой отправкой в замок Харратов. А они, на минуточку, близнецы. Просто Адашу при себе отец держал, а это как раз неправильно. Адаша же мать воспитывала — правильно. Кстати, при первой встрече Адаша братцу нос расквасила.

Адин усмехнулся, головой покачав, будто недоумевая, как такое получилось.

— В общем, мне повезло. Мне и Иррашу. Потому что мы пусть и смутно, но помним, что значит детьми быть. Любимыми. Остальным гораздо меньше подфартило.

— Адин, я...

— Подожди. Это всё присказка была, сказка ещё впереди, — пообещал демон, пристраивая руки на колене. — Я уже говорил: детей дворян из дома отсылают, как только они штаны мочить перестают. Не у всех родителей хватает денег, мозгов, понимания и Тьма знает чего ещё, чтобы воспитать отпрысков правильно. А корона постоянно нуждается в образованных чиновниках, офицерах, придворных. И образованных правильно... Прости, я опять, кажется, заговорился, — ивтор покосился на Арху виновато.

— С тобой такое бывает, — проворчала лекарка.

— Профессиональный перекоп, — Адин улыбнулся застенчиво. — Так вот, у высшего дворянства есть такая, скажем, общественная нагрузка. Они принимают детей своих вассалов, обучают их, содержат за свой счёт, вместе с собственными отпрысками. Вот так мы все дружно и оказались в замке Харратов.

Ивтор помолчал, подобрал с земли новую ветку, поворошил ей костёр.

— Я не знаю, с чем это сравнить. Поэтому просто расскажу. Общая спальня на пять, а то и десять воспитанников. Кровать одна на двоих, одеяло тоже. Комнатки крохотные, без окон, чтобы сквозняков не было: душно, вонь, как в конюшне. Зимой холод жуткий — каминов-то нет. Пойди, протопи такую громадину! Никаких лесов не хватит. Новая одежда выдаётся один раз в год. Вырос ты из рубашек, не вырос — никого не интересует. Сам штаны разодрал — сам чини. Представь, как штопает ребёнок? С утра и вечером вполне взрослая

муштра. Днём занятия: языки, этикет, генеалогия, каллиграфия, чтоб её... — демон хмыкнул, словно что-то приятное вспоминая. — Мне это каллиграфия сложнее всего давалась. Неправильно написанное пытался пальцем стереть. А наказание одно — розги. И за невыученный урок, и за испорченную бумагу, и за испачканные руки.

— Адин, пожалуйста!.. — почти взмолилась ведунья.

Но ивтор в ответ только головой отрицательно мотнул.

— Но всё это можно перетерпеть. Самое сложное — голод и невозможность одному остаться. Чего ты так смотришь? Самый настоящий голод. Представь, сколько стоит прокормить ораву подростков в тридцать с лишним голов? Нет, родители за нас, конечно, что-то там платили, но не все. Кто-то вообще на попечении короны был. У кого-то не родители, а опекуны. Да и лорду Харрату никакого дела, сыты там его воспитанники или нет. Естественно, и завтраками, и ужинами кормили, но за день напластаешься так, что... В общем, есть хотелось постоянно. Особенно маленьким тяжело приходилось — старшие еду отбирали. Потом-то сами старшими стали. Крестьяне из деревни, что рядом стояла, нас ненавидели. Мы их поля с огородами как саранча обирали, и вырасти толком не успевало. И ведь ничего не поделаешь: лорды! Ну, местные мальчишки, понятно, иногда вылавливали по одному, морды били. Не веришь, что так быть может?

— Верю, — кивнула Арха, старательно в сторону глядя. Кормилица Дана ей похожее рассказывала. Не от хорошей же жизни маленький лорд в собачьей конуре прятался. — Ты говори.

— Да я, в общем-то, уже закругляюсь. Последнее, что сказать хотел. Вот говорят, что собственничество у демонов в крови. Может и так, только... Мы постоянно жили толпой. На плацу, в классах, на обеде. Даже в кровати ты не один, даже одеяло приходится делить. Ничего, кроме одежды, своего нет, а если есть... У Шая медальон был с материнским портретом — спёрли. Потом оказалось, просто из зависти. Как так? Ни у кого нет, а у него есть? Вот и спёрли, в нужник выкинули, чтобы и у него ничего не было. И за всё приходится драться: за кусок хлеба, за неразболтанный тренировочный меч. И за то самое одело тоже. Прости, у меня с тех пор на одеяла и кровати фетиш.

Адин опять улёгся на землю, заложив руки за голову, прищурился на солнце, белым мячиком маячившем в небе.

— Я жутко крестьянам завидовал. Всё мне казалось, что у них какая-то необыкновенная свобода есть. Захотят — в лес пойдут, захотят — в поле. И никакой горн им не указ. Жизнь-то у нас по горну считалась: побудка, на уроки, на тренировки. Мне очень хотелось горнистом стать. Мерещилось, будто он в замке командует, и все ему подчиняются.

— Стал? — спросила лекарка, очень стараясь носом не хлюпать.

— Стал, в конце концов. Правда, быстро об этом пожалел. Горнисту-то поворачиваться быстрее других надо, вставать раньше, урок заканчивать раньше.

— И в чём мораль? — Арха всё-таки всхлипнула.

Хорошо хоть, получилось зло, а не жалостливо.

— А мораль вот в чём, — кивнул Адин, словно с чем-то соглашаясь. — Я уже говорил, что нам с Иррашем повезло. И всем пятерым повезло ещё раз. Не знаю, почему. Наверное, потому что Дан урод, вроде меня. Правда, сам он говорит, будто в этом книжки виноваты, но читали-то многие.

— А мне говорили, ты самым начитанным был.

— Возможно, — пожал плечами демон. — Говорю же, читали многие. Только вот

совсем немногие решили: так неправильно. Жить так неправильно, детей воспитывать неправильно. Я ещё раз говорю: это не хорошо, и неплохо. Это так, как оно есть. Не мы первые. И отцы так росли, и даже пра-пра-прапрадеды. Что твоё — твоё, защищай когтями и клыками. Нет никакой дружбы и любви, бывает взаимовыгодное сотрудничество, но не часто. Один из партнёров всё равно выгоды получит больше. Нет преданности, есть честь и клятва сюзерена. Нет обязательств, есть долги, которые подсчитывает Тьма. Это закон нашего мира, понимаешь?

— Нет, — буркнула ведунья. — Не понимаю и понимать не хочу.

— Во-от, — с удовольствием протянул Адин. — И Дан тоже так думает. А ещё и других убедил. Кого-то больше, кого-то меньше. Главное, ему удалось нас в кучу собрать, хоть он и самый младший. Впятером-то оно пережилось как-то... проще, что ли?

— Как младший?

— Да вот так. По возрасту мы все старше его. Но ты опять не про то. Наш лорд Харрат всегда играет теми картами, что ему сдают, и правила старается не нарушать. Он их меняет, правила-то. Ну вот захотел законы сменить и не бунты стал устраивать, а в политику по самые уши залез. Захотел тебя при себе иметь и потихонечку, полегонечку начал играть ситуацией.

— Мо-ло-дец! — сквозь зубы процедила Арха.

— Я тоже так думаю, — согласился ивтор.

— Всё это, конечно, замечательно. Но к чему этот рассказ? Чтобы я его пожалела?

— Да не о жалости речь, — демон глянул на лекарку, как на не слишком умную ученицу, умудрившуюся расстроить наставника. — Я говорю, он умеет и может менять правила. Ему главное понять какие и зачем. А некоторые вещи хаш-эду в голову не придёт. Вот чего ты хочешь? Чтобы он свою любовь и заботу продемонстрировал? Так объясни, зачем ему это надо.

— В смысле, зачем ему это надо?! — от возмущения у ведуньи даже дыхание перехватило. — Если он любит, то...

— Что? Обязан это делать? То есть, ты его не любишь?

— Почему?!

— Как-то я не заметил, чтобы ты с ним нежничала, — хмыкнул ивтор.

— Он пошлёт меня вместе с моей нежностью! Дан же занят постоянно, у него дела великие!

— Какие?

— Откуда я знаю? Со мной он не делится!

— А почему он с тобой не делится? — Адин опять сел, положив руку на колено. — Что ты сделала, чтобы он с тобой делился?

— То есть я должна!..

— Нет, — перебил её демон жёстко. — Никто. Никому. Ничего. Не должен. Все наши долги мы обязаны очень тщательно взвешивать — это закон Тьмы. Каждый решает за себя. Вот и решай, что тебе хочется, что из этого «хочется» необходимо и что ты готова за это отдать.

— Да я за него!..

Арха захлопнула рот, даже зубами скрипнула, отвернулась обиженно.

— Посмертие отдала? — спокойно уточнил демон. — Никто и не спорит, поступок, стоящий немало. Правда, сиюминутное геройство с не слишком понятной оплатой в

будущем — это легко. Гораздо сложнее ежедневно, ежечасно жертвовать своими «хотелками». Смиряться с тем, что любимый храпит или чавкает или домой поздно возвращается. Но дело в другом. Какая же это любовь, если постоянно меряться, кто кому сколько сделал?

— По-твоему получается, что любовь это одна такая сплошная жертвенность?

— Нет, не получается, — мотнул головой Адин. — Это как раз у тебя получается: «Я для него, а он!..» — тут не сделал, здесь не сказал, а там, наоборот, сказал, да не то. Сама знаешь, в этом мире бесплатно даже материнская любовь не всем даётся. Кстати, твоему ребёнку повезло. Вот ему я завидую абсолютно чёрной завистью. Что же касается вас с Даном... Серьёзно, ведь всё до смешного просто: ты любишь его, он любит тебя. Вам лишь нужно научиться одним одеялом укрываться. Так, чтобы на обоих хватило.

Ивтор встал, зачем-то отряхнул колени. Потрепал Арху по макушке, да ещё в затылок чмокнул. И пошёл себе. Ну да, его, видимо, тоже в столице дела заждались. Деловые все кругом, деваться некуда.

***

Там, в степи огонь нёсся вперёд со скоростью ветра. Отсюда же, со скалы, казалось, что серая полоска, смахивающая на грязную вату, совсем не движется. Она только в высоту росла, будто пытаясь до солнца дотянуться и всё — зависла, замерла у горизонта, деля небо и землю. Приходилось ждать. Агной-ара сказала: в обратный путь можно будет двинуться, только когда пожар уйдёт дальше на запад, да и то не сразу, а через день-два — земля остыть должна.

Арха уже начинала жалеть, что не согласилась вместе с демонами вернуться. Мыслишка попросить Шая перенести в столицу мелькала навязчивым призраком: её отгонишь — глядь, через полчаса опять вернулась. А что делать, если делать нечего? Вынужденному ожиданию радовались только лошади, да шаверы-«наложники», залёгшие в спячку. Видимо, ни расовые, ни культурные различия для настоящих солдат значения не имеют: если ситуация позволяет, нужно спать.

Блондин привидением бродил между камней. Просто так бродил, а, может, изучал жизнь коз, которые тут в изобилии водились, кто его знает? Главное, что общаться ифовет не желал, пребывая в несвойственном ему мрачно-меланхоличном настроении. То есть, огрызался на любого, посмеявшего к нему обратиться.

Ирда строгала палочки. Просто сидела у костра и строгала. Достругает сучок до размера спички и в костёр бросит, за другой берётся. У ног демонессы уже приличная кучка стружек образовалась, но ифоветка этого, вроде бы, и не замечала.

Арычар как заправский полководец изучала местность: замрёт, вглядываясь вдаль, постоит неподвижно минут пять-десять, а то и больше. Буркнет себе под нос что-то, сильно смахивающее на ругательства. Пройдётся кругом по площадке перед пещеркой и снова степь озирает.

Тоска. И ничего не остаётся, кроме как думать. А думать не хотелось. Уж больно мысли приходили не сладкие, то ли смолу, то ли кофе напоминающие: горько-тягучие, оставляющие противный вяжущий привкус.

— И чего вот ты тут торчишь, как кобель на бугру, а? — ворчливый голос старухи, про которую ведунья успела благополучно забыть, заставил Арху вздрогнуть. И не её одну — Ирда тоже едва в костёр не нырнула. — Как командовать, так ты первая. А как чего полезного сотворить, так и нету тебя, белоручка, ирханова дочка?

Странная бабка сторбившаяся рядом с входом в занор, да ещё и плащом накрывшаяся, мало чем от камня отличалась. Да, собственно, ведунья в серьёз полагала, будто это кусок скалы: не заговори она, не приметила бы.

— И что я, по-твоему, сделать должна? — сквозь зубы и явно через силу процедила Агной, даже не обернувшись.

— Да хоть чай завари! Нарчар вон бледненькая какая, худенькая. Ей бы горяченького в самый раз хлебнуть.

— Нет у нас чая, — огрызнулась степнячка.

— Это у тебя нету, а у меня всё есть, я запасливая, — хихикнула старуха, будто и вправду смешное что-то сказала.

— Да я твой чай пить не стану, даже если от жажды помру, — хмыкнула шаверка.

— Неужто ты думаешь, я единственную свою внучку, кровиночку отравить задумала? — возмутилась старуха. — Ты, змеища подлая, всех-то по себе не суди! Я вот погляжу, погляжу, да нарчар-то и уведу от тебя подальше. А то, может, ты и её извести захочешь, а?

— Не внучка она тебе! — рыкнула Агной. — Плоть от плоти моей! И не тяни к ней лапы, стерва!

— Давайте я чая заварю! — поспешно предложила Арха.

Честно говоря, «горяченького» ей сейчас совсем не хотелось — и без того жарко. Но разнимать шаверок, вздумай они опять драку устроить, желания ещё меньше было. Ночью-то их и Дан с Иррашем едва разнять сумели. И не без потерь, между прочим. Кошак, заработавший длинную царапину через всю физиономию, выражал своё отношение к происходящему громко и забористо.

— Да сиди уж, сама справлюсь, — отмахнулась от внучки арычар, — отдыхай. А то и вправду, зелёная и тощая, аж ветром качает.

Ведунья на такую оценку собственной внешности лишь ухом нервно дёрнула, но возражать не решилась.

— Давай сюда свой чай! — приказала Агной, притащившая от ручья полный котелок с водой. — Кидай только, сама не подходи!

— Да и пожалуйста! — обиделась старуха, действительно швырнув в степнячку мешочком.

Зато у всех занятие появилось: смотреть, как шаверка с котелком возится, над костёрком его прилаживает, да почти невидимый в ярком дневном свете огонь раздувает, подкладывая веточки.

— Кстати, арычар, — подала голос Арха, соскучившись просто так смотреть. — А почему вы с ней на имперском разговариваете? Я думала, шаверы между собой на степном общаются.

— Так это только с живыми, — безмятежно откликнулась бабушка, не прекращая осторожно на угли дуть.

— В смысле?! — опешила лекарка, нервно косясь на старуху, снова — и вполне успешно — изображающую собой камень.

— Да неужели тебя даже этому отец не научил? — возмутилась Агной. — С мёртвыми, да с душами просто так болтать не к добру: заговорят, в Бездну утащат. Но на вашем языке можно, он же не настоящий, силы не имеет.

— А она... действительно мёртвая?

— Да уж неживая, — фыркнула бабушка. — Может, конечно, кто и по-другому считает,

а я её дохлой ещё зим тридцать назад объявила.

— Убила? — осторожно уточнила лекарка.

— Да нет, не убила, — поморщилась степнячка, словно ей в рот кислое попало. — Хотела, но...

— Но не вышло у тебя ничего, — съязвила старуха, обладающая, видимо, очень острым слухом. — А на счёт того, кто кого мертвее, на себя глянь, змеища. Я-то ещё раньше сказала, что ты сдохла!

— Не раньше! Я первой была, и отец это слышал!

— Ой, гляньте на неё! Она первой была! Да как бы ты поспела, криворукая? Ты вон даже водицы вскипятить не можешь! Рядом ж щепок настругано, а и этого не видишь! Всё дуешь, всё пыжишься!

— Давайте я подкину! — встряла Арха, испугавшись, что драке все-таки быть.

— Не на... — начала Агной.

Начать-то она начала, да закончить не успела. Ведунье даже подкидывать ничего не пришлось, она просто наструганное Ирдой ногой в костёр сдвинула. Тут-то и случилось странное. Огонь будто вздохнул, а потом выдохнул прямо в лицо степнячке струю пламени с облаком невесть откуда взявшейся сажи.

Лекарка только пискнула, плюхаясь на задницу. Потому как было чего бояться. Может, покрытая сажей шаверка выглядит и не так страшно — чёрное на чёрном не особенно-то заметно. Но вот разъярённая, да ещё и подкопчённая степнячка, начисто лишённая бровей, ресниц и хорошего клокка волос — это зрелище не для слабонервных.

— Убью! — пообещала нежная родственница, таращась на внучку.

— Я не хотела... — проблеяла лекарка.

— Ну и где твоя красота, Агной-ара? Да что это я? Вот теперь краше солнышка, все мужики к ножкам падут, точно говорю! — сухо захихикала старуха. — Принести зеркальце, чтоб полюбовалась вдоволь? Или, может, солькой присыпать, а то ведь не навек такая-то красота останется! Эх, я ловко придумала, вокруг пальца обвела! Ну кто тут первая красавица да умница? Элной-ара, вот кто!

Собственное имя сумасшедшая почти пропела.

— Убью! — взревела Агной.

И рванула с такой скоростью, что Архе показалось: шаверка на миг расплылась в воздухе. Ненормальная бабка дожидаться, пока её убивать будут, не стала. Пронзительно взвизгнула, подхватила длинные юбки, да и пошла сигать по камням с козлиной ловкостью.

— У вас всегда так весело? — поинтересовалась Ирда, подбирая с земли новую палочку.

Лекарка в ответ неопределённо плечами пожала.

***

Желание гнаться за шаверками ни у кого не возникло. Если «наложники» и беспокоились за свою хозяйку, то тщательно это скрывали. Очень тщательно — из пещеры ни один не вылез. Видимо, они свято блюли право госпожи на самостоятельность.

Ирда деловито сгребла костерок, разбросанный вспышкой. Затоптала лишние угли, взбодрила пламя, невесть зачем опять подвесив котелок, хотя желающих пить чай по-прежнему не наблюдалось. Ведунья подозрительно принялась: от костра шёл слабый, но едкий, вызывающий желание чихнуть, запах.

— Селитра, — покосившись на лекарку, пояснила ифоветка. — Бабка её в стружку подсунула. Надо же, я и не заметила, когда она умудрилась. Вот ведь, карга старая.

— А ты её знаешь?

— Ну, теперь то знаю, — усмехнулась рыжая. — А так только слышала. Да о ней любой в степи живущий слышал. Ведьма она.

— Ведунья?

— А в чём разница? — пожала плечами девушка. — Ну, колдует себе потихоньку, будущее, бывает, предсказывает. Травки всякие даёт. Но уж вредная больно. К ней просто так не суются. Она ведь и помочь может. И напакостить так, что потом три года разгрести придётся.

— Зачем?

— Так скучно ей, наверное, — предположила Ирда, явно причинами странного старухино поведения не озадачиваясь. — Она же из рода ушла. Вот как Агной-ара мужа взяла, так и ушла. Чего у них там случилось, понятия не имею. Я тогда ещё не родилась. Одни говорят, что Элной этого парня, который мужем твоей бабки стал, любила. А он, видишь, старшую сестру предпочёл. Другие...

— Так они всё-таки сёстры? — «догадалась» Арха.

Это гениальное озарение на неё ещё ночью снизошло, но как-то не довелось уточнить. Уж больно нежные отношения между предполагаемыми родственницами были.

— Ну да, близняшки, — а вот это для лекарки откровением стало. Ведунья бы ни за что не подумала, что полоумная старуха, выглядящая, как прабабка всем живущим скопом, ровесница Агной. — Говорят, это она из-за колдовства своего такая скрюченная и страшная. Но тоже утверждать не возьмусь. Но про то, будто они терпеть друг друга не могут, слышала. Правда, не думала, что до подобного... — ифоветка хмыкнула, поправив в костре веточку. — Мы так в детстве развлекались, селитру в костры подкидывая.

— С Шаем? — невинно поинтересовалась лекарка.

— Ты, правда, думаешь, что я со своим господином дружбу водила? — ухмыльнулась Ирда. Нехорошо так ухмыльнулась, нерадостно совсем. — Пойду, ещё дров принесу.

Где она дрова добывать собирается, Арха уточнять не стала. И на этот крохотный костерок сучьев едва набралось. Буйной растительностью местные скалы не баловали: какие-то кусты ползучие, да редкие рахитичные сосны. Ясно же, что не в дровах дело.

Возвращения боевых бабушек почти до вечера ждали. Солнце уже спускаться начало, когда Шай принял-таки решение отправляться на поиски. Шаверы, едва не пинками блондином из пещеры выкинутые, согласились, что да, мол, надо бы посмотреть, где там хозяйка шляется, и не случилось ли с ней плохого.

Но немедленно бросаться в погоню «наложники» не спешили. Сначала долго спорили — насколько Арха поняла, речь шла о том, кому оставаться с лошадьми. Кажется, остаться хотели все, а потому выбор судьбе отдали, сыграв во что-то, сильно напоминающее «камень-ножницы-бумага». И едва не передрались, громко каркая и подмякивая, толкая друг друга в грудь. В конце концов, разобрались, начали собираться, по два раза перешнуровывая каждую завязку. И даже выступили почти. Но тут солнце село окончательно.

Когда же совсем стемнело, пропажа сама нашлась — вернулись степнячки. Безумная ведьма впереди вышагивала, опираясь на свою клюку, как придворный на трость, гордая и довольная, даже горбатая спина распрямилась. А вот Агной довольной не выглядела. Скорее уж потрёпанная и злая, как целый рой ос. Госпожа с ходу так на своих «наложников» цыкнула, что те от греха подальше в пещере скрылись и там затаились мышами. Внучку с ифторкой дама просто проигнорировала. А вот подошедшего Шая...

В общем-то, Арха и не разглядела, что произошло: свистнуло, мелькнуло, бахнуло так, что камень под ногами вздрогнул, кто-то то ли коротко крикнул, то ли кашлянул. И оказалось, что красавец лежит, распластавшись. А шаверка на нём верхом сидит, у самого горла парня, едва кончиком в вене ярёмной не ковыряя, нож держит. Да ещё и блондинистый хвост так на руку себе намотала, что несчастному Шаю пришлось шею едва не дугой выгнуть.

— Ак'хэrr раугх шасс, ноумерх, — то ли прорычала, то ли промурчала Агной.

— Нэ! — натужно хрипнул в ответ блондин — Нэ, рек'шен ирханкэш!

— Ну, это он зря, — довольно хихикнула ведьма. — Сука она, конечно, порядочная, но не такая уж и старая.

— Да что случилось-то?! — не выдержала лекарка. — Арычар, отпусти его! Ты сейчас шею сломаешь.

— Мало будет, — странно грассируя, почти пропела шаверка. — Он степь пожог, мой табун спалил!

— Да не поджигал я траву! — рявкнул Шай зло. Хорошо так рявкнул, с чувством, хотя в его положении, пожалуй, и повежливее стоило быть. — Сколько раз говорить? Я у тебя постоянно на глазах был!

— Ну не ты, та девка твоя, — степнячка не глядя мотнула головой в сторону Ирды, наблюдающей за происходящим с поразительным для вассала спокойствием. — И за это тебя смерть ждёт, белоголовый. Думал, радостью разум затуманишь, мысли нарчар займёшь, так и не замечу, как принадлежащее мне отберёшь?! Просчиталась ты, пожиратель плоти! Я...

— Ну вот скажи, разве я ошибаюсь когда? — потребовала Элной ответа почему-то у Архи. — Всегда ж правду реку, ни разочка и на мизинец не промахнулась! Говорила, что она дура? Говорила! И что? Дура же! Ну, показала я ей, откуда пожар начался. Ну, должен был там ейный табун пастись. Ну, нету его теперь. И чего?

— Некому, кроме него, такое сотворить! — гавкнула Агной. — Ни один Свободный траву жечь не станет!

— Ну да, — восхищённо всплеснула руками ведьма. — А кроме нас по степи и не ходит никто. Вот как оно есть: шаверы, да один разъединственный красавец! Да ну тебя, без ума рождённая и помрёшь пустоголовой.

— Так скажи, если знаешь, что от меня скрыто! — потребовала степнячка.

— За просто так, что ли? — фыркнула старуха. — Или что? Жизнью вот этого милашки угрожать мне станешь? — Элной выпучила глаза, сложила морщинистые губы трубочкой, будто воздушный поцелуй ифовету посылая. Картинка вышла жутенькая. — Нет, не пойдёт так. Вот если ты за мной ещё погоняешься, тогда, может, и скажу чего интересного. Или в прятки сыграем?

— Арычар, отпусти Шая, пожалуйста, — настойчиво попросила Арха, на пару шагов от ведьмы отодвигаясь — не демонстративно, а вроде как к Ирде подходя. Правда, рыжая тоже косилась на бабку странно и, кажется, сама не против была подалее убраться. — Честное слово, ничего он не делал.

— Это мы ещё посмотрим, — буркнула Агной, с демона слезая.

Просто так буркнула, для порядка. Видно, что на блондина она со зла налетела, и сама в его вину не слишком веря. Лекарке её почему-то жалко стало едва не до слёз.

Глава седьмая

Настоящий мужик сказал и сделал! А не сделал, так ещё раз сказал...

(Из записок отставного генерала)

Войлочные ковры, служащие в шатре стенами, на ощупь были колкие и шероховатые. Если рукой сверху вниз провезти, то неровно — под пальцами узелки, шишечки какие-то чувствовалась. А если снизу вверх, то колко. Жёсткие ворсинки, смахивающие на тонюсенькие щепочки, цеплялись за кожу, царапались. А с виду ковёр казался мягким, пушистым. Солнечный свет, тонкой дорожкой пробирающийся из-под наполовину откинутого полога входа, путался в шерстинках, подсвечивая каждую. Оттого казалось, будто кошма сияет приглушённо.

Арха погладила узор — ярко-красный на светло-сером. Непонятно, как его сделали: не нарисовали, не выткали, не выплели, словно бы войлок таким вот и создали, с чуть выпуклым рисунком.

— И что это значит, ведьмой быть? — сказала, наконец, лекарка, хотя спрашивать вовсе не хотелось.

То самое ощущение полудрёмы-полуяви, заторможенности мира, которое, казалось, осталось в степи вместе с пожаром, на самом деле никуда не делось, всё время с ней оставалось. Просто, видимо, она так привыкла, что не замечала. А вот стоило проснуться утром, да не утром даже, а днём — солнце уже за полдень перевалило — и чувство вернулось.

Арычар ещё затемно отбыла в другое стойбище, рассудив, что неплохо бы соседей порасспрашивать насчёт поджога. Расспросы, видимо, предполагались активные, так как по словам Ирды, выехали шаверы, вооружившись до зубов.

Ну а ведунью, понятно, никто и не подумал разбудить. Собственно, её даже предупредить никому в голову не пришло. И то правда: что зазря волновать нежную, трепетную, а, главное, ни на что негодную лань? Без того умаялась девочка, переволновалась. Опять же, хаш-эд может и голову снять, если трепетная пятку уколет.

Только вот рыжая ифоветка навестить решила. Помаялась на пороге, да поспешила слинять по каким-то своим делам. И вот старуха Элной притопала с жутко таинственным видом, заявив, что она готова рассказать «нарчар», что значит ведьмой быть.

Суд по её тону бабка искренне считала: Арха только этой минуты всю жизнь и ждала, готовилась к Великому Событию.

Честно говоря, лекарке даже не особо и интересно было.

— Я знаю, что ты себя ведуньей считала, дитя Жизни! — торжественно начала Элной, разгладив корявой ладонью юбку на разложенных коленях. Вот так странно она села — пятки к себе подтянула, а колени в стороны разложила, словно бабочка крылья. — Но ведовство — это лишь первый шаг. Должно теперь...

— К чему? — Арха глянула на старуху через плечо и быстро отвернулась. — К чему первый шаг-то?

— К силе, — не слишком уверенно ответила бабка. Видимо, лекарка умудрилась её мысли сбить. — Пойми, дитя неразумное, ведьмы сильны, но ты втрое, вдесятеро сильнее. В

тебе искра самой Жизни тлеет! И эту искру можно раздуть, как...

— Зачем ведьмам искра Жизни? — вяло удивилась лекарка. — Вы же всё от живых берёте, вон как арифеды. Только они кровь пьют, а вы силу.

— Кто ж тебе сказал такое? — нехорошо прищурилась старуха.

— Бабушка, наверное, — пожала плечами Арха. — Да и видеть приходилось. Кстати, ещё вопрос: вы же можете выглядеть моложе Агной-ара. Всего-то и надо донора найти.

— Что за слова такие умные? — фыркнула ведьма.

Пояснять ведунья не стала: во-первых, смысла не видела и не хотелось. А, во-вторых, почему-то уверена была, что Элной её поняла прекрасно.

— Ну, хорошо, — изрядно помолчав, протянула, наконец, старуха. — Раз ты у нас такая умная, то по-умному и говорить станем. Ты ж не умеешь ничего. Травки там, притирки с исцелениями — всё это для дитёнков. Ведьмы же многое могут, очень многое...

— Больше первородных лордов? — опять перебила лекарка, машинально глядя войлочный узор.

— В чём-то даже сильнее мы, — уклончивость бабки сказала гораздо больше, чем её ответ. Не сильнее, но могут многое. Хотя какую особую силу Арха у демонов-то видела? Хождение через Тьму? Создание, да и то цепочки. Даже императрица больше ведьмовством пользовалась, чем Тьмой изначальной. — Дело не в том. Пусть твоя Богиня от тебя и отвернулась...

— Ну а это вы откуда знаете?

— Да дашь ли ты мне слово сказать?! — разозлилась Элной, пристукнула клюкой сердито. Правда, удар по ковру, на земле расстеленному пришёлся, а потому вышел неубедительным. — Подружка мне нашептала.

— Я даже догадываюсь, что это за подружка, — усмехнулась лекарка. — Любит она в последнее время... пошептаться. Интересно, демонам тоже она посоветовала в степь ехать, меня искать?

— Каким таким демонам? — не поняла ведьма.

— Моим демонам, — спокойно отозвалась лекарка. — Тем самым, которые откликнулись, стоило позвать. Кто-то из них мне сказал, только вот не помню, кто именно, что с утра нас разыскивали. И даже провизию захватить не забыли. Значит, всерьёз за дело взялись, не с места сорвались.

— Это ту при чём?

— Да, наверное, и не причём, — кивнула Арха. — Кто такой Свершитель?

— А это тебе зачем?

— Мы же по-умному начали говорить, как взрослые, — хмыкнула ведунья. — Давайте уж и продолжим в том же духе.

— Ну, есть такое пророчество не пророчество, но предсказание... — скроив каменную физиономию, но старательно в сторону косясь, начала Элной.

Правда и тут её непочтительная Арха дослушивать не стала.

— Значит, ещё и пророчество, — кивнула согласно. — То есть, чтобы это пророчество свершилось, я должна стать ведьмой. Да не простой, а... золотой, — лекарка улыбнулась. — Вообще-то, смысл в этом есть. Жизнь же изначалье. И та самая искра во всех горит, чтобы там не говорили про Тьму и Свет. Только вам до неё не дотянуться. Силу сосать — это можете, а вот чтоб до Матерью данного добраться ведунья нужна, её существо. Например, я.

— Ты же и представить не можешь, что перед тобой откроется! — ведьма для

убедительности, видимо, наклонилась, опершись руками о колени.

— И что я могу? — сонно поинтересовалась Арха.

Вспомнилась ей история, Шаем рассказанная. Совсем не вовремя вспомнилась, но вот так уж получилось. Анекдот про некую придворную даму, возжелавшую стать личной фрейлиной императрицы. И устроившую ради достижения своей цели такую интригу, об которую бедный Ирраш вместе с Даном месяц зубы ломали. В хитросплетения дамowych замыслов были вовлечены не только высокопоставленные лица, но и слуга, золу из дворцовых каминов выгребавший, а так же прачка и любимая собачка одной из придворных дам. Интрига, кстати, закончилась полным провалом. Муж авантюристки отправил не в меру деятельную жену в родовое поместье, от позора подальше.

— Да всё можешь! — с энтузиазмом закивала старуха. — Вот с женишком у тебя нелады. Так стоит только пошептать, ножкой топнуть и он ползком приползёт, верным псом служить станет.

— Ну да, почему бы и нет? — задумчиво пробормотала ведунья. — Матери послужил, теперь пусть мне послужит. Верным псом.

Арха ещё постояла, таращась на узоры и вышла из шатра, рванув полог, выход закрывающий с такой силой, что едва не сдёрнула его с перекладины.

***

Степь хлестнула по глазам слишком ярким солнцем, дохнула горячим ветром, до сих пор пахнувшим горьким чадом. Помнится, арычар сказала, что новая трава вырастет только после больших дождей. А когда они придут, одной Тьме и известно — может через неделю или через месяц. Или через год. До этого же благословенного момента в океане трав останется широкий — на несколько дней пути — длинный чёрный шрам.

Когда в стойбище со скального языка возвращались, проехали краем гари: грязно-серой, до низкого нахмуренного горизонта земли. Куда ни глянь — везде эта серость и ничего больше, лишь мга[1] колышется паутинным занавесом. Земля ровная, как стол, будто огонь все неровности выправил, и твёрдая — лёгкий пепел ветер сдувает. Остаются только припаянные к сплавившейся почве комочки. А граница пожарища и степи прямая, как по линейке проведённая, трава стеной стоит ровнёхонько.

Страшно. Вроде и угрозы никакой нет, а всё равно ужас до озноба пробирает. Особенно если думать, как сама могла остаться в черноте таким же припаянным комочком. Или твоя лошадь могла. Или бабка, Шай, странная рыжая девчонка, почудившаяся язвительной и едкой, но на поверку оказавшаяся угрюмой, неразговорчивой...

Арха глянула на собственную ладонь, судорожно вцепившуюся в слегу шатра, как на чужую. Один за другим заставила разжаться сведённые до посветлевшей кожи пальцы.

Где-то истошно, на одной ноте визжали. Визг не утихал, но и громче не становился. Орущий прерывался всего на секунду, видать, воздух в грудь набирал. И снова истошный длинный верезг. Тишина в стойбище мёртвая стояла, только этот визг дикий. В нём тоже что-то от ночного кошмара было.

Лекарка тряхнула головой, прогоняя хмарь, зачем-то сапог подтянула и только потом догадалась выглянуть из-за шатра.

Визжал старик. Такой благообразный, убелённый сединами старец-шавер, одной ногой во Тьме стоящий. Дедан не присел на корточки, а будто собирался это сделать, да в процессе позабыл как и просто колени согнул. Руки широко в стороны расставил, словно крылья. И визжал, визжал, прижав уши, пуча глаза.

Посмотреть, куда он тарашится, Арха тоже не сразу сообразила. Зато уж когда обернулась, от увиденного взгляда отвести не смогла. И тоже едва не заорала. Через стойбище огромными прыжками нёсся... ну, демон, наверное?

Существо не было ни огромным, ни просто большим. Пожалуй, росточком-то он от Архи не отличался, зато длинный и тощий, будто лишь из костей собранный — острых, угловатых, выпирающих в самых неожиданных местах — и туго обтянутый сероатой кожей. Рук у демона не имелось вовсе, только распахнутые перепончатые крылья, на изломе которых поблёскивали, будто стальные когти. А какой мордой его Тьма наградила, лекарка не рассмотрела, только спину видела.

Бежало это чудо странно — зигзагами, после каждого длинного и высокого скачка неуверенно покачиваясь, будто грохнуться собираясь, но каким-то чудом на ногах удерживаясь.

— Не кричи, — спокойно сказали Ирда, невесть откуда рядом с Архой взявшаяся, — это Шай.

— Да я и не собиралась, — проворчала ведунья, действительно, едва не заорав. — И чего с ним случилось?

— Напился, — помолчав, пожала плечами ифсоветка.

Резко развернулась на каблуках и пошла за шатры. Видимо, демонстрируя таким образом, что на пояснение и подробности лекарке рассчитывать не стоит. А старик-шавер всё продолжал орать, хотя крылатый уже успел в траве скрыться. Ведунья хотела было посоветовать ему заткнуться, да передумала — побежала к загончику на краю стойбища, в котором Ведьма паслась.

Отыскать ифсовета никакого труда не составило. След за ним тянулся такой, будто тут не один демон, а табун лошадей пронёсся. Да и далеко красавец, переставший быть крылатым, не ушёл — то ли изначально не собирался, то ли силы у него кончились. Лежал себе, привольно раскинув руки с ногами, тарашился в небо. Гольй, как в день своего рождения.

— Выпить есть? — поинтересовался равнодушно, даже головы не поднимая.

Арха ему и отвечать не стала. Слезла с лошади, стянула жакет, набросила его на блондина, причинное место прикрывая. Шай одёжку тут же стянул.

— Жарко, — пояснил небу.

Лекарка жакет подобрала и обратно вернула.

— Прикройся. Мне тобой любоваться радости мало.

— А что, не нравлюсь? — заинтересовался, наконец, ифсовет, покосился на ведунью.

— А должен?

Всё-таки, когда демоны этого хотят, двигаются они невероятно быстро. Ведь только что валялся, раскинувшись крестом. Моргнуть не успела — уже стоит рядом и даже как будто над ведуньей. И никакого расстояния между ними нет вообще, то есть совершенно — листа бумажного не просунешь.

Арха не столько испугалась, сколько... Да ошарашил её Шай, будто по голове чем увесистым саданул. Демона разом оказалось слишком много: слишком много сухой, прохладной кожи, мышц, под ней живущих, перекатывающихся, как кольца огромного питона. Слишком широкие плечи и чересчур сильные руки, придерживавшие под спину, не давшие упасть. Золотистые, даже чуть светящиеся волосы завесой от мира отгородили. А видела лекарка только огромные горящей синевы глаза. Слышала раскатистые дробные удары и не понять, чьё сердце это колотится — его или её.

— А сейчас? — кажется, это и не блондин сказал, а прогудел тот самый бой, эхом в ушах отдающийся.

От запаха, горько-полынного, тянущего душу, напоминающего горящие осенние листья и, почему-то, холодные сумерки, когда от одиночества выть хочется, голова кружилась. И от него же — а, может, от чего другого? — ноги отказывались держать и в животе наливался тяжёлый тёплый ком.

— Сейчас тоже не нравлюсь? — ифовет длинно, как кот, потёрся скулой о висок Архи.

Может, она и хотела бы ответить, да вот только мысли порскнули по углам, как мыши — ни одной не осталось. Сама не поняла, когда успела руку в его шевелюру запустить. Волосы у Шая оказались тонкие и гладкие, как паутинка. И тоже прохладные.

— Пожалей меня, — шепнул и бешено бьющийся пульс будто повторил: «Пожалей, пожалей...», — Ты ведь всех жалеешь, Арха...

Не было ни ушата воды, ни разом прояснившегося разума — ничего. Больше всего на свете лекарке хотелось демона действительно пожалеть. Показать — доказать! — что если он и не единственный, то уж точно необходимый, нужный, родной. Нет, руку поднять было невероятно сложно, словно к ней гирию пудовую привесили.

— Совсем обалдела?! — взвыл ифовет, отскакивая, схватившись за щеку.

Гирия там или не гирия, а пощёчина вышла знатная. Ладонь немедленно зудеть начала, зато и след от пятерни на шаевской физиономии горел ярко.

— Если ты, сволочь такая, ещё раз на мне свои демонячьи фокусы опробуешь, точно кастрирую! — прошипела ведунья, кулаки сжимая. Голова-то всё ещё кружилась. — Своими руками ненужное оторву и только потом оставшееся Дану отдам. Уяснил?

— А ты уверена, что это... демонячьи фокусы? — эдак насмешливо, с непоколебимым чувством собственного превосходства поинтересовался красавец.

— Уверена! — огрызнулась Арха.

Шай кивнул, будто соглашаясь. Подобрал с земли жакет, нацепил на манер фартука, с трудом завязав рукава за спиной. И, тяжело плюхнувшись на землю, обеими ладонями растёр лицо.

***

Арха молчала. Конечно, по-хорошему стоило бы ифовету навалить от души — если уж не физически, то хоть морально врезать. С какой стороны не посмотришь, заслужил. Только вот рука больше не поднималась, а язык не распускался. Свой, никуда не денешься. Идиот, понятное дело, родился таким и наверняка помрёт не исправившись. Но ведь не просто же так его разобрало. Для появления подобных идей на пустом месте даже шаевого кретинизма не хватит.

— Ну и что случилось? — проворчала лекарка, вдоволь намолчавшись.

— Я же придурок, — усмехнулся блондин, сорвал травинку, залихватски сунув её в зубы. Вот только сам демон выглядел как угодно, но не залихватски. — Ты забыла? Вот, решил давнюю мечту исполнить. Не прокатило, бывает.

— Давняя мечта — это под юбку мне залезть? — подумав, уточнила Арха.

Пораскинула мозгами немного, да и пристроилась рядом с демоном. Рядом, но не совсем уж вплотную. Воздух-то ещё пах прелыми листьями.

— Ну да, — легко согласился Шай. — Мы сколько уже знакомы? Года четыре уж точно.

— Вот уж точно, так точно, — буркнула ведунья. — Точнее просто некуда. И, знаешь, мне этого времени хватило, чтоб понять: такое даже для тебя многовато. Рассказывай.

— Что?

— Да заканчивай придуриваться! — рыкнула лекарка. — Рассказывай, с чего напиток вздумал и... — вот тут Архе так жарко стало, что уши сами собой поджались, а щёки натуральным огнём занялись. — И до всего остального додумался, — закончила ведунья твёрдо.

Ну, может, и не слишком твёрдо, но закончила же.

— Хочешь, сказку расскажу? — предложил блондин в ответ.

— Не хочу я никаких сказок.

— Ну а больше мне сказать нечего.

Шай поморщился и выплюнул травинку. Видимо, раскусил стебелёк, а тот горьким оказался.

— Ладно, — обречённо вздохнула Арха, — давай свою сказку.

— Слушай тогда, — снова ухмыльнулся демон. Лёг, на локти опёрся шикарно, ногу в колене согнул — и впрямь красавец. Вот только свой всегдашний насмешливо-лёгкий тон всё никак нащупать не мог. Потерял, наверное, где-то, бедолага. — Жил-был, как водится, принц. И встретил он однажды девушку.

— Принцессу — распрекрасную красавицу? — фыркнула Арха. Уж больно продолжения ей слушать не хотелось. Не могло там быть ничего хорошего. — А встретил он её на балу?

— Не на балу и вовсе не красавицу. Рыжая такая, с веснушками, — спокойно не согласился демон. — Во дворе собственного замка увидел. И очень удивился, что раньше её не замечал. Распрекрасных-то красавец вокруг табуны носились. Он их друг от друга и отличать перестал. А эта была такая... — ифовет повертел рукой, будто воздух на кисть наматывал, — ...живая.

— А остальные дохлые?

— Ничего ты в принцессах не понимаешь, — горестно вздохнул блондин. — В общем, встретились, и случилась у них любовь необыкновенная. Ну, это принц-идиот так думал, будто она необыкновенная, не такая, как у всех. Мол: «Жили долго и счастливо, а умерли в один день». Кстати, сказка-то и впрямь неправильная. Принцессе полагается дурой быть, а не наоборот. Ладно, уж какая есть.

Кажется, сказителю продолжать хотелось ещё меньше, чем лекарке слушать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты дальше рассказывай, — поторопила его Арха, — не тяни.

— Не стану тянуть, — пообещал Шай. — В общем, имелся у девы жених. По ифоветским-то меркам муж почти.

— Ну, это понятно, — кивнула ведунья. — Куда ж без злодея?

— Вот-вот. Только не он главный злодей, но об этом потом. Короче, чтобы дальше не рассусоливать, решил этот жених соперника известить, потому как честь поруганная, а, главное, рога ветвистые ему жить очень мешали. И подговорил он... Ну, пусть будет разбойников. Так вот, заплатил он разбойникам, чтобы те принца во Тьму отправили.

— Но принц, конечно, всех разбойников в капусту порубил и даже не вспотел?

— Конечно, — абсолютно серьёзно согласился блондин. — Только это всё присказка, сказка дальше начинается. Дело в том, что уж очень хотелось возлюбленной принцессой стать. Узнала ли она о планах своего жениха случайно или сама ему про бандитов подсказала, неизвестно. Она потом говорила, что о чёрном замысле ей сам злодей нашептал.

Мол, хотел помучить, над врагом покуражиться. Да и неважно, кому идея принадлежала. Умненькая возлюбленная быстро смекнула, как это в свою пользу повернуть.

— Она пришла принцу на помощь и порубила врагов вместе с ним? — предположила Арха.

— Вот и видно: фиговый из тебя сказитель, — покачал головой Шай. — Всё гораздо интереснее. Прознав, когда разбойники нападут на принца, она пригласила жениха на ужин, да и отравила еду.

— Зачем? — тяжело поразились лекарка.

— Эх, наивная твоя душа! — махнул рукой демон. — Тебе не только сказителем не быть, но и мало-мальски приличной интриганкой не стать. Принц-то, конечно, бандитов порубил, но вызнать, кто их на такое дело послал, успел. И пошёл, понятно, поблагодарить злодея за обеспечение норматива по героическим подвигам. Заявился он в покои жениха, а там два тела: ужедохлое и ещё помирающее. Подхватил он испускающую последние вздохи любимую на руки. А та ему и говорит: «Прознала я, — мол, — про замысел злобный против тебя. А поскольку люблю, больше жизни, отравила я злодея. И чтобы он ничего не заподозрил, ту яд и сама схомячила. Живи теперь, любимый, и радуйся!». И опять как давай помирать.

— А ты что? — тихо спросила лекарка.

— Не я, — наставительно напомнил демон, — а принц. Этот дурак тоже, мол: «Люблю, не могу, без тебя жизни нет!» Ну и в ножки самой Тьме кинулся: «Спаси возлюбленную, что хочешь за это сделаю!»

— И что она потребовала?

— Ну, что потребовала... — Шай лёг, вытянувшись во весь рост, руки под головой сложил. — Разное. Ничего особо приятного. Хотя, впрочем, иногда бывает и... гм! Ну, в общем, чем-то вроде собачки комнатной быть: принеси палочку, подай тапки, лизни... пятку. Неприятно, но терпимо. Вот что дальше с той неземной любовью стало — это да, это... — ифовец снова поморщился, будто в рот горечь попала, — ...противно. Нашлись добрые советчики, глазки кретину разули. Оказывается, возлюбленная-то противоядием запаслась. Зря он так переживал, не померла бы, а получилось всё замечательно. И от жениха отделалась, чтобы замуж за принца выйти. И наследство его получила. Законы у нас такие, очень трепетно к институту брака относящиеся. И... Короче, там ещё одна проблема имелась, она и ту решила.

— А что принц?

— А что с ним? — удивился Шай. — Или ты думаешь, он злодейку кокнуть должен был? Впрочем, так многие думали. И говорили тоже. Да нет, уехал принц и отпуск у него к тому времени закончился. Конец сказки.

— Мысль, что добрые советчики ошибаются, ему в голову, конечно, не пришла? — недовольно спросила Арха.

— Почему не пришла? Пришла. Между прочим, возлюбленная-то и не отпиралась. Сама во всём созналась.

— Зачем?!

— Что зачем?

— Зачем созналась, если всё так здорово вышло?

— Да Тьма её знает, — равнодушно отозвался демон. — Может, совесть проснулась?

— Шай, послушай! Ты как обычно всё усложняешь. Все вы привыкли усложнять. Вот

если всё так и было, то...

— Даже не начинай, — скучливо протянул ифовет, закрыв глаза. — Никаких адвокатских речей я слушать не желаю. Всё! Было и прошло, былём поросло.

— Видимо, не прошло, — хмыкнула ведунья. — Так что сегодня-то стряслось?

— А я сам не знаю, — безмятежно отозвался красавец. — В башку чего-то вступило. Ну, переспал ещё с одной девицей, распереживался чего-то. Старость, наверное, не за горами, на сантименты потянуло. Вот, с тобой поговорил — легче стало. Спасибо.

— Насколько я понимаю, не с ещё одной, а с той самой. И страсть скрутила их мозолистой рукой... — задумчиво буркнула лекарка.

— Да иди ты!.. — посоветовал ифовет. Перевернулся на бок, ладошки под щеку подложив — подремать, видимо, собрался. — Иди-иди, назад, в стойбище. Я попозже приду. Окончательно протрезвею — и приду.

Арха в ответ только головой покачала. Но действительно пошла. Умнее то всё равно ничего не придумалось.

***

Ни в какое стойбище лекарка, понятно, не пошла — делать там было нечего. Брела в траве, обходя кругом, но предусмотрительно верхушек шатров из вида не теряя. Ведьма послушно следом тащилась. Остановливалась иногда куснуть особо приглянувшуюся травинку, но быстро догоняла. Что она, дура какая или совсем без головы хозяйку далеко отпускать?

Сколько так гуляла, Арха и сама не знала. Заметила только, что солнце к горизонту клонится, когда ветер волосы рвать начал. Усилился он, ветер-то, вполне всерьёз угрожая переродиться ураганом. Жёсткий и горячий, словно из печки, порывистый, гнул траву, как ему вздумается, причёсывал то так, то эдак, сгибал до земли. Кажется, шаверка его раздражала. Потому и раздувал волосы, беспардонно забирался под рубашку, пытаясь задрать подол, пучил ткань пузырьём.

Ведунья остановилась, вздохнула глубоко — сухой колкий воздух царапнул ноздри. Ведьма заржала тихонько, мотнула головой, привлекая внимание.

Фигура в чёрном стояла совсем неподалёку и ветер её не трогал, словно Богини тут не было. Это и не странно, но почему-то добавляло жути. Кольшущееся, ходящее волнами разнотравье, раздражённо нахохлившееся небо, тусклый неубедительный мячик солнца — и абсолютно неподвижная, с макушки до пяток в покрывала укутанная чёрная фигура, на которой и складочка не шелохнулась.

— Ты звала меня, — не спросила — сказала.

Негромко и сказало-то, но и за ровным, только набирающим мощь гулом ветра прекрасно слышно.

— Нет, — честно ответила Арха, ладонью волосы придерживая.

Тьма молчала. И молчание у неё насмешливым выходило.

— Нет, я, конечно, думала о вас, — наконец призналась лекарка. — Но мне и в голову не пришло, что отзовётесь.

— Я отзывчивая, — хмыкнула богиня.

— Это-то и странно, — под нос буркнула ведунья.

— Вы мне нужны, — пожалала плечами Тьма — покрывала колыхнулись и тут же успокоились.

— Сама же говорила, что драконов не завезли! А теперь и являешься чуть не по щелчку

пальцев, и ведьмой заставляешь стать, и какие-то предсказания, Свершители! Это что?!

Ведунья разозлилась как-то сразу — с места и всерьёз, до мути перед глазами, до полного отключения всех инстинктов, включая самосохранение. Только какой-то клочок мозга удивлялся: что делает?! На кого орёт?! Кому мечтает по морде съездить?! Но удивлялся со стороны, да и слишком тихо.

— Ничего, — спокойно ответила богиня, архиными воплями не впечатлённая. — Я уже говорила: любая лавина начинается с камешка. Вы и есть та самая галька.

— Я помню, мы одни из многих, — Арха сухо сглотнула, давя истеричный смешок. — Только вот у меня вопрос: лавина-то для чего? Для вашего развлечения?!

— И на это я уже отвечала, — демонстрируя чудеса терпеливости, снова пожала плечами Тьма. — Развлечение тут не последнюю роль играет. Но главное в том, что наше время уходит, а...

— Да плевать я хотела на ваше время! — вызверилась, окончательно разум утратив, лекарка. — Тут и без вас не знаешь, как... Я не хочу играть в ваши игры!

— А ты и не играешь.

— И пешкой быть не желаю! И разменной монетой тоже! Оставьте нас в покое, все!

— Вот дурочка-то! — восхитилась Тьма. Лекарке показалось, что богиня улыбнулась — от души, широко. Но могло и примерещиться, потому что под густой вуалью черты лица только угадывались, да и те постоянно менялись, плыли. — Я же тебе только добра желаю.

— Не надо мне вашего добра! Ни твоего, ни Матери. Слишком дорого оно стоит, добро это!

— Да ты ещё ничем и не заплатила. Наоборот, только получила. И, кстати, о птичках: чего же ты так жёстко с матушкой-то? Она-то как раз тебе многое дала. Дар там, лекарство.

— Просто так дала? — ни с того, ни с сего Арха успокоилась и так же разом, как и взбеленилась. Абсолютно успокоилась, совершенно. И теперь голос повышала лишь для того, чтобы ветер перекричать. Ближе к богине подходить никакого желания не было, а Тьма с места не двигалась. — У вас ничего просто так не бывает, это я уже поняла, хоть и тоже... дура ещё та. Да и вопрос пустой: как дала, так и отобрала. И спасибо ей за это большое. Я с милости один раз просила. И сполна за неё расплатилась.

— Да не расплатилась ты за него, а подгадила, — вот теперь Тьма улыбалась совершенно точно. — Вряд ли маменька рассчитывала, что своё послесмертие мне подаришь. Но всё же можно и отыграть. Но — тс-с! — богиня прижала палец к губам, — об этом мы говорить не станем. Кстати, о милости ты просила два раза. Кто скулил, чтобы тебе послали «хоть кого-нибудь»?

— Ну конечно, — на этот раз хихиканья Арха сдержать не сумела. — Как я раньше не догадалась-то? Дан — это твоих рук дело! Ведь и Мать говорила, будто я совсем немного не дождалась. Что ж, и тебе спасибо и низкий поклон, — ведунья с размаха действительно поклонилась в пояс, рукой отмахнув. — Но больше нам ничего не надо.

— Ничего? А если так?

Невесть откуда пришедшая боль скрутила низ живота так сильно и резко, что ведунья на ногах не удержалась, упала, сильно ударившись коленями. Хотела крикнуть — и не сумела, только глотала кусками горячий воздух, который ветер ей в плотку кулаком забивал. Показалось, что по ногам потекло тёплое. И как наяву примерещился испуганно сжавшийся в комочек, бессильный мышонок.

— Не смеешь... — как прохрипеть сумела — сама удивилась. Слова, слишком большие,

угловатые не желали пролезать в слипшееся горло, дыхания не было — всё боль сжирала. — Я Жизнь, он часть меня и искра... Не в твоей... власти!

— Ве-ерно-о, — эдак задумчиво протянула Тьма. И режущая боль ушла туда, откуда явилась. Ведунья прижалась щекой к горячей земле, хватая ртом ветер, которого стало слишком много, прижимая руки к животу, словно это могло хоть от чего-то защитить. — Зато в моей власти другие. А один и вовсе принадлежит со всеми потрохами. Как на счёт этого?

— Чем ты угрожаешь? — говорить все ещё тяжело было, горло немилосердно драло. — Ты и без того в любую минуту можешь сделать всё, что захочешь.

— Ну а если выкуп, а? Допустим, проживут они долгую жизнь и помрут дряхлыми стариками в своих постелях?

— Обещаешь?

— Обещаю, — серьёзно кивнула Тьма.

— Что обещаешь? — Арха даже усмехнуться сумела, хотя щеки и сводило судорогой. С трудом, но встала на четвереньки, а вот дальше дело застопорилось. Лекарка утёрлась рукавом — из угла рта абсолютно точно текло. Правда, она так и не поняла, слюна это или кровь. — Странно, мне и в голову не приходило, кто, собственно, наши сроки определяет? Ты, Мать, Свет? Раньше времени забрать, наверное, сможешь. А продлить отмеренное? Если кому-то на роду написано от кирпича помереть, ты тот кирпич убрать сумеешь?

— Разговорились! — как-то совершенно по-бабьи буркнула богиня.

— А что мне ещё делать?

— Соглашаться с тем, что дают.

— Не хочу я соглашаться, — упрямо мотнула головой ведунья, сообразив, наконец, что сделать нужно, чтобы сесть. — И не буду.

— Ну, это мы ещё посмотрим, — неопределённо пообещала богиня — и исчезла.

А Арха осталась сидеть, где сидела. Только подозвала тихим свистом Ведьму, потянув за свисающие поводья, заставила лошадь встать так, чтобы от ветра защитила.

[1] Мга — сухой туман, мгла, появляющаяся из-за перенасыщения воздуха мельчайшей пылью.

Глава восьмая

Сначала трижды подумай, а потом промолчи
(Трактат «О пользе». Неизвестный автор)

До загона Арха едва добралась. И для того чтобы Ведьму расседлать да обтереть, потребовались поистине титанические усилия. Лекарка и без того с трудом стоять могла, а тут ещё и ветер, норвящий с ног сбить. До шатра почти на четвереньках добиралась, хватаясь за слезы и растяжки, переползая от одной юрты к другой. Мешком ввалилась внутрь, то ли упав, то ли сев на ковёр, даже полог входной крепить пришлось Шаю.

— Протрезвел? — не слишком дружелюбно поинтересовалась ведунья.

— В общем да, — старательно косясь в сторону, отозвался блондин. — Я хотел... Ты прости, не знаю, что на меня нашло и...

— Тьма простит, — буркнула Арха. — И думай в следующий раз головой, а не... Чем ты обычно думаешь.

— Да я как-то и не думал, — смущённо признался красавец.

— Это заметно, — кивнула лекарка. — Всё, покаяния и признания на потом, спать хочу. Так что проваливай отсюда.

— Куда? — уточнил ифсовет.

— Куда хочешь, на выбор: в другой шатёр, в Бездну, ко двору... — Арха села резко, даже перед глазами поплыло. — Какое сегодня число?

— Да вроде седьмое, — ухо почесав, определился Шай. — Ну, точно, седьмое!

— Тьма-а! — простонала лекарка. — Представление ко двору! Императрица... А, Бездна! Срочно переноси меня в поместье Харратов, — ведунья хотела было вскочить, но из этого, конечно, ничего путного не получилось. Пришлось, охая и кряхтя, как старухе, подниматься, цепляясь за руку блондина.

— Да что случилось-то? — ничего не понял демон.

— Некогда объяснять, — отмахнулась от него Арха. — Переноси, давай! Как бы не опоздать...

Опоздала, конечно. Когда Шай её на ноги в холле поставил, Дан как раз в дверь входил. А за ним, что-то радостно щебеча, обряженная в собственное архино золотое платье, впорхнула шаверка. Ведунья толком и сообразить ничего не успела, а девушка взвизгнула, захлопала в ладоши, кажется, ещё и на месте подпрыгнула. Ласточкой перелетела зал и повисла у лекарки на шее.

— Арха! Как я рада тебя видеть! Ты просто не представляешь, как соскучилась! — рывкнула в ухо так, что у ведуньи под черепом тоненько зазвенело. — Спасибо тебе огромное! Всё так великолепно, ты себе не представляешь! А дворец! Это просто сказка! И платье! Жаль, что танцев не было, но всё равно жутко интересно! Я в любой момент! Если тебе ещё хоть раз! Ну пожалуйста, пожалуйста, можно ещё разочек, а?

Шаверка отцепилась, наконец, молитвенно сложив ладони и просяще в глаза заглядывая.

— Арруша, — негромко окликнул девушку лорд Харрат. — Мы, кажется, договаривались?

— Арруша? — тупо повторила ведунья, тарашась на...

Ну да, это на самом деле была неугомонная иррашевская сестричка. При полном параде: со сложной причёской, при макияже и действительно в архином платье, которое лекарка бросила недошитым.

— Ты меня не узнала, что ли? — хихикнула шаверка. — Разрешите представиться, леди Арахша ашэр Нашкас арш Каро, невеста лорда Харрата.

Девушка присела в безупречном реверансе, изящно наклонив голову. Ведунью немедленно грызнула зависть. И, пожалуй, ревность.

— Я решил, что тебе сейчас не до дворцовых приёмов, — пояснил подошедший Дан. — И Арруша любезно согласилась тебя подменить.

— Ой, да что там любезно! — встряла шаверка. — Снова в любой момент! Ты же знаешь, как я об этом всё мечтала. Арха-а, какой у императора дворец! Это просто оживший сон!

— Шай, — намекнул на что-то хаш-эд.

Блондин, до этого момента вполне успешно в тени прятавшийся, намёк, видимо, понял. Выпорхнул мотыльком, сграбастал Аррушу под локоток, зачирикал нечто приветственно-восхищённое. И повлёк куда-то слабо упирающуюся и удивлённо оглядывающуюся девушку.

— А почему меня не предупредил? — проводив парочку взглядом, спросила лекарка.

Очень стараясь, чтобы голос звучал совсем незаинтересованно.

— Не подумал, что для тебя это важно, — чуть пожал плечами демон. Вот он явно не старался, даже усилий никаких не прикладывал. Просто был холодно-отстранённым. — Чем обязан?

— Я... — Арха не сразу и нашлась, что ответить. — Мне с тобой поговорить нужно.

— Прошу, — тут же отозвался хаш-эд.

Дан вежливо дверь придержал, пропуская ведунью в кабинет. И была в этой вежливости такая холодная отстранённость, такая чуждость — лекарку аж передёрнуло. Высший лорд приглашает посетительницу пройти. И приглашает не из интереса или соображений политеса, а потому что не сообразил, как от просительницы избавиться и приличий не нарушить.

— Присядешь? — девушка в ответ головой отрицательно мотнула. — Вина, чая?

— Мне с тобой поговорить надо, — снова пробормотала Арха.

— Это я уже понял, — едва заметно качнул рогами Дан, усаживаясь за стол.

Ведунья покосилась на хаш-эда: пальцы сплёл шалашиком, опёрся на них подбородком, глаза чуть мерцают. Или отблески свечей в них поблёскивают? Тень на портъере за спиной, как спинка трона.

— Кажется, это труднее, чем я думала, — невесть зачем фарфоровых собачек на каминной полке переставляя, призналась лекарка.

— Я могу помочь? — холодно поинтересовался лорд Харрат.

— Если я скажу, что не знаю, с чего начать, то ты мне посоветуешь начать с начала? — хмыкнула ведунья.

— Тавтология, — отозвался лорд. — Но суть верна.

— С начала, так сначала, — Арха вздохнула, воздуха набирая, как перед прыжком в ледяную воду. — Знаешь, когда я счастливой была? Не момент — таких немало и все с тобой...

— Я польщён.

— Не перебивай, пожалуйста, мне и так не просто, — попросила лекарка, поглаживая пальцем прохладную мордочку глиняной борзой. — Так вот, счастливой я была, когда тут в столице жила. Одна. Ведь всё очень просто: есть работа, есть приработок, даже больные, которым помочь могу тоже есть. А это важно. И не потому, что я мечтала всех обездоленных спасти, а потому что кому-то нужна оказалась. Благодарили меня, знали многие, слушали — это тоже важно.

— Так, значит, амбиции всё-таки есть?

— Это не амбиции, — мотнула головой лекарка. — Это быть нужной, что-то значить, понимаешь? Я даже не в курсе, любила ли меня бабушка. Или она просто заботилась, ведь ребёнок-то уже есть, куда его девать? В деревне... Ну после того, как выкинули, всё без объяснений понятно стало. А здесь всё было очень просто и ясно. Надо накопить деньги на новые ботинки, а ещё отложить на учёбу. Конечно, ни на какой университет я бы не набрала. Но мечта, она... грела. И ещё каждый день прибегают, стучаться: помощи!

— А потом появились мы и всё разрушили — это ты хочешь сказать?

— Нет, не это, — Арха повернулась к демону, сжимая фарфоровую фигурку — острые собачьи уши в ладонь до боли впились. — Хочу сказать: вы появились и беды кончились. Совсем, любые. От меня ничего не зависело, но этого и не требовалось. Всё и так подадут на подносике с золотой каёмочкой. Нос утрут, затруднения по щелчку разрешат, когда надо прикрикнут, когда надо крыльями помашут. Делай что хочешь, говори что хочешь, живи в своё удовольствие. Всё равно это не твои проблемы. Есть гвардейцы, лорды — пусть они и справляются. Вот как-то так.

— И какой из этого вывод? — вопросительно приподнял бровь Дан.

— Ну, вывод-то вы с самого начала знали, — усмехнулась ведунья. — И талдычить его не переставали — и Шай, и Адин, а Ирраш больше всех. Только ты ничего не говорил. Смысла, наверное, не видел, да? Хотя, это неважно. Собственно, я уже говорила: когда к этой девчонке, с лестницы упавшей, ломанулась — ни о чём не думала. И не только из-за желания помочь. Понимаешь, мне и в голову не пришло, что придётся самой... отвечать. Правда, и мысли не возникло. Ну, угрожают постоянно: «Инквизиция, инквизиция!» Ну Ирраш рычит. Так ведь ничего же не случается! Все кругом и так знают, что я ведунья, пользуются этим. И я тоже... пользуюсь. И ничего!

— Все вокруг — это мы? — уточнил Дан.

— Это вы. Ну, Ю ещё, Шхар, Адаша, наверное. Не знаю, про неё тоже не думала. Но это всё равно тоже вы.

— Получается, что ты едва на костёр не угодила из-за того, что мы тебя... — хаш-эд помолчал, видимо, слова подыскивал, — ...избаловали?

— Звучит не слишком лестно, — хмыкнула Арха. — Но как-то так, да. А потом... потом... Знаешь, я не верила, что вы меня вытащите. То есть, сначала верила, а потом уже нет. Лежала и всё представляла, как это будет. Очень больно или не очень? Может, сначала от дыма задохнусь? И сознание потеряю? Я ведь совсем плохо боль переношу. И если она станет чересчур сильной, то потеряю, наверное? Значит, потерпеть нужно недолго. Но ведь ожог — это не так уж и больно. Или когда всё сразу горит, больно?..

— Арха! — повысил голос демон.

— Да-да, сейчас... — лекарка вцепилась в каминную полку, старательно дыша глубоко и ровно. Позабытая фигурка собачки хрустнула жалобно, будто напоминая о себе. Ведунья глянула на неё — и ничего не поняла. Что-то есть в ладони, только вот что? — Прости,

просто я тогда... испугалась. Сильно.

— По-моему, не только тогда. Дать тебе воды?

— Нет, не нужно, всё в порядке, — Арха выпрямилась, проглотив, наконец, колотящееся в горле сердце. Оно провалилось в желудок, подняв волну горькой мути, и притаилось. — Потом мы уехали и это было... здорово. Понимаешь, страх — он остался. Мне всё казалось, что это только отсрочка. Что рано или поздно, они вспомнят и придут...

— Они — это кто?

— Они, — объяснила лекарка, мотнув головой куда-то в сторону.

— Всё-таки тебе лучше сесть.

— Нет, не нужно. А ещё казалось: если спрятаться, то они не найдут. Но я всё равно боялась, жутко боялась.

— Не заметил. Помнится, ты даже условия мне ставила.

— Ставила, да, — лекарка улыбнулась, — но не сразу же. Мы в той деревне долго жили, как-то само собой начало вериться, что теперь так всегда и будет. А всё это, — Арха неуверенно рукой повела, — вроде как приснилось. Ну какие вы лорды, грязью с ног до головы облепленные, с щетиной да перегаром, спящие там, где упали? Какой Адаш кронпринц, если он у меня в избе кашу трескает? Всё понятно, просто. Только страх никуда не делся. Он просто другим стал. Родов Ю боялась, раненых — а вдруг не справлюсь? Темноты даже. Вот за вас почему-то совсем почти не боялась. Волновалась — это да. Но не верила, будто что-то серьёзное случится. Даже когда Ирраш пропал — не верила.

— Странно.

— Что?

— А я как раз тогда и поверил: ты по-настоящему умереть можешь. До этого не верил.

— И что?

В ответ Дан только плечами неопределённо повёл. Лекарка подождала немного, но говорить он явно ничего не собирался.

— Во-от... — протянула Арха, сгребая расплзшиеся мысли в кучу. — Потом мы вернулись...

— И страх вернулся?

— Нет. Просто вообще перестала соображать, кто я такая, что мне надо, что от меня надо. Будто я стою на месте, а все вокруг носятся быстро-быстро — не поспеваю за ними, ни за кем. А, главное, нас нет — тебя и меня. Ты отдельно, я отдельно. Да всё разваливается на какие-то куски.

— А эти «мы» вообще когда-нибудь были? — Дан потёр подбородок, словно качество бритья проверяя, откинулся в кресле, прячась в темноте.

Теперь уже Арха молчала.

— Ну, в общем-то, всё ясно, — выдержав изрядную паузу, кивнул хаш-эд, — Примерно этого я и ждал, — встал, тяжело отодвинув кресло, подошёл к стене, повернул картину. Открыл сейф, достав довольно толстую стопку бумаг. Протянул их лекарке. — Держи.

— Что это?

Ведунья пачку брать не спешила. Наоборот, руки за спину спрятала. Демон шлёпнул бумаги на стол.

— Здесь документы. Права собственности на дом в столице, поместье... — Дан потёр лоб. — Короче, ты богатая и абсолютно самостоятельная женщина. То есть, юридически я так и остаюсь опекуном. Но влезать в твои дела не стану, Ирраш тоже. Титулы... — лорд

вздыхнул коротко, судорожно, словно ему воздуха не хватало, — титулы есть. Пользоваться ими или нет — решай сама. Если хочешь, получишь какую-нибудь должность при дворе, но не советую — не твоё это. Кстати, дело из инквизиции изъято и уничтожено. Конечно, слухи останутся, но доказать хоть что-то не сможет никто. Ребёнка я признаю. Не как бастарда, а как своего наследника. Император узаконит. Или Адаш. В общем, об этом тоже не волнуйся.

— Не волнуюсь, — послушно кивнула лекарка. — То есть, что? Ты меня опять бросаешь?

— Я никогда тебя не бросал, — процедил Дан, рассматривая ковёр у себя под ногами.

— А как это называется? — Арха и плечами пожала, и руками развела.

— Кажется, это называется «отпускаю». Хотя формулировка так себе, — хмынул демон.

— Да, — согласилась ведунья, — над формулировкой нужно поработать, — На вопрос: «Что теперь делать?» — ответов не так много имелось. Незнамо откуда выползшая гордость, завёрнутая в лохмотья достоинства, требовала немедленно развернуться и уйти. Может быть, сначала швырнуть бумаги демону в лицо, а потом уйти. Но... но... Неужели это всё, конец? — Ты даже не спросил, с чего я этот разговор завела.

— А должен был? — осведомился хаш-эд.

— Не должен. Просто я подумала, что... Я поняла... — слезы заполнили и глаза и нос разом, будто их выплеснул кто. Даже в горле заклокотало. Арха сглотнула, подняла голову, разглядывая потолок — только бы не пролить, рыдать не начать. Сейчас это было абсолютно лишнее. — Я тебя совсем не понимаю. Знаю, но не понимаю. Что тебе нужно, чего ты хочешь, чего ждёшь? С таким же успехом можно гадать, чего Тьме надо. Но ты не она, ты же объяснить можешь!

— Зачем? — кажется, ещё отстранённее поинтересовался лорд Харрат.

— Затем, чтобы я поняла, Бездна тебя задерит!

— Вот теперь я чего-то не понимаю. Или ты решила жизнь положить на исполнение моих прихотей?

— Да при чём тут прихоти, Дан?!

Крикнула, сжимая кулаки, твёрдо уверенная, что сейчас-то она всё и объяснит. А продолжить не сумела. Слова закончились вместе с силами. Архе примерещилось: её собственное тело вдруг стало весить втрое, а может и вдесятеро больше. Действительно, прихоти не при чём. Только что при чём? Взаимопонимание, поддержка, опора и дальше по списку? Нужны они демону. У него вон с Иррашем полное взаимопонимание и без всяких разговоров.

Он и не намекал, будто чего-то от неё ждёт. «Ты моя!» — и всех разговоров. Мой конь, мой меч, мой дом. И женщина тоже моя, может даже и жена. При чём тут понимание? Это не демоны, а она, Арха, всё усложняет. Сейчас-то и вовсе говорить не о чем, раз она уже «богатая и абсолютно самостоятельная женщина», а ребёнка он «признает наследником».

— Извини, я... В общем, я подумала, что, может, если мы сможем объяснить друг другу... Если я объясню... Впрочем, это неважно. Прости, глупость это всё, конечно. Я просто люблю тебя и... Собственно, это тоже неважно. Я пойду.

Лекарка аккуратно поставила несчастную фарфоровую фигурку на каминную доску, поправила, чтоб было как раньше. Развернулась, на самом деле уйти собираясь. И ткнулась носом демону в грудь. Шарахнулась, скребанувши лопатками по проклятой полке. Хаш-эд и руки не поднял её поддержать.

— Что ты только что сказала? — рыкнул так, что уши не просто поджались —

прилипли к черепу.

— Что это всё неважно? — пискнула Арха, обеими руками вцепившись в подол.

Ещё не хватает свою трусость продемонстрировать! И так полной дурой себя выставила, попрошайкой. Пусть рычит, сколько ему вздумается.

— Нет, другое! — потребовал лорд Харрат.

— То, что тебя люблю? А это новость? Разреши, я пройду. Мне надо...

Что ей там надо, никак не придумывалось. Да он, кажется, все её надобности благополучно мимо ушей пропустил. Смотрел сверху вниз, а у самого физиономия каменная. И не понять, о чём думает.

— Новость, — эдак медленно головой кивнул. — Для меня это новость.

— Ну да, я раньше такого никогда не говорила! — фыркнула лекарка.

— Говорила. Давно, — наклонился, руки ей на плечи положил, будто хотел разглядеть что-то. — Я был уверен, у тебя уже прошло.

— Ты дурак?! — не успев даже подумать, выпалила Арха. — Это что, по-твоему, насморк? Да и с чего ты взял-то?

— С того, что ты мне не веришь, не доверяешь. С того, что ты перестала меня ждать. Ты не рада, когда я рядом. Тебе это всё не нравится, но другого я дать не могу. Тьма, я даже не понимаю, чего нужно! Я узнаю, что с тобой происходит от Адина с Шаем! Вы запираетесь в этой своей... — Дан скривился, словно из последних сил сдерживаясь. — В этой своей женской компании, а потом Ллил объявляет Иррашу об отъезде. И ты сбегашь из-за... из-за ничего! Что я должен думать?!

Лорд встряхнул лекарку — чувствительно.

— А спросить? Ведь, кажется, смысл вопросов в том, чтобы ответ получить, нет?

Тяжесть, заставляющая плечи горбить, наполняющая голову свинцом и делающая ноги каменными, делась куда-то, будто её и не было вовсе, ничего после себя не оставила. Комната словно чуть качнулась и на место встала, но совсем другой: свечи горели ярче, и от углей в почти погасшем камине тянуло теплом. А розы, стоящие в высоких вазах, на самом деле пахли — хоть и едва заметно, зато по-летнему.

А вот лорд Харрат ничего такого не замечал. В глазах у него настоящее пламя бушевало, зрачки вытянулись в нитку, но за этими щелями притаилась Тьма. И это было совсем не страшно.

— Что я должен спросить?!

— Давай, я научу: ты меня любишь? Всё очень просто, совсем не сложный вопрос: ты меня любишь?

— Я не...

Арха настолько осмелела, что хихикнув, зажала хаш-эду рот ладошкой.

— Я тебе не спрашиваю, а учу, как надо. Понял?

Дан кивнул, но не слишком уверенно. Собственно, от него ничего больше и не требовалось. Да и кивок-то на самом деле был лишним. Потому что всё действительно очень просто: потянуться, обнять за шею, заставить наклонить голову — всё-таки он слишком здоровый. А дальше и усилий никаких не требуется. Всё знакомо. Всё сотню, а может, и тысячу раз случалось. Но от этого оно не становилось менее... новым. Ведь каждый раз незнакомо, не опробовано.

Или так действительно не случалось? Никогда раньше первое прикосновение не было таким растерянным, будто он ещё не понимает, что, собственно, происходит. И дальше тоже

не слишком уверенно, словно разрешения спрашивая: можно, ты, правда, этого хочешь? Нам же ещё что-то надо... Решить? Сказать? Определиться...

Ну а дальше так, как раньше и всё равно по-новому. Он требует и спешит — всегда поначалу спешит, словно ему убедиться нужно: «Ты моя!» — «Твоя...» — «Ты принадлежишь мне!» — «Только тебе» — «Только мне?!» — «Зачем ещё кто-то, если у меня уже есть самый лучший демон?»

Ревущее пламя нужно успокоить, иначе оно тебя в пепел сожжёт, само того не понимая. Унять руками, взглядом — он требует, чтобы смотрела, ведь ему нужно убедиться. И вот оно, новое: бушующий костёр чуть отступает, подаётся назад: «Я на самом деле тебе нужен?» Нет, сомневающийся в себе пожар — это совсем не смешно. Это что-то такое, отчего сама гореть начинаешь. Не стогать, а гореть, выплёскиваясь на него лавой. Ты можешь требовать — и требуешь, берёшь, спешешь. Потому что никогда раньше не догадывалась, что и он принадлежит тебе, ты тоже можешь подчинить, и пожар подчинится.

Всё так просто, всё безумно просто. Достаточно всего одного вопроса, хватает одного ответа, а, порой, и того не нужно. Кто так придумал? И почему тот, кто придумал, не объяснил, что всё настолько просто? Или объяснил, тысячу, миллион раз объяснял, да не понимали, слушать не хотели?

Пламя бушует и не определить, чьё оно: твоё или его. Общее, наверное. Оно ревет драконом, пожирая всё лишнее, а лишнее все, кроме тебя и него, взрывается фейерверком искр и...

И остаётся только пустая тишина, в которой живёт лишь грохот пульса — одного на двоих. А ещё шершавая, жёсткая ладонь под щекой. И красноватый отблеск на полированном изгибе рога. И тяжесть — совсем необременительная, наоборот, уютная, как одеяло. Хотя, конечно, он гораздо тяжелее любой перины.

Нет, эта тишина совсем не пустая, в ней много всего.

— Значит, нужно просто объяснить? — глаза демона мерцали, почти как угли. — Когда я думал, что... — Дан отвёл взгляд, сглотнул — кадык тяжело прокатился по напряжённому горлу. — Что тебя нет больше, я... куда-то делся. То есть, никуда не девался, конечно. Говорил, ходил, даже искать продолжал. Но меня не было, понимаешь?

Как же всё просто. Нет никакого «мы», да и быть не может. Всегда есть ты и я. Просто один без другого куда-то девается.

И почему этого раньше никто не объяснил?

***

Проснуться от того, что демон с кровати упал — это ни с чем несравнимое впечатление. То есть, поначалу-то, конечно, пугаешься. Грохот, рык, кровать ходуном ходит, будто землетрясение началось, солнце в окна совсем по-весеннему бьёт, а рядом, на полу ком белый ворочается — ничего не понятно. Но, оказывается, никакой катастрофы не случилось. Просто всё на свете проспавший хаш-эд попытался на ноги вскочить и не заметил, что скрученные в жгуты покрывала его стреножили. Ну и рухнул. Ругается теперь.

— Доброе утро, — искренне пожелала Арха, обеими руками обнимая подушку.

Дан на её приветствие только глянул дико, разорвал простыни.

— Куда опаздываем? — лекарка сладко зевнула, потёрлась носом о нагретый солнцем лён и подтянула одеяло повыше — устроилась. — Заседание или, наоборот, комиссия? Встреча послов сопредельных княжеств? Распределение бюджета?

— Какой зимой бюджет? — огрызнулся лорд Харрат.

Возражать ведунья не стала, а какой смысл возражать? Ну да, на улице никакая не зима, а вовсе даже середина осени. Но что это меняет? Всё равно когда там бюджет принимают, Арха понятия не имела. Собственно, значение этого загадочного слова она тоже понимала не до конца. Или вообще не понимала. В общем, какая разница?

Особенно когда тут демон имеется: громадный, голый, злой и озадаченный. Видимо, никак не может сообразить, куда ему сперва ломануться, а куда уже потом. Мечта любой женщины!

— Значит, всё-таки комиссия, — определилась ведунья. — С совещанием при министерстве и ведомстве. Нехорошо, лорд Харрат, непорядочно. Там вас министры с этими... как их?.. ведомствами дожидаются, а вы тут с любовницами прохлаждаетесь.

— Издеваешься? — хмуро поинтересовался хаш-эд, так и не додумавшийся даже штаны натянуть.

— Проявляю свою гражданскую позицию, — подумав, оповестила Арха.

— Какая у тебя гражданская позиция, мелочь пузатая? — с непередаваемым апломбом государственного мужа поинтересовался Дан.

— Твёрдая, — заверила его лекарка, закапываясь поглубже, и решая «пузатую» проигнорировать — слишком уж тема скользкая.

А неожиданно проспатое утро вместе с его ненормальным солнцем ничем таким портить не хотелось категорически. Тем боле, что там, под одеялом, хорошо было: тепло и пахло... Неприлично пахло, даже немного стыдно, но хорошо.

Правда, оказалось, закапывалась она зря. Одеяло с неё содрали, видимо, чтобы доходчиво объяснить про необходимость уважительного и продуманного подхода к выбору гражданской позиции.

С объяснениями вышло не очень. Зато вспомнилось, что раньше они любили вставать вот так же, в два захода. Ведь только по утрам пожар не пылал, а разливался горячим солнечным теплом: неторопливо, обстоятельно, со смакующей ленцой.

Зато потом демон заторопился. Не заторопился даже, а развёл ураганную деятельность. Только лежал себе, расслабленно прищурившись за солнечным зайчиком наблюдая. И вдруг снова вскочил, правда, на этот раз не грохнулся — покрывал-то уже не было. Вымелся из комнаты, вернулся всего через пару минут уже полностью одетый, но странно: не в камзол с кружевами, а в простую кожаную куртку и шерстяные штаны. Снова унёсся.

Арха, свернувшись уютным калачиком, лениво размышляла, к чему такая бурная активность, и собиралась уже подремать. Не дали. Вернувшийся хаш-эд выдрал её из тёплой постели, встряхнув в собственный костюм.

— А завтрак? — жалобно спросила лекарка у потолка, пока Дан на неё торопливо платье напяливал. — Нам регулярно питаться надо.

— Потом завтрак, — отозвался демон, — давай быстрее, времени мало.

Стрём в охапку и перенёсся — ведунья даже пискнуть не успела.

В этом месте Арха никогда не была. Вроде бы сад — деревья слишком ровными рядами растут. Но жутко запущенный, заросший. Обычная, немощёная тропка едва виднеется через путаницу кустов. Дубы, растущие вперемежку с липами, старые, кривоватые, суставчатые. На почерневших стволах сероватые пятна лишайника, корни мхом укрыты. Небо с солнцем едва угадывается за разросшимися, по-летнему зелёными кронами. Здесь же, внизу, сумрачно, пахнет сырой почвой и прелыми листьями.

А ещё на земле лежали ошкуренные доски, белеющие свежими срезами. И стоял

деревянный ящичек, с которыми мастера ходят: с молотками, гвоздями и другими непонятными железками.

— Мы будем строить дом? — догадалась ведунья. — Потому что из-за опоздания на комиссию у тебя отберут все особняки?

— Нет, — мотнул головой Дан.

К Архе он и не обернулся, куда-то вверх смотрел. Лекарка тоже посмотрела. Шалашик — или избушку, что ли? — спрятавшуюся среди кривых сучьев, она разглядела не сразу. Видимо, сооружение изначально не было крепким, а время его совсем доконало, оставив только одну посеревшую стену, часть настила и крышу. С ветки, подпиравшее это чудо архитектурной мысли, свешивался обгрызенный кусок верёвочной лестницы.

— Мы будем ремонтировать дом? — снова попыталась догадаться ведунья.

— Нет, — опять не согласился упрямый демон. — Это потом. Сначала надо лестницу сделать. Крепкую. С перилами.

— Зачем? — поразился Арха.

Лорд глянул на неё мрачно, даже зло. Постоял, раскачиваясь с носка на пятку, сунув руки в карманы брюк.

— Впрочем... — Дан прочесал пятернёй шевелюру, кажется, пытаясь взглядом доски, на земле лежащие, испепелить.

Лекарка была уверена: сейчас заявит, что это всё неважно и вернутся они в особняк.

Хаш-эд ещё раз глянул косо, неприязненно.

— Я очень хотел в этот дом залезть. И чтобы он моим стал. Но по верёвочной лестнице не выходило. Руки слишком слабые, а я такой... упитанный был. Подтянуться не получалось.

И отвернулся.

Сложная, многогранная личность с тонкой душевной организацией. И вот что ему сказать? Что начинать заново, — это ещё не значит исправлять прошлое? Что их ребёнок и они всё же разные вещи? Что их ребёнок не он сам. Что их ребёнку не понадобится место, чтобы прятаться? Что если у их ребёнка не получится залезть, обязательно найдётся тот, кто поможет?

Для понимания нужно всего ничего: лишь желание задавать вопросы и слышать ответы. Но иногда разговор выходит таким... странным. Примерно как у рыбы с белкой.

Демон, мужчина. Каменная, стальная личность с абсолютно прямой логикой. Правда, порой прямая выходит кривоватой.

— Лестница-то ладно, — отмахнулась Арха, — лестницу сделаем. Но настил всё-таки нужно укрепить. И перила обязательно сделать. А то высокогато: сверзишься — кости собирать замучаешься.

Дан медленно к лекарке повернулся, посмотрел странно. Морда каменная — пойдя, пойми, о чём он думает. Да, иногда разговор ещё и прогулку по лесу с ловушками напоминает: не знаешь, что в следующее мгновение под ногой окажется — мягкий мох или волчья яма с кольями.

Хаш-эд шагнул, сграбастал лекарку, прижал, ткнувшись носом в макушку. Молча.

— Ты, правда, сам всё делать собираешься? — пробубнила ведунья.

Сложно говорить чётко, когда твой собственный нос по чужой груди размазан.

— А ты думаешь, что я только пером орудовать умею? — с неподражаемым мужским самомнением поинтересовался демон, отпуская Арху. — Помогай, давай.

Ну а кто бы сомневался? Личность-то многогранная.

Уважаемые читатели!

Вот так и тянет написать «любимые», «драгоценные» и прочую розово-сопливую карамель. Потому что растрогали до тех же соплей.

Честно, я никак не ожидала ТАКОЙ поддержки. Знала, что читают. Знала, что даже нравится. Но такой шквал комментариев — этого я никак представить не могла. А ещё ваше понимание, принятие истории именно такой, как я её вижу, ваши мысли и чувства... Короче, спасибо вам, спасибо огромное, гигантское, от всей моей авторской души.

В общем, я ушла сморкаться в платочек.

Спасибо!

P.S.: И простите, что не ответила на ваши комментарии. Честно, я не ожидала, что их будет столько. Срочно возвращаю практику отвечать на отзывы ежедневно.

Глава девятая

Разница между женщиной в гневе и террористом только в одном: с последним ещё можно вести переговоры

(из наблюдений императора Нахшона II)

Снизу казалось, что домик не так уж и высоко построен. А если смотреть отсюда, сверху, то мерещится, будто земля далеко-далеко. Под босыми ногами настоящая бездна, хоть и каждую травинку рассмотреть можно и даже копошащихся жучков, а всё равно бездна, даже голова немного кружится.

Арха вцепилась в край настила обеими руками и всё-таки заглянула вниз. Ветер тут же подхватил выбившиеся из короткой косицы волосы, игриво бросил в глаза, в рот. А не уберёшь, пальцы разжать страшно.

— Ты чего делаешь? — лениво поинтересовался Дан, растянувшийся во весь рост.

Демон для домика на дереве явно великоват был — с одной стороны рога свешиваются, с другой сапоги торчат.

— Волю тренирую, — серьёзно отозвалась лекарка. — Оказывается, я высоты боюсь.

— А раньше не знала, что боишься?

— Раньше не боялась. Это всё ты виноват.

— Опять? — тяжело поразился хаш-эд.

— Конечно, — Арха откинулась назад, легла на тёплые шероховатые, пахнущие смолой доски, пристроила голову у лорда Харрат на животе. — Зачем бояться, если тебя нет? Неинтересно.

— А со мной, значит, интересно? — спросил Дан, тихонько волосы ведуньи перебирая.

Было в этом что-то от поглаживания любимой кошки, на колени забравшейся. Но всё равно приятно.

— Конечно. Ты же и защитишь и утетишь. А когда утешать некому, какой интерес бояться?

— Никакого, — согласился демон.

И не видно, но чувствуется — улыбается. Может, в своей манере, только глазами, но улыбается.

Помолчали, глядя на небо, синеющее за зелёным плетением крон. Солнечный зайчик, как подкрадывающийся котёнок, полз по настилу, неожиданно заскакивая на нос, в глаза, заставляя морщиться, и тут же прятался в тени.

— Дан...

— Ум-м? — сонно отозвался хаш-эд.

— А дальше что?

Лорд долго не отвечал — Арха решила: не ответит вовсе. Но демон завозился, сел, придерживая голову ведунье и не давая ей вставать, пристроил её затылок себе на бедро — жёсткое и выпуклое. Посмотрел сверху вниз.

— Это тебе решать, — сказал серьёзно.

— Всегда мне решать, — проворчала лекарка недовольно. — А где деспотизм и тирания? — демон молча смотрел. — И нечего во мне дырки сверлить, я уже всё решила.

— И?

— Что и? — лекарка всё-таки тоже села, пригладила волосы, хотя причёсанной от этого они, конечно, не стали. — Во-первых, я хочу быть с тобой. Ну, там состариться вместе, умереть в один день и всё, как полагается.

— Арха... — укоризненно приподнял бровь Дан.

— Ладно, — лекарка старательно расправила подол платья, даже рукой пригладила. — Ребёнок же родится твоим сыном... или дочкой. Хотя почему-то не верится, что у нас вообще девчонка получится может. Ну вот, появится такой готовенький лорд Харрат со всем прилагающимся: внучок императрицы, племянник кронпринца, хоть и двоюродный. Прямо в золотые пелёнки и вылезет...

— А если к сути вопроса перейти?

— А если по сути вопроса, — Арха исподлобья глянула на демона, — то какое у меня право всё это отбирать? Только потому, что мне не нравится? Даже если ты его признаешь, бастардом он быть не перестанет.

— Не перестанет, — согласился Дан, косясь куда-то в сторону.

— Ну вот. Чего тут решать?

— А ты сама?

— Как говорит наш многомудрый Адин: «Не можешь изменить ситуацию, измени своё отношение к ней!» У меня будет муж, любимый, между прочим. У меня будет мышонок...

— Почему мышонок?

Кажется, лорд Харрат всерьёз обиделся. Главное, непонятно: за себя или за то, что его будущего отпрыска обозвали.

— Потому что ты дурак! — объяснила ведунья.

Всё-таки Тьма хорошо придумала, одарив хаш-эдов рогами. Во-первых, их трогать приятно. А, во-вторых, очень уж удобно они приспособлены: возьмёшься так обеими руками, потянешь на себе и сиятельному лорду деваться уже некуда — целуй, раз женщине того хочется.

До точки, когда или до победного конца продолжать, или немедленно это дело прекращать, доцеловались они как-то неожиданно быстро. Архе пришлось даже отодвинуться — продолжать на хлипком настиле в нескольких метрах от земли, конечно, интересно, но боязно.

— Слушай, а мы вообще где? — спросила лекарка.

Кажется, у неё-таки получился тот самый холодно-отстранённый тон, которым следует интересоваться, какие нынче стоят погоды. Учитель этикета этого три месяца добиться не мог.

— В моём родовом поместье, — сердито ответил Дан, заправляя рубашку под ремень.

— А-а, это там, где озеро? — догадалась ведунья.

— Озеро с другой стороны замка.

— Ну, логично. Озеро с другой стороны, а мы тут, н-да... Так что, сейчас возвращаемся?

— Возвращаемся, — кивнул демон, вставая. — Вопрос куда.

— Ты меня спрашиваешь?

— А кого мне ещё спрашивать? — начал злиться хаш-эд, как и все представители своей расы славящийся поистине титанической выдержкой. — Я решу, так потом окажется, что не то и не так! Ущемил, попрал, недооценил...

— Ты чего бесишься? — удивилась Арха. — Давай обсудим. Ты скажи, что по твоему

мнению лучше, а там... Договоримся!

Дан прочесал пятернёй шевелюру, тряхнул головой, нахмурившись. Ведунья ему искренне сочувствовала. Вот ведь мука какая — договариваться. Своё мнение высказывать, с которым, быть может, ещё и не согласятся. Доказывать, убеждать потом и это вместо привычного: «Не обсуждается!» Он отрезал, она послушала — ну, или не послушала, по ситуации — в итоге всё равно криво выйдет. Надулись друг на друга, помолчали и дальше жить, словно ничего не случилось. А тут языком болтать надо. Нет, тяжёлая штука отношения.

— Мне будет удобней, если ты из столицы уедешь, — сказал, наконец, неохотно, тяжело вздохнув. — Желательно куда-нибудь подальше.

— Почему?

— Да не в тебе дело! Тут...

— Данаш, я поняла, что дело не во мне, — покивала лекарка. — Ты мне просто объясни, чтоб глупостей не наделала.

— Кабы знать, в чём дело, — лорд Харрат снова сел, свесив одну ногу в бездну, облокотился о колено. — Я не понимаю ничего, котёнок. Что-то делается, что-то очень серьёзное. До абсурда доходит! Порой кажется, что те, кто изо всех сил мешать должен, наоборот помогают. Ничего просчитать не могу, всё шиворот-навыворот! Не выходит у меня выяснить, кто ситуацию контролирует и что дальше будет.

— А разве не императрица всё контролирует? — осторожно предположила ведунья.

— Императрица! — усмехнулся Дан. — Где она, императрица эта?

— В смысле?

— В прямом. Вчера не приём был, а просто парад двойников. И леди Нашкас поддельная, и императрица, и даже император. Я уж засомневался, не подменил ли кто меня двойником. Приют для умалишённых, а не дворец!

— Дан, я ничего не понимаю... — жалобно протянула Арха.

— Вот об этом я тебе и говорю, — хмыкнул демон, — сам ничего не понимаю.

— Ну а связь? Та, с матерью... Ну, ты понимаешь.

— А нет никакой связи. Она сразу после истории... В общем, при моём последнем разговоре с этой сукой ты присутствовала. А больше я её не видел, не слышал и не ощущал. Вот такие дела творятся.

— Ясно, — кивнула ведунья. — То есть, конечно, ничего не ясно. Короче, мне к кому лучше в гости поехать, к Адину или Шаю? Просто у Ирраша и тут, у тебя в первую очередь искать станут.

— Ты сейчас серьёзно? — переспросил хаш-эд, искоса на ведунью глянув.

— Нет, шучу! — обиделась лекарка. — Почему вы меня душой-то считаете? Может, с лёту всё не схватываю, но если объяснить...

— Никто тебя душой не считает, — хаш-эд сграбастал Арху за шею, прижал к себе — неудобно, а всё равно век бы так сидеть. — Езжай к Шаю. Думаю, там безопаснее всего будет.

— Мне бы только с бабушкой попрощаться, — пискнула ведунья придушено.

— Прощайся, — разрешил лорд, — но потом сразу в замок и носа оттуда не высовывай.

Ну, естественно! Без последнего: «Это не обсуждается!» — обойтись никак нельзя было.

***

Степь встретила вернувшихся сумерками, пахнувшими кострами, подгоревшим на углях

жиром и нагретой за день травой, заревом костров и оглушающим ботаньем барабанов. Но даже этот кошмарный грохот, отдающийся в позвоночнике и заставляющий вибрировать грудную клетку, не мог заглушить диких, по-настоящему звериных воплей и взвизгов.

Кажется, в стойбище опять празднество намечалось.

— По какому поводу теперь веселье? — буркнула Арха и...

И ничего не поняла, всё слишком быстро случилось. Откуда не возьмись, словно из Тьмы вынырнули, появилось несколько полуголых шаверов. Сколько их — лекарка не сообразила, с перепугу показалось, что много. Демоны быстро переместились, как стёклышки в калейдоскопе и исчезли. А на месте Шая, тоже пропавшего, осталась Агной-ара стоять.

Выглядела бабуля жутенько. Жилетка, прямо на голое тело надетая, по плечи открывала вполне себе мускулистые руки, перевитые вязью выпуклых шрамов — не старых ранений, а специально вырезанных, давно заживших узоров. Лицо шаверки расчертили полосы, к счастью, не шрамированные, а синей и бурой краской нанесённые. Хотя бурой могла оказаться вовсе и не краска. Глаза, густо и длинно — до висков — подведённые чёрным мерещились горящими провалами в череп. А голову уважаемой Агной-ара венчал убор из рогов, неизвестно кому при жизни принадлежавших; кожаных полос, расшитых бисером и меховых лент.

Приснится такая вот родственница ночью — не проснёшься.

— Ар... — Арха сглотнула, облизав пересохшие губы. — Арычар, а что... происходит?

— Йе! — торжественно провозгласила степнячка, скрестив руки на груди. Не сложив, а именно скрестив, так иногда покойникам складывают. — Воистину, великий день сегодня! Степь не сумела напиться крови шаверов. И сердце моё омрачилось, потому что без крови не вырастет новая трава. Но кровь от крови моей принесла великий дар — привела к нашим шатрам злодея, погубившего табуны и учинившего великую паль. Значит, земля получит свою кровь, и трава вырастит вновь!

— Йе! — грохнули шаверы, которые, оказывается, успели собраться плотным кругом.

— Да в чём дело-то? — гавкнула обалдевшая от воплей и чрезмерной «кровожадности» бабулиной речи лекарка.

— Отведите кровь от крови моей в шатёр! — повелела Агной-ара, полностью внучкино возмущение проигнорировав. — И подготовьте её к пиру. Она доказала, что принадлежит к Истинным. Так пусть же достойно войдёт в круг наш!

— Йе! — дрогнул воздух.

— Я... — начала Арха, но как следует возмутиться ей не дали.

Схватили за руку — чувствительно, между прочим — и поволокли.

— Пойдём, я сейчас объясню! — прошипела рыжая ифоветка — это она лекарку тащила. — Да пойдём, не тормози ты, а то поздно будет!

— Для чего поздно-то? — буркнула ведунья, но шагу прибавила.

— Прикажи им уйти! — велела Ирда, втолкнув Арху в шатёр.

— Кому?

Всё-таки леди Нашкас нынче притормаживала. Или это остальные слишком бурную деятельность развели? Так или иначе, а бабушкиных «наложников», следом за ней вошедших, лекарка заметила только тогда, когда рыжая её развернула.

— Им! — никого не стесняясь, ткнула пальцев демонесса.

Лекарка икнула и попятилась. Разрисованные от макушки до пяток мужики,

обряженные исключительно в замшевые лоскуты, срам прикрывающие, и штанины, висящие, кажется, сами по себе, способны напугать кого угодно.

— Велено подготовить! — рявкнул один.

Архе показалось, что рявкнул он кровожадно.

— Я сама! — выпалила лекарка. — Не надо меня... подготавливать! Я... Я приду сейчас.

— Пошли вон, — просуфлировала ей на ухо Ирда.

— Пошли вон! — послушно пропищала ведунья.

Шаверов её писк, вроде бы, не слишком впечатлил. Но, по-волчьи оглядываясь и разве что не щерясь, «наложники» из шатра вышли.

— Да что тут...

— Раздевайся быстрее, — приказала демонесса, едва не разрывая шнуровку на лекарском платье. — Ну шевелись, шевелись! Или хочешь, чтоб Шая без тебя прирезали?

— То есть, лучше, чтобы его прирезали при мне? — буркнула ведунья, выпутываясь из рукавов. — погоди, что? В смысле, Шая прирезали?

— В прямом, — огрызнулась Ирда, напяливая на ведунью коротенькую жилетку, остро воняющую козой. — Если помнишь, твоя бабка отправилась соседней воевать. Ну так с войной у них дело не заладилось. Только до третьего поединка сильнейших воинов и дошло. А потом прискакала вторая бабка.

— Какая вторая? — мотнула головой Арха, цепляясь за рыжую.

Всё-таки стоя штаны напяливать, да ещё и на голое тело, не слишком удобно, а сесть лекарка почему-то не додумалась.

— Стаями они тут, что ли, носятся? — фыркнула Ирда, без всякого труда ведунью поддерживая. — Эльной-ара, естественно. В общем, притащила она шейный платок и кисет. В нём, понятное дело, кресало, огниво и трут.

— Чей трут?

— Чей трут, не знаю. А кисет и платок совершенно точно Шаю принадлежат. На них монограмма вышита.

— погоди-погоди, — Арха выпрямилась, позабыв гультфик до конца зашнуровать. — Какой кисет? Не может быть у него никакого кисета! Его ещё в Дубках научили огонь из... Ну, пальцами щёлкаешь — и огонь появляется, — ведунья сама пальцами прищёлкнула, хотя никакого огня, понятно, не добыла. — Шая там одна научила... В общем, не нужно ему никакого кресало! Тем более что в столице ими уже никто и не пользуется! Зажигалки нынче в моде. Ну, такое колёсико и кремь, колёсико щёлкает...

— Я ничего про столичные моды не знаю, — фыркнула Ирда, затягивая архе шнуровку, как ребёнку. — И, думаю, шаверы про них тоже слушать не захотят. Ведьма сказала, что вещи она на границе гари нашла. Выводы делай сама, а они уже сделали. Как раз оба стойбища собрались, чтобы решить, как дальше жить. Я три раза успела Тьму поблагодарить, что вас тут нет. И нате вам, прибыли! Зачем возвращаться-то приспичило?

— Значит, приспичило, — огрызнулась ведунья. — И чего они с Шаем делать собрались?

— В жертву приносить, — спокойно пояснила Ирда.

— Какую ещё жертву?!

— Да стой ты спокойно, а то нарисую криво. Я ж в их символах, как бес в гусином паштете! Обычную жертву, чтобы трава росла и кони плодились. Ну, заодно и наказать.

Здесь степь, а не Ахар, детка.

— А у нас всё, что не Ахар, сплошная степь, — проворчала лекарка, дисциплинированно стараясь не морщиться. Про источник бурых полос на шаверских физиономиях она догадалась правильно. Оставалось надеяться, что кровь козья. Ну, или овечья. — Вопрос, что теперь делать?

— Спасать! Или... — Ирда даже отступила на шаг, исподлобья глядя на ведунью. — Может быть, у леди другие планы?

— Спятила? — поинтересовалась Арха. — Я спрашиваю, как его спасти!

— Понятия не имею, — пожала плечами демонесса, возвращаясь к увлекательному занятию раскрашивания лекарской физиономии. — Но если кто это и сможет повернуть, то только ты. В конце концов, кровь от крови, плоть от плоти...

— Ну да, — не слишком уверенно подтвердила ведунья, сжимая цепочку на шее.

Вот только ответом ей стала пустота, глухая и бесконечная, как сама Бездна.

***

Идя к кострам, Арха снова и снова пыталась Дана дозваться — безрезультатно. Браслет, Иррашем подаренный, тоже никаких видимых плодов не приносил, сколько ведунья его не вертела. Лекарка была уверена: с демонами ничего не случилось, просто они её не слышали. Невесть откуда взявшуюся стену девушка почти видела. Ну, может, не видела, но ощущала вполне ясно. Говорят, так летучие мыши преграду чувят.

И себе Арха казалась мышью, только совсем не летучей, а в ловушку угодившей — вот-вот стальная скоба хребет переломит. Может, и не ей, но от этого не легче. Четверо шаверов-«наложников», у шатра её поджидавших, мерещились не почётным караулом, а стражниками, на эшафот сопровождавшими. И костры эти впереди...

На ведунью вдруг озарение нашло: она ненавидит огонь. Особенно костры.

Шай, по пояс голый, стоял, к столбу привязанный, да ещё особо изуверским способом: на шее и поясе по тугой петле, ноги вместе стянули, а руки за спиной бревно обхватывают — не шелохнёшься. Правда, верёвки не мешали блондину «давать лорда» на полную катушку: взгляд презирающий всех и вся, физиономия сочится пренебрежением к собравшимся, подбородок задран, спина прямая. Хотя в последнем, может, виноваты как раз путы. Между прочим, не обычные, а сплетённые из красных и синих шнуров, да ещё и какими-то блестяшками позвякивающие.

— Йе! — поприветствовала внучку Агной-ара, — вот она. Садись по правую руку от меня, нарчар, ибо ты и есть моя правая рука!

Общий вопль подтвердил: права степнячка, ничего с конечностями не перепутала.

— Арычар, — тихо попросила ведунья, рядом с родственницей садясь.

Точнее, на колени опускаясь. Сидеть, как у шаверов принято, лекарка не могла категорически — суставы так не сгибались, даже если руками помогать.

— Я не слышу, что ты говоришь, кровь от крови моей! — в полный голос заявила бабуля.

Может, вредничала, а, может, и впрямь не расслышала. Степняков тут собралось немало, гораздо больше, чем в прошлый раз, но опять явились исключительно мужчины. Напротив Агной, по другую сторону круга, центром которому столб с Шаем служил, на ворохе кошм восседал степняк, чем-то неуловимо на Ирраша смахивающий. Не лицом, какое там лицо под торжественной раскраской и не разглядеть, а манерой держаться, наверное. Самоуверенностью от него так и несло. А ещё на Арху демон посматривал как-то странно,

оглаживая подбородок, как порой старцы бороду гладят.

Лекарке он категорически не понравился.

— Я говорю, арычар, — ни с того ни с сего разозлившись, едва не заорала лекарка, — что вы не правы! Не поджигал Шай степи! А такие следы мог оставить лишь полный идиот.

Гул, запросто поспоривший бы громкостью с прибором в скалах, умолк, будто ножом отрезанный. И вопли с дикими взвизгами мгновенно утихли, только костры потрескивали. Ну а все присутствующие, естественно, уставились на ведунью.

— Ты подвергаешь сомнению сказанное Элной-ара? — словно даже удивлённо, поинтересовалась Агной.

Ей-то с чего удивляться? Не похоже было, что она все слова сестрёнки на веру принимает.

— Я говорю, что она ошиблась, — ответила Арха, размышляя, что шаверы в качестве топлива для костров используют.

Мысль, конечно, занятная, а, главное, своевременная. Но деревьев-то вокруг действительно нет.

— А, может, и впрямь я ошиблась, — прокаркала ведьма откуда-то сбоку. — Старая стала, немощная, глаза, опять же, подводят то и дело. В самый раз помощница молодая нужна. До зарезу.

— Жаль, что нет у тебя такой помощницы, Элной-ара, — скрипнув зубами, ответила лекарка.

— Ан нет, не ошиблась! — кажется, обрадовалась ведьма. — Он это, он, супостат и ирод! Он траву пожог, он табуны погубил и раздор между нами посеять вздумал. Так прольётся же его кровь, чтобы степь вновь зазеленела!

— Да прольётся! — общий вопль обрушился, накрыл костры, как цунами.

— Да разделим же плоть, чтобы жеребцы не утеряти силы, а кобылы плодовитости!

— Да будет так!

— Да...

— Погодите! — заорала лекарка, мотнула головой, будто звон из ушей вытряхивая. Странно, но все замолчали, включая завывающую волчицей ведьму. А Дан, по-прежнему, не отзывался. — Уважаемая Агной-ара, — облизав сухие, словно она сутки не пила, губы, медленно, растягивая слова, заговорила Арха. — Воистину, я кровь от крови твоей, но некому было обучить меня жизни степей. Прошу, скажи мне.

Недаром, видимо, мудрые говорят, что когда нужда припирает, и ворон соловьём распевается. Откуда только велеречивость-то взялась? Но взялась же.

— Скажу, — согласно кивнула головой степнячка. — Спрашивай, нарчар.

— Я понимаю, что степь за то... — ведунья запнулась, пытаясь правильные слова подобрать, — ... злодейство, что ей учинили, жертвы требует. И это справедливо.

— Йе! — подтвердила бабушка.

— Но что значит для степи жизнь одного ифовега? Тем более не самого достойного.

— Ну спасибо, подруга! — обиделся, до этого упорно молчавший, Шай.

— Ты можешь предложить жертву достойнее? — деловито спросила степнячка.

— Жертву нет, — отозвалась Арха, ловя себя на том, что опять губы облизывает. — Но, скажем так, выкуп могу.

— Истинные не торгуются! — заявил вдруг шавер, напротив Агной сидящий.

— А торговли никто и не предлагает, — в сторону противного демона даже головы не

повернув, отозвалась ведунья. — Я хочу принести дар степи и уважаемой арычар. Но ведь на дар принято отвечать даром, так?

— Йе, — прищурилась степнячка, эдак внимательно внучку рассматривая. — И чем же хочет одарить меня кровь от крови?

— Тебе нравится моя кобыла, арычар?

— Естественно, — совсем не по-степному фыркнула шаверка. — Кому не понравятся такие лошади?

— Я обещаю за каждые десять погибших кобылиц по одной такой лошади. И за каждого жеребца — жеребца.

Фразочка вышла на удивление корявой, но, вроде бы, присутствующие лекарку поняли, потому что стало совсем уж тихо.

— А я, значит, подарю тебе жизнь этого красавчика? — помолчав, поинтересовалась родственница.

Арха в ответ только кивнуть сумела.

— Только посмей! — прошипел Шай невесть кому. — Вот только рискни... Я поджог и всё остальное тоже я!

— Ты обалдел?! — у лекарки от удивления даже голос прорезался.

— Моя жизнь принадлежит только мне, поняла?! — рявкнул блондин. — И никому другому она принадлежать не будет!

— Да у тебя сейчас вообще никакой жизни не останется!

— Все слышали? — заорал блондин. — Права ваша ведьма, режьте, давайте!

— Шай!

— Да ты на него внимания не обращай, внученька, — ласково пропела Агной и по руке Арху погладила. — Пусть себе вопит. Так сколько, говоришь, лошадок ты в дар принесёшь? И, кстати, Тьмой-то поклянёшься, что не обманешь старую бабушку?

Ифовет уже не орал, а рычал и так дёргал столб, что он ходуном ходил — вот-вот вырвет.

— Клянусь, — буркнула лекарка, пытаясь сообразить, куда же это она теперь угодила.

— Ну и я клянусь! — оскалила треуголенные зубы бабуля, ударив ладонью по лекарской ладони.

— Тьфу ты! — сплюнул сидящий на кошмах шавер и вскочил, понёсся куда-то, распихивая с дороги степняков.

Арха покосилась на него, глянула на родственницу, снизу вверх мотнув подбородком, мол: чего это он?

— Да, понимаешь, в жёны он тебя взять надумал, со мной сродниться, да союз заключить, — пожалала плечами арычар. — Мы уж почти было сговорились. Да только теперь и не понятно, что на выкуп такой богатой невесте предложить.

— У меня жених есть! — обалдело пробормотала лекарка.

— Женихом больше, женихом меньше — какая разница?

Ведунья ткнулась лицом в ладони, глухо замычав. Слов, чтобы выразить своё отношение к происходящему, у неё просто не осталось.

***

Судя по воплям, шаверский праздник только набирал обороты. Но внутри шатра было относительно тихо. Ор, конечно, и сюда доносился, но отстранённо, будто издалека. Войлок неплохо шум гасил. К сожалению, напряжённость снимать он не мог. А воздух тут разве что

молнии не прошивали.

Шай как сел, перекрестив руки на коленях, так до сих пор головы и не поднимал. Ифовет не шевелился даже, но Архе упорно казалось: он едва сдерживается, чтобы вновь не перекинуться. Но почему-то бронзовый ошейник снять, шаверами нацепленный, красавец даже не попытался.

Ирда молчала, прислонившись плечом к столбу-опоре и тоже упрямо пол рассматривала. Собственно, шевелилась только ведунья — расхаживала от стены к стене. Лекарка пыталась пару раз заговорить, да почему-то не получалось, нужные слова так и не находились.

— Перестань маячить, — подал, наконец, голос Шай.

— А ты перестань вселенские трагедии устраивать! — рявкнула Арха. — Я не понимаю, что произошло-то? Ну, куплю я этих лошадей, отдам. Дан вон сказал: я теперь очень состоятельная женщина. Если хочешь, в рассрочку долг вернёшь.

— В рассрочку? — глухо поинтересовался блондин, подняв-таки голову.

Лучше б он этого не делал. Глаза ифовета синим налились — целиком, без зрачков, радужки и белков. И эта синева ещё и красным отливала. А третье веко моргало быстро-быстро, как от тика. Да и шепелявил-пришепётывал красавец куда заметнее обычного: то ли клыки у него выросли, то ли язык сильнее раздвоился — не понять.

— В рассрочку?! — повторил демон ниже, басовитие. — Это как я у тебя свою жизнь в рассрочку выкуплю, госпожа? Мелкими услугами? И чем брать изволите? Талантов-то у меня не так много. Опыт фехтовальщика вам не пригодится. Впрочем, второе умение я вряд ли успею продемонстрировать — лорд Харрат слишком быстро на куски порвёт.

— Шай, ты совсем с ума сошёл, что ли? — пробормотала Арха, наткнувшись спиной на растяжку шатра — дальше отступить было некуда.

— Слуга двух господ, — выдала вдруг Ирда. Получилось это у неё презрительнее презрительного. — Извиняюсь, двум господам теперь служишь, не надорвёшься? Ловко у вас это получается, лорд Шаррах! Раб и повелитель в одном флаконе. И, что интересно, всё собственной жизнью приторговываешь. Не у каждого получается и дом-то два раза заложить. Вам бы в ростовщики податься, честное слово

Ведунья и сама не сообразила, как, а, главное, зачем она это сделала. Но сумела-таки ифоветку загородить.

— Назад! — рявкнула прямо в демонячью оскаленную морду.

Блондин шархнулся с такой поспешностью, что запутался в кошмах, едва не упав. Уставился на лекарку удивлённо. Кажется, больше всего его собственная покорность поразила.

— Ирда, выйди, пожалуйста, — попросила Арха вежливо. — Только очень-очень быстро. И молча.

Всего мгновение, но демонесса колебалась. Вроде бы даже рот хотела открыть, наверняка для того, чтобы рассказать ведунье, куда ей следует идти вместе с приказами. Но лишь махнула рукой и действительно вышла.

— Если б кто знал, как достали эти ваши лордские заморочки, — лекарка энергично попилила себя ладонью по горлу. — Мне казалось, что хоть ты нормальный. Оказалось — показалось. Долги, клятвы... Да провалитесь вы во Тьму вместе с ними!

— Туда и направляемся, — мрачно хмыкнул блондин.

— Ты всерьёз считаешь, будто я в это играть буду? Вот во всё это: госпожа, должник? —

Арха развела руками, словно приглашая шатром полюбоваться.

— Это не игры.

— Тем более!

— Зачем ты это сделала, Ар? — устало спросил блондин, снова садясь. — Ты же с нами не первый год, должна уж понять.

— Вот именно, я не первый год с вами! И потому плевать хотела и на гордость, и на честь вашу, если речь о жизни идёт!

— Есть вещи куда ценнее жизни.

— Нет, вашу мать! — ведунья с такой злостью пнула подушку, не вовремя под ноги попавшуюся, что она в стену влетела. — Ничего ценнее жизни нет! По крайней мере, для меня. И чересчур высокой платы за неё тоже нет.

Красавчик в ответ только усмехнулся невесело.

— Знаешь, куда выстлана дорожка благими делами? А теперь подумай, как мне жить с твоим благородством? И с таким долгом.

— Ах вот как? — прошипела ведунья, прицокнув языком. И волосы обеими руками прочесала, и кулаки потом сжала — всё для того, чтобы орать не начать. — Благородство моё вас, значит, не устраивает? Н-ну, хорошо! Тогда никакого благородства, будем объясняться на языке родных осин. Получается, должна была позволить тебя прирезать и остаться без защиты, так? Напомню для тупых: самостоятельно из этих Тьмой драных степей я даже выбраться не могу. И, между прочим, на минуточку, вот тут, — лекарка пальцем на свой живот указала, — наследник твоего сюзерена. А перед тобой — так, между прочим — его будущая жена, которую ты, морда, клялся охранять. Кстати, о долгах! Напомнить, что недавно случилось, когда один придурок напился? Ты мне и так кругом должен, Шай!

— Но я тебя сколько раз спасал... — промямлил в конец растерявшийся блондин.

— А сколько раз я тебе бесплатно зелье варила?

— Я платил!

— Это до того, как я с Даном связалась. А потом?

— Потом не платил, — понурился демон.

— Ну так как? Посчитаемся долгами или будем дальше нормально жить.

— Арха, ты не понимаешь...

— И понимать не хочу! — вызверилась ведунья. — Я, как не крути, кругом твоя госпожа получаюсь. Ну так вот и подчиняйся! Нет никаких долгов, ясно?

— Это приказ такой? — с изрядным скепсисом поинтересовался Шай.

— Именно, — кивнула лекарка. — А сейчас выметайся отсюда и чтоб я твоей рожи до утра не видела. Кстати, с завтрашнего дня я изволю в твоём поместье гостить. И сними ты этот ошейник!

— Как изволите, леди Нашкас, — встав, поклонился красавчик.

Эдак издевательски поклонился, клоун. Но, по крайней мере, больше не рычал и в меланхолии не ударялся. И то хлеб.

— Вот так и изволю! — кивнула лекарка, приглашающе дверной полог приподнимая.

И как это только Дан с ними справляется? Хотя, Архе приходилась видеть, как именно лорд Харрат подобные проблемы решает. Жаль, что у неё на такой способ сил не хватит. А ведь порой очень хочется.

Глава десятая

Я знаю, как поступить с родственниками. Но не знаю, куда девать тела.

(Из дневника леди. Неизвестный автор)

Если замок лордов Сарреш напоминала скальный пик, а фамильная резиденция Нашкасов эдакий пустынный оазис-мираж, то твердыня Шаррахов попросту на сон походила — лёгкий такой, фантастичный, сказочный. Архе даже пришлось себя за руку ущипнуть, чтобы убедиться: не спит она. Запястье немедленно болью налилось, но реальнее мир от этого не стал.

Туман — ненормальный, слишком плотный, слишком живой, дышащий, совсем не похожий на предутреннюю дымку — по-прежнему клубился над морем степи. И не только не собирался рассеиваться, но делался лишь плотнее, рос шапкой, словно над котлом, в котором похлёбка закипала. А сквозь это марево, будто через толщу воды, проступали очертания. Сначала бледные, едва различимые между чуть колышущихся косм, они становились всё плотнее и плотнее, превращаясь в арки, шпили, башни и переходы. Впрочем, крепость и сама выглядела не настоящей, а нарисованной тусклым серебром на подложке едва светлеющего неба, ярко-розовой полосы ещё не взошедшего солнца.

Но стоило только светилу показаться из-за горизонта, и туман вспыхнул мириадами искр, рассыпался фейерверком золотой пыли, а потом затух — медленно, как затухают искры костра. Правда, замок — или такое чудо стоило уже дворцом называть? — остался. Теперь он казался не нарисованным, а будто из паутины сотканным: стены, перила, своды и колонны были не толще волоса. И всё это великолепие сверкало кристаллом на фоне восходящего солнца так, что глаза слезились.

— Ух ты! — оценила Арха, придерживая Ведьму, прикрыла лицо ладонью. Лошадь блеска не оценила: пятилась, недовольно щеря зубы, раздражённо вскидывая морду. — Впечатляет!

— Ну, это так сказать, парадный вход, — смутился Шай, дёрнув себя за мочку уха. — Ты просто магии не чувствуешь.

— А что не простые смертные видят? — поинтересовалась лекарка.

— До рассвета-то и после заката никто ничего не видит — защитные чары. А потом, собственно, всё то же, что и ты. Только не так... ярко. Просто в камне, из которого стены сложены, слюды много. Вот он и сияет.

— Но выглядит это всё равно как-то... не слишком по-хашрански, — хмыкнула Арха.

— Я тут не при чём, — развёл руками блондин. — Замку, считай, веков пять исполнилось. Все претензии к предкам.

— Которые охотились за архитекторами Светлых по всей границе. И сгоняли сюда же строителей. Тоже из Крылатых, понятно, — невозмутимо заметила Ирда.

— Зачем? — не поняла лекарка.

— Понты, — пожала плечами рыжая. — Ифоветы же. Не выстегнешься — соседи уважать не будут.

— И давно вы народ сменили, мистрис? — холодно поинтересовался Шай.

— Да, вроде, не меняла.

— Может, хватит? — ласково поинтересовалась ведунья. — Давайте вы свои отношения будете выяснять без меня и...

Что она там дальше сказать хотела, Арха как-то позабыла. Просто лекарка к Ирде обернулась, да так и осталась сидеть в седле с открытым ртом.

Не сказать, будто ифоветка сильно изменилась. Собственно, она вообще не менялась. Это если не считать золочёной, кажется, металлической полумаски, закрывающей левую сторону лица. Чего-то, смахивающего на перчатки до локтей, но тоже металлического, ажурного и с когтями. И, наверное, плаща из абсолютно прозрачной, дымчатой, мягко помаргивающей блёстками ткани. Из такой материи бельё для дам шить, а не плащи. Но татуировку на лопатках демонессы складки обрамляли живописно, тут не поспоришь.

— Кажется, про понты я поняла, — медленно кивнула Арха.

— Обычный наряд сагрешей, — равнодушно пояснила Ирда.

— Ага, — кивнула ведунья. — А кто такие эти самые?..

— Телохранители и компаньонки леди, я же уже говорила, — нахмурилась рыжая.

Точнее, одну бровь нахмурила, вторая-то под маской была — не видно её. Честно говоря, эта располовиненная физиономия смотрелась странновато. Если не сказать жутковато.

— Так, Арха, слушай меня сюда и запоминай, — Шай даже пальцем по лбу ведуньи постучал, привлекая к себе внимание. — И, пожалуйста, не спорь, а просто исполняй, ладно? Глаза держи опущенными, на мужчин не смотри, будто их просто нет. Если к тебе обращаются, не отвечай. Сама первая не заговаривай, лучше вообще молчи...

— Нет, я не поняла, а где феридже[1]? — возмутилась лекарка.

— Ифоветки не носят феридже, — поморщился блондин.

— Как же вы так оплошали? Глаз не поднимай, с мужчинами не разговаривай, а покрывал нету, — огорчилась Арха.

— Мой лорд, позвольте я объясню? — попросила Ирда. Правда, по тону просьба больше походила на рекомендацию блондину убраться куда-нибудь подальше. В Бездну, например. — Дело в том, что ифоветы... — эта самая сагреша, не смотря на свою готовность объяснить происхождение обычаев, замаялась, явно пытаюсь найти нужное определение.

— Обладают темпераментом кроликов? — помогла ей ведунья.

— Вот именно, — усмехнулась демонесса половиной рта. — Поэтому замужних женщин у нас просто держат взаперти. В их покои разрешается входить только мужу, сагрешам и служанкам. Собственно, для этого мы и нужны: никуда леди не выпускать и никого к ней не впускать.

— Совсем никуда не выпускать? — не поверила Арха.

— Совсем. Ну, если уж острая нужда припрёт, то пояс целомудрия цепляют. Я тебе потом покажу, — пообещала рыжая.

— Зачем такие сложности?!

— Так если какая неаккуратность случится, доказывай потом, что ребёнок не от тебя, — неопределённо повела плечом Ирда.

— Я уже беременная, — буркнула лекарка. — И ещё не жена.

— Слушай, давай ты спорить не будешь, а? — насупился Шай. — Как говорится: со своим уставом в чужой монастырь... Короче, разницы между невестой и женой тут почти нет. А любой твой взгляд или слово местные могут за приглашение счесть. И объяснять, что они ошиблись, потом придётся мне, потому как я за тебя отвечаю.

— Доказывать — это рожу чистить или сразу глотки вскрывать?

— Как получится, — огрызнулся блондин. — В общем, смотришь себе под ноги, рот держишь на замке и, вообще, ведёшь себя ниже травы, тише воды, прячешься за мистрис Ирду.

— Вот, кстати, да! — встрепенулась ведунья. — А она как? Тоже тише воды, ниже травы?

— Она сагреша, — сквозь зубы процедил блондин, — да ещё и воронья вдова. У ифсоветов есть два типа женщин: жёны и шлюхи. Сагрешы жёнами не становятся. Всё понятно?

— Нет, — мотнула головой лекарка, искоса глянув на Ирду. Демонесса была безмятежна, как восход. Кажется, ифсоветская классификация женщин её нисколько не трогала. — А как же дамы при дворе? Среди фрейлин полно ваших.

— Я говорю два, значит два! — рыкнул, нервно помаргивая третьим веком, Шай. — Жёны и все остальные! Ещё вопросы есть?

— Масса! — проворчала Арха. — Но я их как-нибудь потом задам и не тебе. Поехали уже, а?

Красавчик буркнул что-то неразборчивое, но очень недовольное. Правда, коня своего прищпорил.

***

Приказать не делать всегда легче, нежели этот приказ исполнять. Сказано: глаза долу! А как их вниз опущенными держать, если вокруг удивительное на поразительном и чудом подгоняет?

Ифсоветская архитектура и издалека выглядела впечатляюще, а уж вблизи и вовсе поражала. Ведунья себя знатоком не считала, но такое великолепие и она оценить могла. Не камень кругом — кружево. Не арки — застывшая изморозь. Не колонны, а скульптуры. Всё лёгкое, светлое, едва ли не прозрачное. Любая более-менее ровная поверхность резьбой покрыта, а то ещё и посеребрена или золотом украшена. Впрочем, неровная тоже.

И зелень кругом. Причём сразу видно, что не просто так дерево выросло — его сознательно долго и кропотливо взращивали, может, и ни одно поколение, чтобы оно в результате оказалось именно в этом месте и именно такой формы. В общем, красота и богатство.

Тем страннее выглядели жалобы Шая на вечное безденежье. Да если бы он всё это серебрение с позолотой ободрал, легко смог год не только себя кормить, а ещё и друзьям одалживать.

Но отвести взгляд от великолепия и богатства всё-таки просто. Гораздо сложнее не тарачиться на обитателей.

Несмотря на довольно раннее время, ифсоветы сновали вокруг, как тараканы на кухне не слишком аккуратной хозяйки. Арха не заметила ни одной женщины, ребёнка или старика — исключительно мужчины, что называется, в самом расцвете сил — от бутонов, до «вот-вот отцветёт, но ещё ого-го!»

И действительно, ничего, кроме звуков из лошадиного репертуара для описания этого буйства мужискости у лекарки не находилось. Наверное, ощущения от посещения обиталища ифсоветов стоило сравнивать с падением в ящик со сладостями. Куда не глянь, всюду не зефир, так пастила, не мармелад, так шоколадка. Вкусно, конечно, но через пятнадцать минут от сладости зубы ныть начинают. А глазами всё равно ешь.

Да и как не есть, когда под нос суют? Одевание мужчин-ифоветов очень напоминали наряды шаверок. Нет, феридже тут никто не носил. А вот лёгкие, но узкие, будто прилипшие к рельефным мускулам, штаны и приталенные безрукавки на голое тело были представлены в изобилии. Кроме них местные демоны носили ещё короткие сапожки и ювелирные изделия всех мыслимых, а иногда и совсем уж невообразимых видов.

Кстати, декоративной косметикой ифоветы тоже не пренебрегали.

Шай на фоне своих вассалов смотрелся грубым, не изящным и даже почему-то грязноватым типом. Может, поэтому он особого уважения не вызывал? Ему, конечно, кланялись, но без почтительность, а так, по необходимости. Арха удостоилась гораздо большего и совсем недвусмысленного интереса, что, конечно, смущало. Но и льстило.

— Не обольщайся, — тихо посоветовала Ирда, когда ведунья всё же решилась кивнуть в ответ на откровенно восхищённый оскал золотоволосого юноши. — Ты для них, во-первых, экзотика. Во-вторых, запретный плод. В-третьих, ещё не опробованная женщина. Хотя нет, это как раз, во-первых, а то, что во-первых — это в-третьих.

— Смотрю, ты высокого мнения о местных, — буркнула лекарка.

— Я тоже местная, — едва заметно пожала плечами рыжая, — а вот ты нет. Отбивные любишь?

— Ну... в общем, — озадачилась ведунья.

— Так вот и представь: хороший такой кусок мяса, с тоненькой прослойкой почти прозрачного сала, с румяной корочкой и поджаренными сухариками. Надрежешь — сок, как слеза. А сверху ещё веточка зелени и рядышком ма-аленькие картофеленки, на которых масло тает. Красиво?

— Допустим, — осторожно кивнула ведунья, сообразившая, что в последний раз ела сутки назад.

— Ну вот ты для них как эта отбивная, — спокойно заключила ифоветка. — Никакой романтики, сплошное удовольствие.

Образ жаренного мяса мгновенно померк. Правда, есть от этого меньше хотеться не стало.

Свернув в пару десятков арок, проехав штук пять крытых галерей и пересеча несчитано закрытых, полуоткрытых и подставленных всем ветрам двориков, Шай, наконец, на землю спрыгнул, бросив поводья невесть откуда материализовавшемся ифовету. Другой демон галантно помог Архе спешиться. И эдак однозначно по бедру провёл, ухмыльнувшись нагло. Правда, пока лекарка соображала, что в данном случае уместнее: сразу по морде дать, возмущённо заорать или промолчать, красавец уже куда-то подевался, прихватив с собой Ведьму.

Дальше пошли всё теми же коридорами-переходами-арками, в которых ведунья окончательно запуталась. Нет, ифоветская архитектура однозначно восхищала. Но с ней дела обстояли примерно так же, как и с местными демонами: когда много — подташнивать начинает от видов и красот.

Наверное, поэтому зальчик, в который они притопали, Арху не восхитил совершенно: ну, мрамор. Ну, колонны с позолотой. Ну, огромные стрельчатые окна-арки, а за ними сады. Так тут всюду то же самое. Да и размеры у помещения так себе, кулуарные почти, даже рота гвардейцев и то не поместится, лошадям места не хватит.

А вот демон, с абсолютно императорским видом восседающий на самом настоящем троне, ведунью заинтересовал. Этот ифовет, в отличие от всех ранее увиденных, был уже

совсем не молод: и второй подбородок заметен, сколько его высоким и чересчур пышным воротником не прикрывай. И морщины даже из-под стратегически продуманной чёлки виднелись. Тело, наверное, время тоже не пощадило, потому что демон предпочитал не брючки-безрукавки, а сверкающее от обилия вышивки и камушков одеяние, напоминающее профессорскую мантию.

Шай вышел вперёд, но к трону подходить не стал. Застыл на месте, даже спиной умудряясь продемонстрировать нерешительность. Потом всё же поклонился. Правда, не слишком низко.

— Приветствую тебя, отец!

— Вижу, что годы, проведённые вдали от дома, плохо повлияли на тебя, — и голос у ифовега оказался очень царственным: значительным и гулким, как гонг. — Ты забыл приличия. Но прощение будет дано, если ты поприветствуешь своего родителя, как подобает.

Арха нервно дёрнула ушами, за что заслужила от Ирды неодобрительный взгляд. Лекарка едва заметно, старательно, как и велели, за шаевской спиной прячась, развела руками. А что поделаешь, если чувство «уже было» преследует, как приклеенное? Все-то вокруг недовольны влиянием столицы! И все, как один, попрекают забывчивостью.

— Я и приветствую, как подобает, — ответил Шай и даже гордо подбородок вздёрнул. Только вот голос блондина подвёл. Тон у него был непривычный, ему не свойственный совершенно: как у дерзящего подростка. — Новые времена, новые нравы, новые правила, отец. А падать перед родителями ниц, да ещё и ботинки им целовать нынче не модно.

— В тебе нет никакого почтения! — разгневался «император». — Даже к тому, кто тебе жизнь подарил!

На лице его ни один мускул не дрогнул. На руках, величественно на подлокотниках лежащих, палец не дёрнулся, а всё равно понятно — гневаться изволит. Вот где высший класс!

— Ну, это мы давно выяснили, — Шай, будто в смущение, почесал кончик носа. — Собственно, ничего не изменилось. Ни почтения, ни уважения, ни желания твоим требованиям подчиняться у меня не прибавилось, пап.

— Тогда зачем припёрся? — как-то очень по-простому поинтересовался ифовег и даже вперёд подался. Хотя, может и не подавался, а просто шевельнулся в своей негнущейся от золотого шитья мантии. — Если ума в тебе не прибавилось, вали туда, откуда приехал. Тебе тут не рады.

Вот то, что в цитадели Шаррахов их с распростёртыми объятиями не примут, Арха в расчёт не брала. И Дан, кажется, тоже, хотя раньше непредусмотрительность в недостатках лорда Харрата не числилась. Но, видимо, порой и самые светлые умы способны ошибаться.

***

— Не переживай, у них всегда не простые отношения были. Ты тут абсолютно не при чём, — попыталась утешить ведунью Ирда.

Сказала-то она не громко, но вполне могла и в полный голос проорать, всё равно ифовеги её бы не услышали. Отец с сыном очень заняты были. Они лаялись: громко, эмоционально и в выражениях явно не стесняясь. Не то чтобы Арха начала понимать местный язык, но когда поминают друг друга по матери, отцу, всем предкам до седьмого колена с заходом во Тьму, всё ясно и без переводчика.

Дождаться, пока демоны по-родственному разберутся, рыжая не стала. Взяла ведунью под локоток, отвела к стрельчатому окну, у которого мраморная скамейка стояла, да и

усадила на подушечку. А вот теперь утешала.

— Да я понимаю, что не при чём, — пробормотала Арха. — Но всё равно приятно мало. Может, уйти стоит, а? Ну чего мы, действительно, как бедные родственники? Словно нам податься некуда.

— А вот об этом ты даже и не думай! — нахмурилась ифоветка. — Шай знаешь сколько дома не появлялся?

— Сколько? — послушно переспросила лекарка, хотя ей, в общем-то, на это плевать было.

Она уже усвоила, что у демонов хорошие отношения складываются только с уже почившими во Тьме родственниками. И то исключительно потому, что возражений предков оттуда неслышно.

— Давно он тут не показывался, — отозвалась Ирда. — До сих пор удивляюсь, чего сейчас-то его на родину потянуло?

— Меня он прячет, — грустно вздохнула ведунья.

Выражение: «Как камень на шее» — начало принимать для Архи новое и не слишком приятное значение.

— Так вы всё-таки с ним любовники? — эдак равнодушно-незаинтересованно спросила демонесса, любясь видами за окном.

— Я так и знал, что она твоя любовница! — одновременно с ней рывкнул господин на троне, внезапно перейдя на общий.

— Нет! — скорее от неожиданности, чем действительно из желания ответить, пискнула Арха, едва не свалившись со своей подушки.

А вот это не от внезапности обвинения случилось. Просто мраморная скамья сама по себе скользкой была, а уж туга набитая думка, да ещё в шёлковой наволочке, и вовсе заставляла балансировать, как на канате. По крайней мере, изящно сидеть никак не получалось.

— Да нет же! — раздражённым попугаем повторил за ней Шай.

— Значит, она решила тебя захомутать! — не столько спросил, сколько факт озвучил старый ифовет. — Я всегда знал: ты дурак! Но не подозревал, что настолько! Девушка! — старший лорд Шаррах перегнулся через подлокотник, вытянул шею, как черепаха, пытаясь за спиной блондина лекарку разглядеть, — а вы в курсе, что у него ничего нет? Ни медяка! Он не предупредил, что я его наследства и содержания лишил?

— Нет... — растерянно помотала головой Арха. — Да, собственно, мне как-то...

— Вот, теперь знает! — старик, явно довольный, вновь откинулся на спинку трона. — Конечно, сейчас она заявит, будто это неважно и с любимым без денег сладко. Но, в конце концов, метнёт хвостом — только ты её и видел. Думаешь, если не ифоветка, так и мыслит иначе? Все они...

Ирда отчётливо скрипнула зубами, но лицо — по крайней мере, та часть, которая из-под маски виднелась — не изменилось совершенно.

— Послушай, отец, — выдохнув и раздражённо хвост растрепав, перешёл на увещательный тон блондин. — Леди — сестра лорда Нашкас и невеста лорда Харрат, а ещё она...

— Прошу прощения, — вскочила Арха, испугавшись, что красавчик сейчас ляпнет-таки что-нибудь про госпожу и долги. Тогда на самом деле только и останется, что откланяться да убраться восвояси, очень стараясь по дороге от позора не помереть. — Вы действительно

всё не так поняли. Шай... То есть, я хотела сказать, лорд Шаррах близкий друг моего жениха, а я хотела навестить свою бабушку. И поскольку Дан, то есть, лорд Харрат занят, я попросила лорда Шарраха меня проводить. В смысле, сопровождать. А поскольку...

Ведунья сама понимала, что из-за этих сплошных «поскольку» и «лордах» объяснение выходит не слишком убедительным. Но из всего придворного говора в голове, кроме проклятого «поскольку», вертелось только почему-то «поелику». Но в значении последнего слова лекарка уверена не была, и использовать его не решилась.

— И кто ваша бабушка? — не слишком стараясь скрыть язвительность, поинтересовался нежный отец.

— Она... — Арха замялась, потому что официальным титулом бабули поинтересоваться как-то не удосужилась, — вождь местного стойбища. То есть, не местного, а степного. Но оно тут неподалёку.

— Надо же! Не соврала! — изумился старый Шаррах, сцепив руки на животе.

— А почему я должна врать? — не слишком поняла ведунья.

— Дело в том, что тут, судя по всему, произошло недоразумение...

Появление нового ифвета лекарка проморгала. Вполне может быть, что он тут уже давно присутствовал. Но сейчас красавец будто выступил из-за трона. Наверное, раньше его просто тень кресла скрывала. Ну не прятался же демон за ним!

К тому же, такого не враз и спрячешь. Ифвет оказался почти на полголовы выше Шая, а вот шириной плеч не отличался — худощавый, изящный и гибкий, как танцор. Правда, менее мужественное от этого не становился. А лицо... А глаза... А улыбка!.. Тьма, таким особям нужно законом запретить рождаться! Уж слишком негуманным оружие получается.

Демон эдак непринуждённо подошёл-подскользил к Архе. Она и сама не заметила, как и когда, подхватил её руку, склонился, легко поцеловав почему-то ладонь, пощекотав тонкими усами запястье. Глянул совершенно изумительными глазами: небесно-голубыми. В них даже будто облака отражались и солнечные блики играли. А ещё они были блестящие, словно леденцы.

— Ещё раз прошу прощения, леди Нашкас, — мурлыкнул демон, руки лекарки отпустить не спеша, отчего Арха чувствовала ладонью его дыхание, показавшееся очень горячим, — это моя ошибка и мой недосмотр. Разрешите представиться... Впрочем, зачем вам это? Зовите просто Шер, потому что отныне я ваш преданный слуга. И уверен, что лорд Шаррах, — он чуть качнул головой в сторону трона, но как-то сразу стало понятно, которого из лордов имеет в виду, — будет счастлив приветствовать в своём доме такую почётную гостью.

— Да? — не поверил голубоглазому старик.

— Конечно, — убеждённо кивнул ифвет. — Причём, я думаю, что для удобства леди гостеприимство мы окажем не по нашим правилам и обычаям, а по традициям империи. Ведь я прав, господин?

— Ну, раз так, — проворчал старый господин не слишком довольный. — Добро пожаловать, госпожа. Я рад приветствовать под своим кровом вас и ваших спутников. Здесь вы...

— А сейчас я провожу леди в её покои, — проворковал красавец, не дослушав тирады хозяина. — Наверняка, вы устали с дороги и, естественно, заходите освежиться. Тем более что день обещает быть жарким. Вы окажите честь следовать за мной?

Арха растерянно глянула на Шая. Блондин был мрачен и явно недоволен. Но всё же

согласно кивнул в ответ, а потом ещё и с Ирдой переглянулся. В этом переглядывании ведьме почудилось что-то очень близкое к: «Шкуру спущу, если не уследишь!» — «Да пошёл ты!..»

Нет, всё-таки личные отношения между демонами слишком часто страдают излишней сложностью.

***

Ванная комната ифоветов, конечно, ни в какое сравнение с шаверскими банями не шла, но вот столичным купальням лорда Харрата оставалось лишь стыдливо краснеть. Правда, наслаждаться роскошью целого бассейна прохладной воды, отведённого в её личное пользование, Архе беспокойство мешало. От которого отделаться никак не получалось. Ну, ещё и хмурая физиономия Ирды настроение, конечно, портила.

Точнее, с физиономией-то у ифоветки всё нормально было — бесстрастная, а вот недовольство ощущалось. И как это у них только получалось?

— А кто он такой? — поинтересовалась ведунья, горстью зачерпывая воду и выливая её себе на макушку. — Ну, Шир этот. Или как там его?

Лекарка прекрасно помнила, что демона с потрясающими глазами Шер зовут. Но демонстрировать хорошую память почему-то не хотелось.

— Держись от него подальше, — хмуро посоветовала Ирда, будто только вопроса и ожидавшая.

— А по-моему, я спросила кто он такой, а не просила давать советы, — задумчиво протянула ведунья, шлёпая ладонью по воде.

Рыжая, сидящая боком на краю бассейна, глянула на лекарку искоса, помолчала, но потом всё же ответила, хоть и недовольно.

— Он... Ну, наверное, что-то вроде местного управляющего. Короче, заведует всякими хозяйственными делами, счета там ведёт.

— А разве этим не сам лорд занимается? — удивилась лекарка.

— А император тоже сам за своим хозяйством следит? — парировала Ирда, поправив длинный и странно тонкий меч, у неё на коленях лежащий.

Между прочим, без всяких ножен лежащий, совсем так недвусмысленно.

— Но он же не император...

— Это как посмотреть, — хмыкнула ифоветка. — Всё зависит от размеров империи. Ну, и от отношения подвластных.

— Да ты просто философ! — фыркнула Арха.

— Хорошее образование в своё время получила, — пожалала плечами рыжая.

— И ты его хорошо знаешь?

— Образование или императора?

— А вопросом на вопрос отвечать обязательно?

— Это оскорбляет госпожу?

Помолчали, уставившись друг на друга не слишком дружелюбно. Кстати, Арха только теперь разглядела, что золотая полумаска демонессы изображает явно мужское лицо. Хоть какая-то от этих переглядок польза случилась, потому что чувствовала себя ведунья очень некомфортно и глаза отвести хотелось.

Ирда едва заметно вздохнула, снова меч свой поправив без надобности.

— Нет, Шера я знаю не слишком хорошо, — буркнула нехотя. — Его брата старшего знала. Они дальние родственники лорда. И оба говно порядочное.

— Интересная характеристика, — оценила ведунья.

Правда, тут же сама и испортила с таким трудом созданное впечатление. Потянулась за губкой, на краю ванны лежащей, опёрлась рукой о дно бассейна. А ладонь возьми и поедь по скользкой плитке. Пришлось нырять, а потом отфыркиваться-отплёвываться. Тут уж сделать вид, будто так и задумано, сложно. Ну и ироничный взгляд Ирды, да одна изогнутая бровь в данной ситуации были вполне оправданы.

Ну вот никак не получается изобразить собой уверенную в себе леди, что ты будешь делать?!

— Ладно, я поняла, — проворчала ведунья, принимая протянутую рыжей губку. — Хотя, честно говоря, он показался вполне приятным.

— Про отбивную помнишь?

— Слушай, Ирда! — Арха с досадой швырнула мочалку в воду. — Я всё понимаю: ты умная, опытная и, вообще, как там вас?.. Сарекша?

— Сагреша.

— Да к Тьме, хоть горшок! Но, честное слово, с меня умных и опытных хватает! Вот где они у меня уже все! — лекарка с энтузиазмом хлопала себя по загривку. — Ясное дело, отделаться от тебя не получится, даже если очень захочу. Поэтому у нас два выхода: либо мы и дальше общаемся, как... Как Бездна знает кто! Или ты перестаёшь строить из себя гранд-маман и мы, может, даже подружимся.

— А кто такая гранд-маман[2]? — заинтересовалась рыжая.

— Понятия не имею, — честно призналась ведунья. — Но ведь смысл ясен?

— Вроде того, — усмехнулась демонесса.

— Ну а раз ясен, так и говори нормально, — попросила ведунья, вылавливая губку. — Чем тебе этот Шер не угодил?

— Он ни чем, — подумав, кивнула Ирда. — Его брат, скорее. Он моим женихом был, мужем почти.

— Это ты из-за него поклялась никогда замуж не выходить?

Определение, данное ифовой братьям, как-то не слишком вязалось с такой преданностью. Хотя, с другой стороны, как раз очень вязалось. Может, дело не в преданности вовсе, а как раз наоборот. Вдруг несостоявшийся муж так умудрился допечь, что отбил у рыжей всякую тягу к супружеским узам?

— Из-за него, — коротко кивнула демонесса. — И на эту тему говорить не станем, даже если подругами нам во век не бывать. Просто учти: ходит молва, будто Шер своего братца переплюнул. Гнилой он, вот и всё. А, главное, без причины и шага не сделает, всё племя у них такое.

— Да что может понадобиться от меня какому-то там управляющему? — пожалала плечами Арха, из ванны выбираясь. И предложенной для поддержки ирдиной рукой не пренебрегая. А то не хватало ещё раз поскользнуться и, например, руку сломать. Ну так, для разнообразия. — Мы раньше и не встречались никогда.

— Я не знаю, чего от тебя этому... Шеру надо, но что-то точно нужно, — рыжая подала лекарке большое, как покрывало, полотенце. — Тут всё странно. Даже то, что тебя не к женщинам поселили. А уж его заход про имперские обычаи и вовсе никуда не приткнёшь.

— Да ну, — отмахнулась лекарка, заворачиваясь в толстую простыню. — По-моему, вы опять всё просто усложняете. Подумаешь, брат у него! Вот у Ирраша тоже вроде брат такой, что не приведи Тьма! А на самом деле...

В дверь корректно, как это умеют делать только слуги, поскреблись. Ирда бесшумно подошла, встав странно, боком, держа свой игольчатый меч за бедром, левой рукой приоткрыла створку.

— Послание для леди Нашкас! — громко, даже торжественно провозгласил ифовет, немедленно уставившись на Арху так, словно никакого покрывала на ней и не было. — Наш господин приглашает свою почётную гостью на охоту, которая состоится завтра с утра. Как раз сегодня ловчие сообщили, что выследили ирхана и если госпожа окажет честь...

— Мы поняли, — рявкнула Ирда, захлопнув дверь прямо перед носом демона. — Ответ будет дан позже.

Лекарке показалось, что по этому самому носу ифоветка всё же попала. Но в коридоре тишина царила

Рыжая постояла, прислушиваясь, даже палец к губам приложила. Потом повернулась, задумчиво на Арху глядя.

— Чего-то подобного я и боялась, — сказала так, будто ведунья уже при смерти лежала.

— Кажется, а я чего-то не понимаю, — ведунья подтянула полотенце выше — в комнате вдруг прохладно стало. — Ну охота, была я на одной.

— Ты ирханов просто не видела.

— Видела. У моей подруги такой в поводырях ходит. Она родилась слепой и...

— Ты местных ирханов не видела, — уточнила Ирда.

В спальне не просто свежо стало — могильным холодом повеяло.

[1] Феридже — паранджа. Покрывало, скрывающее всю фигуру от макушки до пят, традиционная одежда шаверских женщин.

[2] Гранд-маман (grand-maman) — бабушка.

Глава одиннадцатая

Настоящая женщина всегда найдёт выход из ситуации. Удивляет другое: как они туда вход находят?

(Из записок старого ловеласа)

Архе никак уснуть не удавалось: и душно, хоть окно нараспашку открыто было, и подушки слишком мягкие, а без них жёстко. Одеяло давило, будто пуд весило, но в простынях зябко. Да ещё сбивались эти простыни постоянно, каждые двадцать минут их расправлять приходилось.

Ну а больше всего спать Ирда мешала. Сидела себе тёмной тенью на полу у самых дверей, только маска тускло в темноте поблёскивала. Ифоветка не шевелилась и даже, кажется, не дышала. А всё равно мешала невероятно. Но отправить её в другую комнату не получилось — упёрлась рыжая, как баран. Оставалось силком её выпихивать, но лекарка очень сомневалась, что у неё это получится. Вот и вертелась теперь на кровати, вздыхая тяжко.

— Может, всё-таки слуг позвать? — подала голос тень.

— Они тебя отсюда вышвырнут? — буркнула в ответ Арха, руки под подушку засовывая, спиной к демонессе поворачиваясь.

Нет, так тоже не удобно.

— Они снотворного принесут. Или успокоительного. Или что там у вас пьют?

Кажется, ифоветка ухмыльнулась. Но оборачиваться, правоту свою проверяя, ведунья не стала — слишком много чести.

— У нас — это где? — уточнила ворчливо.

— А окно лучше бы закрыть, — вместо ответа в очередной раз сообщила стражница.

— Ирда, за окном обрыв! — вызверилась лекарка, на смятой постели садясь. — Если твои придуманные злодеи летать ещё не научились... — Арха изобразила нервно бьющиеся — не иначе как в припадке — крылышки.

— Местные иногда летают. И у некоторых это даже неплохо получается, — негромко перебила её рыжая. Ведунья с досады шлёпнула ладонями по одеялу — возразить-то действительно нечего. Не зря же Тьма ифоветов вместо рук полноценными крыльями наградила! — Ложись, — посоветовала заботливая демонесса, — вставать рано нужно. А выспаться тебе стоит, если уж решилась на эту охоту ехать.

— Там и выплюсь! Тебе же Шер лично разобъяснил: столь ценную гостью к местным чудовищам близко не подпустят, в лагере оставят на солнышке греться. Всё точно как в столице: лорды несчастных зверей по лесам гоняют, леди на пикнике моды демонстрируют. А поскольку моды тут показывать некому, то мне только спать и остаётся, — помолчала, подумала и всё же закончила в полном согласии с логикой. — Раз уж ночью ты мне уснуть не даёшь.

— С места не сдвинусь, — сообщила Ирда хладнокровно, — можешь даже не пытаться.

— Да в конце-то концов! Ну что со мной случится? Ладно, пусть ты не веришь, что я тут никому триста лет не нужна. Но, на минуточку, кто из местных рискнёт плюнуть на хвост самому лорду Харрату?

— А кто угодно, — спокойно отозвалась демонесса и вроде бы плечами пожалала.

— Полный замок на голову больных? — сочась скепсисом, поинтересовалась лекарка.

— Ну почему? Бывает, и здоровые попадаются. Просто... — Ирда подняла руку, задумчиво бровь почесала — золотой коготь на перчатке поймал блик луны, блеснул масляно. — Ну кто такой твой лорд Харрат?

— Э-эм... — ведунья не сразу нашлась, что и сказать. — Хаш-эд? Истинный? Пасынок императора?

— Да хоть сам Нахшон! — фыркнула ифоветка. — Столица далеко, трон высоко — отсюда не видать. Ты пойми, большинство местных хаш-эдов исключительно на картинках и встречали, нечего тут твоим Первым делать. Да и корона нашими степями не слишком интересуется. Провинция же глухая, но и не граница. Что с нас взять, кроме навоза и лошадей? Вот и выходит, что на имперские порядки здесь плевали с высокой башни.

— Тем более я никому не нужна!

— Тш-ш! — шикнула Ирда, палец к губам приложила, потом рукой махнула: ложись, мол!

Сама на ноги поднялась бесшумно, прижалась к стене. Накинула капюшон своего дивного плаща — ткань-то хоть и полупрозрачная, а маска бликовать перестала. И демонесса в тених от мебели, от лёгких занавесок на окне совсем растворилась, пропала.

Архе так вдруг страшно стало, что озноб продрал, и уши поджались до судороги в мышцах. Лекарка натянула одеяло по самую макушку, но ничего не видеть ещё страшнее — приподняла краешек.

Ведунья и сказать толком не могла, сколько она так пролежала, сжавшись, колени к самой груди подтянув, боясь вздохнуть поглубже. Сердце колотилось, то пропускавая удары, то заходясь в панике, во рту кисло и сухо стало. На стене бесшумно колыхалась призрачная тень от розового куста, в корзине под окном росшего, а больше ничего — ни звука, ни движения.

Потихоньку бешеный пульс выравниваться стал, утихая. Лекарка стянула одеяло, приподнялась на локте, открыла рот, собираясь высказать всё, что она о таких шутках думает. Тут то едва слышно и скрипнул замок, поворачиваясь. Створка не приоткрылась, а будто ослабла. Между дверью и косяком появилась чёрная, как провал в Бездну щель, расширяющаяся медленно, пытая неизвестностью.

В спальню так никто и не вошёл. Чёрный силуэт на фоне темноты появился, как по волшебству — не было его только что, а вот он уже есть. И близко, так близко, что Архе примерещилось: чужое дыхание лбом и голым плечом почувствовала. Плоская, будто нарисованная рука поднялась. Такое же не настоящее, совсем без блеска лезвие повернулось, готовясь вниз упасть и...

Силуэт согнулся, будто вспучился огромным горбом. Золочёные перчатки сверкнули лунными зайчиками, блеск кольнул зрачки, на миг ослепив. Ведунья только и заметила четыре когтя, вцепившиеся в чужую шевелюру, оттягивающие голову призрака назад. И ещё четыре в воздух распороли.

Что-то булькнуло негромко, как вода в стоке. Мягко ударило, будто кошка спрыгнула, звякнуло.

— Сволочь! — прошипела Ирда. — Быстрый какой выискался, урод.

— Ты здесь? — почему-то шёпотом спросила Арха. — Живая?

— Живая, что мне делается, — сквозь зубы процедила демонесса. — А вот этот

придурок, к сожалению, уже нет.

— Почему к сожалению?

Вокруг по-прежнему темнота царила — плотная, не видно совсем ничего. До ведуньи не сразу дошло, что она не ослепла, а просто глаза зажмурила. Для того чтобы их открыть, потребовались поистине титанические усилия.

— Потому что уже не спросишь, на кой он сюда заявился, — буркнула Ирда, пнув что-то, на полу лежащее.

Рассматривать, что там валяется, у Архи ни малейшего желания не было.

— А почему ты его не своим мечом, а когтями? — тоненьким, детским каким-то голоском спросила лекарка.

В голове у неё ведьминым зельем каша кипела. Мысли возникали из ниоткуда и уносились в никуда, не давая даже осознать себя. И язык жил по собственному разумению, никак хозяйке не подчиняясь.

— Он тебя прирезать собирался, а не фехтовать, — огрызнулась ифсоветка, присев на корточки, ковырнула невидимое лекарке когтём. И подняла голову, улыбнулась жутковато — половиной лица, под маской не скрытой. — Испугалась?

— Не успела, — мотнула головой ведунья, — кажется...

И разревелась, хотя вовсе этого делать не собиралась. Слезы сами собой хлынули, да так активно, что нос моментально заложило. Демонесса хмыкнула, поднялась, села на кровать. Обняла лекарку, заставив себе в плечо ткнуться, укачивая, как маленькую, по затылку жёсткой перчаткой оглаживая.

***

Старшего господина Шарраха пришлось едва не силком выпихивать вслед за другими охотниками. Всё же, несмотря на собственные горячие и почти искренние заверения, старый лорд чувствовал себя не слишком комфортно. В смысле, не то чтобы виноватым, но причастным хотя бы частично. И то, право слово, гостью-то едва не убили. Конечно, дело тёмное, непонятно кто и не понятно зачем на неё покусился. Как раз всем кругом понятно, что сами Шаррахи тут совершенно, то есть абсолютно не при делах. Но всё же, всё же...

Вот и крутился старик юлой. То есть, в его понимании это, наверное, и значило суетиться. Заявил лорд, что охоту отменять уже поздно, многие в степь ещё ночью, да под утро ушли, загонщики всю стараются. И леди Нашкас, конечно, ни при каких условиях у себя в комнате остаться не может, раз уж публично объявили, что она своим присутствием...

Что именно ведунья своим присутствием сделать должна, Шаррах так и не сообразил, как не пыжился. Но ехать пришлось, причём в сопровождении хозяина, который заверил, что сам станет леди опекать.

Вот этого Архе хотелось меньше всего на свете. Настроение и так не ахти, хоть сейчас в Бездну ныряй. Ну или, за неимением альтернативы, загрызи кого. А тут ещё и любезничать с лордом приходится. Конечно, без своих раззолочённых одеяний патриарх выглядел куда более приземлённым и живым. И моложавым, кстати. Но приятней от этого не стал.

В общем, долго пришлось расшаркиваться, уверять, заверять и раскланиваться. В конце концов, уехал, спасибо большое Тьме за её маленькие милости.

Арха, Ирда, Шай и, к великому неудовольствию последних, небесноглазый Шер остались на опушке рощицы, сказочный замок окружающей. Местечко на самом деле оказалось дивным. Полянка совсем небольшая и от палящего солнца её разросшиеся кроны прикрывают. Впереди залитая светом степь, позади не слишком глубокая лощина, а в ней

ручeёк журчит.

На мягонькой травке удобные шезлонги расставлены, подушечки живописно разбросаны, пледики. На низеньких столиках вазы с фруктами стоят; ведёрки, наполненные колотым льдом, с торчащими горлышками бутылок; запотевшие кувшины с лимонадом.

В стороне, за кустами, едва различимые в раскалённом мареве дымки вьются и жареным наносит — слуги обед готовят. Потому что, как оказалось, есть добытого ирхана никто не собирался, предпочитая традиционную говядину с бараниной. А для любителей экзотики ожидалась приготовленная на вертеле козлятина.

Короче, красота, ляпота и полная пастораль. Да ещё и рога вдалеке трубят с таким энтузиазмом, что остаётся только объёму лёгких дударей завидовать.

Вот только Арху всё раздражало. Особенно Шай, которому, видимо, окружающая милота по мозгам крепко въехала. Ифовет, вполне музыкально под нос намурлыкивая, веночек из трав плёл. Художественный такой, лохматый. Нет, Ллил рассказывала, конечно, будто Ирраш подобным творчеством тоже занимался. Но одно дело слышать, и совсем другое своими глазами видеть, как бывший императорский гвардеец колоски в косички сплетает и васильками их украшает.

— Если ты и дальше будешь пытаться во мне дырку буровить, я к слугам уйду, — сообщил ифовет, от усердия кончик языка прикусив. — У них там всяко веселее, служаночки, опять же.

Ведунья только раздражённо фыркнула, но до ответа не снизошла. Зато Ирда, всё утро молчавшая рыбой, вдруг высказаться решила.

— А вот мне интересно, где ты ночью был. У служаночек?

— Нет, не у них, — обстоятельно ответил блондин, своё творение стебельком перетягивая. От чрезмерных усилий демона стебелёк рвался, а завязываться не желал. — Я коридоры патрулировал.

— Оно и видно, как усердно ты их патрулировал! — хмыкнула ифоветка.

— Конечно, у тебя получилось гораздо лучше, — покивал Шай. — Этот Тьмой траханый шавер Ар чуть не прирезал. Но ведь чуть не считается, правда, сагреша?

Может, Архе и примерещилось, но, кажется, в это «чуть» демон умудрился вложить смысла гораздо больше, чем контекстом подразумевалось. Рыжей тоже вроде бы что-то такое примерещилось. Потому что она зло пнула траву — а хотела явно веночек — да и ушла на другой край поляны.

— Господин Шай, если мне дозволено будет сказать... — встрял небесноглазый.

— Не дозволено, — отрезал блондин.

— ...шаверы, особенно степные, непревзойдённые лазутчики, — на рывк ифовета даже ухом не дёрнув, продолжил красавец, обращаясь исключительно к Архе. — И нам просто везёт, что они не рискуют забираться в замок. То есть, до этой ночи не рисковали. А так, я бы не удивился, перережь они всех в постелях. Вполне может статься, что его целью была вовсе не госпожа Нашкас.

— Ага, просто комнаты перепутал, — доверчиво согласился Шай. — На самом-то деле он на папашу нацелился.

— Вы должны простить господина Шарраха, леди. Я старшего, естественно, имею в виду. Ему гораздо удобнее думать, будто это исключительно ваши проблемы. Ну, или трудности, связанные с вашей бабушкой.

— Да я же и не спорю, — развела руками Арха. — Может, и вправду арычар там что-

То...

— Тебя не было — и ничего не происходило, — блондин, увенчав сплетённым стогом собственную голову, легко поднялся. — Подруга, ты ни Тьмы не понимаешь, что тут творится.

— А мне надо?

— Может, и не надо, — не стал спорить Шай. — Только шаверы с ифоведами здесь испокон веков воюют. Точнее, не воюют, а так. Степняки захватили земли, нам принадлежащие, но в замки не суются. А мы не суёмся к ним. Потому что, во-первых, никому это не нужно, те лошади, что мы разводим, всё одно хуже. А, во-вторых, в траве нас как курят почищают. И тут вдруг какой-то сумасшедший врывается напрямик в комнату к гостю и...

— Заткнись! — даже для себя неожиданно, рявкнула лекарка. Ведь, казалось бы, с утра ещё терпения набралась, на весь день должно хватить было. — Пожалуйста, — все же добавила, подумав.

— Эй, малышка, ты чего? — поинтересовался блондин участливо, у шезлонга на корточках присаживаясь. — Настроения скачут? Будущее материнство сказывается? Шер, скрылся с глаз!

— Я должен быть безотлучно...

— Скрылся! — повторил Шай особым лордовским тоном.

Красавец поколебался немного, с ноги на ногу переступил, но всё же отошёл. Правда, оглянулся пару раз. И выражение его физиономии Архе совсем не понравилось. Только вот ведунья не до чужой мимики было. От заботливого поглаживания блондина по ручке слёзы, вроде бы ночью до донца выплаканные, едва снова не полились. Пришлось даже голову задрать, обратно их загоняя.

— Ар... — тихонько позвал демон.

— Я устала, Шай, — выпалила решившая во чтобы то ни было молчать лекарка. — Я дико устала бояться! И не знаю, что сделать, как вот это всё... — ведунья рукой покрутила, пытаюсь слова подобрать — не помогло, — поменять это всё!

— И... чего ты боишься? — помолчав, да ещё в затылке поскребя, сдвинув венки на лоб, спросил-таки растерянный демон.

— А мне нечего, да? — огрызнулась, не нашедшая понимания Арха.

— Да нет, конечно. Просто думал... То есть... Нет, ну серьёзно! Тебя же страхом Тьма при рождении обделила! Даже чувства самосохранения напрочь отсутствует! Вот, например, я был уверен, что за ирханом этим лично попрёшься.

— А я вот, представь себе, боюсь! — зло выплюнула ведунья. — Можешь посоветовать что-нибудь умное, как от этого избавиться?

— Да зачем чего-то делать, Ар? У тебя же мы есть, кто-нибудь всегда рядом. И Дан. Да он ветерку в твою сторону лишней раз дунуть не позволит!

— Вот и я про то же, — вздохнула лекарка, руку свою у демона отбирая. Устала она как-то разом. Силы кончились, будто в дырку какую слились. — Ты иди, ещё веночек сплети. Или траву покоси. Иди, в общем.

— Как прикажет госпожа, — буркнул ифоведа, кажется, обидевшись.

— Ты боишься, потому что от тебя ничего не зависит, — сказала невеста когда успевшая подойти Ирда. — Но вполне может, так и правильно? Только так и должно быть?

Арха подняла голову — рыжая на неё не смотрела, эдак задумчиво спину гордо

удаляющегося Шая рассматривала.

— Так что у вас случилось? — спросила ведунья — любопытство оказалось сильнее усталости и раздражения, а момент примерещился уж больно подходящим. — Просто видно, как всё... непросто.

Ифоветка усмехнулась кривовато. Щека, маской не скрытая, дёрнулась судорожно.

— Да никаких сложностей, — сказала холодно. — Всего лишь в башку взбрело, что всё зависит исключительно от меня.

— И? — продолжения не дождавшись, напомнила о своём существовании Арха.

— А на самом деле стоило сидеть на заднице ровно и не дёргаться, — жёстко закончила рыжая, недвусмысленно давая понять: никакого продолжения не будет.

Лекарка вздохнула тихонько.

— Госпожа Накшас! — помахал рукой от входа в лощину Шер. — Охотники скоро сюда придут. Слышите, сигнал трубят? Зверя они загнали.

— Ну и слава Тьме! — проворчала ведунья, вполне искренне новости радуясь.

Охота эта ей уже на самом деле в печёнках сидела. Да и, честно говоря, хотелось забиться туда, где четыре стены есть и можно даже без окон, а над головой крыша. Пикники вместе с красотами природы Арху почему-то совсем забавлять перестали.

***

Ирхан совсем с другой стороны появился — не с той, где тянули нудную ноту рожки охотников, как раз с противоположной. Абсолютно лысая, младенчески-розовая кошка, холки которой Арха только кончиками пальцев достать смогла бы, да и то если встала, абсолютно спокойно поднялась из травы у края рукотворной рощицы и просто шагнула вперёд.

Расклад мгновенно стал кристально ясен. Тварь не желала умирать и перед ней, загораживая дорогу к дальнейшему счастливому существованию, находились враги — они должны умереть. Вот и всё. Куда проще-то?

Беги, залезай на дерево, притворяйся мёртвым, на помощь зови — без толку. Ты всё равно умрёшь. Во-первых, потому что на дороге встал. А, во-вторых, чтобы в спину не ударил. Как говаривают бесы: «Ничего личного, только дело!»

Монстр поднял гребень, раздувшийся за ушами парусом, провёз лапой по земле, оставив четыре борозды, глубиной в ладонь. Поднял морду, втягивая воздух мягкими бархатистыми ноздрями. Он не угрожал — выбирал, с кого начать.

— Ар-ха, — негромко, но очень чётко, тщательно каждое слово проговаривая, подал голос Шай. — Шагай назад. Только очень-очень медленно и плавно, — сам блондин тоже двигался крайне медленно и на удивление плавно, вытягивая из парных ножен клинки — те даже не скрипнули, лезвия не звякнули о стальную оковку. — Ирда, ты за ней следом.

— А некуда отступить, — на удивление равнодушно ответила рыжая. — Там ещё один.

Арха, не успев ничего толком сообразить, обернулась — резко. Ирхан, размерами первому уступающий, но совсем не намного, размытой розовой тенью маячил за деревьями, по краям лощины росшими, на поляну не выходил.

Пока не выходил.

— Они подняли самку с детёнышем, — усмехнулся Шай. — А, Шер, как так получилось?

— Я тут, с тобой, а не там, с ними, — прошипел красавец. — У меня ли спрашивать, законный сын?

— Ты никогда не боялся рискнуть...

— Господа, а, может, вы потом выясните, кто тут козёл? — высказалась Ирда, невесть когда успевшая избавиться от своего плащика, маски и когтей — всё богатство неубедительной грудкой на земле лежало. — Давайте сначала разберёмся с проблемой.

Огромная кошка, видимо, соскучившись, коротко пронзительно мявкнула.

Арха, стараясь больше резких движений не делать, потихоньку отошла в сторону, встала за шезлонгом, будто лёгкое кресло защитить могло. Но всё же прикрытие.

Странно, но ведунья не боялась совершенно: ни на мизинец, ни на его ноготь. В кольце огня страх был и ночью тоже, правда, уже потом, когда всё случилось. А теперь и во рту не сохло, и зубы не стучали. Опять, что ли, не успела? Или, скорее, лекарке просто не верилось, что не слишком разумное существо ей вред причинит. Разумное — легко, на то ему Тьма ум и дала, чтобы пакости ближнему строить. Стихия уничтожит, потому что у неё мозгов нет вовсе. А животное... Ради чего? Арха же ему не угрожала, сочувствовала даже.

Конечно, думалось не так складно, но убеждённость: всё хорошо закончится, была.

А кошки всё-таки прыгнули — одновременно. Зверёныш перелетел через пригнувшуюся Ирду. Плюя на все законы и причинности, дугой уже в воздухе изогнувшись, разминувшись с тонким клинком. Приземлился за спиной ифоветки, мгновенно брыкнул задними ногами, будто песок роя. Вот только под когтями не песок был — грудь демонессы. Мелко брызнуло красным, рыжую в кусты унесло.

Но это тоже, почему то, страшным не выглядело.

Мимо Архи промелькнуло, сливаясь в пятно, сероватое. Хлопнули мокрыми простынями крылья. Ифовет в истинном обличи рухнул сверху на котёнка, разом клюнул загнутыми когтями в глаза. Тварь взревела, совсем по-ежиному свернувшись клубком, подставляя игольчатый гребень — демон мячиком в сторону откатился едва разминувшись с шезлонгом и стоящей за ним Архой.

А это смотрелось почти забавно.

Сбоку, ничуть не хуже охотничьих рогов, взревел ещё один демон — ведунья послушно голову повернула. Шай, тоже предпочётший собой обычным остаться, с ирханом силой мерился. Монстр облапил лорда. Когти, то втягиваясь, то выстреливая кинжалами, драли одежду и спину под ними. Кошка мявкала, мотая головой, но пасть, которую блондин разодрать пытался, захлопнуть не могла.

И в этом ничего кошмарного не было. Наоборот, веяло от увиденного чем-то легендарносказочным.

А прямо на Арху нёсся котёнок.

Крылатый демон перехватил лекарку поперёк живота — прямо крылом и перехватил, но будто обручем железным сдавило. Рванул назад, отволакивая к кустам. Крикнул что-то гортанно — у ведуньи немедленно ухо заложило. Не слишком церемонясь, швырнул на землю, сам перед ней присел, растопырив свои паруса кожистые.

Вот из-под них-то, из-под крыльев, Арха и увидела тех, кого раньше не заметила. Отряд — не маленький, ифоветов десять, а то и больше — у входа в лощину, прямо напротив Шая стояли. Но стрелять не спешили. Один поднял было лук, но тут же и опустил, сказал непонятное, но очень неуверенное, явно к демону, лекарку прикрывавшему, обращаясь. Тот ответил коротко, яростно. И языка знать не нужно, чтобы понять приказ: «Стреляйте!»

И вот тут стало страшно. Арха рванулась вперёд, но тут же на земле очутилась, лопатками больно ударившись. Замолотила по кожистому кулаками, царапаясь. Вцепилась

зубами во что-то очень твёрдое. Её спеленало, обездвигило совершенно, даже над землёй приподняло.

— Поздно, красавица, — шепнули в ухо.

А, может, это только примерещилось? Кровь гудела в ушах набатным гулом.

Интересно, может ли Тьма остановить пущенную стрелу? На это её божественной силы хватит?

Богиня отвечать не спешила. Едва слышно свистящие росчерки тела остановили. Дико взвизгнул, перекувырнувшись через голову зверёныш. Забил лапами в воздухе, пытаясь на спину перевернуться — не сумел. Взрослого монстра отшвырнуло в стену травы, будто тараном ударило. А следом тишина навалилась, словно мир ватным одеялом накрыло — только котёнок поскуливал, но казалось, что звук из далёкого далека идёт, может, и из самой Бездны.

Бросившийся на землю Шай на руках приподнялся, как отжался. И рывком на колени встал, не дал Ирде упасть, подхватил. Рыкнул, перехватил за талию, ниже торчащих из спины демонессы стрел. Ифоветка коротко, хрипло застонала, руку ему на плечо положила, опираясь. Так вот и получилось: стояли они друг напротив друга, на коленях.

А Арха всё оперенье считала, никак остановиться не могла. На каждом древке по три дорожки. Или у ифоветов четыре? Две? Под левой лопаткой шесть, в стороне, почти у позвоночника ещё три. Ниже, ближе к боку, четыре, а, может, тоже шесть? Или три?

— Стреляйте! — рывкнул над её головой демон.

На каком языке рывкнул? И не разберёшь.

— Ты опять? — Шай сказал это тихо-тихо, но ведунья почему-то прекрасно его слышала.

— Я тебя никому не отдам, — ничуть не громче ответила Ирда.

— Люблю тебя, — блондин пальцем отёр со щеки демонессы слезу. — Не плач, я здесь.

— Стреляйте!

Стрелы полетели густо, наперекрёст, уже не свистя, а зло по-пчелиному гудя. Лучники, из степи появившееся, медлить не стали. Да и те, у лощины, осмелели. Кто-то истошно, на одной ноте заорал. Может и сама Арха.

Очнулась она тоже на коленях. Не очнулась даже, а будто вынырнула, на самом деле хватая воздух большими кусками, как рыба. Правда, в горло всё равно ничего не попадало.

— Ну же, делай! — рыкнул кто-то и вроде бы за плечи потрянул.

— Я не могу, — ответила тупо.

Собственный голос, как сквозь толстенный слой ваты слышался. Руки были липкие и скользкие, багряно-клюквенные. Очень хотелось их вытереть, но нечем. Всё вокруг мокрое, алое, хлюпающее.

— Арха, твою траханую человеческую мать! Шевели мозгами!

— Я не могу. У меня дара больше нет. Я не могу...

Всё красное. И переплетённые, сцепившиеся в мёртвый замок пальцы — Ирды и Шая — тоже красные, будто лаковые. А трава под ними совсем чистая, золотисто-бежевая, сухая. И на примятом рукавом камзола ифовета колоске букашка. Оранжевая такая, с тремя чёрными точками на выгнутой спинке. Но кончики чуть виднеющихся полупрозрачных подкрылий запачканы бурым.

— Арха!

— Оставь её в покое! — другой голос, но тоже рычащий, только ниже гораздо.

Знакомый.

— Да иди ты во Тьму!

— Я не могу. Я ничего не могу... — может, если это сказать погромче, от неё отстанут, до них дойдёт? Ведь сейчас ничего, кроме тишины не надо. И темноты, чтобы совсем не видеть.

Ей не вздёрнуло — подбросило вверх, прямо к жёлто-зелёным, зло прищуренным глазам.

— Ты лекарка! — рявкнули прямо в лицо. Показалось, что чужое дыхание сейчас брови спалит, таким горячим оно было. — Лекарка, мать твою! Дашь ему сдохнуть? Шаю дашь сдохнуть, тварь?

Её отпустили, а, может, отбросили. Земля так врезала по коленям, что зубы клацнули. Пальцы зарылись в рыхлую пыль, сгребли траву. Оранжевая букашка раздвинула жёсткие крылья, как ножницы, выправила слюдяные подкрылки. Взлетела, деловито жужжа, едва не чиркнув Арху по носу.

Глава двенадцатая

Женщина сначала не думает, а потом думает, почему она не думала, когда надо было думать.

(Из наблюдений старого ловеласа)

Момент засыпания начинаешь ценить только тогда, когда понимаешь, что он умудрился бесследно из памяти выпасть. Вот так открываешь глаза, а в голове на месте вчерашнего вечера чёрная-пречёрная дыра. Паника осталась, беспокойство на месте, уверенность: ничего не получится — тут. Но в какой именно момент и с чего вдруг решила отдохнуть, только Тьма, может, и знает.

А за окном солнышко светит, кусочек неба синим подмигивает, тёплый ветерок занавеску пузырьком надувает. И на фоне этакой красоты шавер стоит, исподлобья зенками жёлтыми свербит — мрачный и хмурый. Впрочем, как всегда.

— Ты в обморок упала, — неприязненно, по слогу слова цедя, буркнул Ирраш, — как я и предсказывал.

Арха охнула, рывком на постели села. И ещё разок охнула — на этот раз от того, что голова закружилась, да спину, будто колом вставшую, заостеневшую негнущейся пластиной, болью прострелило. Но первым делом ведунья не за голову и не за поясницу, а за живот схватилась.

Живот был на месте, никуда не делся. В ладонь толкнуло тихонько, успокаивающе.

— В порядке всё, — словно бы против собственной воли, успокоил лорд Нашкас, — ведьма недавно заходила, проверяла.

— Долго я?.. — спросила лекарка.

Вернее, хотела спросить, да вышел только хрип невнятный.

— Почти двое суток, — ответил сообразительный шавер,

— А как... там?

Имена выговариваться не желали. И не только потому, что в горле пересохло, а на язык какой-то шутник кремниевого песка насыпал. Страх, на время притаившийся, сделавший вид, будто его вовсе нет, выглянул из темноты, напомнил о себе ледяным комом, в которое сердце смёрзлось — и как только умудрилось до сих пор биться?

— Более или менее, — дёрнул плечом демон. — Шая ночью лихорадило, но к утру прошло.

Сердце все-таки продолжало работать, хоть и не слишком уверенное, хочется ли ему это дальше делать. И дышать, оказывается, Арха ещё вполне способна.

Лекарка, кряхтя древней бабкой, одной рукой трепетно к груди простыню прижимая, а другой придерживая готовую развалиться поясницу, подтащила собственное тело к краю кровати, свесила ноги, и на этом решимость закончилась. Уж больно ныли мышцы, даже те, о существовании которых ведунья раньше не подозревала.

— Помочь? — на её мучения полюбовавшись, предложил демон.

— Что ты! — испугалась Арха, пытаясь разодрать пальцами сбившиеся в колтун волосы. — Испачкаешься ещё об тварь-то.

— Ну, извини, — без малейшего раскаянья, бросил Ирраш.

— И не подумаю, — мстительно заверила лекарка.

Шавер помолчал, трогая языком явно качающийся клык. Раньше такой привычки за ним ведунья не замечала. Впрочем, в последнюю их встречу скула у лорда тоже была целой, не свезённой, да и глаз подушкой не заплывал. Но кого нынче фингалами да ранениями удивить? Лестницы в демонических домах все, как одна подлые, скользкие.

— Надо было по роже дать? — вдоволь намолчавшись, светски осведомился Нашкас. Арха глянула, продемонстрировав собственное умение выразительно исподлобья смотреть. — Иначе ты бы и дальше только сопли пускала и выла! — вызверился демон.

Мокрое под ладонями, хлюпающее. Пальцы слипающиеся, как от сахарного сиропа — кровь свёртывается слишком быстро. Чужое дыхание — громкое, булькающее, как будто в груди демона не лёгкие, а пузыри с мыльной пеной. Раны темнеют жадными раззявленными пастьюшками, из которых жизнь вытекает. Не по капле — шустрыми суетливо-деловитыми ручейками.

Уверенность, твёрдая, непоколебимая, огромная, как скала: ничего не выйдет. Без дара, без магии, даже без снадобий не получится ничего!

И спокойные, тёмные, как перезревшая вишня глаза хаш-эда: «Арха, с чего начать?»

Оказалось, что на самом деле главное начать.

— Дан где? — мрачно спросила ведунья.

Нет, что не говори, а методы, которыми уважаемый лорд-шавер предпочитал с истериками бороться, ей никогда не нравились. Может, конечно, они и отличались эффективностью — хотя и это вопрос очень и очень спорный! — но ни приятными, ни даже слабонервными их при всём желании не назовёшь.

— Там, — мотнул головой куда-то в сторону окна Ирраш.

— Ясно, — кивнула лекарка, которой совсем, ну просто абсолютно ничего ясно не было. Сползла-таки с постели, неловко простыней прикрываясь — демон благодетельно отвернулся — хватаясь за мебель и стены, потащила в ванную комнату. — Ты меня к... — имена по-прежнему выговариваться не желали. А как сказать по-другому? К больным, раненым? Глупость какая! — ... туда отведёшь?

— Ладно, — не согласился, а великое одолжение сделал!

— Вот просто отведёшь? — ведунья даже из-за двери выглянула. — Без воплей, угроз и условий? С чего вдруг таким покладистым стал?

— А ты бы предпочла оказаться в башне запертой? — с ходу вызверился Ирраш.

— Тебе честно или героически соврать? — совершенно спокойно и на йоту голоса не повысив, поинтересовалась Арха.

Демон, разогнавшийся для очередной склоки, что-то такое, видимо, в лекарке разглядел, потому как осёкся, клык свой покачал.

— Ты хоть морду умой, а то смотреть страшно, — проворчал вполне миролюбиво.

— И не смотри, никто не просит, — посоветовала ведунья, на перемирие ещё не согласная. — Тебя сюда вообще никто не звал. Кстати, да! — вспомнила, собственную физиономию в зеркале разглядывая. Отражение ничего хорошего не показывало: щеки запали, под глазами, наоборот, мешки. И, вообще, верхнюю половину лица как будто надули, а нижнюю наоборот сплющили. Кра-со-та! — Откуда вы вообще взялись? Я совершенно точно Дана не звала.

— Интересно, почему?

— Потому что не сообразила? — зачем-то ещё и зубы рассматривая, предположила лекарка.

— Ну, а вот Шай сообразил. Правда, дошло до него поздновато.

— А он умеет? В смысле, звать? — Арха, на собственное удивление в зеркале налюбовавшись, брызнула на отражение и голову под ледяной поток воды сунула, стиснув зубы, чтобы не завизжать.

— Умеет, — донеслось сквозь шум невнятно. — Все умеют, могла бы давно сама додуматься.

— А чего раньше не позвал? — фыркнула в полотенце ведунья.

— Вот у него и спроси! — огрызнулся шавер, видимо, сам жаждавший ответ на сей вопрос услышать. Лекарка за все блага мира не согласилась бы оказаться на месте того, от кого Ирраш ответ получить хочет. — Тебе тут ведьма отраву какую-то оставила. Велела проследить, чтобы выпила.

— Вылей в унитаз, — буркнула Арха. — Кстати, а она-то откуда взялась?

Корёжащиеся тени в отражённом пламени жаровен, вскрики, чавкающие звуки ударов — мокрые, как тряпкой по дереву. Короткий оборванный вопль. Видимо, кому-то рот кляпом заткнули.

Главное, не оборачиваться, не смотреть. Не смотреть — это очень просто.

Ведьминская сила не ведовство, она от Тьмы, не от Жизни. Ей лекарство тоже доступно. Хотя нет, это ведунье лекарство доступно тоже. Только вот тёмная магия требует жертв, не жертвенности. Спасая одно существование нужно отобрать чужое.

Арха вцепилась в край раковины, зажмурилась, пытаясь проглотить горько-кислый ежистый ком, к горлу подступивший. Нет, не станет она спрашивать, кого ведьма... использовала. Не станет и всё! Это неважно. Только одно имеет значение: Шай с Ирдой живы, её демоны целы. Остальное нужно просто выкинуть. Или подумать об этом потом.

— Эй, ты чего? Тебе плохо, что ли?

— Мне хорошо! — заверила лекарка всполошившегося до поджатых ушей шавера. — Ты что-то говорил?

— Сказал, что ведьму Тхия приволок. По твоему, между прочим, приказу, — по слогам, будто неуверенный, что до неё смысл дойдёт, ответил Ирраш. — Если тебя это интересует, то Ллил привёл я. Она сейчас тоже там, присматривает.

— Это хорошо...

Это на самом деле хорошо. Пять суток прошло: три дня и ночи она сама бдила, потом спала ещё. Да, получается пять. Значит, самого страшного теперь точно не случится. Всё хорошо.

Только почему так плохо-то?

***

Сразу попасть к Шаю не удалось. Во-первых, Ирраш, решивший, видимо, свою вину обилием заботы искупить, заставил ведунью позавтракать. А, во-вторых, не успела Арха в себя кусочек нежнейшей булочки с кремом засунуть — а засовываться она не желала категорически, в горле застревала, как прискакал перепуганный до нежно-салатового цвета слуга, сообщивший, что: «Их Сиятельство ждут её милость в покоях!»

Какое сиятельство чьей милости ждёт и где, лекарка так и не поняла, а шавер объяснять не пожелал, лишь усмехнулся загадочно. Не слишком же ловко балансирующий на грани паники ифовет, кажется, ничего толкового, кроме: «Ждут, немедленно велено привести!» — проблеять не мог.

Пришлось идти, выяснять самой.

Их Сиятельством оказался всего лишь Дан, развалившийся на троне старшего Шарраха и том самом кулуарном зальчике. А «их милостью» сама Арха, для которой рядом с тронном поставили креслице, придав ему значительности с помощью расшитого до пределов возможного покрывала, даже на вид жёсткого и колкого. Ну а ждали все остальные, то есть толпа ифоветов, пытающихся поплотнее утрамбоваться в углу.

Отец Шая тут тоже присутствовал, стоял впереди своих вассалов, облачённый в негнушующую мантию. Но, несмотря на обилие золота и прочих богатств, выглядел лорд бледновато.

— Отдохнула? — тоном заботливого супруга поинтересовался Дан, помогая Архе в кресло усесться.

— А по какому поводу собрание? — вместо ответа, проворчала ведунья.

Меньше всего ей хотелось тут восседать, изображая собой невесть что. Себе же лекарка напоминала стельную корову, по ошибке в бальный зал впершуюся. Чувствовать, как на тебя пялятся и разве что пальцем не показывают, не самое приятное дело на свете. Хотя, наверное, ведунья льстила собственному эго. Больше собравшиеся не на неё, а на Дана с Тхией и Адином, за тронном стоящими, тарацились. Да на вошедшего следом Ирраша, от которого пара ифоветов откровенно шарахнулись.

— Небольшая демонстрация легитимности имперской власти, — пояснил хаш-эд предельно понятно.

— Ага, — кивнула ведунья, елозя попой по жутко неудобному жёсткому сиденью.

— Потерпи, котёнок, — шепнул Дан, очень уж демонстративно перецеловывая лекарке пальцы, — ты тоже в этом замешана.

— Да я то что? — буркнула Арха, пытаясь понезаметнее собственную руку у демона отобрать.

С таким же успехом могла бы попробовать стену дома сдвинуть. Пока она дёргалась, лорд Харрат величественно Тхия кивнул, тот тоже кому-то покивал. В общем, в результате обмена невербальными знаками в зале Шер появился.

Выглядел ифовет... не очень. Лекарка бы его и вовсе не узнала, не свети из-под слипшихся в бурые сосульки волос небесно-голубой глаз. Один. Ведунья не могла поручиться, на месте ли второй. Засохшая корка закрывала большую часть лица демона ничуть не хуже, чем маска Ирды.

А волокли Шера, между прочим, солдаты столичной стражи.

— Кажется, я многое пропустила, — под нос буркнула лекарка.

— На самом деле, ничего особенно интересного, — тихонько сообщил Адин, эдак небрежно на спинку её кресла опёршийся. — Просто с ним Ирраш пообщался.

Шавер, сбоку от трона, Даном занятого, стоявший, зыркнул на блондина, но мнение своё при себе оставил, даже ухом не дёрнул.

— Во избежание недопонимания, сообщу сразу, — устало, будто всё происходящее утомляло его до невозможности, начал лорд Харрат, дождавшись, когда солдаты Шера на колени перед возвышением поставят. Впрочем, даже так ифовет держался не слишком уверенно. — Никакого суда не будет. Властью, данной мне его высочеством кронпринцем, я лишь озвучу уже вынесенный приговор. Несогласные могут опротестовать его в императорском суде.

— После того, как меня казнят, — криво усмехнулся Шер.

Кривился он не от переизбытка язвительности. Просто сложно улыбаться привычно,

когда угол рта порван.

— Абсолютно точно, — кивнул хаш-эд. — Но ты можешь пожаловаться Тьме. Её воля над всеми нами.

— Вот она, императорская справедливость, — удручённо мотнул головой ифовет. — И они ещё смеют говорить о просвещённости и прогрессе!

— Именно, — спокойно подтвердил Дан. — Радуйся, что она, а не моя. Иначе б висеть тебе на колесе[1], а то и на крючьях[2]. А так отделаешься отрубленной головой.

— Ты всерьёз?! Смертная казнь?! — почти прошептал Шер, но паники в его голосе было столько, что это больше на вопль походило. — За что?!

— За покушение на члена императорской семьи, — равнодушно пояснил хаш-эд. — Леди Нашкас моя невеста, а я сын Её Величества, о чём тебе было известно. Хотя бы и не было, это дела не меняет.

— Я отказываюсь от сказанного! Меня вынудили оговорить себя под пытками! — вот теперь ифовет вопил, мотая в сторону Ирраша головой. Он бы и пальцем ткнул, да руки за спиной связаны. — Он, он заставил!

— Будьте любезны, заткните его, — вежливо попросил Дан у стражников. — В общем-то, приговор уже озвучен: умерщвление через отрубание головы. Часть его сообщников казнена, перед смертью успев искупить свою вину и тем самым рассчитавшись с долгом. Те, кому повезло меньше, будут повешены без возможности искупления долгов. На этом всё.

— А что будет со мной? С моей семьёй? — подал голос старый Шаррах.

Говорил он уверенно и даже с некоторым апломбом. Вот только дрожащий, как желе, второй подбородок впечатление портил.

— Хотите в чём-то признаться? — удивился хаш-эд. — Вы имеете какое-то отношение к произошедшему?

— Нет! Никакого! Ни малейшего! — горячо заверил старик. — Я ни о чём даже не подозревал!

— Ну и живите спокойно, — разрешил Харрат. — Как глава рода выплатите положенные по закону штраф и компенсацию леди Нашкас. А с сыном договаривайтесь сами. Если Шай подаст иск против вас, тогда будем решать. Ещё вопросы есть? Нет? Ну и хорошо. Поскольку пригласить имперского палача мы не успеваем, его функции любезно согласился на себя взять лорд Нашкас, за что ему будет выплачено положенное вознаграждение. Казнь состоится сегодня вечером, на закате. Все желающие приглашены. За сим, разрешите откланяться.

— Отец! — завопил Шер так, что лекарке показалось, будто у неё в ушах что-то лопнуло — зальчик, не смотря на свои скромные размеры, обладал великолепной акустикой. — Отец, заступись!

К сожалению, а, может, и к счастью, никто из присутствующих в своём родстве с ифоветом признаться не пожелал. А старых Шаррах даже демонстративно спиной повернулся.

— Дан, а... — шёпотом начала Арха.

— Нет, котёнок, — отрезал хаш-эд, легонько трогая губами ладонь лекарки — не на показ, не демонстративно, а как обычно делал, когда они одни оставались, у самого запястья. Но смотрел он на старого лорда. И взгляд Харрата даже при большом желании добрым никто бы не назвал. — Прости, но это на самом деле не обсуждается.

***

Убедившись, что пациенты по собственному недосмотру в Бездну убираться пока не собираются, Арха разрешила отвести себя туда, куда Дан прибыть немедленно велел. Впрочем, не провожай её Ирраш, лекарка демонов и без посторонней помощи бы нашла, потому как Тхия очень уж громко орал.

Тхия. Орал. На весь дворец.

Нет, некоторые вещи не желают в голове укладываться даже после того, как их собственными ушами слышишь.

Ведунья вопросительно глянула на шавера. Тот, естественно, лишь плечом неопределённо дёрнул. Дождешься от такого ответов, как же.

— Ты хочешь меня убедить в том, что он полный придурок? — завопил рыжий арифед так, что, пожалуй, его и в степи слышно было.

— Я ни в чём тебя не убеждаю. Просто говорю, как с его точки зрения это должно было выглядеть, — холоднокровно ответил Дан.

Хаш-эд тона не повышал, а слышно его стало только потому, что Ирраш дверь в комнату открыл, то ли любезно пропуская Арху вперёд, то ли предусмотрительно ею прикрываясь.

— Мне плевать, что он там думал! — бесился Тхия, не расхаживая, а, скорее, носясь из угла в угол. — На севере бы ему не голову отрубили, а...

— Значит, идиоту стоит поблагодарить Тьму, что северные законы на территории империи не действуют, — подал голос Адаш, которого ведунья сразу и не заметила. Его Рогатое Высочество, против своего обыкновения, изволило в углу сидеть, почти скрывшись за мраморной крылатой тварюгой, каминную полку башкой поддерживающей. — Добрый день, кухня. Смотрю, с каждым днём вы всё краше. Будущее материнство некоторым дамам удивительно к лицу.

Обращался кронпринц явно к Архе. Хотя для того чтобы переварить услышанное, лекарке некоторое время потребовалось.

— Со времён военной компании ваши шпионские навыки явно улучшились, драгоценный кузен, — ведунья не сразу, но всё же сообразила, чтобы такого ядовитого ответить. — Теперь даже рога не выдают вашего присутствия. Их вполне можно принять за украшение стен.

— Это на неё беременность так влияет? — поинтересовался Его Высочество у Дана. — Или нервные потрясения сказываются? В последнее время тише мыши была, а тут вдруг опять хамить начала.

— Прошу прощения, Ваше Императорское Высочество, — извинился лорд Харрат, явно ни в чём прощении не нуждавшийся. Хаш-эд подошёл к лекарке, в лицо заглядывая, будто что-то особенное там увидеть хотел. За ручку взял, к креслу отвёл, усадил заботливо, сам рядом встал. — Леди Нашкас в последнее время и впрямь пережила многое.

— Вот именно! — встрял Тхия. Если б арифед в принципе это сделать мог, наверняка бы побагровел. А так просто хмурился выразительно. — И за это ему всего лишь...

— Отрубят голову, — невозмутимо перебил кронпринц. — Догадайся они довести это дело до имперского суда, и такого приговора, вполне возможно, не вынесли бы. Доказательств-то никаких. Нападение ирханов было? Было. Защищал этот... как его?.. Короче, защищал этот выкидыш недоделанный нашу драгоценную шаверочку? Защищал. Боюсь, сей факт даже Шай подтвердит. Все видели, что он Арху героически собой закрыл и ни под стрелы, ни под когти лезть не позволил. Лучники тварей добились? Добились. Ну а то, что наш красавчик вместе с женщиной под стрелы попали, так это так, сопутствующие

потери. Главное было высокую гостью защитить и долг свой ифовет до конца исполнил.

— А два отряда лучников просто мимо гуляли, — буркнул необычно мрачный Адин. — И ирханы там тоже случайно оказались?

— Я не утверждаю, что план обязательно бы прокатил, — пожал плечами Адаш. — Я лишь говорю, что он мог и сработать. Ты лучше других уважаемых судей знаешь и их неподкупность тоже. Так что нечего беситься и справедливость законов сравнивать.

— Справедливость только одна бывает, — злобно буркнул Тхия.

— Вот именно, — довольно покивал кронпринц. — Монополией на справедливость, а так же на узаконенное убийство граждан, должен обладать только император. Ещё вопросы есть?

— Есть! — не стала скромничать Арха. — Я так ничего и не поняла.

— Чего ты не поняла, умница моя? — ласково мурлыкнул Его Высочество. — Тебе подробно изложить правила законоустройства в конституционном государстве?

К чести ведуньи, от совета, куда принцу стоит засунуть законоустройство вместе с конституцией, а, заодно, неподражаемым королевским апломбом, она воздержалась. Посидела, подбрасывая руку Дана, словно в «оладушки» играя.

— Ты бы рассказал всё, как есть, — попросила негромко.

Хаш-эд поморщился, будто у него разом все зубы заболели, лоб потёр.

— Данаш! — предупредил о чём-то демона Адин.

И лекарке стало кристально ясно: ни Тьмы ей не расскажут. Времена ни к чему не обязывающей вольницы закончились. Наступила суровая придворно-законодательная жизнь: беременных волновать нельзя, а слабо адекватных беременных человек тем более. Всяким мимо пробегающим невестам не должно быть никакого дела до игр больших мальчиков. Лорды-демоны сами решают свои проблемы, а удел остальных крестиком вышивать. Ну и так далее, по списку.

— Понятно, — кивнула лекарка и аккуратно пристроила ладонь хаш-эда ему же в карман. — Я пойду?

Кто-то выдохнул сквозь стиснутые зубы. Кажется, это был Тхия.

— Успеешь ещё, — не согласился лорд Харрат. Не особо напрягаясь, вынул Арху из кресла, сам её место занял, а лекарку на колени пристроил. Обнял за то, что у нормальных существ талией называется, словно боялся, что она сбежать может. — Понимаешь, котёнок, этот Шер уверен, будто он внебрачный сын старого Шарраха.

— А остальные неуверенны? — озадачилась ведунья.

— Нет, потому как лорд своей причастности никогда не признавал. Но к парню старик на самом деле всегда относился чересчур трепетно. И как говорят, особенно полюбил его после того, как с Шаем окончательно рассорился. В последнее время Шер не только всеми делами Шарраха заправлял. Начали ходить слухи, что он наследником станет. Думаю, сам же он эти сплетни и распускал.

— Ну и молодец, — оценила находчивость ифовега Арха, — а дальше что?

— А дальше объявился Шай, носа в родных местах давным-давно не показывавший. Шер испугался, что он отцовскую милость вернёт и сам тут всем заправлять станет. И когда наш красавец попросил прислать для тебя телохранительницу, к нему отправили Ирду. По задумке, при встрече с ней Шай должен был психануть и вернуться туда, откуда приехал. Почему так, я сказать не могу, не моя история, — Дан помолчал и спросил не уверенно, — Дальше стоит рассказывать?

— Стоит, — буркнула ведунья, начиная нехорошее подозревать — на конец истории сказанное никак не тянуло. Скорее уж на присказку.

— А дальше он поджог степь, — не слишком охотно продолжил Дан, притиснув к себе лекарку так, что у неё под рёбрами что-то ёкнуло, — и... «улики» подбросил. Здесь расчёт совсем простой был: либо вы сгорите, либо выберетесь. Но тогда шаверы Шая живым не отпустят.

— Сто-рим... — по слогам повторила Арха, вытерла ладонью разом взмокший висок — жарко вдруг стало ужасно и душно.

Показалось даже, будто из окна гарью потянуло.

— Дан! — снова подал голос Адин. — Заканчивай.

— Потом, думаю, к немалой досаде этого красавца, вы добрались-таки до замка. И тут он, наконец, сообразил, с кем дело имеет. Я тебя имею в виду, — словно бы блондина и не слыша, продолжал Харрат. — Подсуетился, нашёл какого-то степняка... Кстати, этот момент ещё прояснить стоит. Не нравится мне скорость, с которой он наёмника нашёл. Тут-то кабаков нет.

— Будешь мне тот случай постоянно припоминать — милости лишу, — лениво пообещал кронпринц, забрасывая ноги на подлокотник кресла.

— Как угодно Вашему Высочеству, — Дан умудрился поклониться, не отпуская Архи. — В общем, этот самый исполнитель к тебе ночью в комнату и забрался, котёнок.

— Да я-то тут причём? — хотела возмутиться лекарка, но вышло жалобно.

— Всё при том же. Получись у шавера... — хаш-эд замялся — всего на секунду, правда, — ...получись у него задуманное, и я сам с Шая шкуру бы спустил и на его же кишках подвесил.

— Но ведь не получилось?

— Такой вариант тоже в план входил. Шер думал, что тебя сразу в охапку схватят и уберут отсюда подальше. Ну и Шай уберётся, понятно.

— Только он не учёл, что прятать нашу драгоценность больше некуда, — заметил принц, элегически розочку, из вазы вытащенную, нюхая. — Кто виноват, что она умудряется везде в неприятности влипнуть? Эдакий наивный щеночек, влезаящий в самую большую и вонючую кучу навоза. Или кто там, котёнок?

— Адаш, придержи язык! — глухо посоветовал Дан.

— И почему правду никто не любит? — поинтересовался у цветочка принц.

— Адаш!

— Он прав, Дан, — даже для себя неожиданно, встряла Арха, да ещё и успокаивающе по руке своего демона погладила.

— Устами младенца, — хмыкнул наследник престола. — А что, младенец не станет просить меня о милости? Ведь Шер такой несчастный, незаконный и никем нелюбимый. Да и глазки красивые. У него красивые глазки, Арха?

— Красивые, — согласилась ведунья, вставая. — И ни о чём я тебя просить не стану. Раз вы считаете, что груда камней с куском травы стоит чужих жизней, а, может, даже жизни собственного брата, то... То долги цене соответствуют. Только со мной и моим сыном отрубленной головой он не расплатится, маловато будет. И Тьма тому свидетель!

— Арха... — Адин руку протянул, как будто по плечу ведунью потрепать собрался.

— Уйди с дороги, Ад, — попросила Арха спокойно.

Странно, но демон действительно в сторону отошёл.

***

Чрезмерной румянностью Шай никогда не отличался. Но теперешняя его восковая однотонная бледность пугала. Да ещё тени, залёгшие под скулами, глазами, на висках, делали знакомые черты почти не узнаваемыми, чужими.

Арха то и дело ловила себя на том, что прислушивается, дышит ли ифтор. Он дышал — не обманула ведьма. Видимо, на самом деле оставалось только ждать, когда демон сам себя из Бездны вытащит.

Внешний двор, где казнь должна была состояться, от этой комнаты далековато находился, потому и шум, оттуда доносившийся, был почти неразличим: то ли голоса, то ли ветер, то ли прибой. А конкретики ведунье и не хотелось. Но всё же короткий, оборванный выкрик, ознаменовавший, что для кого-то всё закончилось, она разобрала. И, может, даже не собираясь этого делать, положила руку на туго вздувшийся живот, погладила, приласкав.

— А мы с тобой живы, малыш, — шепнула.

Напряжённо поднятые плечи опустились. Она и сама не замечала, что сидит, напряжённая, словно удара ожидая.

На звук открывшейся и тут же тихо почти беззвучно закрывшейся двери лекарка не обернулась. Надобности в том не было, по шагам узнала, кто зашёл.

— Знаешь, я всё пытаюсь представить, что его нет. Вот ты есть, Адин, Тхия, Ирр, а его нет. И у меня ничего не получается, — призналась шёпотом, накрыв ладонь, на плечо опустившуюся, своей. Сжала тихонько. — Он же такой... безобидный.

— Он совсем не безобидный, — так же негромко ответил Дан.

— Знаю. Вы все не такие, как я привыкла.

— Всё хорошо, котёнок. Не думай ты ни о чём, обошлось же. Во многом тебе благодаря. И, поверь, я приложу все усилия, чтобы такое больше не повторилось.

— А я верю, — Арха задрала голову, глядя на хаш-эда снизу вверх. И только сейчас почему-то заметила, что выглядит он усталым. Хотя в данном случае, наверное, больше бы подошло выражение из иррашевского лексикона. — Только не зови меня больше так, пожалуйста.

— Что-то случилось? — Дан нахмурился, руку с плеча снял и даже отступил на шаг.

И вот что это такое? Всегдашняя готовность проблемы решать, привычка к мгновенной концентрации? Чрезмерная мнительность, мол: если ты хочешь или, наоборот, не хочешь, то я немедленно уберусь? Или просто... неуверенность?

— Если ты не заметил, случилось много всего, — напомнила ведунья, сама не понимая, чему улыбается. — До Тьмы просто всякого случилось. Но сейчас я хочу, чтобы ты меня поцеловал.

Ошалевший хаш-эд — это зрелище, которое стоит запомнить и бережно в памяти хранить.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — вдоволь ресницами нахлопавшись, осторожно поинтересовался лорд Харрат. — С ребёнком всё в порядке?

— И я, и он чувствуем себя просто отлично, — заверила лекарка. — Мне долго ждать?

— Арха, я...

— Да Тьма, какой же ты тупой! Правильно про вас говорят: лобная пластина толщиной в два пальца, а дальше затылок начинается!

Пришлось самой вставать, руки ему на шею забрасывать, прижиматься и губы подставлять, а это совсем не так романтично. Так демон ещё и дёрнулся, кажется,

шарахнуть собираясь. Сил его удержать у ведуньи, конечно, не хватало. Но ведь можно прилипнуть.

— Ну, если хочешь... — проямлил демон, эдак осторожно, едва касаясь, поцеловав.

В лоб.

— Нет, так не пойдёт! — мотнула головой Арха. — Ладно, объясним тупым на пальцах. Желания женщины, тем более женщины, в интересном положении, необходимо исполнять. Причём немедленно. А конкретно эта женщина, — чтобы никаких сомнений не возникло, ведунья ткнула себе в грудь пальцем, — желает своего мужчину, убажания и неба в алмазах. И, в конце концов, я шаверка или нет? Значит, мои требования нужно исполнять бегом!

— Ты абсолютно точно шаверка, — кивнул Дан, догадавшись, наконец, её обнять. И улыбаясь по своему — только глазами. — Но насколько я помню, у вас всё как раз наоборот. Это женщина обязана убаживать мужчину.

— Не поняла, — нахмурилась ведунья, — почему я до сих пор не в постели и где моё небо в алмазах?

— Как угодно, леди Нашкас, — демон поклонился и подхватил взвизгнувшую Арху на руки, — будут вам алмазы.

Лекарка пристроила голову на плечо хаш-эда, зарывшись носом в гладкие, словно даже отполированные волосы, закрыла глаза.

Порой ощутить себя живой, настоящей, до сих пор существующей, гораздо важнее, чем чувствовать защищённость и опеку. Быть хрустальной вазой, в вату завёрнутой, конечно, приятно, но ведь стекло так легко бьётся. В отличие от существа из плоти и крови.

[1] Колесо, колесование — вид казни. Приговорённому перебивали крупные кости и суставы, привязывали к колесу и оставляли умирать.

[2] Крючья — вид казни. Приговорённого сбрасывали на крючья, вбитые в крепостную стену. Длительность мучений жертвы зависела от того, куда войдут крючья.

Глава тринадцатая

Глава тринадцатая

Если моё, значит, моё. Если чужое, значит, мне это уже не нужно

(Из наблюдений мистрис Шор)

Посещениями местные раненых не баловали, только ведьма-шаверка ежедневно заходила. Но сидящую на краешке шаевской постели со старухой при всём желании спутать невозможно было. Несмотря на чёрные покрывала, тщательно скрывающие и лицо и фигуру.

— Да заходи, раз уж пришла, — сказала, к Архе не поворачиваясь.

Лекарка постояла, раздумывая, что в данном случае разумнее: драпануть со всех ног, как и собиралась, или приглашением воспользоваться. И всё же вошла, аккуратно за собой дверь прикрыв. Но далеко отходить не стала.

— Надо же, думала — убежишь, — хмыкнула из-под вуали Тьма.

Осторожно так хмыкнула, тихонько, будто боясь ифовега разбудить. Ведунья только сейчас заметила, что богиня держит руку демона, пальцем его поглаживая. Палец явно принадлежал молодой женщине и, скорее всего, леди: тонкий, с аккуратными костяшками, отполированным ногтём, формой на орешек миндаля похожим. И кожа у богини оказалась светлая, обычная — без чешуек или, например, пушка.

— От вас убежишь, пожалуй, — ответила Арха не слишком уверенно.

Что делать, лекарка никак не могла решить. Учитывая их последнюю встречу и разговор, стоило, наверное, в ноги падать и о прощении умолять. Но, во-первых, не хотелось. Во-вторых, отношения у ведуньи с Госпожой почти дружеские сложились. А, в-третьих, кажется, она сама в данный момент не жаждала, чтобы перед ней ниц простирались.

— Верно, — кивнула сидящая, — от меня не убежишь. Если, конечно, сама не захочу. Вот он, дурачок, уж сколько лет пытается. То так попробует, то эдак. И результат-то один, а всё не уймётся.

Тьма нежно поцеловала через вуаль ладонь демона.

— Так это наказание? — догадалась Арха. — Или демонстрация, что нам деваться некуда?

— Что это? — вроде бы там, под покрывалами, кто-то злиться начал. — Сколько раз повторять тебе, тупое существо: вы сами решаете, что и как вам делать. Са-ми! Я не вмешиваюсь, не помогаю, и не мешаю. По крайней мере, без просьбы. Он ни о чём не просил. В этот раз.

— Не вмешиваетесь, — покорно согласилась лекарка, живот оглаживая.

— Нет, не вмешиваюсь. Только предлагаю возможности. Принимать или не принимать их ваше решение.

— Ну да. Просто есть предложения, от которых невозможно отказаться.

— Предложения, от которых невозможно отказаться — это такая же глупость, как божественная воля, меньшее зло или ложь во благо. Даже не глупость, а желание смертных оправдать свои поступки, спихнуть на других ответственность. Зло всегда остаётся злом. Или перестаёт им быть вовсе. А божественная воля всего лишь предложение нескольких вариантов. Конечно только смерть. Но и она, как ты остроумно заметила, не всегда зависит от богов. Кстати, чаще всего смерть — это лишь логическое завершение череды ваших

выборов. И начинается она с решения женщины рожать или нет.

Тьма встала, аккуратно поправила на груди Шая одеяло, истинно материнским жестом ифовега по всё ещё бледной щеке погладила.

— Знаешь, что меня удивляет больше всего? — спросила негромко. — Чем разумнее и самостоятельнее становятся существа, тем больше вас привлекает жертвенность. Взять хотя бы такую забавную штуку, как любовь. В любых её проявлениях. Раз нет жертвенности и страданий, то не любовь это вовсе. Хотя нет, неудачный пример. Кто знает, что это за штука такая?

— Ну вы-то, наверное, знаете, — ляпнула-таки Арха, не успев язык прикусить.

— Поменьше язвительности, девочка, — с легким раздражением, но, в общем-то, спокойно, ответила богиня. — Тем более в таких деликатных вопросах. Ненароком можешь и на больную мозоль наступить. А ковыряться в божественных ранах чревато для благополучия.

— Я не... — протянула лекарка растерянно.

— Я не, я не, — передразнила Тьма, на столике склянки с зельями переставляя. — Вечно так: сначала ляпнут, а потом бляеть начинают. Как думаешь, богам доступна зависть? Молчишь? Вот теперь, когда мне поговорить приспичило, эта молчит. Придется за тебя отвечать. Доступна. Только она из всего вашего богатого арсенала и доступна. И ещё, пожалуй, любопытство. Хотя многие утверждают, будто мы любим своих созданий.

Богиня двумя пальцами взяла флакон — за доньшко, и за горлышко — поднесла его к свету, словно проверяя, сколько в нём осталось.

— Но я бы задала другой вопрос: а кто любит нас? Вот ты... Ладно, не меня. Ты мать мою любишь?

— Я... — лекарка не сразу и нашлась, чтобы такого даже не умного, а просто безопасного ответить. — Я верно служила ей.

— Вот, — качнула покрывалом, кажется, полностью удовлетворенная ответом богиня. — В этом и соль. Насколько верно, это мы сейчас упустим. Но ведь служила, не любила. Вы служите, приносите жертвы, выполняете ритуалы. Соглашусь, они порой забавны. Только в основе всё равно... Как бы это сказать? Нет, не сделка, она подразумевает хотя бы минимальную, но взаимную выгоду. Ты задумывалась над самим значением слова «молитва»?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это...

— Не старайся, — отмахнулась Тьма, в ответе явно не нуждающаяся. — Это просьба, моя дорогая, попрошайничество. Мы тебе раскурим фимиам, агнца зарежем, даже во имя твоё пытаться ближнего станем. А ты взамен дай, дай, дай! Всегда дай — и ни слова о любви. Тебе не кажется, что это как минимум несправедливо?

— Невозможно любить того, кого не знаешь. Даже не понимаешь, потому что оно... Ну, огромно, — попыталась оправдать Арха, кажется, весь подлунный мир скопом.

Попытка вышла неудачной. Сама Тьма осталась такой, как прежде просто рослой женщиной, и комната никуда не делась. Но вместе с этим лекарка словно в ней оказалась, как при переходе. Лампа горит, но вокруг мрак. Глаза видят стены, но их будто и нет. Уши звуки воспринимают как обычно, но каждое сказанное богиней слово столь огромно и оглушительно, что просто не помещается в череп.

— Любить, значит, невозможно, а просить и даже требовать, запросто?!

— Не знаю, я не просила!

— Всё до разу, дорогая, — так же неожиданно, как и разгневалась, успокоилась богиня. Мир опять на ноги встал: стена оказалась всего лишь стеной, звуки звуками, а женщина, закутанная в чёрное, выглядела просто женщиной. Хотя как раз последнее впечатление было ошибочным. — Всё до разу. Рано или поздно, но ты тоже станешь умолять. Но вот вопрос: помогу ли?

— Какого ответа вы от меня ждёте? — устало спросила лекарка, в очередной раз чувствуя, что безумие очень близко.

Сумасшествие вообще с Тьмой об руку ходило.

Нет, как не крути, а общение с богами — это явно не её стезя. Ей и с простыми-то демонами не всегда общий язык находить удавалось.

— Ты думаешь, мне нужны твои ответы? — фыркнула Тьма. — А, впрочем, почему и нет? Хорошо, уговорила. Я тебе кое-что покажу, а потом спрошу. Иди сюда! Ну, чего мнёшься? Тебе не интересно, с чего наш красавец с рыжей расплевался? Или что, моральные принципы замучили, мол, подглядывать нехорошо? Так у меня их нет. Пойдём, сказала!

Если Арха и хотела возразить, то попросту не успела — воронка мрака засосала болотом, утянула на самое дно Бездны.

***

В недостатке привлекательности Шая никто и никогда не упрекал. Мальчишеские улыбки, озорные глазки и ямочка на подбородке действовали на женщин, как закупоренная бутылка с креплёной медовухой на пьяницу. То есть, рождали абсолютно определённые желания: немедленно раскупорить, выглотать до доньшка и ни с кем не делиться. Но такое впечатление производил взрослый, уже созревший лорд Шаррах.

В этой же призрачно-настоящей реальности молоденький блондин...

За других Арха, конечно, ручаться не могла. Но у самой лекарки при виде юного кадета возникли совсем уж дикие желания: обнять, затискать, непременно присюсюкивая и причмокивая. Желания, безусловно, странные. Но что делать, если в юном Шае было что-то и от эдакого игривого котёнка, и от лопухого щенка, и от пушистого цыпленка?

Короче, милоты ему при рождении отсыпали с избытком. Ну а чёрная с золотом кадетская форма и вовсе делала его похожим на фарфорового Кана, приятеля не менее фарфоровой Агнош, подруги всех девочек империи. В смысле, подруги девочек, обладающих папами, способными заплатить за Агнош, Кана, немалый гардероб, дом, карету, лошадей и прочее богатство, идущее с куклой в комплекте.

Правда сейчас Шай скорее походил на зверёныша лесного кота: того и гляди начнёт шипеть и плевать.

— Получается, слово «любовь» для вас ничего не значит, отец? — процедил молодой лорд, петухом голову вскидывая.

И до белых костяшек стискивая рукояти парных мечей в чересчур щедро украшенных ножнах, будто вот-вот бросится на старого лорда, который, кстати, не таким уж старым выглядел. По крайней мере, в этом времени вторым подбородком он обзавестись ещё не успел.

— Интересно, что оно для меня значить должно? — усмехаясь вполне дружелюбно, осведомился старый Шаррах. — Впрочем, это всё романтика и лирика, сын. Тебе, в столицах воспитанному, может, и дозволено такими материями мерить. А мне стоит о будущем думать. Вот я и подумал: хочешь жениться — женись, только счастлив буду. Но уж никак не

на дочери временной жены моего сводного брата, да ещё и младшего. Но не расстраивайся, найдём девушку подходящую. Если уж тебе приспичило трахаться на законных основаниях.

В точности употреблённого лордом глагола Арха не вполне уверена была. Не потому что бранных слов не знала, смысл без труда улавливался. Просто говорили демоны по своему, по ифоветски. Но лекарка их почему-то понимала прекрасно. Правда, словно с запозданием: сначала слышала непонятную фразу, а следом, как эхо, понятную. Магия Тьмы, что тут скажешь?

— Я хочу только Ирду! — набычился Шай.

— Не сомневаюсь, что и она тебя тоже, — глумливо ухмыльнулся старик. — Но ты забываешь, что эта девочка уже отдана Ношу. И они даже успели соединиться перед Тьмой, чему свидетели есть.

— Но клятв они не давали и брачный контракт не подписан! — упрямо возразил блондин.

— Контракты, клятвы! Какое нам, Истинным, дело до этого? — отмахнулся от сына лорд Шаррах. — По нашим законам она жена. Всё, отстань от меня со своими глупостями! Симпатичных баб полон замок, если тебе столичных не хватает, выбирай любую. Хочешь конкретно эту — забирай, коли Нош позволит. Ваш брак, длиною в год, я благословлю. Но не больше.

— Нош! — тут же вскинулся Шай, резко повернулся в одну сторону, в другую, горящими глазами выискивая кого-то среди стоящих вдоль стен ифоветов. И снова рукояти мечей сжимая, но теперь уже по-другому, положив руки крест-накрест — убивать собрался. — Нош арш Шаррах, где ты?

— Здесь я, — насмешливо отозвался вышедший вперёд демон.

О том, что он хорош был, даже упоминать не стоит — ифовет же. Правда, в отличие от большинства тут присутствующих, чернявый, да и смугловат. И черты лица не по местному резковаты. Впрочем, ему даже шло, некоторой экзотичности добавляло. А небесно-голубые глаза в контрасте с желтоватой кожей и вовсе сияли, будто не настоящие.

Над Шаем он, пожалуй, на полголовы возвышался — никак не меньше, да и в плечах пошире.

— Я хочу то, что принадлежит тебе! — выкрикнул блондин.

И перестарался с эмоциями. Голос сорвался на фальцет, дав юношеского «петуха». Присутствующие, тактом, видимо, с рождения обделённые, захихикали. Черноволосый ухмыльнулся, глядя на парня сверху вниз даже не пытаясь скрывать снисходительного признания. Не удивительно, что от острых кончиков шаевых ушей можно запросто лучины поджигать было — такие красные.

— Хоти, — выдержав вполне театральную паузу, разрешил Нош.

— Назови свою цену!

— Выкуп меня не интересует.

— Тогда я вызываю тебя! — прошипел мальчишка, нервно губу раздвоенным языком облизнув.

— А я вызова не принимаю, — пожал плечами брюнет.

— Ты трус, Нош арш Шаррах!

— Не угадал, — хмыкнул ифовет. — Не трус. Просто, что моё, то моё и глава рода это подтвердил. А драться с тобой... Зачем? Я, конечно, не плох. Но тебя-то с детства натаскивали. Тут ясно, на чьей стороне милость Тьмы окажется. Так что, пойду я, невесту

свою, пожалуй, навещу. Молодая она у меня, необъезженная ещё. На дрессировку много времени уходит.

Хмыкнул ещё разочек, да и действительно пошёл.

— Ты трус! — уже в спину рослому заорал Шай, последние остатки самообладания в Бездну посылая. Арха была уверена — сейчас точно бросится. — У тебя нет чести!

Нош остановился, обернулся медленно, будто нехотя, явно красуясь.

— Честь там у вас ценится, — бросил небрежно. — Здесь другая монета в ходу. Видать, за давностью лет, вы это забыли, мой лорд.

Поклонился без малейшего почтения и удалился окончательно.

Шай за ним не ломанулся-таки. Хотел, да не дали. Невесть откуда взявшийся Шер подскочил к молодому демону, за плечи приобнял, поволок в другую сторону, горячо на ухо нащёптывая. Старый лорд остановил его, махнув властно.

— Ты глуп, сын мой, — удручённо покачал головой Шаррах, на троне восседающий. — И впрямь забыл наши нравы. Ну что ж, наживёшь неприятностей, моей вины в том не будет. Из-за смазливой девчонки голову терять... Я уж сомневаюсь, одной ли мы с тобой крови? У Ноша сильная семья, богатая и в ней много мужчин. Подумай об этом. С ними ссориться не с руки ни тебе, ни мне.

— Плевать! — на самом деле будто выплюнул Шай. — Я хочу её, и я её получу!

— Ну и дурак, — подвёл итог старый ифсовет. — Убирайся с глаз, чтоб духу твоего не было. А станешь свары в роду устраивать — и наследства, и содержания лишу. Права, оказывается, твоя мать была. Ничего хорошего из обучения у Харратов не вышло. Вот ведь как получается: дура дурой, а иной раз и курицу послушать стоит. Но чего уж сейчас говорить.

Лорд подпёр кулаком щёку, пригорюнился, видимо, о несправедливых прихотях судьбы размышляя.

***

Женская половина ифсоветского замка отличалась от мужской примерно также, как булыжник от огранённого бриллианта. Хотя никакая это и не половина была — одна пятая, а то и меньше. И на замок это селище не походило совершенно. Скорее уж крепость, а то и тюрьма: высоченные и даже на вид толстые стены, сложенные из тщательно ошлифованных блоков. Один арочный проход, зато с двумя воротами и решёткой. Да скопище каменных огороженных коробок-домиков.

Въездные ворота открытыми стояли. Но чувствовалось в этой открытости что-то от: «Всем входить, никому не выходить!» Потому Арха и не удивилась, когда Шай мимо подъёмного моста кустиками пролез, долго выискивал подходящее место на стене, хотя, по мнению ведуньи, она тут везде одинаковой была. Но, видимо, ошибалась лекарка. Ифсовет углядел что-то. Стащил камзол, потуже стянул хвост на затылке, поплевал на ладони, крикнул, да и полез навроде ящерицы. За что он там цеплялся — непонятно, но карабкался проворно.

Правда, взобрался демон совсем невысоко.

Ифсоветок Арха заметила, только когда они с земли поднялись, рядом совсем — протяни руку и коснёшься. Как демонессы со своими полумасками, когтями и блестящими плащиками умудрились в реденькой, да к тому же колючей поросли прятаться, одной Тьме только и известно. Но ведь спрятались. И объявились совершенно бесшумно. Стояли, любовались пыхтящим парнем, переглядываясь насмешливо.

Лекарке неудобно стало. Так и тянуло подсказать Шаю, что он тут не в одиночестве корячится. Только бы всё равно ифсовет её не услышал.

Наконец, одна из сагрешей — по виду старшая — смилостивилась над бедолагой, свистнула. Блондин со стены едва бабочкой не слетел, но извернулся, спрыгнул по-кошачьи мягко, поклонился. Физиономия спокойная, будто всё согласно задуманному им плану идёт.

— Добрый день, достойнейшие, — улыбнулся очаровательно. — Поверьте, моё сердце просто поёт от счастья, так вас видеть рад. Только, уважаемая Сейрда, прошу вас, в следующий раз просто скажите, мол: «Лорд Шаррах, тут мы. Не изволите нас поприветствовать?» А то свистеть... Так ведь и окочуриться недолго от переизбытка-то счастья.

— Лорд Шаррах, — в тон ему ответила командирша, — а не боишься ли ты окочуриться от попытки пролезть на запретную территорию?

— Где запретная территория? Это? — вполне искренне удивился демон, пальцем на стену за спиной возвышающуюся, указывая. — Серьезно? Спасибо, что сообщили, теперь буду знать, а то и впрямь может неудобно получиться. Я, видите ли, просто матушку свою навестить хотел, о здоровье справиться.

— Так кладбище в другой стороне, — ухмыльнулась сагреша. — А матушка ваша почитай уж лет пять назад туда переселилась.

— Серьезно? — уже без всяких улыбок, повторил Шай, нахмурился даже. — Отец знает?

— Он мне не докладывал, — пожала плечами демонесса, — сообщили, наверное. Да и к временным жёнам лорд захаживает регулярно. Те точно новостью поделились, её место многие занять хотят. Но вы мне зубы-то не заговаривайте. Завязывайте гульфик и тащите свою очаровательную задницу куда-нибудь подальше отсюда.

— Сейрда, мне только поговорить с ней, — почти умоляюще, полушепотом попросил Шай. — Ну хочешь, сама останься!

— С кем поговорить-то, с матерью? — фыркнула демонесса. — Что-то раньше за вами таких желаний не водилось.

Блондин, не отвечая, на сагрешу смотрел, лишь помаргивал нервно прозрачным веком.

— Послушай, парень, — в гляделки наигравшись, вздохнула Сейрда. — Я всё понимаю: весна, юность, кровь кипит, а романчики столичные душу теребят. Но ты же не идиот. По крайней мере, раньше таким не был. Ну увидел девчонку, ну засвербело. Только ведь это таких неприятностей не стоит. Хочешь, сама малышку найду, раз в пять твоей Ирды симпатичнее?

— Это не жажда плоти, — медленно, трудно, тяжело кадыком дёрнув, будто силком из себя слова вытаскивая, ответил красавчик. — Это шер-ка, Сейрда. Тьмой клянусь, шер-ка.

Арха никогда раньше этого ифсоветского слова не слышала, но значение поняла. Нет, не поняла даже, а прочувствовала — до гусиной кожи, до вставших дыбом волосков. Потому что от него жутью Бездны несло.

«Ка» — судьба, фатум, предопределенность. «Шер» — предназначенность. Это не любовь с первого взгляда, не вторая половинка и не наркотик — большее, в разы большее. Это неотвратимость. А что страшнее обречённости, даже если приговорён ты быть любимым и любить в жизни и во Тьме? Все равно же приговорён.

И никакой, даже крошечной надежды на счастье нет. Счастье — это уют и комфорт, спокойствие, расцветенное редкими, а от того ещё более яркими вспышками. Шер-ка же

чистое пламя, истинное безумие. А оно комфортным не бывает.

— Почему отцу не сказал? — негромко спросила демонесса, недовольно покосившись на сагрешу, отвращающим знаком беду от себя отгонявшую.

Ифовет и на это ничего не ответил. А что тут скажешь? Нет для ничего позорнее, чем в зависимость попасть, да ещё такую рабскую. И ведь не убежишь, господина не убьёшь. А если и решишься на такое, то цепи лишь короче станут, прочнее.

— Шай! — донеслось сверху радостное, счастливое.

Архе показалось, что тоненькая фигурка, закутанная в летяще-прозрачное, сейчас со стены вниз нырнёт. Видимо, не ей одной что-то такое примерещилось.

— Стой, дура! — рявкнула Сейрда. — Там же заклинания защитные, гробанёшься! А, Тьма с вами! Сейчас через калитку тебя выведут. Найра, подсуетись! — бросила суеверной.

— Спасибо, достойнейшая, — серьёзно поблагодарил демон. — Мой долг...

— Да иди ты со своим долгом! — огрызнулась сагреша. — И подальше отсюда иди, да девицу с собой прихвати. Такое добром не заканчивается. Тьфу-тьфу, чтоб нас эта пакость даже краем не коснулась.

— Мы уедем, — кивнул демон, будто соглашаясь. — И вас ни о чём просить не стану, сам справлюсь.

— Как сегодня справишься-то? — фыркнула Сейрда — Да ладно, нам иной раз не сложно и в сторону посмотреть. Раз уж ради благого дела.

— Шай!

Не знай Арха, что эта рыжая — Ирда, ни за что бы не узнала — девчонка и девчонка. Локончики завитые на плечах пружинками прыгают, платишко кокетливо плечико открывает, губки бантиком, глаза горят. А на мордахе такое слепое обожание, что отвернуться хочется, не подсматривать. Ифоветка и впрямь ничего кругом не видела: подбежала-подлетела, споткнулась, едва не упала. Ни на кого внимания не обращая, на блондине повисла, лепеча бессмысленное, только двоим понятное, целуя, куда губы попали: в висок, нос, подбородок.

Такого выражения лица, какое у Шая сейчас было, ведунья раньше тоже не видела. И, честно говоря, не хотела бы. Потому как завидно. Шер-ка там или что-то другое, а всё же хочется, чтобы мужчина вот хоть разочек так же посмотрел, будто ты и есть вселенная, смысл жизни и всё прочее, о чём в романах пишут.

Получается, демоны на самом деле так могут?

***

Личные покои ифоветок Арха представляла совершенно иначе. Видимо, деления жилья на «мужское» и «женское» навевало слишком устойчивые ассоциации с шаверами. Но ни намёка на восточную роскошь и негу тут не было. Всё лаконично, если не сказать аскетично. Короче, убого: голые каменные стены, такой же пол. Кровать, больше смахивающая на топчан, сундук, стол, табурет. Видимо, женщин своих местные демоны предпочитали в чёрном теле держать. А, может, просто денег не хватало — все на мужицкое убранство ушли.

Только вот Ирде явно не до убожества интерьера было. Как в комнату вбежала, так и кинулась к сундуку, выгребая яркие тряпки, бросая их на пол. Глянула на наваленную грудку, решительно крышку захлопнула и уселась, пристроив подбородок на колени, обняв их руками. Физиономия — никаких светильников не нужно, так от счастья сияет.

— Что это вы тут делаете, госпожа? Раскидали всё, сладу нету с вами, — проворчала

женщина — служанка, судя по одежке.

Но, как ни странно, не беса, а такая же ифоветка. То есть, такой же она по крови была, внешне-то ничем на девушку не походила. Таких... мясистых демонесс лекарке раньше видеть не доводилось. В не самую узкую дверь нянька боком протиснулась, иначе корма, суконной юбкой прикрытая, не пролезала.

— Я собираюсь! — объявила рыжая и засмеялась невесть чему.

Подскочила с пола, словно укушенная, звонко чмокнула служанку в свекольную щёку.

— Далеко ли? — подозрительно поинтересовалась женщина, на господские ласки не покупаясь. — Чёй-то я не слыхала, чтоб господин Нош выезжать готовился.

— Ну какой Нош, какой? — пропела Ирда и закружилась по комнате, метя пол юбками. В полном соответствии с архиным представлением о поведении влюблённых девиц. — Шай придёт завтра ночью, и мы уедем далеко-далеко!

— Спаси нас Тьма! — охнула нянька, схватилась за подушечную грудь, хозяйкиных восторгов явно не разделившая. — Как же это?

— А вот так! Могли бы и сегодня, но он решил ещё раз к отцу обратиться и всю правду ему рассказать. Теперь-то господин наверняка отпустит.

— Да не отпустит, а поганой метлой выгонит!

— Ну и пусть! — беспечно отозвалась девица. — Ничего мне не надо, кроме...

— Дорогого супруга? — предположили из-за двери. Негромко так предположили, но филёнки здесь тонкими были, слышно всё прекрасно. — Которому вы, леди, несомненно, верны телом и преданны сердцем.

На неспешно, даже с ленцой вошедшего Ноша рыжая уставилась с откровенным ужасом: рот приоткрыт, бровки подняты, руки к горлу прижаты — точь-в-точь кролик, змею увидавший.

В комнату демон заходить не стал. Дверь за собой прикрыл и к ней же привалился, руки на груди сложил, ноги скрестил — вид самодовольный настолько, что руки так и чешутся ему по морде съездить. По крайней мере, у Архи ладони точно зудели.

— Значит, собираетесь меня покинуть? — ответа не дождавшись, протянул ифовет. — Странно, что я об этом узнаю едва ли не последним. То есть, разрешения мужа вам не требуется, госпожа?

— Ты мне не муж! — насупилась, слегка отошедшая Ирда.

— Ну, это только твой драгоценный Шай так считает, — глумливо усмехнулся демон. Паскудная у него улыбочка была, мерзкая. С такой обычно мелкие стервецы кошек мучают и у малышни медяки отбирают. — А тебя подобные глупости стоит из головы побыстрее выкинуть. Или мне их придётся выбить.

— Господин разрешит нам уехать и даже сам проводит! — кулачки сжимая, выкрикнула девушка. — Ты даже не знаешь!..

— Да всё я знаю, — отмахнулся, как от назойливой мухи Нош. — Лорд своего сынка и слушать не станет: молодость, глупость, мысли завиральные. Придумал про какое-то шер-ка, чего его слушать? Шер старику уже всё подробно объяснил.

— Ты по пути сюда головой не бился, случайно? — помолчав и эдак пристально демона рассматривая, осведомилась Ирда. — Твой брат лучший друг Шая, он пакостить не будет.

— Был когда-то. В далёком-далёком детстве. Пока до дурачка не дошло, что этот белобрысый конкурент за папочкину любовь. Тоже идиотизм, но мне на руку. Пусть себе грызутся потихоньку. Больше пыли — меньше видят.

— А что они видеть должны?

— Я расскажу, — пообещал демон, от косяка отлипая. — Как-нибудь потом. Сейчас займёмся делами насущными. Значит так. Я тебя тут запираю, выходить никуда не сможешь, даже во двор. Служанку охранники всюду провожать будут. Но не переживай, это не надолго. День-два, а там посмотрим.

— И что за это время случится?

— Кто знает? — хмыкнул Нош. — Понимаешь, мне в детстве дико нравилась легенда про Нерхара. Слышала? Ну, он ещё заподозрил свою супругу в неверности, убил любовника. А потом велел приготовить его сердце, которое вместе с женой и съели на ужин. Естественно, о происхождении блюда шутник рассказал уже после трапезы. Ну и голову хахалю жёнушке преподнес. Мне нравится такое развитие событий. А тебе?

— Ты спятил, — выговорила рыжая так, будто на неё только что просветление снизошло.

— Даже и не надейся, — заверил её ифовет, — я в здравом уме. До встречи, дорогая моя невеста. Даже можно сказать, драгоценная — выкуп-то немалый выплачен. Так что придётся тебе очень старательно отрабатывать.

Служанка, предупредительно демону дверь придержав, закрыла её, постояла, прижимаясь ухом к щелястым доскам.

— Он убьёт лорда Шая, — прошептала пророчески и для верности ещё и головой покивала.

— Я поняла.

Ирда обхватив плечи, будто мерзла, прошлась к окну, потом к противоположной стене и снова к окну. Весёлость с неё слетела, как сдутая.

— Что делать-то будешь, деточка? — спросила нянька, на краешек постели присевшая, нервно фартук комкающая.

— Я его никому не отдам! — твёрдо заявила Ирда, словно припечатала. — Никому! Шай только мой, а я его.

— Да разве ж в этом дело-то?

— В этом. Сегодня Нош ничего сделать не успеет, а завтра... — демонесса тряхнула локонами, отбрасывая их за спину. — Отнесёшь ему с утра письмо и на словах передашь, что я всю ночь плакала, но потом успокоилась. Поняла, что ничего изменить не могу и смирилась. И чтобы помириться, приглашаю его на ужин. Потом зайдёшь к моей тётушке и попросишь у неё маковой настойки. Скажешь, что нервы у меня не в порядке. А я хочу вздремнуть перед встречей с женихом, чтобы хорошо выглядеть.

— Вы что удумали, госпожа? — подозрительно прищурилась служанка. — Травануть-то господина Ноша как крысу поганую и в столицу голубку мою услать — возражений нету. Но вот только погань эта непременно заподозрит. Да и лорд тоже, вмиг сами жизни лишитесь.

— Никто ничего не заподозрит, — упрямо мотнула головой Ирда. — И я ничего не лишусь: ни жизни, ни любви. Никому его не отдам, слышишь?

— Да слышу я, слышу, — ворчала нянька, кряхтя и охая, складывая выброшенные на пол одежды обратно в сундук. — Вот ведь характер какой: что в башку втемяшится, то батогами не выбьешь. Только и впрямь с Ношем этим жизни не будет. Он не батогами — сапогами выбивать станет.

Девушка ей не отвечала. Стояла у окна, улыбалась чему-то едва заметно. Арха сильно сомневалась, что она обдумывала перспективы своей супружеской жизни с чернявым.

Глава четырнадцатая

Чего хочет женщина, того хочет бог. Только скажите какой, чтобы с этим сумасшедшим не связаться ненароком

(Из записок старого ловеласа)

Шай всё знал. И ждал. Хотя это стало понятно далеко не сразу. Поначалу всё выглядело не слишком оптимистично.

Из замка ифовет, видимо, галопом выехал. Да ещё каким галопом-то. Цитадель Шаррахов отсюда без особого труда разглядеть можно было: поблескивали на фоне выцветшего неба игольчатые шпильки, прядями тумана белели арки, зеленела внизу опушка леса. А лошадь под молодым демоном вся в мыле, грызла удила, дико выкаченным глазом кося, никак успокоиться не могла. То и дело шла боком, вскидывала морду, стараясь выдрать из рук поводья, припадала на зад, всхрапывала. Блондин осаживал животину и будто не замечал этого. Тело-то здесь, а мысли в далёком далёко.

Голову ифовет опустил, да ещё и под капюшоном спрятался от садящегося, но до сих пор палящего солнца. И всё равно заметно — хмурится. Если он всё же переговорил с отцом, как обещал, то в ответе лорда сомневаться не приходилось. То ли не отличался старый Шаррах чрезмерной суеверностью, то ли его и впрямь убедили, что никакая не мифическая страсть сына посетила, а обыкновенная блажь, но в просьбе явно отказал. Вот и бесился демон, загнал коня. А теперь раздумывал над вечными, как сама Тьма дилеммами: кто виноват и что делать.

Шер чуть позади держался, с разговорами к молодому лорду не лез, лишь поглядывал озабоченно и, пожалуй, сочувственно. Только когда Шай с лысой, вытоптанной колеи в траву свернуть вздумал, голос подал.

— Может, вернёмся? — сказал негромко, но озабоченно. — Патрули говорили, что вокруг степняки шныряют, — блондин от него даже отмахиваться не стал — вообще никак не отреагировал. — Воля твоя. У каждого своя судьба.

Последнюю фразу он выкрикнул почти, выпрямился на стремянах, натянув поводья струнами. Вот тут-то всё и началось.

Кто считает, будто в степи укрыться сложно, тот крупно ошибается. Это рядом со столицей в траве даже полёвке спрятаться сложно, а в густом, высоком разнотравье при должных навыках и всадник укрыться может. Правда, те, кто меж стеблей тенями проступили, лошадьми пренебрегли. Но, пожалуй, у ифовета, верхом ехавшего, перед пешими никакого преимущества не имелось.

Демоны, в жёлто-бурое одетые, с разлинованными ореховой краской лицами, миг окружили наездников — мимо не проедешь, только поверх голов прыгать. И на стёжку они выходить не спешили. Трава колыхалась в вечном прибое, обманывала: вроде и три шага до ближайшего засадника, а присмотришься, так и все семь.

— Слезай с коня, Шаррах, — глухо приказал один.

Лорд ему отвечать не стал. Взметнулся серый плащ, накрыв говорившего с головой. Мелькнуло, пролетело по воздуху, сверкнув серебром — кто-то захрипел, упал назад, промяв в траве котловину. На миг — на очень короткие миг — Арха увидела ифовета, стоявшего

чуть сторбившись на седле с двумя клинками в безвольно, вяло опущенных руках. Демон прыгнул, будто даже замерев на удар сердца в воздухе — белое свечение заходящего солнца осветлило тёмную фигуру. И пропал.

Битва между теми, кто действительно умеет клинки в руках держать, зрелище совсем не увлекательное и не эффектное. Собственно, стороннему зрителю и смотреть не на что: движение есть и его много. Гораздо больше, чем осознать получается, а понимания где, кто, что нет.

Зато можно понаблюдать за умирающими. Они вываливаются из боя, будто центробежной силой выброшенные. Скручиваются личинками, скулят по-щенячьи, пытаются запихать в живот пузырями продавливающиеся сквозь пальцы внутренности. Плашмя падают на спину, раскинув руки крестом, конвульсивно взрывая каблуками землю. Опускаются плавно, будто издеваясь, переигрывая, щедро плеща на притухшее золото травы кармином. Они такие разные.

А ещё можно насладиться ароматом битвы. Вояки говорят, будто она пахнет кровью. Вполне возможно и так. Но это потом, когда первый шок и запал проходит. Настоящий, исконный запах смерти — это вонь дерьма, мочи и пыли.

У битвы есть и своя музыка. Пение клинков, звон стали, крики — всё так. Но эту героическую мелодию перекрывает мат: отборный, ядрёный и... беспомощно-неверящий. Почему-то до конца, до того момента, когда глаза становятся как у снулой рыбы, подёргиваются белесой плёнкой, никто не верит, что на самом деле умирает. Боль есть, страх есть, а веры нет. Всё ведь обойдётся, правда?

Клубок пыли и движения распался, будто этой самой пылью и рассыпался. Тихо вдруг стало так и неподвижно. Лишь где-то ржал напугано конь — довольно далеко. Да барабаном отдавались на стёжке шаги убегающего демона.

Шай, стоящий на колене в неестественной, даже картинной позе — с отведёнными назад руками, с ловящими солнечные зайчики клинками — не спеша встал, выпрямился, махнул. Слегка изогнутый меч полетел тяжело. Впереди кто-то вскрикнул — кто именно за завесой пыли не разглядеть.

Ифовет, по-прежнему никуда не торопясь убрал оставшийся клинок в ножны — не с первого раза в устье попал, пришлось придерживать. Тыльной стороной ладони вытер лицо, но только кровь по щеке размазал, руки-то тоже все мокрые были. Пошёл вразвалочку.

Шер лежал на животе, медленно и неловко загребая конечностями — как жук или младенец. Видимо, меч, валяющийся рядом, ему оголовьем меж лопаток или по шее угодил. А, может, по крестцу. Убить не убил, даже и вреда серьёзного не нанёс, но отшиб хребет знатно.

Шаррах подошёл к демону, присел на корточки, мотнул головой, перекидывая блондинистый хвост через плечо. Оглядел лежащего с макушки до пяток, а потом обратно. И только после этого перевернул. Небесноглазый таращился на него, беззвучно шлёпая губами. Непонятно, что сказать хотел.

— Нет, ты в серьёз думал, что у тебя получится? — голову к плечу наклонив, поинтересовался Шай. Арха не видела его лица и видеть не хотела. Впрочем, Шер, кажется, сней полностью солидарен был. — Нет, ну честно! Верил, что я на это фуфло куплюсь? Придунок, меня в императорские гвардейцы готовят. Я у Харрата воспитывался. Знаешь, что это значит? — ифовет подтянул к себе валяющийся на земле меч, обстоятельно отёр его о жилетку Шера, поднял — между лезвием и выкаченными в ужасе глазами волос, наверное,

ещё бы пролез, а больше там ничего не поместилось. — Это значит, что ко мне близко подходить не стоит. В следующий раз задумаете грохнуть, берите луки.

— Мы с тобой с детства... — прохрипел Шер с натугой, будто у него горло до самого неба песком забито было.

Шай кивнул. Нагнулся над лежащим низко, собираясь, наверное, что-то важное сказать. Только смотрел он почему-то в сторону, голову отвернул.

— Ещё один маленький секрет, — шепнул блондин почти нежно. — Первое, чему учат там, где я был: не верить никому. Никому, ты понял? — лезвие клинка легло на переносицу, продавив багровую вмятину, перечертило небесно-голубые глаза, которые, казалось, вот-вот лопнуть должны. — Не слышу ответа.

Шер, конечно, не кивнул. Да что там! Он даже и моргнуть бы не сумел. Но, видимо, Шай что-то уловил. Потому как встал, убрал и второй меч в ножны. Свистнул громко, резко, коня подзывая.

— Остальным то же передай, — бросил.

На замершего, боявшегося шевельнуться демона он не смотрел.

***

Чему стоило поучиться у ифоветских женщин, так это умению с помощью минимальных средств превращать убогую комнату во вполне уютное жилище. Драпировки по каменным стенам развесили, занавески на окна нацепили, постель накрыли красивым покрывалом, цветочки немудрёные расставили — и вот уже не келья, а эдакий уютный уголок с явным намёком.

Впрочем, самым очевидным намёком тут Ирда служила. У ифоветок ещё одному таланту научиться стоило: одеваться так, чтобы казаться полностью раздетой. Хотя, вполне возможно, что и абсолютно голой рыжая выглядела бы гораздо менее... неприличной.

— Ты ещё там, там надушись, чтоб пахло приятно, — велела нянька, настойчиво пытаясь сунуть в руки девушки гранёный хрустальный флакон, — демонесса от неё только отмахнулась, наклонилась к зеркалу, подрумянила чересчур бледное лицо, поправила мизинцем помаду. — А уж намазалась-то! Думаешь, мужу твоему приятно будет всю эту краску слизывать?

— Для мужа я умоюсь, а Нош и без облизывания обойдётся — огрызнулась девушка. — Ты маковое молоко везде добавила?

— А как же? Как ты велела, ласточка моя, так и сделала. И в вино капнула, и в подливку, в салат тожить. Только в крем не сумела, взбитый он. А вина много не пей, туда я больше всего набулькала.

— Ну и хорошо, буду изображать сладкоежку, — улыбнулась Ирда, разглядывая собственное отражение.

И поморщилась. Радостной улыбка не выглядела. Скорее уж нервной.

— А, может, примеришься всё же? — неуверенно попросила служанка. — Ну что за дело задумала? Мужа-то наречённого во Тьму отправлять... Не хорошо это. Да и неведомо, получится ли. Он вон бугай какой. Могёт ведь так статься, что тока задрыхнет от твоего молока макового, а помереть не помрёт. Что делать будешь?

— Сдохнет, никуда не денется, — мрачно пообещала демонесса, кулачки сжимая. — Мы полный флакон извели. Столько и лошадь свалит.

— А как заподозрит он что? — не сдавалась нянька. — Тебе ведь пить-есть тоже придётся. Сама отравы наглотаешься! Много ли надо? Чай не лошадь.

— Я по чуть-чуть. Потом ты ведьму приведёшь, и всё хорошо будет.

— А если...

— Прекрати! — Ирда обернулась к причитающей старухе так резко, что Архе показалось: сейчас ударит. — Прекрати немедленно! Я никому Шая не отдам, ясно? И всё сделаю, лишь бы с ним ничего не случилось. Всё! Да и какая разница? Мне без него жизни нет.

— Ох, не к добру это, — горько вздохнула нянька, отвернулась, украдкой передником слезы утерев, — ох. Не к добру. Недаром же говорят: ничегошеньки путного от того шер-ка не бывает.

— Перестань, пожалуйста, — устало, мигом весь свой пыл растеряв, попросила рыжая. — Без того тошно. И страшно.

Старуха потянулась было, хотела, наверное, воспитанницу обнять, да не успела. Нош явно тяготел к театральным эффектам. А, может, везение у него такое — появляться в самый напряжённый момент.

Демон без скрипа дверь открыл — женщины его и не заметили бы, стой они спиной — но входить не спешил. Постоял, оценивая комнату рассматривая. Потом Ирду не менее оценивающим взглядом окинул, прицокнул языком одобрительно.

— Чего же боится моя драгоценная супруга? — спросил, слова растягивая.

— Своего мужа и повелителя, — помолчав, ответила всё-таки демонесса. — И того, что он теперь откажется от меня.

— Похвальная покорность, — одобрительно кивнул ифовет. — Только неожиданная. Что вас заставило изменить своё мнение, леди?

— Здравый смысл, — почти прошептала Ирда.

Постояла, губу кусая и глядя куда-то поверх плеча демона. Шагнула вперёд, да и опустилась на колени. Согнулась-сложилась, поцеловав мысок начищенного сапога, лбом к нему прижалась. Нош этому и не удивился. Наоборот, будто ждал подобного.

— Так ты признаешь меня своим господином? — спросил холодно.

Пнуть-то он не пнул, а только подпихнул рыжую ногой. Но получилось всё равно унизительно — в лицо.

— Признаю, — выдавила ифоветка.

— Видишь, как просто? — Нош заботливо помог демонессе с пола подняться, в висок её чмокнул, к столу церемонно подвёл. — Если ты и дальше станешь к гласу разума прислушиваться, то всё у нас хорошо будет. Ну, чем собралась меня угощать?

— Я велела поварам приготовить самые любимые кушанья моего господина. И хотела бы сама поухаживать, без слуг. Разрешишь?

— Ну кто же от такого откажется? — демон на стуле не развалился, сидел прямо и даже не ухмылялся. А всё равно чувствовалось — издевается. — Но ты, конечно, поделишь со мной трапезу? И, надеюсь, моя супруга не из тех женщин, что не едят, а клюют. Во-первых, мне нравятся леди с хорошим аппетитом. А во-вторых, дорогая, сегодня ночью нам обоим потребуется много сил.

— Я никогда не жаловалась на отсутствие аппетита, — отозвалась Ирда спокойно. — А мясо с луковой подливкой любишь не ты один.

И руки у неё не дрожали, под действительно толстоватым слоем румян бледность не проступила. Демонесса спокойно, не спеша наполнила тарелку ифовета, поставила перед ним. Потом положила себе — не многим меньше. И только после этого села.

— Странно, — хмыкнул демон, поигрывая ножом.

— Что странно?

Рыжая аккуратно отрезала кусочек, тщательно прожевала, прямо глядя на Ноша. Подцепила на вилку крохотную луковую головку, обмакнула в густую подливку, съела и её.

— Ничего, стоящего внимания, видимо, — буркнул ифове́т, за еду принимаясь. — Позвольте налить вам вина, леди? Кроме проснувшегося здравого смысла у нас есть ещё один повод отпраздновать.

— Какой же? — спросила Ирда, мило улыбаясь.

Подняла бокал, левой рукой цепочку кулончика-сердечка на палец накручивая.

— На мой взгляд, весомый, — заверил её Нош. — Твой белобрысый любовник нас больше не побеспокоит. Думаю, как раз в этот момент братишка ему сердце вырезает. Но если моя жёнушка будет себя хорошо вести, то есть его я не заставлю.

Демонесса, по-прежнему мягко улыбаясь, стряхнула цепочку с пальца, заново намотала. Крохотные рубинчики в оправе сердечка поблёскивали, ловя лучи заходящего солнца, прокравшиеся в комнату из-под неплотно задёрнутых штор. Деликатно треснула свеча, выплюнув искру в почти невидимое пламя.

Нош ждал.

— Ну что ж, — негромко сказала Ирда, чуть выше подняв фужер. — Повод и мне кажется вполне достойным для праздника. За это нужно пить до дна. Ведь мой господин и повелитель победил.

— Как и всегда, дорогая, — отозвался ифове́т, салютуя девушке бокалом, — как и всегда.

— Значит, мне повезло с мужем, — Ирда поставила на стол пустой фужер. — Положить вам рагу, повелитель? Мне кажется, что сегодня кролик повару особенно удался. Я попросила положить побольше укропа в сливки.

— С удовольствием попробую. Ещё вина?

— Конечно. Ведь мне сегодня понадобится много сил.

Старая нянька, спрятавшаяся за жёсткими складками кроватного балдахина, сползла спиной по стене, опустившись на пол. Она не всхлипывала. Край фартука, обеими руками к лицу прижатый, не дал. Ну а слёзы и так текут бесшумно.

***

Наблюдать за чужой болью стыдно. За болью близкого ещё и неудобно. А когда ты не можешь ни подойти, ни обнять, ни хотя бы промычать что-нибудь бессмысленно-утешительное приходит ещё и липкое, гадостное, но всё же облегчение. Ведь если от тебя ничего не зависит, можно ничего и не делать.

Арха старалась на блондина не смотреть. Спиной не поворачивалась, но косила в сторону. Туда, где в углу Нош лежал. Выглядел демон тоже малопривлекательно: из-под полуприкрытых век сереет полоска белка, синюшные губы вывернуты в оскале, на подбородке, в тонкой полоске усов малоаппетитные бурые комочки. Да и лежал ифове́т в луже собственной рвоты.

Но лучше уж на него, чем на Шая пялиться. И хоть знала прекрасно, что эта история если и не хорошо, то, по крайней мере, трагедией не кончится. Но уши всё равно поджимались, а слезы смаргивать приходилось и колкий ком, в горле застрявший, сглатывать.

Нет, демон не выл, не метался и не бился в истерике. Он вообще молчал и, кажется,

даже не шевелился. Вот как упал на колени, прижав к себе по-кукольному безвольную Ирду, так и стоял. Лица его ведунья опять не видела — спрятал ифовет его в растрёпанных рыжих волосах. И снова радовалась этому.

— Что я здесь делаю? — буркнула лекарка.

И ответа, конечно, не получила.

Закрывать бы глаза и не видеть ничего: ни выбитой, сорванной с петель двери, ни почти стянутой со стола скатерти, ни перевёрнутого стула, ни раздавленной розы на полу. Ни руки рыжей ифоветки с аккуратными, синеватыми ногтями. Вот эта рука, повисшая плетью, почему-то пугала больше всего. Своей неправильностью, ненормальностью пугала. Не должна девушка висеть безответным мешком, когда её любящий обнимает.

Да, закрыть бы глаза. Только они почему-то не закрывались.

Шай вдруг отмер, аккуратно, будто она из хрусталя сделана, положил рыжую на пол. Поднялся тяжело, будто к ногам его гири привесили.

— Тьма! — не попросил, потребовал, словно право на это имел. — Тьма, к тебе взываю!

Поначалу казалось и ему никто не ответит. Ничего не менялось — всё та же склепная неподвижность мёртвой комнаты. Но когда уже и сердце секунды отсчитывать устало, и лёгкие начали гореть, потому что Арха, оказывается, дыхание задержала, свет потускнел.

Это не было похоже на обычный переход. Там во мрак проваливаешься как в яму, разом. Сейчас же ведунье казалось, что она тонет, медленно-медленно опускается на глубину, солнца просто не знающую — ничего неприятного или болезненного. Но страшно. Не забиться, не попытаться «всплыть» стоило невероятных усилий.

Наконец, остатки света, звуки и запахи пропали, оставив только плотный ватный мрак.

— Тьма, к тебе взываю... — оборванно, придушено прохрипел Шай где-то рядом.

Рядом, но в то же время голос его со всех сторон звучал.

Как и прежде, черный зал возник неожиданно, вдарив по всем ощущениям разом. Ифовет покачнулся, зашарил руками по воздуху, ища опору, но тут же выпрямился, встав ровно. Как и прежде, огромный трон пустовал. Но сейчас Тьма не сидела на ступеньках, а лежала на них — на ворохе ярких, цветастых подушек. И плотные покрывала сменила тонкая кружевная вуаль, не дающая разглядеть лицо, но совсем не скрывающая тела.

Арха не считала себя знатоком красоты, только богиня была божественно прекрасна — иначе не скажешь. Наверняка даже Адаша могла с полным на то основанием ей завидовать: тонкая, как ивовый прут и такая же гибкая, узкобёдрая, узкоплечая, с едва заметными бугорками груди, с длинными ровными ногами.

Тьма потянулась, закинув руки за голову. Вуаль соскользнула, обнажая безупречно округлое колено — чёрное, но не по-шаверски матовое, а глянцевое, словно лакированное.

— Ты пришёл меня просить и начал с оскорблений, — лениво, даже сонно протянула богиня. — Разве так нужно приветствовать меня?

Шай опустил на колено поспешно, даже Арха расслышала, как сустав о мрамор ударил. Демон низко склонил голову, почти прижав подбородок к груди.

— Так-то лучше, — кивнула Тьма. — Ну и чего ты хочешь?

— Верни её мне, — глухо, похрипывая выдавил Шай.

— Я у тебя ничего не отбирала, — демон молчал, выдержала паузу и богиня. — Кстати, твоя возлюбленная ещё жива. Даже дышит. Через раз, правда.

Арха с досады зубами скрипнула. Правда же! Маковое молоко вещь коварная, на самом деле и убить может. Но поначалу переборщивший с ним действительно мёртвым выглядит:

губы и ногти синеют, дыхание редкое, едва слышное. Впрочем, что это сейчас-то изменить могло?

Кажется, то же понял и ифовет.

— Но она умрёт?

— Несомненно, — согласилась богиня. Перевернулась на бок, рукой на подушки оперлась. — Ну да ладно, сократим трагическую часть до минимума. Ты хочешь выкупить жизнь своей девицы за... За что?

— У меня ничего нет, — кожа на рукоятях мечей, слишком сильно стиснутых пальцами демона, неприятно скрипнула, взвизгнула почти, — кроме меня самого.

— И зачем мне ещё один демонёнок? Пусть даже и хорошенький. Но знаешь, сколько таких хорошеньких в Бездне?

Шай с ответом не спешил. Вообще в этом разговоре пауз было гораздо больше слов.

— Ты женщина, — кажется, сквозь стиснутые зубы процедил ифовет.

— А вот тут ты ошибаешься.

— Хорошо, ты предпочитаешь женский облик.

— И что с того? А-а, кажется, я догадалась, — голос Тьмы был довольно низким, даже с хрипотцой. А вот смех звонким, почти девичьим. — Мальчик мой, знаешь, сколько вас таких, желающих? Я уж молчу про нежелающих. На выбор: пришедшие, как и ты, продаться за услугу. Фанатики. Отчаявшиеся. Фантазёры. Любители острых ощущений. Мне есть из чего выбрать. Но открою тебе маленькую сладкую тайну. Собственно, вы мне и не нужны. Всё, что необходимо, я могу прочувствовать так же легко, как и...

Богиня театрально щёлкнула пальцами. А вот Шая согнуло совсем не театрально. Ифовет отпустил свои мечи, опираясь дрожащими полусогнутыми руками об пол. Трудно выдохнул, через силу, со змеиным шипением. Вена верёвкой вздулась на его виске. Капля пота улиткой проползла по вспухшей синеве, оставляя за собой мокрую дорожку.

— Ну да, примерно вот так, — будто ничего не случилось, продолжила Тьма. — Причём, заметь, до нюансов, до нот, смертным недоступным. Поэтому вынуждена спросить в очередной и, кстати, последний раз: зачем мне ты?

Демон с явным трудом выпрямился, да и то не до конца, скособочено, всё ещё опираясь на левую руку. Мотнул головой, как оглушённый. И голос его, может, только чуть чётче стал. Зато тон остался твёрдым, убеждающим.

— Никто из них не видит в тебе женщины.

Тьма плавно поднялась со своих подушек — было в ней что-то и от кошки, и от змеи одновременно. Спустилась по широким ступеням, подошла. Вуаль колыхалась вокруг тонких щиколоток, будто собственной волей обладая. Огонь факелов, просвечивающий через тонкую ткань, светился угрожающе-багряным.

Богиня протянула руку, ласково отёрла висок демона, провела пальцем по его губам.

— А ты видишь? — спросила негромко.

— Вижу, — спокойно ответил Шай, глядя на Госпожу снизу вверх. И даже попыток не делая с колен подняться. — Я твой.

***

Возвращение в реальность было малоприятным. Не болезненным, а с толку сбивающим. Арха вполне осознала, что она снова очутилась в комнате, в которой раненый Шай лежал. И ощущение «тогда» мигом сменилось на «сейчас». Но чувство, будто спишь и знаешь, что спишь, не проходило, оказалось слишком сильным.

И впрямь, безумие об руку с Тьмой ходило.

— Убедилась? — спросила та самая подружка сумасшествия. — Даже этот, вроде бы многое обещавший, обманул.

— Разве он не... — начала ведунья и тут же осеклась.

— Он не, — со старушачьей желчностью ответила богиня. — Хитрая тварь, подлая. А по сути шлюха, даром, что в штанах. Хотя, о чём я? Можно подумать, это только женская привилегия.

— Вы сами их такими создали, — почти шёпотом сказала ведунья и то только потому, что Тьма от неё явно ответа ждала.

— Кого?

— Всех.

— Ценное замечание, — фыркнули из-под покрывала. — Но вопрос я тебе всё-таки задам. Как считаешь, договор выполнен справедливо? Он со мной, своей Госпожой, на секундочку, поступил честно? Я дала, что просили. Но никакой любви взамен не получила! Подчинение — это да. Но ничего сверх того!

— Мне кажется, о любви там и речь не шла, — проямлила лекарка, хребтом чуя, что настают её последние минуты.

— Это подразумевалось! — рявкнула Тьма. — Не строй из себя дуру.

— Не буду, — покорно согласилась Арха. — Наверное, вы правы и это подразумевалось. Как и то, что Ирда умрёт. Когда-нибудь. Может, и потом. Как и то, что вернуть не принадлежащее даже вы не можете.

— Ты с чего такой смелой стала? — прошипела богиня.

— Да с того, что это вы постоянно толкуете о свободе выбора и судьбе, своими руками построенной, — вызверилась Арха, ощущая себя казнимым, уже на плаху взошедшим: всё равно впереди только топор и хуже уже ничего случиться не может. — Вы тоже выбираете сами! Хотите себя живой почувствовать, любимой быть? Ну так не сидите и не ждите, что вам всё на блюдечке поднесут! Это вы, а не мы правила игры задаёте. И вы, а не мы ввели принцип «ты мне — я тебе». Влюбиться можно и в красивые глазки. Но любить просто так, ни за что не умеет никто. Чтобы получить, нужно отдавать.

— Закончила? — отчеканила Тьма. — А ты, вообще, соображаешь, с кем говоришь?

— Кажется, не очень, — честно призналась лекарка, лоб потирая. — Но, по-моему, я поняла, о чём говорю.

— Загадочно, — кивнула богиня. — Хорошо же. Раз вам милее трогательная жертвенность, то не моё дело переубеждать. Ты абсолютно справедливо напомнила про свободу. Выбирайте! Кто-то уже выбрал.

Сухой, ехидный и, чего уж там, злобный смешок резанул уши, будто ногтём по стеклу провели. Но «влететь» в чужой разговор, без всякого перехода и предупреждения снова оказаться «там» было ещё неприятнее.

— ... есть шанс доказать, что Шер был не прав, — закончил Шай.

Ифовет к сидящей в кресле Ирде спиной стоял. Демон, сложив на пояснице руки, смотрел в окно. Наглухо зашторенное.

— Почему ты ему вообще веришь? — спросила рыжая.

Выглядела она неплохо — совсем не больной и уж тем более не умирающей. Бледновата немного, но, может, просто отсутствие макияжа сказывалось.

— Потому если всё, что он наговорил, правда, то лучшего способа мне отомстить

придумать сложно, — ответил демон, не оборачиваясь.

— Это тоже он сказал?

— Да.

— Хорошо, — согласилась рыжая, тщательно разглаживая ладонью платье на коленях, — как мне доказать, что я не хитрая расчётливая мразь, решившая тебя захомутать, заодно, и деньги Ноша прикарманить, а всё случившееся не продуманный спектакль?

— Просто ответь на вопросы. Только честно.

Холодностью тона Шай сейчас мог запросто поспорить с Даном — Арху аж озноб пробрал.

— Спрашивай — кивнула ифоветка.

— Это правда, что вы соединились с Ношем перед Тьмой?

— Я никогда и не говорила, будто ты первый мой мужчина, — ответила демонесса спокойно.

Только ведунья-то видела, что Ирда губу изнутри закусила и сглатывала тяжело, будто у неё горло болело.

— Значит, по нашим законам ты, как его наречённая, получаешь треть состояния Ноша?

— Зачем спрашиваешь, если прекрасно знаешь ответ? Только деньги получу не я. Их выплатит наследник моему будущему мужу.

Шай дёрнул плечом, будто севшую на шею муху сгоняя.

— Какая разница, если твоё приданое теперь раз в пять больше?

— Действительно, никакого, — согласилась Ирда, платье разглаживая.

— Правда, что у тебя было противоядие?

Ведунья готова была уже придушить красавца за палаческий тон: следователь-инквизитор её сама вот так же допрашивал. Лекарке даже примерещилось, будто сырыми камнями запахло и плесенью потянуло.

— Нет, противоядия не было, — ровно ответила демонесса. — Мы договорились, что служанка ведьму приведёт. Но она всё равно не успевала...

Ифовет поднял руку, заставляя девушку замолчать.

— Ты действительно носила ребёнка?

Вот теперь рыжая замялась, нервно губы облизала. Язык у неё тоже раздвоенным оказался. Арха почему-то этого не ожидала. Почему бы? Ведь рыжая тоже ифоветом родилась.

— Да, — ответила, в конце концов, едва слышно.

— И кто отец?

— Не знаю, клянусь Тьмой, не знаю! Всё это...

— И знала, что после этого... — мотнул головой в сторону стола, теперь пустого и даже без скатерти, — от проблемы избавишься?

— Я не думала об этом, честно! Мне даже в голову не пришло!..

— Знала или нет?

Шай повернулся к ней, сложил руки на груди. Его лицо не выражало ничего. Совсем.

— Знала, — ответила Ирда, голову опустив. — У временной жены твоего отца такое случилось. Ведьма сказала, что это из-за макового молока, слишком много принимала и...

— Удобно, — не стал дослушивать Шай. — Знаешь, как это всё выглядит? Попыткой убедить, что ты пыталась спасти меня ценой собственной жизни. Понятно, что такой поступок впечатляет до печёнок. И, главное, никаких препятствий к осуществлению: муж

мёртв, ребёнок, который вполне может оказаться не моим, тоже. Доказать, что это твоих рук дело сложно. Ведь сама же и пострадала, едва во Тьму не отправилась. А у Ноша врагов хватало. Даже приданое из весьма скромного доросло до немалого. Да ещё и шер-ка. В общем, остаётся одна дорога. Совместная.

— Я просто хотела...

— Что? Что ты хотела?! Спасти меня от банды идиотов, не знающих, с какого конца за меч браться? — ифовеет прищурился нехорошо, ухмыльнулся криво. — Тоже неплохое объяснение. Но не слишком правдоподобное. Уж не ты ли Ношу присоветовала эту засаду устроить?

Ирда не отвечала долго, очень долго. И подол больше не разглаживала, губу не закусывала. Сидела, рассматривая спокойно сложенные на коленях руки.

— Не думаю, что вас здесь ещё что-то задерживает, лорд Шаррах, — сказала всё-таки.

— Вы правы, леди, — ответил Шай, поклон отвесив. — Здесь меня абсолютно ничто не держит. А долги зовут. К сожалению, за собственную наивность и дурость приходится расплачиваться.

— Вынуждена согласиться с вами, — ифовеетка поднялась с кресла, присев во вполне придворном реверансе. — Всего хорошего и доброго пути.

— Прощайте, — гавкнул блондин.

Нет, рыжая не заплакала и после того, как дверь за демоном с грохотом захлопнулась. Глаза у неё совершенно сухими остались. Не блестели даже.

Глава пятнадцатая

Свадебные традиции давно устарели. Кому нужен букет невесты? Лучше кидать в толпу холостого мужчину.

(Из наблюдений профессиональной принцессы)

К полудню от прелестей ифоветок Арху начало мутить. Ценность щедро демонстрируемых достоинств демониц была разной, но все они, безусловно, впечатляли. По крайней мере, по мнению присутствующих мужчин, не зря же они так послушно таращились на предлагаемое изобилие! Но если говорить совсем уж честно, тут было на что посмотреть.

Конечно, лекарка к ценителям собственного пола никогда не принадлежала, только вот и её ифоветские невесты равнодушной не оставили — уже первые из них вызвали острый приступ ядовитой зависти. Но оказалось, что и от отравы можно не помереть, а наесться ею до тошноты.

Девицы, по очереди подплывающие к подушкам, на которых восседали глава клана Шаррах, обмотанный бинтами наследник и почётные гости, были обряжены настолько же скудно, насколько и дорого — то есть, наготу в основном пытались прикрыть не тканью, а золотом и драгоценностями. Каждая из претенденток исполняла несколько па, демонстрирующих достоинства красавицы в самом выгодном ракурсе; зачитывала нечто рифмованное, но пониманию Архи недоступное, так как вирши произносились на местном наречии; и отбывала в сторону, к не менее чинно восседающим женихам. Кажется, там ритуал повторялся — ведунье дальний край поляны загоразивали стоящие статуями золотомасочные сагрешы, то ли охраняющие господ от вассалов, то ли вассалов от господ, то ли просто украшающие собой пейзаж. Но лекарку данное обстоятельство несколько не расстраивало, желание рассматривать каждую невесту по второму разу отсутствовало напрочь.

Архе изначально ужасно не хотелось на это торжество идти. На обряды, хотя бы косвенно относящиеся к жениховству и браку, у неё выработалась стойкая аллергия ещё со времён посещения бывших владений Тхия. Но Ирда доходчиво объяснила: проигнорировать приглашение значило смертельно оскорбить не только хозяина, от чего бы ведунье даже стыдно не стало, но и весь род Шаррахов.

Несомненно, старик-ифовет спал и видел, как его незваные гости убираются восвояси. И в этом желании Арха с ним была полностью солидарна. Но, несмотря на усилия лекарки, шаверской ведьмы и суточные бдения Ллил, раненые поправлялись медленно, будто сами выздоравливать не желали. Хаш-эды — и Дан, и Адаш — тоже никуда не торопились, ждали неведомо чего. И старику ифовету приходилось ужом изворачиваться, угождая высоким лордам.

Как известно, в деле пяткоподлизывания и попуцелования перегибов не существует: чем больше, тем лучше — такое пересластить или пересолить невозможно, поэтому папенька Шая средств и сил на ублажение демонов не жалел. А, может, и жалел, но ублажить всё равно пытался. Вот потому семейное торжество, никого, кроме рода не касающееся, превратилось в праздник, на который Шаррах даже степняков позвал. Точнее, приглашена была одна Агной-ара и та чести удостоилась только потому, что Архе родственницей

приходилась. Но арычар стесняться не стала, прихватила парочку хозяев соседних стойбищ. Видимо для придания значительности степному «посольству».

И вот теперь вся эта более-менее блистательная толпа вынуждено любовалась потенциальными ифсоветскими невестами.

— Я смотрю, тебе это всё не слишком нравится? — даже не пытаясь голоса понизить, спросила Ирда, скривившись, будто происходящее не нравилось именно ей, неловко, левой рукой поправила правую, лежащую на перевязи.

— А что здесь может нравиться? — буркнула ведунья. — По-моему, всё это здорово напоминает бордель: девочки себя показывают, клиенты оценивают.

— Не передёргивай, пожалуйста, — едва слышно попросил Дан, между прочим, в сторону Архи даже не взглянув. Хаш-эд очень занят был — очередную ифсоветку рассматривал.

— Ну, извини, — лекарка раздражённо дёрнула манжет, едва его не оторвав, — я же не виновата, что это именно так выглядит.

— Можешь не извиняться, — бесстрастно отозвалась Ирда, — в чём-то ты возможно и права. Только девушки не клиентов ищут, а мужей. Естественно, мужчина сначала должен оценить, что берёт, ему же жить. Или предлагаешь, как у шаверов, несчастному замотанный свёрток совать? Мол, пусть сюрприз будет, порадует, когда разматает?

— Ничего я не предлагаю! — огрызнулась Арха. — И это как раз неестественно! Жить-то и впрямь до самой Тьмы. Это с женой-то, которую выбрал, потому что у неё большая... красота. А если она стервой окажется или совсем дурой?

— Ну, после Представления Невест вечную жену берут редко, — равнодушно ответила ифсоветка, — тут чаще временный брак заключают. Только кому какое дело до невестиного характера? Не мне, конечно, судить, но, кажется, в женитьбе не это главное.

— А что тогда? — оторопела лекарка.

— Ты в постели со своим хаш-эдом отношения выясняешь или, может, умное что обсуждаешь? — спокойно поинтересовалась Ирда, нисколько не смущаясь присутствия того самого хаш-эда, на слух никогда не жаловавшегося.

— Да при чём тут постель?! — чувствуя, что кончики поджавшихся ушей припекать начинает, выпалила Арха. — Не она же главное!

Ирраш, стоящий за креслом Дана, скептически хмыкнул. Шай ухмыльнулся, зачем-то показав лекарке оттопыренный большой палец. Ирда глянула с откровенной жалостью и отвернулась. У лорда Харрата и бровь не дёрнулась.

— Интересная мысль, — протянул Адаш, одобрительно изучающий бюст очередной претендентки, предусмотрительно сунутый венценосному хаш-эду прямо под нос, — а что же тогда главное? Не просветите, кухня? Я вот — по недомыслию, видимо — считал, будто женятся для того, чтобы наследника заиметь. Ну, положение укрепить, финансовые дела поправить, будущее обеспечить — это понятно. Но уж совсем к личным характеристикам никакого отношения не имеет.

— Я не...

Арха глянула на каменно-спокойного Дана, на невесту с чего помрачневшего Тхия, на скучливо зевающего в кулак Шая. Даже через плечо оглянулась — Ирраш ответил ей сонным, даже равнодушным взглядом.

— Ты нет что? — учтиво уточнил принц. — Радость моя лопоухо-наивная, когда же ты повзрослешь-то и перестанешь в сказки верить? В этом брэнном мире муж нужен только

для того, чтобы было кому твою очаровательную задницу прикрыть. И, желательнее, не дерюгой, а шелками с атласами, цацек на шею навешать, кормить от пуза. Ну а жена исключительно на производства детей требуется. Всяческие же романтические бредни могут позволить себе исключительно беспорочные, типа Тхия. Даже...

— Достаточно, — тихо бросил Дан.

— Ну, достаточно, так достаточно, — не стал спорить довольно ухмыляющийся Адаш. — Рискну только заметить, что невесту ты выбрал вполне грамотно, с размерами... красоты у неё всё в порядке. С головой беда, но, как мы выяснили, это совсем не главное. Когда-нибудь и до нашей очаровательной шаверочки истина, наконец, дойдёт.

— Я сказал: хватит, — напомнил лорд Харрат.

— Молчу-молчу, — подняв руки, будто защищаясь, заверил кронпринц.

— А что так? — прошипела Арха, сжимая кулаки до впившихся в ладони ногтей. Кажется, она ещё и сощурилась — видно было плоховато, физиономия Адаша расплывалась. Хотя, может, это от клокотавшего бешенства зрение резко ухудшилось. — Думаю, что Его Высочеству ещё есть, что сказать. Итак, это только беспорочный Тхия может позволить себе жену по любви выбирать. Ведь даже Ирраш, которому на всех глубоко начхать, до сих пор не женился — не разрешают. И Шай... Ну да Тьма с ними! Речь же обо мне, верно?

— Дан, она сейчас кусаться начнёт или мне кажется? — поинтересовался наследник престола.

— Арха, на самом деле...

Лорд Харрат хотел взять руку ведуньи, но ладонь она выдернула.

— Нет уж, дай Его Высочеству шанс раз и на всегда растолковать, что я зря губы раскатала! Только пусть сначала объяснит, какую такую выгоду он преследовал, когда неких крылатых на четыре стороны отпускал. С наглядными примерами-то пойму лучше! Ведь я уверена, что жалость, симпатия и другие романтические бредни там совсем ни при чём были.

— Арха! — предостерегающе рыкнул Дан.

Одёргивал её хаш-эд абсолютно зря — лекарка и сама уже успокоилась: вытянувшееся закаменевшее лицо кронпринца подействовало лучше всяких окриков и снадобий.

***

Архе начало казаться, что ифоветские невесты никогда не закончатся, и она обречена до свершения Тьмы потеть на подушках, пляясь на худеньких, вполне пропорциональных и пухленьких красавиц. Бледные, смуглые и розовощёкие лица смазались в одно сероватое пятно, густо припорошенное блеском камней. От торжественного речитатива клонило в сон, а плавные движения церемониальных танцев завораживали не хуже дудочки факира.

Даже, кажется, мужчины подустали, на претенденток смотрели без аппетита, больше внимания уделяя поданным фруктам со льдом, чем красавицам. А надувшийся на весь мир кронпринц вроде бы и вовсе заснуть изволил, да и у самой Архи глаза слипались. Потому она едва и не сверзилась с подушек, когда музыка зазвучала. Уж больно неожиданно это произошло: вот только что лишь кузнечики разморено стрекотали, да голоса негромким пчелиным гулом гудели и вдруг нате вам, застонало. Да ещё как противно: с привизгиванием, со срывом на такие запилы, что в зубах ломило — точь-в-точь маюющаяся душа во Тьме.

— Ну всё, конец почти, — обрадовался Шай. — Сейчас самых знатных подадут, и можно отчаливать.

— А без музыки их подать никак нельзя? — поинтересовался мигом проснувшийся Адаш.

— Не нравится — заткни уши, — обиделся за родные традиции ифовет. — И слушать тебя никто не просит. Смотри лучше.

А ведунья и без подсказок уже во все глаза таращилась. Подплывающая к ним девушка действительно была хороша и, что самое противное, она прекрасно это осознавала. Потому и смотрела эдак свысока. В смысле, смотрела она только на мужчин, женщин же не замечала с таким мастерством, что Арха мгновенно почувствовала себя проигнорированной, а оттого униженной.

Ну а ещё красотка нацепила на себя очень необычный наряд: полупрозрачный, вроде плащей сагрешей, но золотистый, переливающийся, словно струящийся по телу. И не скрывающий ничего. Наоборот, ифоветка умудрялась выглядеть ещё более голой, чем если бы вышла вообще не прикрытой даже лоскутом.

Демонесса подошла-подплыла к гостям, поклонилась, глядя при этом только на Шая, улыбнулась и...

И то, что Арха поначалу за особо причудливое украшение приняла, приподняло треугольную голову, приоткрыло блеснувшую клыками пасть, высунуло подрагивающий раздвоенный язык, будто дразня.

— Змея, — констатировал Шай, почему-то сбледнув с лица, и нервно облизнулся.

Вероятно, бело-жёлтая, переливающаяся тусклой радугой тварь сочла это за оскорбление и зашипела. Арха, наплевав на приличия, задом сползла с подушек, спрятавшись за расправившего плечи Дана.

— Его зовут Малыш, — томно сообщила красавица, пальцем поглаживая чудовище по тупоносой морде. — Вам не кажется, что он прекрасен?

Ифоветка насмешливо прищурила глаза и приподняла бровь. Одну.

— Не кажется, — пролепетал молодой Шаррах, трудно сглотнув. — В смысле, я уверен, что она... оно... Да, прекрасное... эм... животное. Да.

— Вы не представляете, какие трюки он порой выделывает. Хотите, покажу?

Демонесса по-прежнему просто гладила змею, которой всё происходящее, кажется, категорически не нравилось, но Архе в жесте девицы примерещилось что-то неприличное. Причём настолько, неприличное, что захотелось не просто отвернуться, а ещё и голову под подушку сунуть.

— Я вам верю на слово, — убеждённо отозвался Шай, — наверное, не стоит задерживать остальных.

— Подождут, — категорично заверила красавица.

И вроде бы никакого знака она не подавала, но мелодия заиграла громче, окончательно перестав походить на музыку. А демонесса томно изогнулась, выпростав из-под покрывал голую ногу. Змея потекла по её торсу, удивительно продуманно натягивая ткань в стратегических местах. Обвила бедро, вполне сравнимое с ней объёмами. Блеснув крохотными глазками, просунула голову между ног хозяйки.

Арха не выдержала и отвернулась-таки. Лучше бы она этого не делала. Правильную реакцию на происходящее выдал только Шай. То есть ифовет был уже не бледен, а зелен, на лбу его выступили крапинки пота, а глаза быстро-быстро помаргивали третьим веком. Остальных же демонов красотка с чудовищем, кажется, умудрилась околдовать. Ирраш аж вперёд подался, глаза же у шавера горели, как у кота в темноте. Да что там Ирраш! Адин

нервно галстук поправлял, словно собираясь удушиться! Ведунье оставалось только радоваться, что лица Дана она не видит. Ну а напрягшаяся до вздувшихся буграми лопаток спина ни о чём не говорит.

— Хотите погладить Малыша, господин? — с хрипловатым придыханием осведомилась ифоветка. — У него удивительная кожа: гладкая, сухая, прохладная, приятная на ощупь...

— Нет! — пискнул Шай. — Я вам верю!

— А Малыш очень, ну просто очень жаждет познакомиться с вами поближе, — совсем уж на мурлыканье перешла красотка. — Неужели вы откажете ему в такой малости?

Кажется, демонесса, и без того нависающая над сидящим Шаррахом, шагнула вперёд. И Шай с придушенным воплем вскочил, прынул в сторону, щитом выставив перед собой того, кто ближе всего стоял. То есть Ирду.

Сагреша хмуро глянула на ифовета, посмурнела ещё сильнее, набычилась, сложив руки на груди. Хотя, наверное, сделать это ей не просто было.

— Шагай отсюда, — хмуро посоветовала красотке, — и гадину свою не забудь.

— Да кто ты такая?.. — мгновенно растеряв всё своё мурлыканье, рявкнула демонесса, не без труда перекрикивая дикие взвизги музыки.

Странно, но вот Ирду было прекрасно слышно, хотя она даже голос не повышала.

— Тебе объяснить, кто я такая? — глядя исподлобья, поинтересовалась сагреша.

Вроде бы красавица что-то ей ответила, но что именно, Арха не разобрала — Адаш тоже на ноги поднялся, нежно приобняв претендентку за талию и не обращая никакого внимания на разевающую рядом с его плечом пасть змею, отвёл в сторону, что-то нащёптывая. С ифоветкой он общался или с гадinou, ведунья тоже не поняла.

— Прошу меня простить, — промямлил Шай, утирая лоб, — просто я змей с детства боюсь. До дрожи.

— Мы заметили, — фыркнул Ирраш.

— Ну не все же тут конченные извращенцы, — съязвила Арха.

Шавер в ответ скроил бесстрастную физиономию.

— Данаш, а тебе она понравилась? — поколебавшись, всё же спросила ведунья и тут же добавила, очень стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. — Хотя можешь не отвечать. Это не моё дело.

С равнодушием, кажется, ничего не получилось — вопрос прозвучал сварливо.

— Нет, — абсолютно бесстрастно отозвался лорд Харрат. — В смысле: нет, не понравилась. Я тоже змей не люблю.

Врёт он или нет, ведунья спрашивать не стала. Интересоваться, импонируют ли ему наглые ифоветские девицы тоже — удержалась, хоть и не без труда. Но ведь не даром же мудрые утверждали, что порой многие знания действительно оборачиваются немалыми печальями.

***

Пытка смотринами почти закончилась. Арха уже рискнула утешить себя, что до ванны, полной потрясающе прохладной воды рукой подать, как всё полетело ко Тьме под подол.

К гостям подошла последняя невеста: удивительно полная для ифоветки, с круглым, как луна лицом, бледная и закутанная не хуже примерной шаверки — разве что феридже у неё не было. Девушка, даже не стараясь выглядеть соблазнительно, поклонилась, громко охнула, схватилась за живот. И плавно, будто падающий лист, опустилась сначала на колени, а потом и просто легла. Ведунья бы приняла это за часть представления, не закуси демонесса

губу так, что под клыком красная капля показалаась.

Арха ящерицей вывернулась из-под руки Дана, ощупала влажный лоб несчастной, заглянула в расширившиеся зрачки. Лицо ифоветки двоилось перед глазами, ведунье мерещилось, что прилипшая к виску прядь рыжая, а не каштановая, как на самом деле было. А ещё виделась сползшая со стола скатерть.

Девушка что-то залопотала, отталкивая руки лекарки.

— Сейчас, сейчас, — пробормотала ведунья, раздражённо сбросив с плеча чью-то ладонь, — сейчас всё хорошо будет.

Арха, путаясь в плотных покрывалах, пыталась добраться до подозрительно вздувшегося живота невесты. Девушка, по всей видимости, обезумевшая от боли, активно сопротивлялась, норовя брыкнуть и явно требуя, чтобы её в покое оставили. Правда, требования эти ведунья благополучно игнорировала — местного языка-то она не знала, поэтому имела полное право не понимать. Хотя, справиться с ифоветкой это не помогало. Спасибо шаверской ведьме, которая, оказывается, тоже присутствовала на «смотринах»: старуха вовремя подоспела, придавила демонессу к земле, перехватила руки, накурлыкивая что-то успокаивающее.

А над головой Архи в это время разверзалась настоящая бездна. Претендентки визжали на удивление слаженным хором, демоны гомонили не хуже торговцев на базаре. Какой-то ифовет схватил ведунью за шиворот, оттаскивая от бьющейся на земле девушки. Но его перехватил Харрат, отволоч в сторону. Демона это не угомонило, он всё равно рвался, выкрикивая что-то малоосмысленное.

— Кому надо травить твою дочь? — пытался успокоить его Шай, загораживая собой Арху. Говорил он, почему-то, на имперском — от растерянности, наверное. Впрочем, беснующийся ифовет вряд ли бы понял, изъясняйся он хоть на тахарском. — Придержи язык, за такие обвинения его и выдернуть могут.

— Вы все мне завидуете! — заорал ненормальный, безуспешно пытаясь освободиться из борцовского захвата хаш-эда. — Её отравили, и я знаю кто! Это...

Кажется, Дан переборщил, потому что ифовет захрипел, дико выпучив глаза, заскрёб пятками, взрывая землю. Впрочем, Арха это всё только краем глаза видела. Гораздо больше её интересовала демонесса.

— Ар, да скажи ты ему, что девчонку никто не травил, — тихо попросил Адин, — а то они сейчас тут войну друг другу объявят.

— Кого не травили? — не поняла ведунья. — Её? Не знаю на счёт отравы, но сейчас госпожа банально рожает.

Лекарка так и не поняла, каким образом в царящем гаме её слова сумел расслышать кто-то, кроме ивтора. Но ведь расслышали же! И тут Бездна наконец разверзлась. Да так, что уши заложило. Даже невесты прекратили визжать и начали орать. Сагреша, развернувшись цепь, с трудом удерживали взбесившихся претенденток, рвавшихся, вроде бы, раздрать несчастную товарку на куски. Объявился невесть где прячущийся до этого момента старший Шаррах и едва не с кулаками набросился на ифовега, удерживаемого Даном. Тот, полупридушенный, но не сдающийся, в долгу не остался. Пришлось Тхия скрутить локти старика за его же спиной и отволочь лорда от брыкавшегося мулом демона. Правда, пыла это не охладило.

— Если тебе интересно, то они сейчас выясняют, кто виноват в том, что невеста оказалась нечистой, — суфлировал Адин. — Отец девушки пытается спихнуть вину на

сагрешей, а отец Шая на него. В смысле, на...

— Мне это совершенно не интересно, — пропыхла Арха, уворачиваясь от пятки роженицы, едва не звезданувшей по уху — её осмотреть надо, но не здесь же!

— Сейчас что-нибудь... — пообещал Адин.

И пропал. Ведунья даже оглянулась — за её спиной и втора действительно не оказалось. Зато там обнаружился зверского вида степняк — смутно знакомый, но не опознаваемый.

— Отойди от неё, женщина! — рявкнул шавер и, кажется, вознамерился Арху в охапку сгрести.

Ничего у него, конечно, не вышло. И вовсе не проворство ведуньи тому причиной стало. Дан, который только что в добрых десяти шагах с ифовеком боролся, как из-под земли вырос между Архой и степняком. И рыкнул так, что шавер на шаг отступил, правда, не дальше. А вот лекарка невольно голову в плечи вжала.

— Пшёл отсюда! — процедил хаш-эд уже почти связно.

— Ты потерял рассудок! — спокойно, только с утробным примурлыкиванием ответил степняк.

— Второй раз я не повторяю, — совсем уж на шёпот перешёл хаш-эд.

— Ты хочешь, чтобы в неё вселился дух?! Прочь с дороги! — не сдавался шавер.

— В степях считают, что роженица открывает дверь во Тьму, — совершенно равнодушно, будто вокруг не творилось ничего необычного, сообщила ведьма, размеренно, как лошадь, оглаживая девицу по голове. — Поэтому рядом с ней никому нельзя быть, разве что мне, да знающим старухам. Иначе ушедшая душа может вернуться и занять тело не родившегося, а живущего.

— Чушь какая, — фыркнула Арха, — Дан, послушай...

Хаш-эд не только слушать, но и слышать её не собирался. Собственно, удивляло уже то, что он до сих пор шаверу шею не свернул. Камзол его угрожающе потрескивал швами, волосы на затылке приподнялись, сам он сгорбился, когтями скрючив пальцы — вот-вот бросится. Но степняк то ли страдал недостатком воображения, то ли чувства самосохранения, то ли просто никогда взбешённого хаш-эда не видел, а, скорее, всё вместе, но уступать он не торопился.

— Отойди от моей женщины! — потребовал демон.

— Твоей... кого? — процедил Дан.

— Моей женщины! — гордо заявил шавер. — Мы сговорились с Агной-ара, а слова степняка ветер не носит!

Тут-то Арха своего несостоявшегося мужа и вспомнила. Правда, никакого значения это уже не имело.

— Ясно, — на удивление ровно ответил Харрат, выпрямляясь. Говори он в полный голос, лекарка бы даже поверила. — Одна проблема: мне плевать, о чём вы там договорились с Агной-ара. Она моя.

— Дан, ну серьёзно, это всё выеденного яйца не стоит, — снова попыталась встрять Арха.

С таким же успехом она могла пытаться и до Тьмы докричаться. Впрочем, в последнее время у неё это получалось гораздо лучше.

— Я заберу то, что принадлежит мне по праву степи, — почти ласково мурлыкнул шавер.

— Я не отдам то, что принадлежит мне, — тихо-тихо ответил Харрат.

Рядом кто-то охнул — вроде бы Шай. А вот тираду, поминающую всех предков присутствующих вплоть до третьего колена, точно выдал Ирраш.

Роженица протяжно застонала, подтягивая колени к груди.

***

— Арха, тебе на самом деле лучше уйти, — по десятому, наверное, кругу начал Адин. — В прошлый раз, помнится, ты в обморок грохнулась. О ребёнке хотя бы подумай!

Ведунья бездумно, как болванчик, мотнула головой. Ей дела не было до прошлых разов. Собственно, о ребёнке сейчас тоже не очень-то думалось. Она даже глаза от Дана, о чём-то в стороне разговаривающего с Адашем, отвести не могла. Не могла и всё! В сторону они не поворачивались, взгляд как будто прилип к обнажённому по пояс хаш-эду.

— Сходила бы, посмотрела, что там с девчонкой, — проворчал Ирраш. — А то ещё не разродится без тебя.

Арха, не слишком понимая, что и кому говорит, сообщила, свои соображения о девчонках, родах и всех присутствующих.

— Ар, на самом деле, — вступился Тхия, — о чём ты беспокоишься? Подумаешь, какой-то степняк! Было о чём волноваться!

— Оставьте меня в покое, — процедила ведунья, — я с места не двинусь.

— А! Да иди ты во Тьму! — выверился Ирраш. — Хочешь себя гробить — воля твоя! — сплюнул злобно и, никуда не торопясь, пошёл к кругу, очерченному в изрядно примятой ещё претендентками траве.

Круг этот обвели аж три раза: сначала мечом, потом горевшей головнёй, да ещё и солью присыпали. «Потому что не живые, а Тьма судить будет» — с тошнотворным пафосом пояснил Тхия.

Архе было плевать, кто и что тут судить станет. Её лихорадка была, да такая, что лекарка против своей воли плечами то и дело передёргивала.

— Это, понтно, не моё дело, — негромко сказала Ирда, — но ты ему только помешаешь. Знаешь, есть вещи, в которые лучше не соваться. Твоё неверие может...

— С места не сдвинусь, — повторила лекарка, стиснув зубы — не от раздражения, просто они тоже начали чечётку выбивать.

На середину круга вышел старший Шаррах. Сказал что-то коротко, рублено — не по-ифоветском даже, а на совсем уж непонятном языке. Дан и степняк синхронно ступили за черту и так же вместе отрицательно мотнули головами, будто отказываясь. Старый лорд кивнул. И началось.

Архе уже приходилось видеть истинный облик и хаш-эда, и шавера. Присутствовала она и при драке демонов, умом понимала, что происходит. Но чувство «ненастоящести» накрыло с головой. Глаза видели, но принять, что вот это громадное, рычащее, крылатое и есть Дан, не получалось. Оскаленные клыки, веером брызжущая слюна, когти, дерущие чужую шкуру, и дикий рёв казались не реальнее, чем приснившиеся. Лекарке мерещилось, будто она всё со стороны видит и себя тоже. Никакого сочувствия и страха, ничего вообще. Эти демоны, рвущие друг друга, были совсем незнакомыми.

Вот только когда крылатый повалил на землю громадную лысую кошку, Арха почему-то вскрикнула и сама себе рот зажала. А потом весь мир туманом, бесцветной дымкой затянуло. Кто-то двигался рядом, кричал, её хватали и она, вроде бы, бежала. На миг из марева вынырнуло белое, плоское лицо Шая — и пропало. Дымка, как фонтан, брызнула буро-алым, дикий визг резанул по ушам.

— Не надо, Дан. Пожалуйста, не надо. Это я, Данаш. Не надо, — Арха не сразу поняла что это она говорит, вернее шепчет — в полный голос не получалось, горло слиплось и во рту сухо. — Не надо, Дан. Это же я...

Красное чудовище над ней, загораживающее полнеба, взревело так, что земля дрогнула, вибрацией отдалась в колени, на которых лекарка и стояла. Демон запрокинул рогатую голову, расправил крылья, стало совсем темно. Рывкнул ещё раз.

— Это я, — тупо повторила ведунья, — не убивай его, не надо. — Рядом застонал, заклокотал разорванным горлом, бессильно скребнул по земле лапой огромный кот. — Не надо, пожалуйста.

Когти рогатого расплосовали воздух над головой, лекарке почудилось, будто она даже свист слышит.

— Не надо, — снова прошептала Арха, закрывая глаза. — Ты же не... не...

Слово выговариваться не желало. Потому что было ложью: он демон, самый настоящий демон. Пусть и лучший.

«И вот ради чего?» — мелькнула мысль, да пропала.

Где-то далеко-далеко от Архи кричали длинно, истошно, на одной ноте.

— Это же я, — кажется, она сумела только шевельнуть губами, а вслух произнести не получилось, — не надо...

Громадные, больше её ладони, когти коснулись головы, чуть царапая кожу, путаясь в волосах, проехали к подбородку. Горячая, словно её над огнём держали, но нормальная, до судорог в животе знакомая рука легла на плечо, скользнула по спине. И Арха ткнулась носом во влажную, остро пахнущую мускусом кожу. Грудь под её щекой ходила ходуном, где-то внутри kloкотало не желающее успокаиваться дыхание. Прижиматься было неудобно, всё равно как к ожившему валуну. И прекрасно, восхитительно, чудесно. Да слов ещё таких не придумали, чтобы объяснить, почему слезы горло кислым комом забили.

— Зачем? — глухо, хрипло, с трудом выталкивая слова, спросил Дан. Лекарка попыталась представить, как меняется гортань у демонов при изменении облика. И с трудом проглотила истеричный смешок. — Зачем ты полезла?

— У меня тот же вопрос, — буркнула Арха, вытирая нос о хаш-эдовскую грудь — всё равно мокрая, хуже ей не станет. — Зачем ты всё это устроил? Чуть не убил. За что, спрашивается?

— Прости, — демон попытался отодвинуться от ведуньи, но она не дала, сама вцепилась пиявкой, — я плохо соображаю, когда... Ты же знаешь.

— Да не обо мне речь, — проворчала ведунья. — Если каждого не то брякнувшего на куски рвать, так и шаверов не напасёшься.

— Ты моя! — рывкнул хаш-эд вполне членораздельно и очень-очень грозно. — Моя, поняла?

— Да твоя, твоя, никто и не сомневается. И незачем психовать.

— До тебя так и не дошло, — вдруг съехав на шёпот, констатировал Дан. Приподнял Арху за подбородок, заставив в глаза смотреть — алые, с вытянувшимся в волос зрачком, за которым чернела засасывающая тьма Бездны. — Ты моя. Ты принадлежишь мне и никому больше!

— Да это мы уже давно выяснили, — промямлила ведунья. Не то чтобы ей, наконец, страшно стало, но такой напор настораживал. — Успокойся, пожалуйста. Всё просто...

— Удивительно точно, — кивнул хаш-эд, — не в бровь, а прямо в глаз. Всё

действительно очень просто. Я просто тебя люблю.

— Ну и замеча... — Арха так клацнула зубами, что клыки заныли. — Что? — хрипнула пискляво.

— Я. Тебя. Люблю, — повторил Дан.

Прозвучало это до соплей обыденно, слишком обычно. И земля не разверзлась, гром не грянул, даже Тьма не явилась. Только за спиной ведуньи клокотал разорванным горлом раненый шавер.

Глава шестнадцатая

Не дай Тьма встретить женщину, которая тебя полностью понимает. Обычно это заканчивается женитьбой.

(Из наблюдений старого ловеласа)

Солнце уже собралось на покой, прихорашивалось на ночь, потому и весь мир преобразился, играл щедрыми красками, переливался золотом, но не слишком ярко, без вызова, а мягонько, успокаивающе. Ветер, будто стесняясь, не дул, а дышал, перебирал волосы. В кустах позвякивала пичуга, недовольно гудел шмель.

— ... целый день! — проворчала Ирда.

Тут-то Арха и сообразила: никакого шмеля нет, а есть недовольная ифоветка, которая, вроде бы, что-то спрашивает. И, кажется, не в первый уже раз.

— Очнулась, наконец? — буркнула сагреша. — Или будем продолжать блаженно улыбаться и таращиться, как дура?

Демонесса выпучила глаза, быстро-быстро поморгала третьим веком, а потом ещё и ресницами похлопала, видимо, наглядно демонстрируя, как ведунья «таращилась». Выглядело это жутковато.

— Не надо, — мягко укорила воительницу Ллил, — не каждый день такое признание услышишь.

Арха тихонько подпихнула её в бок, не только за поддержку благодаря, но ещё и за удивительную уместность. Светлые пушистые волосы, тихая улыбка, недоплетённый веночек выглядели поразительно гармонично, ложились завершающими мазками к окружающему великолепию.

— Мне вот, например, не довелось, — закончила мысль слепая и горько вздохнула.

Лекарке показалось, что во вздохе зависти было гораздо больше, чем сожаления. И великолепие, прихватив с собой блаженство, мигом куда-то подевалось — остался совершенно ничем не примечательный сад, ветер, кстати, довольно душный, и проснувшаяся к вечеру мошкара. А ещё подруги, поглядывающие не слишком дружелюбно, эдак недобро. И от того, что косилась только одна, а вторая свои чувства вздохами выражала, легче не становилось.

— Я, между прочим, этого тоже больше трёх лет ждала.

Ведунья щелчком стряхнула с подола соринку, тщательно разгладила юбку.

— Другие и дольше ждут, да как-то всё не случается, — фыркнула сагреша, независимо руки на груди сложив, мол: «Вообще-то, меня такие глупости не интересуют!» — А вот и Агной-ара. Наверное, попрощаться пришла. Примешь?

— Где? — Арха обернулась через плечо, посмотрела по сторонам и ничего, кроме кустов, не увидела. И только потом сказанное до неё окончательно дошло. — попрощаться? То есть мы уезжаем?

— Скорее всего, — пожала плечами демонесса, — К Шарраху ещё часа два назад хаш-эдка заявила. Кажется, её лорды и ждали.

— И где они сейчас? — Ведунья неловко, опираясь на руку Ингрин, поднялась, торопливо одежду поправила. — Мне надо...

— То есть, с Агной-ара встречаться не будешь? — уточнила сагреша, заботливо

поддерживая лекарку под локоток, да ещё и поясицу.

Арха с досады едва не сплюнула. Против встречи с родственницей она не возражала, только вот появление неведомой хаш-эдки наводило на нехорошие мысли. Подозревала ведунья, кого это с таким нетерпением лорды ждали. Но что делать-то? Ведь не помчишься же с воплями: «Какой Тьмы она здесь забыла?!» — не поймут. Это демонам вольно рычать: «Ты моя!». Дан бы, наверное, сильно удивился, заяви подобное ведунья.

— Буду, — проворчала лекарка. — Она сюда придёт или?..

Ирда махнула рукой, подзывая кого-то и тут же, будто в хорошо отрепетированном спектакле за кустами раздалось зычное: «Нарчар, кровь от крови моей!» Что не говори, а тяготели степняки к театральным эффектам. И появление своё Агной-ара спланировала тщательно. Наверное, верхом она смотрелась бы ещё внушительнее. Но ифоветы, при всём уважении к лорду Харрату, не рискнули коней в сады пустить.

Впрочем, и без лошадей получилось неплохо. Степнячка вышагивала впереди клина полуголых, щедро намазанных маслом мужиков: сразу за ней шли двое шаверов, потом трое, а замыкало шествие сразу четверо. Оружие, которым демоны были буквально увешаны, нарочито позвякивало, серебро и золото поблёскивало, а сама бабуля сияла жутенькой улыбкой в два ряда стреуголенных зубов.

— Кровь от крови моей! — снова завела Агной-ара. — Степь была милостива и на склоне моих лет направила твой путь к моему шатру.

— Йе! — хором поддержали её шаверы.

— И моё счастье стало только больше, потому...

Ингрин шагнула вперёд, бесцеремонно задвинув Арху за спину.

— Это кто? — спросила, положив ладонь на рукоять меча.

Голос сагреша совсем недвусмысленно звякнул металлом.

— Где? — переспросила степнячка.

Видимо, выходка ифоветки её настолько удивила, что уважаемая Агной-ара не сразу сообразила наглой демонессе голову оторвать.

— За твоим левым плечом, — спокойно ответила Ингрин.

Бабуля даже обернулась, будто позабыла, кто там за ней стоит. И, наконец, пришла в себя.

— А тебе что за дело, жаждущая плоти? — прошипела шаверка. Сгорбилась, схватившись за кинжал. — Не тебе на Свободных...

— Он напал на меня в степи, — перебила сагреша, излишним пиететом к старшим явно не страдавшая. — Вернее, он один из тех, кто напал, когда вы на помощь мне пришли.

— Придержи свой язык, женщина! — рыкнул обвинённый шавер. — Иначе можешь лишиться его!

— Ты говоришь, что мои мужчины охотятся как хорьки? — ещё громче рявкнула Агной-ага.

— Кто как охотится — это мы сейчас выясним, — не повышая голоса, ответила Ирда, невозмутимо подтягивая ремешок на когтистой перчатке. — Кажется, мне кто-то язык собрался выдирать. А что твои шаверы разбойничают в степи, всем давно известно. С твоего позволения или нет — не знаю, потому и тебя обвинять не стану.

— Осади своего пса, нарчар! — потребовала степнячка.

— Даже не думай! — ифоветка развернулась к Архе, ткнула в грудь золотым когтем — не больно, но чувствительно. Верхняя губа сагреша дёргалась в нервном тике, обнажая

кльки. Кончик раздвоенного языка нервно облизал губы. — Меня это все достало! Всё достало! Понятно?

— Понятно, — кивнула ведунья, плечами пожала и вроде бы ещё что-то сделала — платье поправила или за рукав дёрнула? — Ты только постарайся его не убить, ладно? Ну и сама... поосторожнее. Меня тоже достало вас из Тьмы вытягивать.

Ингрин усмехнулась, цокнула языком и пошла к шаверам, на ходу вытаскивая меч.

— Ты с ума сошла? — придушенным шёпотом ахнула Ллил. — Останови её! Она же всерьёз!

— Как мне её остановить? На руке повиснуть или поперёк дороги лечь? — огрызнулась лекарка.

— Они же на самом деле подерутся!

Вот в этом сомневаться не приходилось: факт — подерутся. Степняки уже и кружочком разошлись, расчищая площадку. И анной-ара, отложив нежное прощание на потом, распоряжение отдавала. Ирда стояла, шею разминала, сладенько и многообещающе улыбаясь противнику, а тот разве что копытом землю не рыл. Или чем там? Когтями, что ли? Но взгляд у него очень выразительным был, плотоядным такой. Во всех смыслах плотоядным.

— Арха, нужно это прекратить! Она же женщина! — жалобно протянула слепая, беспомощно рукой в воздухе шаря — поводыря её ифоветы в сарае заперли.

— Она сагреша, воин, — ответила ведунья, соображая, как бы ей поступить. Лицезреть драку никакого желания не было, но и уйти нельзя: и за Ирду тревожно, да и с бабушкой так и не попрощалась. — Сама вправе решать, что и как ей делать.

— Ты стала такой же, как они все, — пробормотала Ллил, отступая.

— Кто «все»? — не поняла Арха.

— Все вы! — почти выплюнула девушка. — Они же... Они кровью воняют! Как звери, хуже зверей!

— Но с одним таким зверем ты живёшь, — напомнила ведунья, плечами передёрнув. — Между прочим, самым опасным.

Зябко лекарке стало почему-то. А ещё противно. Ей бы обнять подругу, успокоить, увести подальше. Но Архе даже касаться слепой не хотелось. Почему-то вдруг показалось, что Ллил ненастоящая, фальшивая. Может, не она сама, а сказанное ей. Легко рассуждать о доброте и чистоте, когда за спиной таких вот «зверей» живёшь, ничего не боясь.

— Уже не живу! — вскинулась слепая.

— Бедный Ирраш, — тихонько буркнула ведунья, борясь с горячим желанием пристукнуть эту «светленькую» на месте.

— Ты же сама... Ты лорда Харрата вчера остановила!

— Сумей я его остановить, Дан бы вообще с этим шавером не связался. Как видишь, я не...

— Но ты же его остановила! — повысила голос Ллил, пытаясь перекричать восторженный лязг железа, отчего сказанное прозвучал почти истерично. — В конце концов, ты же бросилась к нему! Признай же, тебе самой их жестокость поперёк горла стоит!

— Да при чём тут это? Просто Дан не любит, когда я вижу, как он в истинном облике... Когда он на куски рвёт. Боится, испугаюсь я. То есть, потом боится и переживает, а тогда не соображает ничего... — Арха махнула рукой, понимая: не сумеет она объяснить. — Я о нём беспокоюсь!

— Так нельзя! — замотала головой Ллил, ладонью отгородилась, будто ведунья её ударить собиралась.

— Только так и можно, — процедила сквозь зубы лекарка. — Если любишь, конечно. Пойдём, провожу. Ирда догонит.

Вот в этом Арха несколько не сомневалась — уверена была: догонит. Да ещё будет ухмыляться довольно. Демоны же! Чего с них возьмёшь?

Но зверьми их называть?..

***

Из-за массивных, плотно закрытых дверей не доносилось ни звука. Арха покосилась на Ирду. Та ни слова не сказала, лишь приподняла бровь насмешливо и тут же зашипела тихонько. Только что подсохшая корочка на ранке над глазом лопнула, опять начала кровью сочиться. Пришлось сагреше снова платок доставать, промокать.

— Ну а если я помешаю? — под нос пробормотала Арха, всё-таки поднимая руку, чтобы постучать.

Ифоветка едва заметно покачала головой насмешливо. Луч света из окна скользнул по промятой кулаком, будто ухмыляющейся полумаске. Синяк под ней, наверное, растекся знатный. Ведунья насупилась и стучать не стала, просто рванула створку на себя.

Военный совет был в полном разгаре. На огромном, не меньше крестьянского огорода столе расстелена такая же гигантская карта, уставленная флажками и почему-то шахматными фигурами. Над ней, опершись обоими кулаками в столешницу, Дан. Рядом в кресле, закинув ноги на подлокотник, Адаш. Адин тоже в кресле, но собран и сосредоточен: сидит, сложив пальцы шалашиком, глядя исподлобья. Тхия что-то строчит торопливо, пристроившись на приставном столике. Ирраш — живое воплощение мрачности и хмурости — в углу. Насвистывающий Шай устроился на подоконнике, развернувшись ко всем спиной, свесив ноги вниз — сама незаинтересованность.

Ну и хаш-эдка, ничуть не изменившаяся. Хоть и позолоты на рогах нет — вместо изысканного платья запылённые, испятнанные грязью брюки и камзол — а великолепная, как всегда: высокая, тонкая, как хлыст. И такая же опасная.

Арха, сцепила зубы, чтоб не застонать с досады, тяжело переступила с ноги на ногу, взялась за дверную ручку, собираясь уйти. Конечно, шансов на то, что её не заметили, никаких. Но уж лучше так, чем выставлять себя на позорище рядом с такой-то красавицей.

— Попрошалась с Агной-ара? — спокойно, будто ничего такого не происходит, спросил Дан. Подтянул к столу пустое кресло, видимо, намекая, что Архе и остаться можно. — Всё в порядке?

— Не совсем, — чувствуя себя полной, просто окончательной идиоткой, ответила ведунья, очень стараясь, чтобы голос звучал поувереннее. В итоге вышло недовольное брюзжание. — Кое-кто напоследок учинил драку, чуть не покалечив бабушкиного мужчину. — Спина Шая напряглась, но обернуться ифовет так и не соизволил. — Нам с тобой велено приехать весной, чтобы выбрать достойных коней.

— Велено — приедем, — кивнул лорд Харрат, почти силком усаживая невесту в кресло. — Подожди немного, ладно? Мы уже заканчиваем. Продолжай, — очень, ну очень небрежно бросил демон Адаше.

Демонесса помолчала, разглядывая стену, только подбородок у неё двигался странно, будто хаш-эдка пережёвывала что-то.

— Я должна докладывать при этой? — сумела выговорить, наконец.

— Под «этой» ты подразумеваешь леди Нашкас, наречённую лорда Харрата и нашу с тобой кухню? — поинтересовался Адаш, рассматривая сестру через бокал с вином. — Если так, то да. Видишь ли, сестрёнка, от вышеупомянутой леди у нас никаких, ну совершенно, то есть абсолютно никаких тайн нет.

При слове «леди» Адаша едва заметно вздрогнула. Правда, упомянул его кронпринц два раза, а дёрнулась демонесса всего один — первый.

— В отличие от меня. Это ты хотел сказать, братик? — процедила хаш-эдка.

— Я всегда говорю то, что хочу, — не стал стесняться наследник престола.

— Речь шла про северных лордов, — напомнил Дан.

И положил ладонь на плечо Архи. Просто взял и положил, у всех на глазах. При Адаше Ведунья уставилась на собственные сцепленные пальцы, лежащие на коленях. Сказать, что лекарке неудобно стало — это ничего не сказать. Ей захотелось из собственной кожи вылезти, которая вдруг жать начала.

— Успела я вовремя, — хрипловато начала Адаша. — Бунт остановить удалось, хотя это и было очень непросто. Сложно убедить мятежников в том, что ты действующих в их интересах, усиленно прикидываясь эмиссаром императора.

— Главное, ты справилась, — равнодушно пожал плечами лорд Харрат. — Даже вон Ирраша обманула.

— Это не она, а ты Ирраша обманул, — проворчал шавер.

— Главное, результат, — с нажимом повторил Дан. — Продолжай.

— Как я уже сказала, мятеж мне остановить удалось, а вот успокоить лордов — нет, — демонесса сделала вид, что равнодушие хаш-эда её несколько не волнует. По мнению Архи, получилось не очень убедительно. — Северные лорды очень и очень недовольны. Они требуют, чтобы Тхия вернулся и встал во главе восстания. Поговаривают даже о том, чтобы назвать его королём Севера.

Бедный арифед закашлялся, поперхнувшись.

— Чего?! — только и сумел выдать.

— Что сама слышала, то и говорю, — кажется, хаш-эдка пожалала плечами. — Я им, конечно, ситуацию объяснила, растолковала, что все сейчас находятся в подвешенном состоянии, но они хотят войны. Одна искра, — демонесса щёлкнула пальцами, — и тушить мы будем долго.

— Пока неизвестно, что с императором, искры нужно придержать, — проворчал Адаш, поигрывая полупустым бокалом. — Что в столице?

— Большая часть городской стражи разослана по гарнизонам. Для усиления, — по-военному отчеканила Адаша. — При дворе начался осенний сезон. Бал дебютанток прошёл с большим успехом. Кабинет министров обсуждает меры, направленные против контрабандистов. Так же на повестке дня закон, ужесточающий наказание за кражу домашнего скота. Манифест об отказе императора от престола отпечатан в количестве пяти тысяч копий, тираж надёжно спрятан. Все заинтересованные лица с тексом ознакомлены и одобрили его. По крайней мере, на словах.

— «Я устал, я ухожу...», — непонятно процитировал Адаш, ухмыляясь. — Что армия?

— Размещена по гарнизонам и зимним квартирам. На фронте затишье.

В комнате повисло молчание, только перо Тхия поскрипывало.

— То есть, все прекрасно понимают: что-то готовится, — протянул, будто просто вслух размышляя, Адин, — но никто ничего не предпринимает? Императрица не собирается нам

мешать?

— Тётушка плохо себя чувствует и почти не выходит из своих покоев, — пояснила Адаша. — Император отбыл в загородную резиденцию на охоту. Говорят, в этом году оленей просто прорва.

— Всё это слишком уж сильно на ловушку смахивает, — буркнул Ирраш.

— Про планы императрицы мне ничего узнать не удалось, — огрызнулась демонесса. — Такое впечатление, что их просто не существует.

— Такое впечатление, что у кого-то хреновые информаторы!

— Легче всего рассуждать, отсиживаясь в глуши! Сам-то ты хоть пальцем пошевелил?

— Ты же хотела доказать свою преданность? Вот и работай, а не...

— Прости, котёнок, — шепнул Дан, наклонившись к уху ведуньи, — кажется, всё затягивается. Ты иди, собирайся. Ночью мы всё равно назад отправимся, хорошо?

Арха кивнула, не очень-то понимая, что он и сказал. На не гнущихся, одеревеневших ногах пошла к двери. «Суд... предварительно рассмотрев... учтя показание свидетелей... постановил...» — тянул гнусавый бесплотный голос — не отделаться от него, не выкинуть из головы. И плесенью пахнет, мокрыми камнями. Или государственных преступников, покушавшихся на жизнь императора, в тюрьмах не держат? Кстати, а как их казнят? А, может...

Лекарка обернулась в дверях. Сообразив, что обеими ладонями обнимает живот, опустила руки. С усилием — шея гнуться отказывалась — посмотрела на Дана. Тот, будто почувствовав, обернулся, кивнул, и опять с Тхия заговорил.

Почему она раньше не поняла, что они собираются сделать? Конечно, с ней не больно-то тайнами делились, но ведь это могла понять! Так почему? Сама не хотела ничего видеть?

И — главное, главное! — что теперь делать? Или всё-таки ничего не изменилось?

***

До своей комнаты Арха так и не дошла. Как села на скамью в коридоре, ведущем на внешнюю галерею, так и осталась сидеть, следя за длинными плотными копиями заходящего солнца, расчерчивающего плиты пола пятнашками. В ушах, пытаясь заглушить гундосый голос, набатом бухало: «Бежать!» Много в этом коротком, в общем-то, слове всего было: и про защиту ребёнка, и про спасение себя. Даже мелькнуло что-то про то, будто Дану так станет легче, да и не пара они. Можно у бабушки спрятаться — она примет. Просто сделать вид, что ничего не знаешь. И не знала, не слышала, ведь это же почти правда.

— Не от меня ли прячешься? — насмешливый голос прозвучал так неожиданно, что Арха ойкнула — шагов-то она не слышала, хотя демонесса, вроде бы, скрываться и не собиралась.

— Ни от кого я не прячусь, — ответила лекарка вполне уверенно — сама такого не ожидала.

Смотреть на Адашу снизу вверх было неудобно и даже унижительно, но вставать ведунья не спешила. Во-первых, колени всё ещё подрагивали, а щиколотки сводило слабой, но всё же судорогой. А, во-вторых, вставай не вставай — хаш-эдка всё равно выше окажется. Разве что на скамью залезть.

— Ну что, довольна? — прошипела, зло прищурившись, демонесса. — Всё удалось? Всё у меня украли? Хотя, конечно, ты молодец! Своих мозгов нет, надо чужими пользоваться. Тут я даже аплодировать готова.

— Ничего я у тебя не крали.

— А это? — Адаша ткнула пальцем в живот ведуньи — коготь не дотянулся, но лекарку всё равно озноб пробрал. — Надо же, смелее меня оказалась! Я-то побоялась фигуру испортить, испугалась, что меня мигом от двора отошлют. А ты, смотрю, смелая, нашла, чем привязать! Хотя, что такой терять?

— Если мне память не изменяет, у тебя возможности привязать просто не было, — процедила Арха, всё-таки встав. — Помнится, Дан в твою постель не спешил.

— Ну ты и тварь! — почти с восхищением протянула хаш-эдка. — Он хоть примерно представляет, какая ты тварь?

— Понятия не имею, — пожала плечами лекарка. И откуда только храбрость взялась? Но вот не боялась она сейчас бывшей золоторожки ни капельки. Наоборот, шевельнулось что-то, сильно смахивающее на жалось. — Хочешь ещё разок попробовать ему глаза открыть? Давай, вперёд, мешать не стану!

— Ты мне мешать не станешь? — коротко хохотнула Адаша. — Да что ты о себе возомнила, шлюха? Очнись! Кто ты и кто я!

— Никто, — не стала спорить ведунья. — Я никто, а ты племянница императора. Только так получается, что ты постоянно об меня спотыкаешься. Хотя, Тьмой клянусь, ничего для этого не делаю. Так, может, пора подумать, в чём тут дело?

Архе показалось, что она голоса услышала — на галерее вроде бы говорили, но очень тихо. И это было совсем лишним. Не хотела ведунья, чтобы её тут с демонессой видели. На самом деле, хватит уже цапаться. Да и делить им, в общем-то, нечего, разве только старые обиды.

Потому лекарка и шагнула вперёд, даже для вежливого прощания задерживаться не собираясь. Но хаш-эдка, кажется, тоже что-то такое услышала. А, может, у неё изначально другие планы были. Только Адаша схватила лекарку за шиворот, чувствительно спиной об стену приложила, ухмыльнулась в лицо, тихонько клацнув клыками — лекарка и вскрикнуть не успела.

Голоса на галерее стали громче, кто-то рыкнул раздражённо — и это обнадеживало. Пусть даже демонесса совсем спятила, но не будет же она убивать при свидетелях.

Или будет?

— Да тише ты! — прошипела Адаша ведунье на ухо. Одной рукой обхватила брыкнувшуюся Арху под грудью, другой рот зажала. Силушкой хаш-эдку Тьма не обделила, объятья у красотки оказались действительно стальными — захочешь, а не вырвешься. — Не думаю, что они будут благодарны за свидетелей.

Лекарка булькнула протестующе, обхватив живот.

— Что, боишься, зарежу? — усмехнулась золоторожка. Её влажный шёпот, от которого волоски на шее дыбом вставали, улиткой вполз в ухо. — Честно говоря, желание такое на самом деле есть. Ты представить не можешь, с каким бы удовольствием я вспорола твоё пузо, а ублюдка преподнесла Дану на блюде, м-м... — Вроде бы Адаша потёрлась носом о затылок ведуньи, а, может, ей с перепугу примерещилось. — Если отпущу, не станешь орать? Воняет от тебя, как от дохлой кошки.

Арха мотнула головой и на всякий случай кивнула. Демонесса её не отпустила — оттолкнула, да ещё и сама отступила, брезгливо ладони отряхнув, руки за спину убрала, видимо на собственную выдержку не надеясь.

— Ну что тарацишься? — хмыкнула демонесса, красоту как-то мигом порастерявшая. Честно говоря, она сейчас больше на своё истинное воплощение походила: рот перекошен

злой ухмылкой, клыки поблёскивают, брови сошлись карнизом над утопленными, налитыми кровью глазами. Даже рога вроде бы вперёд развернулись, как у атакующей козы. — Или со страху прямо мне на руки разродиться собралась? — ведунья в ответ опять только головой мотнула, заправила растрепавшиеся волосы за уши, но взгляд не отвела — смотрела прямо. — Ну что ещё? — шёпотом крикнула Адаша.

— Да жалко мне тебя, вот и всё, — пожалала плечами лекарка.

— Это новости! — процедила демонесса. — Сенсация просто. Дури у своей блаженной подружки набралась?

— Правда жалко, — упрямо повторила Арха. — И ты... Ты приходи, когда захочешь, ладно? В смысле, не ко мне, конечно, а к ним. Я слова не скажу, даже постараюсь на глаза не попадаться. Думаю, они совсем против не будут. Всё можно наладить. Не сразу, конечно.

— Ты слова не скажешь, дворняжка? Ты мне... позволяешь?

Лекарка, чувствуя себя деревянным болванчиком, опять кивнула. Наверное, рта раскрывать изначально не стоило, но ляпнутого не воротишь. Да и что делать, если золоторожку ей на самом деле стало жалко до соплей? Легко ли жить вот так, когда даже собственному брату, которому собакой служишь, на тебя плевать? А ведь были друзья, и почти муж был, сама императрица доверием баловала, дядя любил, пока дорогу не перебежала... дворняжка.

— Да пошли вы все во Тьму! — физиономию Адаши совсем уж на сторону перекорёжило. Кажется, она и сама не замечала, как разжимает и снова стискивает кулаки, то втягивая, то выбрасывая лезвия когтей. — А! Чтоб вам всем пропасть!

Демонесса развернулась и почти побежала по галерее, зло цокая каблуками, как подкованная лошадь. Арха привалилась спиной к стене, прикрыв глаза, тихонько поглаживая живот. Сердце бухало ровно, но слишком уж сильно, так что в горле болью отдавалось, да и ноги опять судорогой прихватило.

***

— Нам не о чем разговаривать, — послышалось откуда-то сбоку сдавленный, словно говорили через силу, голос. — Уходи.

Ответили так тихо, что лекарка слов не разобрала, вроде это было похоже на: «Не уйду!» А, может, сказали совсем другое. Ведунья с силой потёрла лицо, а потом ещё и переносицу. Задрала голову, рассматривая ребристые ажурные, понятно, арки перекрытия.

— Значит, уйду я!

Теперь у ведуньи никаких сомнений не осталось, что говорил Шай.

Арха тяжело вздохнула и, скребя лопатками по шероховатой стене, протиснулась за лавку — в нишу, зачем-то перегороденную частоколом тонких колонн. Убежище оказалось так себе: даже два столба, стой они вплотную друг к другу, ведунью бы не скрыли. Зато в нише было темно, солнце уже садилось и красно-золотистые полосы света расчерчивали галерею наискось. Потому и фовет лекарку и не заметил. Впрочем, он вряд ли бы увидел даже воплотившуюся Тьму. Лицо у него было... Появись кто на дороге — всё равно кто — порвёт на куски.

— Шай...

Захоти Ирда специально выглядеть эффектнее, то вряд ли сумела бы. Солнце било ей в спину, подсвечивая прозрачный плащ, волосы. Золотая перчатка горела огнём, а полумаска оказалась в тени, как и всё лицо, ладонь лежала на рукояти меча — эдакая статуя гордой воительницы.

— Шай! — снова позвала сагреша, на этот раз гораздо решительнее, почти приказала.

Демон остановился, но не обернулся. Арха видела: он даже глаза закрыл.

— Я больше так не могу, — громко и чётко — слишком уж громко и чётко — сказала демонесса. — Когда тебя не было, думала, что справилась. Может, и на самом бы деле справилась. Но ты здесь и...

— Это бесполезно, пойми, наконец! И оставь нас обоих в покое.

Рот Шая странно подёргивались, совсем не в такт словам, будто бы он рык сдерживал или, может, заплакать боялся. Наверное, поэтому и не оборачивался.

— Я не врала тебе! Никогда не врала, клянусь, ни слова...

— Да какая разница? — рывк ифтора прокатился по коридору, отпрыгнул от колонн, вылетел на галерею и только там затих, растворился в воздухе. — Это уже не имеет значения. Нет никакой предназначенности и никакого шер-ка! Нет и не было никогда, — добавил гораздо тише.

— Я знаю.

— Так чего же ты хочешь?

— Я просто люблю тебя, — тихо, едва слышно ответила Ирда.

Шай молчал долго, так долго, что Арха подумала: он сейчас просто уйдёт, так ни слова не сказав.

— И это ничего не значит, — всё-таки отозвался ифвет. Голос у него был усталым, замученным даже. — Этого слишком мало. Ты... мы пробовали.

— Значит, мало пробовали! — теперь уже демонесса кричала. — Знаю, кажется проще сделать вид, будто ничего не было. Проще и легче. Но не Тьмы это не легче! Да, вместе бывает плохо, но когда тебя рядом нет, то совсем уж невыносимо!

Ифвет упрямо мотнул головой, шагнул вперёд, и ведунья готова была уже вылезти из-за Бездной проклятых колонн, за волосы его обратно приволоочь — не успела. Ирда её опередила. Она не стала кричать и следом не побежала. Просто опустилась на колени — гордая воительница! — когти на перчатке и оковка ножен звякнули жалобно о камень. Говорила демонесса на местном, но лекарке никакой переводчик не требовался. Есть такие слова, которые всегда звучат одинаково: «Всё будет так, как ты захочешь. Только останься со мной, не уходи. Не отказывайся...»

И вроде бы пошло, банально, миллионы раз сказано и ещё больше соврано: «Что мне делать, если я дышать без тебя не могу? Если я живу, только когда ты рядом? Знай я, что ты меня ненавидишь или просто даже не вспоминаешь, было бы легче. Но ведь это не так!» Да, все слова давно истрёпаны старой тряпкой. Но как скажешь по-другому? Ведь они на любом языке одинаковы.

Шай молчал, и теперь Арха хотела, чтобы он молчал. Раз уж ответить не может, то пусть не унижает — хватит Ирде и сказанного. Ведунья прикусила костяшки, чтобы и самой чего-нибудь не ляпнуть.

Демонесса поднялась тяжело, опираясь ладонью о колено, будто на ней не лёгкое золото, а пудовые доспехи были.

— Прошу прощения, лорд Шаррах, — заговорила хрипло. — Клянусь, этого больше никогда не повторится. Я забылась. Вероятно...

— Ты так ничего и не поняла, — Шай раздражённо цокнул языком, двумя пальцами растёр глаза, сжал переносицу. — Я не принадлежу себе, так тебе-то что могу дать?

— Это ты так и не понял. От тебя мне ничего и не нужно. Достаточно, чтобы ты просто

был.

— Хочешь делить меня с ней?

Ифовет мотнул головой в сторону. Получилось, что указал он на лекарку, прятанную за колоннами. Хотя сам демон, наверное, имел в виду кого-то другого.

— Я никогда не делила и не буду тебя ни с кем делить, — Ирда подошла к Шаю, постояла, словно ждала, что он обернется, а потом всё-таки обняла, прижалась к его спине. — Ты никогда никому не принадлежал — только мне. И ни император, ни Тьма, ни Свет ничего с этим сделать не могут. Только ты сам в силах всё изменить. Просто откажись от меня.

— Думаешь, я не пробовал? — прошептал демон.

— Думаю, пробовал, — так же тихо ответила сагреша, потёрлась щекой. — Я точно пыталась.

— Ничего не вышло.

— Не вышло, — согласилась демонесса. — Так, может, попробуем по-другому?

Дальше Арха смотреть не стала, закрыла глаза. Задвинулась в нишу как можно дальше, прижалась к стене. Но для воображения хватало и звуков. И, главное, ифоветов, кажется, нисколько не смущало, что они находятся в коридоре, куда в любую минуту могут выйти и с галереи и из комнат. А ещё очень не хотелось думать, что случится, если они лекарку заметят.

Всё-таки, в подслушивание-подглядывание есть преимущества, права Тьма. Но имеются и серьёзные недостатки. Например, можно против собственной воли стать свидетелем того, чего ни видеть, не слышать совсем не хочется.

Глава семнадцатая

Возлюбите своих врагов! Пусть они сойдут с ума, пытаясь понять, что вы задумали.

(Император Нахшон II)

Доходный дом, как и положено подобным заведениям, выглядел отвратительно. Заметно перекосившийся на левый бок, насупившийся под нахлобученной крышей из подгнившей дранки, он напоминал переросшую поганку. Груды мусора, наваленные на радость бродячим кошкам, собакам и крысам, симпатичнее его не делали. Длинные, непристойные какие-то потёки дождя на сырой штукатурке тоже.

Здание казалось привычным, будто разношенные тапки, и одновременно совершенно чужим. Одна лишь дверь — разбухшая, со сквозной трещиной ровно посередине верхней филёнки — вызывала ностальгию. Но вся эта узнаваемость была густо замешана на удивлении: «И я тут жила?»

— Ещё есть время передумать, — эдак невзначай заметил Дан, надвигая шляпу на лоб. Видимо, предаваться горьковато-сладкой ностальгии демон не желал. — Честно говоря, сегодняшней день я планировал иначе.

— Ты же сам предложил исполнить любые мои желания, — напомнила Арха, сунув замерзшие ладони в карман его камзола.

Пока лекарка по степям скакала, осень в столице вовсю успела разгуляться: на улице было промозгло, хмарно, а, главное, серо и уныло. Ни перчатки, ни тёплый плащ от влажного холода не спасали и уж, конечно, ничем не помогали от хмурости.

— Ну и что ты тут хочешь найти? — брюзгливо поинтересовался хаш-эд, — Вчерашний день? Припасть к истокам?

— Нет в тебе романтики, — вздохнула ведунья и всё-таки толкнула истошно скрипнувшую дверь.

— Это мы давно выяснили, — буркнул Дан, плетясь следом. — Ну и амбре тут!

По мнению Архи, ничем таким в подъезде не воняло, пахло всего лишь кислыми щами и кошками. Тёмно было — это да. Впрочем, достопочтимая хозяйка... Как же её звали?.. В общем, на освещение лестниц она всегда экономила.

— Данащ, а ты не помнишь, как зовут бесу, у которой я квартиру снимала? — почему-то шёпотом спросила ведунья, на цыпочках поднимаясь по побряхтывающим ступенькам.

— А я это знал?

Лекарка промолчала. Правильно: какой вопрос, таков и ответ.

Арха всё ждала, когда же накатят воспоминания, ужас. Ведь в последний раз на этой площадке между первым и вторым этажами она видела... Ведунья даже под ноги посмотрела и никакой крови, понятно, не нашла. Даже если её тогда смыть не удосужились, то за три-то года все пятна давно подошвами затёрли. Видимо, и страх вот так же временем стёрся. Если он вообще был.

Дверь квартиры несколько не изменилась: подновить её никто так и не додумался, струпья краски почти совсем облезли, обнажив серое от старости дерево. У самого замка чернела трещина — сосед, допившийся до зелёных бесят, топором рубанул. А вверху, на косяке ещё можно разобрать глубокомысленную надпись: «Я был». Это Шай, не желавший отдавать долг за очередное снадобье, накарябал, мол: «Заходил, тебя не застал — сама

виновата».

Арха выдохнула, покосилась на Дана, предусмотрительно в сторону отошедшего, и постучала тихонько, сама не зная, чего хочет: то ли чтобы открыли, то ли наоборот.

— Какой Тьмы? — отозвались из квартиры раздражённо. — Дадут мне поспать или нет? Только ведь пришла и уже ломаются! Чтоб вам всем пусто стало!

Дверь распахнулась, едва не двинув ведунью по лбу. Кажется, всклокоченная и очень злая девчонка-беса, появившаяся на пороге, на это и рассчитывала. Правда, разглядев гостью, прыти она поубавила, руки, грозно упёртые в бока, опустила. Кашлянула смущённо, пригладила торчащие дыбом волосы.

— Чем могу помочь, леди? — спросила хриловато.

— Вы лекарка? — брякнула Арха.

Саму ведунью беса ничем не напоминала. Ну, может, только фигурой: тоже невысокая, коренастая и пухленькая, а больше никакого сходства.

— Нет, леди, вы ошиблись, — мотнула головой девица. — Говорят, в соседнем доме один подвизается. Я-то, понятно, к нему не ходила, но бабы сплетничали. Только я вот что вам скажу: оно того не стоит — это точно, — перешла на шипящий шепот девчонка, покивав для убедительности. — Коновал он, а никакой не лекарь. И язык за зубами не держит. Ему кружку покажи — всё разболтает, а за медяк ещё и наврёт с три короба.

— Мне... я... — начала Арха и замолчала, дёрнув ухом на скептическое хмыканье хаш-эда. — Понимаете, я когда-то здесь жила. И мне просто захотелось посмотреть.

— Вы тут жили? — протянула девица, по-рачьи выпучив глаза. — Вот прямо тут? — беса указала пальцем себе под ноги. — А зачем?

— Не совсем тут, не на пороге. Но в этой квартире, — огрызнулась лекарка, наконец, начиная подозревать, что конкретно имел в виду Дан под определением: «Не самая удачная идея». — Разрешите пройти? Мы вас надолго не задержим.

— Мы? — переспросила беса, высунулась в коридор, не слишком вежливо пихнув ведунью плечом и тихонько ойкнула.

— Добрый вечер, — поприветствовал её хаш-эд, вежливо приподняв шляпу.

Кажется, кто-то здесь веселился напропалую. И этим «кто-то» была не Арха.

— Д-да, — проблеяла впечатлённая до зелени беса, — прошу вас, мессир...

— Благодарю, — светски-небрежно отозвался Дан. — Леди?

Демон предложил ведунью руку, перебросив на предплечье край плаща. Лекарка и не посмотрела на него, просто через порог перешагнула. Сердце бешено колотилось, воздух плотнее стал, завязки давили на горло и ладони вспотели. Хотя, если подумать, с чего бы так волноваться?

Квартира тоже оказалась знакомой и незнакомой совершенно. Комната будто и другая совсем. А вот кухонька своя, родная: печь с чуть перекошенной закопчённой дверцей, жестяная раковина, умывальник над ней. Арха провела пальцем по краю черного пятна облезшей эмали, подняла голову, глядя в старое зеркало с давным-давно отколотым уголком. И словно бы незнакомку увидела. Шаверка с той стороны зазеркалья разглядывала ведунью с не меньшим удивлением: и золотую сеточку на аккуратно зачёсанных волосах, и скромные серьги с жёлтыми бриллиантиками — под цвет глаз — каждый стоимостью если не с корову, то с овцу точно, и меховой воротник новенького плаща.

Лекарка подняла руку, коснулась зеркала — собственные пальцы она тоже как со стороны видела: кожа без заусенец и цыпок, отполированные чёрные коготки. Ведунья

улыбнулась. Вот зубы остались прежними, человеческими. А всё остальное словно бы не её. И дело не в дорогой одежде да украшениях. Просто... Просто не она это была, не Арха.

Или, может, не Ара, метиска из людской деревни?

— Вы на самом деле тут жили? — тихо, будто спугнуть боясь, снова спросила беса.

Лекарка кивнула. — А как у вас получилось... Ну, вот всё?

Девчонка помахала руками, то ли крылья изображая, то ли воздух на себя нагоняя, чтобы в обморок не грохнуться. Ведунья открыла было рот, собираясь ответить что-нибудь умное и наставительное, вроде: «Потому что дверь всегда открывала!» или: «Никогда не отказывалась от предложенного». Но лишь плечами пожала.

— Повезло, — буркнула неохотно.

И пошла к дверям, к уже в коридоре ждущему Дану.

— Всем бы так везло! — зло прошипела в спину беса.

— Спасибо, что пустили, — кивнула лекарка, — уверена, вам тоже повезёт.

Арха аккуратно прикрыла за собой дверь, пряча улыбку в воротник. Не самый тощий кошель, оставленный на кухонном столе, она успела заметить. И вышитый золотом вензель лорда Харрата на нём тоже.

Между прочим, её, архино, везение с похожего кошелька началось.

***

Район выглядел очень подозрительным. Вроде бы обычные дома: невысокие, этажа в два-три, чистенькие особнячки. Перед каждым аккуратный, огороженный палисадничек. Подъездные дорожки и вымощенные булыжником тротуары подметены, сточные канавы вычищены. А всё равно что-то не то, не так. И больше всего Арху смущали не окна, наглухо закрытые ставнями, и не полное отсутствие людей на улице, а ухмылки тахаров её собственной охраны — такие многозначительные-многозначительные.

— Ты на самом деле этого хочешь? — совсем уж хмуро спросил Дан, остановив своего конягу рядом с чугунной калиткой в затейливых узорчатых фентифлюшках. По случайности так получилось или нет, но жеребец пробкой встал между каретой и забором — не то что выйти, дверцу кареты не открыть. — Всё-таки разумнее пригласить её... куда-нибудь.

— Если ты мне объяснишь, с чего такие сложности, то я, может, и соглашусь, — Арха опустила стекло, рассматривая розовый двухэтажный домик под черепичной крышей, на которой поскрипывал флюгер: кошка с выгнутой дугой спиной, гордо задранном хвостом. — Она, конечно, человечка, я понимаю. Но навестить её ты не хочешь, пригласить к нам не разрешаешь. Или меня ты тоже от всех прятать начнёшь? Ведь и я любовница, мать твоего пока ещё бастарда. В этом дело?

— Я сказал, свадьба будет, как только...

— Так сразу, — кивнула ведунья. — Ты сказал, а я слышала.

— И незачем злиться на пустом месте, — рыкнул хаш-эд.

— Я-то спокойна, а вот некоторые здесь присутствующие...

— Мессир, разрешите, я поясню леди, — гулко бухнув в кулак, вмешался капитан стражи.

— Не разрешаю, — отрезал демон, — всё, что необходимо, я сам леди объясню.

И, кажется, коротко вздохнул, но заставил коня чуть вперёд ступить, давая Архе дорогу, спешил. Правда, помочь ей из кареты выбраться не удосужился. Действительно, если тут кто-то и злился — и ещё как злился: шнурок дверного колокольчика едва вместе с язычком не выдрал — то это опять-таки была не ведунья.

Заслонка, прикрывающая крошечное зарешеченное окошечко в массивной двери, отъехала на палец, показав глаз — и не разобрать, кому принадлежащий.

— Заведение закрыто до темноты! — проскрипело с той стороны. — Уезжайте, господа, и приходите вечером, потому как...

— Передай Аните, приехал лорд Харрат, — перебил скрипуна хаш-эд.

— Да хошь сам... — бойцовским петухом взвился голос.

— Мне дверь выбить? — вежливо поинтересовался лорд.

Окошечко закрылось и даже, вроде бы, засов клацнул. Правда тут же эта самая дверь и распахнулась — Арха и спросить не успела, что происходит. А на пороге появилась лучающаяся радушием и искренним счастьем дама. От её улыбки можно было запросто фонари зажигать. Да женщина вообще ослепляла. Из одежды на ней был только халат, так обильно обшитый рюшечками, что походил на розовую овчину, а под ним лишь коротенькая сорочка. Ну и тело, понятно. Много-много тела.

Ведунья от неожиданности отступила.

— Спаситель! — возликовала дама, как болонка, потряхивая мелкими кудряшками. — Как же давно я вас не видела!

Женщина раскинула сливочно-белые руки и лекарке показалось, что она сейчас облапит Дана, заставит прижаться рогами к смахивающим на подушки грудям. Но ничего такого человечка делать не стала, лишь ладонями всплеснула и засияла ещё ярче.

— Анита, позволь представить: леди Нашкас, моя невеста, — пробурчал хаш-эд, почему-то отворачиваясь.

Повисла неловкая пауза. Женщина, позабыв руки опустить, держа их у горла, переводила взгляд с демона на лекарку и обратно.

— Понимаете... — Арха почесала кончик носа.

— Понимаю, — неожиданно спокойно кивнула дама. — Я вас не помню, конечно, но мне рассказали. Это вы меня вытащили, не дали кровью истечь. Понятно, не демон я. Но долг перед вами до самой Тьмы выплачивать стану — не выплачу.

— Ты так и будешь нас на пороге держать? — осведомился лорд Харрат, разглядывая раскидистую, успевшую всех листьев лишиться липу, росшую рядом с крыльцом.

— Да что ж это я? — совсем по-бабьи всполошилась бывшая любовница его высочества. — Входите, конечно! — Женщина схватила ведунью за руку, поволокла в дом, не прекращая стрекотать. — Я говорю и девочкам своим втолковываю тоже: лорды-гвардейцы всегда самые желанные гости. Самые желанные и самые дорогие! Не в смысле оплаты, понятно, а чтоб принять, как родных. Теперь вот и вы, леди, тоже. Ясное дело, наши услуги вам не понадобятся, но если чем смогу — вы только намекните.

— Перестань трещать! — неприязненно приказал Дан и зачем-то взял лекарку за плечо, развернув в другую сторону.

Ведунья, конечно, тут же обернулась, глянула на хаш-эда, краем глаза заметив что-то, попыталась сдвинуть демона, а когда у неё ничего не вышло, обошла Дана сама, таращась на стену. И горячо захотела сама отвернуться, но никак не получалось. Просто таких портретов Арха ещё не видела. Во-первых, он был огромным — в натуральный рост демона. Во-вторых, одной только золочёной рамой картины, щедро усыпанной резными завитками и цветами, можно было запросто убить. Ну а в-третьих, изображало полотно его высочество кронпринца в императорской короне, мантии с державой и скипетром в руках. И всё. То есть, совершенно всё. Больше ни один лоскут ткани Адаша не прикрывал.

Лекарка нервно хмыкнула и раскашлялась, прикрывшись ладонью.

— Ну да, — спокойно пояснила женщина, тоже любясь портретом. Именно любясь, даже с какой-то материнской нежностью, а, может, с гордостью. Или тем и другим одновременно. — Наше заведение и называется «Под крылышком у принца».

— Так вы, значит... — пробормотала Арха, всё же отворачиваясь.

Теперь уже ведунья на Дана не смотрела — стыдно стало. И не понятно с чего стыдно, но уши сами собой поджались и щёки пекло.

— Ну точно! — кивнула человечка. — Бордель-маман я. И скажу вам: моё заведение в столице лучшее, а, получается, и во всём Хашране тоже. Только б вот если не лорды-гвардейцы и вы, ясное дело, неизвестно где бы бедная Анита оказалась. Что вы на меня так смотрите? Жалко, что ли? — спросила без обиды и злости, скорее уж с сочувствием.

— Нет, что вы! — промямлила Арха.

Отворачиваться больше было некуда: с одной стороны женщина стояла, с другой Дан, с третьей портрет висел. Ну а за спиной капитан стражи громоздился. На него ведунья тоже смотреть не хотела. Наверняка же тахар ухмылялся. Правильно, кстати, ухмылялся: сама же вечно придумывает глупости, а потом не знает, как из них выпутаться.

— А вы не жалеете, — Анита мягко положила руку на плечо лекарки. — Не заметь меня тогда наш принц, так до сих пор бы у отца шерсть пряла и уж горб точно к этому времени заработала. Ну, мужней женой бы стала, ещё и урода какого ублажала, ребёночка каждый год рожала, пока б не сдохла. А сейчас я сама себе хозяйка, денег куры не клюют. Сын самым настоящим лордом заделается. Знаете же, в замке он живёт, с серебра ест и господин Адаш за ним присматривает.

— Да, конечно, — пробормотала ведунья, не зная, что ещё умного сказать.

«Повезло» — услышала она собственный голос. И впрямь повезло. Вот только кому?

***

Против истины Анита ничуть не согрешила: в чае она действительно разбиралась и готовить его умела. Арха поняла, что человечка добавила в заварку мяту и лимонник. Но было там и ещё что-то, чего ведунья к своему удивлению не узнала. Правда, напиток от этих неведомых ингредиентов стал только лучше. Да и Дан, хоть сам к чашке не притронувшийся, не беспокоился, а, значит, и лекарке нервничать не стоило. Она и не нервничала и, никого не стесняясь, всю угощалась свежайшими булочками.

— Вы не думайте, — трещала бордель-маман, — лорд-то Харрат у нас, конечно, гость частый. И лорд Сарреш тоже. Но они только по делу, а больше ни-ни. Ну, может, когда бокал вина выпьют. Я и девочкам строго-настрога сказала, чтоб даже и не пытались, и не думали! Понимание-то должно быть, где приличный, семейный мужчина, а кто отдохнуть пришёл.

— Это всем известно, — серьёзно кивнула лекарка, слизывая с пальцев джем. — Лорд Харрат в отдыхе не нуждается. Пашет, как крестьянский мул.

Хаш-эд искоса глянул на веселящуюся ведунью, но комментировать не стал.

— Вот-вот, — поддержала девушку Анита. — И я тоже говорю. Строго по делу заходят. Другое дело лорд Шаррах или лорд Нашкас. Те могут и повеселиться, особенно-то, понятно, лорд Шаррах. Но уж таким он уродился! Конечно, девочки на него не в обиде: и шутку кинет, и приласкать умеет, да и не скупой совсем. Порой карманы вывернет, отсюда без медяка уходит.

— К сожалению, придётся мне ваших девочек огорчить, — сообщила Арха, прихлёбывая чай. — Теперь лорд Шаррах тоже стал серьёзным семейным мужчиной, не нуждающимся в

отдыхе. Да и за бюджетом его, думаю, будут присматривать тщательнее.

— Вот беда-то, — пригорюнилась бордель-маман, но тут же исправилась. — В смысле, я рада, что такой достойный ифовец наконец остепенится. Давно ему пора.

— А лорд Нашкас, значит...

— Ну хватит, — пристукнул ладонью по столу Дан.

— Да я просто хотела спросить, что у вас за дела могут быть в... в таком заведении. Но если это тайна, то я настаивать не буду, — надулась лекарка.

Анита испуганно примолкла, откинулась на спинку стула, опять прижав ладони к горлу, переводя взгляд с демона на ведунью.

— Арха! — начал хаш-эд, насупившись.

— Даже моих мозгов хватает, чтобы понять: местные работницы... Как это называется? Ваши информаторши? — прошептала лекарка, поглаживая демона по руке.

Дан хмыкнул, явно собираясь что-то ответить — не дали. Двери распахнулись — обе створки разом — и в комнату ввалился его высочество, кажется, только что из собственного портрета вышагнувший. Правда, императорских регалий при нём не было, а вот в остальном венценосный облик полностью картине соответствовал: кронпринц изволил явиться абсолютно обнажённым. Если не считать за одежду полупустую бутылку вина, которую он в кулаке сжимал.

— Моя дорогая кузина! — возликовал Адаш, не слишком чётко слова выговаривая. — Я тут, понимаете, расслабляюсь. Сплю, в смысле. — Хашед поклонился Дану. — То есть отдыхаю. Один. Почти. — Его высочество выразительно покосился на бутылку. — И вдруг узнаю, что сие почти... почитатель... по-чи-ти-тель-ное заведение... Тьфу ты! Короче, что в этот бордель явились мои любимый родственники. И, главное, меня они видят не изволят! — Адаш погрозил пальцем. — Не хорошо!

— Появляться без порток тоже не слишком хорошо, — проворчал Дан, вставая.

— Это смотря перед кем, — хихикнул принц. — Перед дамами очень даже хорошо. Сразу видно, на что рассчитывать можно. Вот скажи, милая кузина, я тебе нравлюсь?

— Нет, — честно ответила Арха.

И тоже встала, придержала лорда Харрата за рукав. Показалось лекарке, что хаш-эд едва сдерживается, чтобы не взяться за воспитание «родственника». В принципе, против телесных наказаний, особенно применённых к его высочеству, ведунья ничего не имела. Но с другой стороны бить наследника престола как-то нехорошо. Например, дядя император такого мог не оценить. Да и сам Адаш, проспавшись, наверное, обидется.

— Вы мне совершенно не нравитесь, особенно без штанов, — повторила лекарка. — Я думаю, сейчас вам лучше спать лечь. Давайте, Дан вас проводит и...

— А меня никто не любит, — кронпринц развёл руками, щедро плеснув из бутылки на ковёр. Голос у него вдруг стал неожиданно серьёзным. — Видишь ли, дорогая кузина, меня не любит никто. Вот она да, было дело, — хаш-эд ткнул пальцем в сторону Аниты. — А потом — пФ-ф! — нету ничего. И сейчас эта тоже любит только звонкую монету, а не меня.

— А, может, вы перестанете себя вести, как последний козёл? — предположила лекарка.

— Ме-е... — Адаш наклонил голову и так и не выпустив бутылки, изобразил пальцами рожки. Непонятно, зачем это сделал — у хаш-эда и собственные были весьма внушительными. — А твой будущий супруг не козёл? Знала бы ты, на что он способен! Не зря же лорды его как огня...

— Адаш! — предупреждаяще окликнул Дан.

— Молчу, молчу, — согласился кронпринц. — Кстати, разрешение-то я на вашу свадьбу подписал. Ещё тогда подписал, — его высочество помахал рукой куда-то себе за спину. — Просто хотел сделать вам приятный маленький сюрприз. Но раз вы меня тоже не любите, то и Тьма с вами, забирайте! — Адаш захлопал себя по голым бёдрам, даже по заднице шлёпнул — хлопки вышли звонкие, почти как аплодисменты. — Да где же оно?

— Всё-таки вам лучше лечь, — повторила Арха. Ей вдруг стало его жалко до соплей: голый, нелепый и потерянный. И ведь на самом деле никем не любимый. — Хотите, я вам помогу.

— Хочу, — кивнул хаш-эд, — но не буду. Потому что тогда лорд Харрат меня точно грохнет. И усядется всей своей харратовой задницей на трон. Из него же получится лучший император, ты знаешь? Все это знают, все! Да только молчат. Ну и пусть молчат! А знаешь, что я ещё знаю? — Адаш подмигнул лукаво. — Они меня убить хотят, мешаю я им.

— Ты бредишь, — вынесла вердикт Арха, кивнув Дану, мол: «Уведи его!».

Демон, играя желваками, кивнул в ответ.

— Да нет, — махнул бутылкой Адаш, — не эти. Они же типа мои друзья, — его высочество изобразил пальцами кавычки. — Другие, которым мешаю. Вот, например, узнали, что я сегодня пойду и... Точно! Я же вам свадебного подарка не сделал! А идите-ка вы вместо меня в купальни! У Аниты шикарные купальни — это кто угодно подтвердит! Ночь целиком оплачена. Ну, как?

Кронпринц по-собачьи наклонил голову к плечу, прищурился хитро.

— Если вы обещаете, что немедленно отправитесь в постель, — вздохнула лекарка.

— По рукам! — обрадовался его высочество. — Анита, душа моя, отведи-ка ты моё почти императорское тело в кроватку. И одеяльце подоткни! Дан, имел я честь!.. В смысле, честь имею!

— А в купальни вы действительно сходите, — тихонько посоветовала бордель-маман, ловко, со знанием дела, перехватывая Адаша за талию, — они того стоят.

— Да почему бы и нет, — пробормотала лекарка, пожав плечами.

А принца ей всё же было очень жалко.

***

Купальни и впрямь оказались по-шаверски роскошными: три бассейна — с горячей, прохладной и совсем холодной водой. А ещё мраморные скамьи для массажа, мягкие кресла и банкетки, обитые бархатом — хозяйка заведения явно не переживала, что совсем недешёвая ткань попортится влагой. Низенькие столики уставлены вазами с фруктами, кувшинами, свечами, ведёрками со льдом, из которых торчали тонкогорлые бутылки. В общем, обитель сибарита.

— Тебе не кажется, что наша романтика неотделима от воды? — хмыкнула Арха.

Несмотря на всю роскошь, а, может, благодаря именно ей, лекарка себя неуютно чувствовала, некомфортно. Платье-то она сняла, а вот рубашку никак не решалась — застеснялась. Огромный живот, за которым уже собственных ступней толком не разглядишь, выпирал бугром. И вряд ли нравился Дану. Раньше такие мысли ей в голову не приходили, а вот теперь пришли — и непонятно, что с ними делать.

— Не кажется, — лениво протянул хаш-эд, — нет у нас никакой романтики. Я суровый воин, не знающий любви.

— Это точно, — буркнула ведунья, берясь за платье, брошенное в кресло.

И понятно же, что шутит, а вдруг обидно стало до слёз.

— Ты чего там возишься? — окликнул демон. — Иди сюда.

Арха обернулась, собираясь сообщить, что идея с купанием была дурацкой. И ничего не сказала.

Лорд лежал на низком бортике бассейна, растянувшийся во весь рост и любовался собственным отражением, лениво двигая из стороны в сторону рукой, опущенной в воду. Другим кулаком он подбородок подпирает. Черные пряди волос свесились по бокам бледного лица, плывя в воде, напоминая тонкие водоросли.

— Что-то не так? — спросил, не поднимая головы. Лекарка неуверенно пожала плечами. — Тогда почему ты такая напряженная?

Чувство «уже было» накрыло Арху с головой, даже перед глазами двоиться начало, а свечи вдруг показались светлячками, шепоток фонтанчика — приглушённым рокотом водопада. И стены будто раздались, темнота купален сменилась летней ночью.

Ведунья и не поняла, как в бассейне очутилась. Сама, наверное, спустилась, так рубашки не сняв. Подбрела к хаш-эду, но не дошла, остановилась на расстоянии вытянутой руки.

Кажется, Дан улыбался, а, может, и нет — не понять.

— И ты всё так же на меня таращишься, — сказал тихо. — А я всё так же...

— Что? — переспросила Арха, поняв, что продолжения фразы не услышит.

Демон повернул голову, пристроив ладонь под щеку. Его глаза сейчас казались почти чёрными, но они всё равно жили: темнота в них пульсировала, будто даже жаром дышала.

— Он кто?[1] — спросил, действительно улыбаясь.

Так, как умел один Дан — вот этими самыми живыми глазами улыбаясь.

— Кто? — послушно переспросила лекарка.

— Парень твой кто? Ну, или мужчина?

— Ты помнишь, да?

Голос предательски хрипнул, а слёзы давили изнутри, грозя разразиться настоящим потоком. И не понятно, от чего рыдать хочется: то ли от умиления, то ли от счастья или от всего вместе разом.

— Я всё помню, — тень от рогов шевельнулась на стене, соглашаясь. — Так кто он?

— Ты, — Арха подошла, прижавшись к стенке бассейна, заправила мокрые пряди хаш-эду за ухо. — Был, есть и всегда будешь только ты.

Откуда они взялись, лекарка не заметила: может, из стен выскочили, может из пола выросли. Но вот только что была то ли лесная ночь, то ли и роскошная купальня и вдруг кругом плотные, чёрные силуэты, взблески лезвий, чей-то лающий приказ или вскрик. Загрохотав, покатился по полу опрокинутый столик, истерично звякнуло стекло.

Арху откинуло, накрыло водой, она заколотилась, забила руками, не соображая, где верх, а где низ. Вынырнула, хватая воздух кусками, как рыба.

— ... не выходи! — рявкнул Дан.

Ведунья метнулась в одну сторону, в другую, отыскивая его. Колонны кружились перед глазами, а лорда всё не было, не было... Наконец, Арха его увидела. Хаш-эд стоял, сгорбившись на краю бассейна, спиной к ней — совершенно голый, безоружный. Но силуэты, мерещившиеся выходцами из самой Тьмы, всё равно не спешили нападать, медлили. Лекарка в панике глянула на потолок — слишком низкий, истинному демону не выпрямиться, даже не разогнуться толком, а уж крылья...

— Ну! — рыкнул Харрат, будто подбадривая.

Тень бросилась на него, как пёс: единым прыжком, с места. И перелетела, плюхнулась в бассейн, подняв столб воды, закачалась. Архе примерещилось, что бес, ухмыляясь, пытается рассмотреть собственные лопатки и у него вполне могло это получиться — странно мягкая, вывернутая шея позволяла.

Лекарка брезгливо икнула, прижала ладонь ко рту, попятилась. Тут же поскользнулась, нырнула с головой под воду. Сквозь завесу пузырьков увидела, как там — на краю бассейна — тьма кипит, ходит, выстреливая искрами росблесков.

Чьи-то руки подхватили её подмышки, поволокли вперёд, больно саданув лопатками о мраморный край. Арха оттолкнула, обернулась, увидела, как Шай диким пластающимся прыжком перелетает чашу с парящей водой.

— Дан, лови! — крикнул ифовет, бросая металлическое, длинное.

Ирда, стоящая на коленях, опять развернула лекарку к себе, накинула на неё полотенце, растирая мокрые волосы.

— Не смотри, — посоветовала сагреша, одной рукой удерживая Арху за плечо, — они без нас разберутся. Не смотри! — повторила. Стальной хваткой взялась за подбородок, заставляя лекарку к себе повернуться. — Мной лучше любуйся.

— Как вы?.. Откуда? — просипела ведунья, сплёвывая воду.

Тошнота поднялась к горлу — пришлось зубы сжать, чтоб не выплюнуть желудок, опереться ладонями о мрамор, перегнувшись через собственный живот.

— Я ещё пока твоя телохранительница, — усмехнулась демонесса, участливо поглаживая девушку по спине. — Ну а где я, там и Шай. Так?

— Так, — согласилась Арха, старательно дыша. — Кто они?.. Там, которые?

— Да откуда ж мне знать? На оборванцев не похожи. Профессионалы, вроде.

— Профессионалы, — тупо повторила ведунья. Протянула руку в пустоту. — Помоги мне встать.

— Давай-ка я тебя отсюда лучше уведу. Ты у нас существо нежное, трепетное. В обморок ещё грохнешься, а полы тут твёрдые...

— Я не нежная и не трепетная! — вызверилась Арха, отталкивая заботливо поддерживающую её сагрешу. — А Адаш знал! Знал, понимаешь?

— Что знал?

Как Дан подошёл, лекарка не слышала, но хотя ещё с трудом соображала, где пол, а где потолок, мигом поняла, что это он обнял. И так же мгновенно успокоилась. Всё прошло, будто кто стряхнул: и паника, и тошнота, и дикая слабость. Даже боль, перепоясавшая по животу, исчезла. Ведунья и поняла, что она — боль — была, уже когда всё пропало.

Арха выпрямилась, прижавшись затылком к мокрой груди демона, закрыла глаза.

— Адаш знал, — пояснила спокойно. — Он знал, что на него тут нападут. И заменил тебя собой. Нами. Он ведь сам сказал, а я не поняла.

Дан молчал. Лекарка слышала, как размеренно бьется его сердце. Чувствовала ровное дыхание у себя на виске, горячую ладонь на боку.

— Разберёмся, — наконец, бросил хаш-эд.

Арха кивнула, хотя, наверное, в её одобрении никто не нуждался. Но, собственно, не для демонов этот кивок и предназначался.

[1] Дан намекает на их первое "свидание", описанное в истории "Заплатить за счастье"

Глава восемнадцатая

Приятно быть истинно плохим, когда вокруг все так лицемерно хороши.

(Император Нахшон II)

Его Высочество маялся. И не столько от осознания собственной вины, сколько от похмелья. Архе лишь стоило на него посмотреть, и у самой ведуньи голова заболела. Выглядел наследник престола непрезентабельно: причёсанный, умытый и свежевывбритый, но бледный с переходами в нежную зелень, глаза кровью налились, а под ними мешки, будто у старика. Ну и разило от кронпринца, будто от винной бочки. С год как опорожненной и всё это время на солнце пролежавшей.

— Ну что ты на меня тарачишься, лорд Харрат? — простонал Адаш, прикрываясь рукой: то ли смотреть на Дана ему неведомо было, то ли даже осеннее, не слишком-то и яркое солнце воспалённые зрачки резало. Лекарка бы поставила на второе. — Ну, хочешь, извинюсь?

— Нет, не хочу, — отрезал хаш-эд, кстати, на принца вовсе даже и не глядящий — демон взглядом стенку над его головой сверлил.

— И правильно делаешь, — кивнул его высочество, мучительно поморщившись. — Ну да, я подозревал, что на меня нападение готовят, дошли слухи. Ни у одного тебя толпа шпионов. И да, я решил: эти проклятые купальни станут идеальным местом для засады. Третий раз да: я послал тебя вместо себя. Но, во-первых, был уверен, что справишься. А во-вторых, успешнее меня разберешься, кто за ниточки дёргает. И, в-третьих, не откажешься, даже если напрямую попрошу. Зачем тогда слова-то тратить? К тому же я подумал, что элемент неожиданности только подстегнёт желание побыстрее разобраться в этом деле.

— Чем ты думал? — буркнул Ирраш, стоящий в тени возле камина. — Задом?

— Ладно, ладно, — отмахнулся Адаш, — я недооценил опасность, признаю. Пьян был, ясно? Не подумал, не просчитал! Да и кому нужна беременная баб... леди? И всё же хорошо закончилось. Так давайте закроем тему. Кузина, свет очей моих, вели подать вина. Башка трещит, сил нет. И, может, ты это... — принц обвёл пальцем рога, — пошаманишь как-нибудь, а?

Арха положила локти на подлокотники кресла, сцепила пальцы, молча глядя на его высочество.

— Не пошаманишь, — горько вздохнул кронпринц. — Злые вы все, уйду я от вас. Между прочим, ваш долг перед Тьмой охранять моё венценосное тело.

— Наш долг, — тяжело кивнул Дан. — Но не моей жены и не моего ребёнка.

— Кстати о жене! — вскинулся Адаш, полез в карман камзола, — я же вам обещал разрешение. Держи.

Лорд Харрат на брошенную ему бумагу и не взглянул. Свёрнутый трубкой лист, перетянутый алой лентой, проскользил по столешнице, остановившись на самом краю.

— Благодарю, Ваше Высочество, — поклонился Дан без малейшего почтения. — Это весьма своевременно. Я бы хотел, чтобы мой наследник появился в законном браке. Поэтому мы немедленно отбываем. Буду польщён, если вы посетите церемонию.

— Какую ещё церемонию? — принц раздражённо потёр лоб, явно думая о чём угодно, но только не о чужих свадьбах. И выпрямился, даже вперёд подался. — Куда это ты

отбываешь?

— В поместье, — спокойно пояснил демон. — В связи с резко ухудшившимся здоровьем. Печень подлечить стоит.

— Император не подпишет прошение на отпуск!

— Тогда напишу прошение об отставке, — пожал плечами хаш-эд.

— Дядя и его не утвердит, будь уверен! — рывкнул принц, саданув кулаком по столу.

— Значит, мне народу написано стать государственным преступником, — криво, одной щекой ухмыльнулся лорд. — Тогда буду ждать вас в Харрате. Думаю, род Роос сумеет достойно встретить императорскую армию.

Арха вцепилась в подлокотники, боясь и дышать, собственным ушам не веря. Ну не мог же Дан на самом деле угрожать принцу войной! Род Роос, все его вассалы — это, считай, большая половина южных провинций. Если они пойдут против императора... Главное-то, из-за чего?! Не в первый, да, наверное, и не в сотый раз Адаш использует гвардейцев, наплевав на их интересы. Но это же нормально! Они присягу ему принесли, они обязаны!

— Ты соображаешь, что говоришь? — медленно протянул его высочество — наверное, он тоже решил, будто ослышался. — Тьма со мной, но армию против тебя, скорее всего, вот он поведёт, — его высочество ткнул пальцем в Ирраша. — Я очень постараюсь, чтобы это был он.

— Не поведу, — шавер осклабился, блеснув клыками. — У меня тоже что-то печень не того, подлечить надо.

— А ты? — развернулся Адаш, громко скрипнув ножками кресла по паркету.

— А что я? — смутился Шай, почесав костяшкой нос, — У меня с детства здоровье слабое. А в Харрате источники целебные, водичка такая солёненькая. Особенно, говорят, для мужской силы полезно.

— На меня даже и не смотрите, — Тхия выставил руки, будто отгораживаясь, — моё место маленькое. Я всего-то личный секретарь лорда Харрата. Куда господин, туда и я.

— А ты, Адин?

— Ну, военачальник из меня, как из козы волторна, — развёл руками ивтор. — Так что вряд ли я вам пригожусь.

Адаш наклонился вперёд, опёрся локтями о колени, хрустнул суставами, обхватив ладонью кулак. Долго молчал, никто его и не торопил.

— Вы хоть понимаете, что делаете? — почти прошептал, наконец. — Это же предательство, самое настоящее предательство. Да ещё сейчас, когда...

Принц крутанул головой, усмехнулся, словно не веря, что всё не во сне происходит.

— Нет, Адаш, — так же тихо ответил Адин. — Вернее, это действительно предательство. Но не мы тебя, а ты нас предал.

— Нас? — хмыкнул кронпринц, исподлобья по одному оглядывая демонов. — Давно ли это «нас» появилось? Лорд в ответе только перед Тьмой и своим сюзереном — это закон.

— Ну вот так получилось, — развёл руками Шай.

— Некоторые законы и переписать стоит, — буркнул Ирраш.

— И мы шли за тобой и с тобой не только как за наследником трона, но и потому что считали: ты тоже часть этого «мы», — по-прежнему мягко добавил Адин.

— Да засунь ты свой пафос в!.. — Рывкнул принц, вскакивая. — Распустили нюни, как девки. Во Тьму всё, если честь лорда и офицера уже ничего не значит!

— И верно, — тяжело, с паузами между словами, выговорил Дан. — Во Тьму всё, если

даже для императоров честь уже ничего не значит.

— У нас с тобой... Прошу прощения, — Адаш размашисто, издевательски поклонился, — с вами слишком разные понятия о чести.

— Согласен, — кивнул лорд Харрат.

— И во всём этом виновата ты! — кронпринц развернулся, ткнув в сторону Архи пальцем, как клинком. — Радуйся: прибрала к рукам идиотов. Надеюсь, тебя развлечёт всё, что дальше будет. Сама до костра чуть не доехала, так своих обожателей под виселицу подведешь! Там и встретимся!

Лекарка сидела, прикусив губу так, что во рту солоно стало. Когда захлопнувшаяся дверь грохнула, только вздрогнула, боясь даже голову поднять, на демонов посмотреть. Дан сам подошёл, присел рядом с креслом на корточки, заставил к себе повернуться.

— Нам кое-что ещё уладить надо, а ты собирайся пока, хорошо? И дождись Ю с детьми, вместе отправимся.

Шай, стоящий за его спиной, подмигнул лекарке, Тхия улыбнулся, Адин кивнул подбадривающе, а Ирраш зыркнул злобно, отвернулся, сплюнув в камин. И, пожалуй, это было самым весомым подтверждением, что всё на самом деле в порядке. Ну, или станет в порядке.

***

Всё-таки у мужчин странная логика: сказал собираться и вроде как ценное указание дал. Но чего ей собирать? Себя, если только. Служанки суетились, укладывая какие-то сундуки, чемоданы. А лекарка, бесцельно переходящая из комнаты в комнату, им лишь мешала, да и раздражала, наверное. Но деваться некуда, разве что в сад выйти, только холодно там. А попросить подать плащ неудобно — итак все делом заняты, только она одна шляется неприкаянно.

Арха подошла к окну, отодвинула занавеску, бездумно глядя на подъездную дорожку. Странно, но у ворот стояли лошади — много. На всадниках красные мундиры городской стражи, а дальше ещё и пешие солдаты. Сторож втолковывал им что-то, размахивая руками.

— Совсем Ирраш с ума сошёл, — недовольно проворчала лекарка, отпуская занавеску.

Ирда, стоявшая сзади, перехватила штору, опять подняла.

— Боюсь, твой шавер тут не при чём, — покачала головой сагреша.

Станный у неё голос был, напряжённый. Арха пожалала плечами, снова в окно выглянула. Как раз в этот момент ворота распахнулись настежь. Первый всадник наехал на пятящегося сторожа, лошадь сбила беса грудью, сшибла с ног. Где-то в доме, кажется, на первом этаже, закричали.

— Быстрее! — Ирда потянула лекарку за руку, поволокла за собой. На ходу выхватила из груди ещё не уложенных тряпок что-то, набросила ведунье на плечи. — Шевели ногами! Потом разберёмся, что к чему.

— Не туда, — упёрлась ведунья, сообразив, что ифсоветка её к лестнице волочет, — лучше через сад, там калитка есть.

— Соображаешь, — одобрила сагреша, круто на каблуках разворачиваясь.

Арха и на самом деле соображала, да ещё как — за собственными мыслями не поспевала. Наверное, чего-то подобного она подспудно ждала. Потому и набитый кошель зачем-то в карман сунула сразу после того, как демоны ушли. И велела Ведьму оседлать, хотя Дан говорил, что они через Тьму пойдут. Впрочем, последняя предусмотрительность оказалась лишней — до конюшен им не добраться, задний двор как ловушка, с трёх сторон

стеной окружён.

Бежать было не просто и не поддерживай её Ирда, лекарка бы точно упала: живот перевешивал и в боку немедленно закололо, гравий набился в лёгкие домашние туфли. Но ведунья, решив с неудобствами позднее разобраться, рванула к зелёному лабиринту — до калитки так было короче, а все ходы и выходы Арха выучила, пока летом безуспешно Дана дожидалась.

Надо же, ведь совсем недавно мерещилось, что недостаток его внимания — это серьёзная проблема, катастрофа почти! Вернуть бы те времена.

Сагреша затормозила так резко, что ведунья ей в спину ткнулась, толкнула вперёд. Но ифоветка не отступила, наоборот, руку за спину завела, отодвигая Арху подальше.

— Давайте, давайте, дамочки, вылезайте, — подбодрил грубый голос. — Прискакали уже.

Ведунья осторожно выглянула из-за плеча демонессы.

Садовая калитка, до которой осталась всего ничего, стояла открытой — даже улицу видно, и медленно едущую по ней телегу, которую тащила заморенная кляча. Вот только выход перегораживали три беса в форме городской стражи. И самое неприятное: сержант, стоящий впереди, держал за шиворот рыжего Данаша. Мальчишка, оборванный и грязный, как самый настоящий бродяжка, повис в лапище стражника безвольной тряпкой.

— Здрости, леди, — паршивец, грустно шмыгнул носом, утёрся замурзанным кулаком. — А меня вот мамка к вам послала. Говорит, у ней на кухне прям дым коромыслом и гости припожаловали. Так что вам лучшее за печивом-то в другой раз послать.

Арха чуть было не спросила, чего это он несёт — уж слишком не вязалась Ю с кухней, дымом коромыслом и печивом. Но вовремя прикусила язык.

— Сержант, оставьте ребёнка в покое, — приказала, отойдя на шаг в сторону — так, чтобы Ирде под руку не попасться, если вдруг что. — Не думаю, что за поимку сына моей булочницы вам награду дадут.

— Так это и впрямь ваш служка? — хмыкнул сержант, развернув Данаша к себе. Мальчишка ещё разок жалобно хлюпнул и захныкал. — А я-то думал, что ворюга. Чего ж он замок провололочкой ковырял?

— Ключ я потерял! — завыл в голос пацан. — А леди Арха злая! Она меня и так каждый день на конюшне сама-а порет. А иной день и с утра, и к ночи! А потом мамка-а ишо! Дяденька, пожалейте сироти-инушку.

— Господин сержант, — перекрикивать вопли мелкого... лицедея, да ещё и говорить при этом холодно, стараясь подражать харатовскому тону, было ничуть не легче, чем по саду бежать. — Вы сюда явились воров отлавливать или обсудить моё обращение со слугами?

— А? — встрепенулся бес, замороженный данашовым выступлением. — Да нет. Это... Вы, стал быть, леди Нашкас? Только не говорите, что мол, горничная там или в гости заехали. У нас подробное описание имеется.

— Ну а если имеется, то зачем спрашиваете? — осведомилась Арха, кожей чувствуя, как уходит время.

Здесь-то стражников всего трое, а сколько их сейчас в доме орудует? И когда сюда явятся? Правда, и с троими-то непонятно, как справиться. Если Ирда стоит столбом, то значит, ей задача не по плечу.

— Порядок таков, — нравоучительно заявил бес. — Во всём порядок нужен. Мы вот щас вам приказ зачитаем. Только не у меня он, приказ-то. Потому пойдёмте-ка, дамочка, с

нами по-хорошему.

— Мне некогда, я спешу. Прикажите явиться... Ну, кто там у вас с приказом? Вот ему и прикажите сюда явиться.

Солдат, державшийся позади всех, совершенно беззвучно, плашмя рухнул, будто ему ноги подрубили — только копьё, которое он держал, о камне звякнуло, да и то едва слышно. Ируш, стоящая за его спиной, широко осклабилась, хотела было помахать рукой, но оглобля — самая натуральная, тележная оглобля, длиной раза в два больше девицы — потащила её назад, чуть не опрокинув.

Данаш, кажется, только этого и ждавший, ужом вывернулся из куртки, оставив её в кулаке сержанта и боднул беса в живот. Ирда тоже что-то сделала — Арха краем глаза поймала смазанное движение, но вглядываться не стала. Подскочила к согнувшемуся в три погибели бесу и, как Ирраш учил, рубанула сложенными в замок ладонями по толстой шее. Правда, попала по затылку — стражник лишь крикнул, зато руки у лекарки до самых локтей отнялись. К счастью, тут сагреша подросла и вроде бы сделала то же самое, что и ведунья, но бес лёг на пожухшую травку и затих.

— Что там у вас? — отдуваясь, спросила ведунья.

Вроде бы и немного сил приложила, а запыхалась.

— Да тоже самое, что и тут, — невозмутимо ответил Данаш, деловито вытаскивая из-под сержанта куртку. — Ю разбирается. Чего так долго-то? — набросился он на Ируш. — Я весь уссался, пока ты там конопатилась!

— Здрости, тётенька Арха! — начисто игнорируя возмущение мальчишки, разулыбалась беса. — Хорошего вам денёчка!

— И тебе того же, — отозвалась девушка. — Это старший сын Тхия, — негромко пояснила сагреше, плечом закрывая калитку. — И наша общая приёмная дочь.

— Я так и поняла, — кивнула Ирда, помогая лекарке, — воспитание лордов сразу видно. Просто в уши бросается.

***

К сожалению, столичная стража испытывала постоянную нужду в кадрах — до выхода на почётную пенсию в ней мало кто дослуживался. Год, максимум два и умные уходили сами, набив карманы золотом. Дураки тоже редко дольше задерживались — их ловили на взятках с поборами, били батогами и отправляли на рудники. А излишне честных «уходили» собственные товарищи по оружию, стоило только выяснить, что у солдата аллергия на должностные преступления. Правда, такие индивиды в стражники попадали редко, но всё же случалось.

Так или иначе, а текучка была ужасной, ветераны только и успевали научить новичков, как трясти импералы из лавочников, проституток да попрошайек, больше ничему. Именно поэтому brave вояки, вместо того, чтобы тактически отступить, ломанулись исполнять свой служебный долг не обратив внимания на хозяйку-граху. Знали бы они, на что способны нежные северные женщины!

Точнее, теперь-то знали. На собственной шкуре прочувствовали.

Поначалу Ю явно не собиралась зверствовать. Трое стражников чинно, при оружии, рядом лежали на пожухшей травке возле крыльца. Еще один сидел, подпирая спиной ступеньки крылечка, и очумело тряс головой — ему досталось меньше всех.

А вот потом к стражникам подошло подкрепление, и граха разозлилась. Вряд ли она сама вынесла входную дверь, лежащую теперь неубедительной грудой щебня. Но вот

сержанта за ремень на железный клин, невеста зачем торчащий из притолоки, подвесила явно она. Несчастные бес размахивал руками, дрыгал ногами, как перевёрнутый на спину жук, матерился сквозь зубы, но, к сожалению, освободиться ему это не помогало.

Ещё один вояка лежал в прихожей, накрытый медным тазом для варенья. Видимо, посудину Ю специально для такого случая припасла, потому что джемов госпожа Сарреш сроду не варила. Ну и ещё парочка бесов в алых мундирах обнаружилась у лестницы, ведущей на второй этаж. Один клубочком свернулся на нижней ступени, второй перевесился через перила — вот-вот свалится.

А наверху бой ещё продолжался. Там выло, грохотало так, будто в спальне Саррешей устроили смотр кавалерии. Гулко, как в бочку, лаял пёс, звонко тявкал щенок, победно верезжал ребёнок и всю эту какофонию перекрывал зычный рявк хозяйки: «Не подходи, падла, урою!»

— Там огр? — спросила сагреша, с опаской поглядывая на припадочно трясущийся потолок, с которого сыпалась побелка и труха.

— Нет, всего лишь метресса Сарреш, — нервно усмехнулась Арха. — Правда, раньше она так не выражалась.

— Это я научила! — гордо сообщила Ируш.

И спряталась за Данаша, с чего-то застеснявшись.

Ирда недоверчиво глянула на девчонку, на лекарку, снова задрала голову к потолку и рванула Арху в сторону. Вовремя, надо сказать: кубарем скатившийся со ступенек бес мог и сшибить ведунью, как шар кеглю. Ифоветка уже примерилась было пнуть его, но Арха остановила. Кряхтя, встала на колени рядом с ушибленным, приподняла веко, пальцами перед носом беса пощёлкала.

— Ну тётенька Арха! — заныла Ируш. — Ну давайте тока не сейчас, а? Вот вечно вы с всякими убогими возитесь, да ещё не ко времени.

Лекарка отмахнулась от девчонки, как от назойливой мухи, ещё ниже наклонилась над бесом, по щекам его похлопала. Солдат замычал страдальчески.

— Вы кто? — тряхнула его за плечо ведунья. — Зачем сюда явились?

— Приказ... — прощамкал несчастный разбитыми губами.

— Чей? Кто отдал приказ?

— Приказ. — Повторил бес, явно намыливаясь в обморок отправиться.

— Какой приказ? — Арха, недолго думая, отвесила стражнику сочную оплеуху. — Что вы сделать должны?

— Господина... и домочадцев его ар... арестовать, — выплюнул красным бес.

Кажется, Ю в сердцах ему не только рот разбила, но и нескольких зубов лишила. Правда, ведунье солдата почему-то совсем не жалко было. Наоборот, приходилось сдерживать горячее желание ему ещё и поддать, чтобы соображал шустрее.

— Куда вы их должны были проводить? — рявкнула, ещё разок стражника тряхнув.

— В Сырую башню, — выдохнул бес и всё-таки отрубился.

А лекарка едва рядом не легла.

— Эй, ты только в обморок не падай! — где-то далеко-далеко крикнула Ирда. Арха чувствовала, как её вздёрули. Понимала, что на ноги поставили, но тело было чужим, словно она за ним со стороны наблюдала. — Смотри на меня! Что за башня такая? Давай, отвечай!

— Императорская тюрьма, — пробормотала Арха непослушными губами.

А, может, ей только показалось, что вслух это сказала. Наверное, всё-таки показалось, потому как Сагреша её тряхнула, снова вопрос повторила. Где-то за гулом, за расплывающимся в пятно лицом ифоветки ведунья увидела Ируш. Точнее, не её саму, а огромные, почти с чайное блюдце глаза. Лекарка мотнула головой, сгоняя одурь.

— Императорская тюрьма, — повторила, тщательно выговаривая слова, — я там была.

Кажется, глаза у девчонки-бесы стали ещё больше, хотя такое в принципе невозможно — они и так половину физиономии занимали.

— Надо выбираться отсюда, — Арха растёрла лицо, пытаясь собрать разбегающиеся тараканами мысли. — вытащить Ю и убираться.

— По улице не выйдет, — мрачно, но торжественно, как распорядитель на похоронах, сообщил Данаш. — Там ещё отряд на подходе, а, может, и два.

Сагреша усмехнулась, облизнула клык, со змеиным шипением достала узкий меч из ножен — убивать приготовилась.

— Арха! Какой Тьмы тут творится? — рывкнула Ю, перегнувшись через перила.

Под левой подмышкой граха держала щенка и собственного, грозно размахивающего кулаками, истошно верезжающего отпрыска, в правой же руке сжимала кривую дубину. Кажется, когда-то она была частью кресельной спинки. Ни испуганной, ни встревоженной госпожа Сарреш не выглядела. И ушиб, уже вздувающий пурпурной подушкой левую скулу, даму не беспокоил — улыбалась Ю. И, пожалуй, даже счастливо улыбалась.

— Я ещё не знаю, но надо... — Лекарка обернулась, ища выход из разгромленной гостиной.

— Раз надо, тогда чешите через кухню к задней двери, — рывкнула граха, с конским топотом сбегая по лестнице.

— Здесь тоже есть сад и калитка? — изумилась Ирда.

— А у вас нет? — огрызнулась великанша.

— Да у нас всё больше подземные ходы. Или со стены — на крыльях.

— Ну а тут через стену на своих двоих. Но там не высоко, — любезно сообщила метресса Сарреш. — А ты кто такая, вообще?

Ю притормозила возле сагреша, нависая над ифоветкой горой, грозно перехватила пронзительно взвизгнувшего сына. Но Ирда, кажется, не испугалась не грахи, ни её детеныша.

— Я женщина Шая, — ответила спокойно.

— Ну а я жена Тхия, — кивнула великанша, — вот и познакомились. Ну что, девочки, вперёд или гостей ждать будем? Только не нравятся мне эти молодчики. То ли я опыт подрастеряла, то ли их Ирраш выдрессировал на наши головы, но кулаками они помахать не дураки.

Арха нервно хмыкнула, подпихивая Данаша в спину, одновременно пытаясь поймать за ошейник примчавшегося вслед за Ю, радостно подпрыгивающего на всех четырёх лапах пса.

Кажется, никого, кроме неё самой, сообщение про Сырую башню не поразило. Впрочем, лекарка прекрасно понимала: невпечатлительность рождает банальное незнание. Сама-то она хорошо помнила, что это за место такое — императорская тюрьма.

***

Наверное, недаром государственную канцелярию или по-простому Двор Чернильниц лет пять назад перенесли из императорского дворца в отдельное здание, находящееся в не самом благополучном и изысканном районе. Злые языки болтали, будто сделано это с

умыслом, мол: чтобы не докучали чиновники его величеству нудными делами, а клерки не отвлекались от работы. Так оно было или нет, Арха понятия не имела, но канцелярия её устраивала.

Длинный, выгнутый подковой пятиэтажный особняк стоял посреди реденького унылого садика, пытающегося выглядеть парком. Конечно, это великолепие была обнесено оградой, и ворота тут имелись, но всё это несерьёзное, хлипкое и охраны никакой нет, даже будка привратника пустовала. Впрочем, Дан вроде бы говорил, что стражники внутри, в здании. И мимо них даже мышь не проскочит. Не то что три женщины с детьми и собаками. Да пусть даже и одна. Стоит ли сейчас шум поднимать или разумнее сделать вид, что их, этих самых женщин, вовсе не существует — вот вопрос вопросов. Что её демонам поможет, а что помешает?

В соседних зданиях, забитых мелкими адвокатскими и нотариальными конторами, торговыми представительствами сомнительных компаний и прочей шелупонью, ни огонька не горело. Вечерело уже, на центральных улицах фонари зажигались, и все добропорядочные служащие давным-давно отправились по домам и кабакам. Правда, в самом Дворе Чернильниц несколько окон до сих пор светились.

— Ну и где мы их искать будем? — прошипела Ю. — Где хоть дановский кабинет-то?

Лекарка молча пожала плечами. В темноте её жеста могли и не заметить, но твердить, как попугай: «Не знаю!» — ведунья уже устала. Оказывается, она не знала ничего: ни что происходит, ни куда идти, ни у кого помощи просить. Вот и на каком этаже кабинет хаш-эда, да и существует ли в этом мире такой кабинет, понятия не имела.

— А ты уверена, что они здесь? — спросила Ирда.

На это Арха даже плечами пожимать не стала. Всё равно других вариантов никто предложить не мог. Адреса квартир — или домов? — Ирраша, Адина и Шая можно было смело сваливать в общую кучу незнания, а где ещё искать бывших гвардейцев, ведунья понятия не имела. Столица не деревня, в ней пятерых демонов икать посложнее, чем иголку в стоге сена.

— Чего мы ждём-то, тётеньки? — встряла Ируш. — Давайте, я сбегая да погляжу. А то и поспрашаю.

— Так тебя и пустили, — хмыкнула сагреша. — Но вопрос на самом деле интересный: чего мы ждём?

И на это лекарке ответить нечего было. Что-то её останавливало, не пускало из тёмной глухой щели между домами, куда они забились. Ну не хотелось ей к особняку идти — и всё. А когда Арха цокот подков по брусчатке услышала, и вовсе задвинулась дальше, потеснив Ю, прижалась к стене.

— Ты чего? Кареты испугалась? — удивилась граха, поднимая уснувшего на руках сына повыше.

Лекарка, не глядя, зажала великанше рот.

Три чёрных, наглухо закрытых, без намёка на окна экипажа прогрохотали колёсами мимо тупичка. Лошади с шорами на мордах едва притормозили у ворот, открывшиеся словно сами собой. Кареты проехали по короткой дорожке, встали, загородив вход в особняк.

Арха прислушалась, ожидая шума, звяканья железа, хотя и понимала, что даже случись внутри канцелярии бойня, отсюда она ничего не услышит. И действительно, тишина такая стояла, что в ушах звенело. Лишь всхрапывали, позвякивая упряжью кони.

Лекарка кивнула сагреше и, не проверяя, поняла ли Ирда её приказ, метнулась на

другую сторону улицы, в зыбкую тень от деревьев за забором, вцепилась в чугунные прутья, приподнялась на цыпочки, пытаясь разглядеть, что за экипажами происходит.

Долго ждать не пришлось. Первым вывели Дана — спутать хаш-эда с другим демоном даже в тусклом свете каретных фонарей сложно. Лорд шёл сам, только руки держал как-то странно, впереди себя — лекарка не сразу поняла, что у него запястья скованы. И в карету сел самостоятельно, его только в спину подпихнули. Шая ведунья по хвосту волос на затылке узнала. Ифовет ещё и обернулся к конвойным, наверняка, одну из своих шуточек бросил. А вот кто следующий был — Тхия или Адин — не разобрала. Ирраша выволокли последним, протащили по земле, как мешок, швырнули в экипаж. Дверцы хлопнули, будто крышка гроба.

— Тьма! — сплюнула Ирда, когда эхо от цокота копыт затихло.

Арха села на кирпичный фундамент решётки, ткнулась лицом в ладони, растирая виски. Она слышала, что подошли остальные, но никак не отреагировала. В голове было пусто — действительно, как во Тьме.

— До утра тут собираешься сидеть? — резкий голос Адаши уколол в висок.

На миг лекарке даже показалось, будто ей примерещилось. Ну откуда, на самом деле, здесь демонессе взяться? А с ругой стороны, почему бы и нет? Лекарка подняла голову, снизу вверх глядя на хаш-эдку. Странно, но та даже не ухмылялась.

— А ты что здесь делаешь?

— Наверное, то же, что и ты, — хмыкнула леди, усаживаясь рядом с ведуньей. — Опаздываю. Хотела предупредить.

— Новая смена хозяев? — устало спросила Арха.

— Ты о чём?

— Теперь, для разнообразия, ты кинула родного братца?

— Хреновые у тебя информаторы, — фыркнула демонесса. — Адаша арестовали ещё днём, да и меня с ним заодно хотели. Но... В общем, не получилось у них.

— Это император?

— Понятия не имею, — хаш-эдка помотала головой — лекарка видела, как качнулась тень от её рогов. — Дождаться, пока приказ прочитают, я, сама понимаешь, не стала. И как теперь узнать, лишь Тьма в курсе. Ведь я теперь государственная преступница, все дела.

— Дела, — невесть зачем повторила ведунья. — Что теперь? Сбежишь?

— У тебя есть другие варианты? Думаю податься на север. Там спокойно, лордов даже и раскачивать не придётся. Может, что получится.

— Ну, желаю удачи, — Арха встала, погладила нос подсунувшегося под руку пса.

— А то давай со мной?

Кто этому предложению больше удивился — лекарка или демонесса — понять было сложно. Адаша, сидящая нога на ногу, покачивающая сапогом, быстро глянула на ведунью и отвернулась независимо.

— Нет, спасибо, — помолчав, ответила Арха. — У нас другие планы.

— И куда ты? Если, конечно, не секрет.

— Не секрет, — усмехнулась девушка. — В бордель мы.

— Осознала, наконец, своё истинное предназначение?

— Осознала, — легко согласилась лекарка. — Я его давно осознала, выполняла только криво. Надеюсь, в этот раз выйдет лучше. Не хочешь с нами?

Адаша скривилась, будто лимон сжевала. Обвела взглядом стоящих перед ней, языком раздражённо цокнула.

— Бабский спецотряд, — пробормотала. Крутанула шей, словно разминая. Потянулась, зевнула даже. — Впрочем, это может быть забавно... Ну, пусть будет бордель.

— Забавы не гарантирую, но долги отдать сможешь, — пообещала Арха.

Глава девятнадцатая

Женщины всё чувствуют: любое изменение, малейший холодок в отношениях, даже самую крохотную ложь. Женщины всё чувствуют. Кроме момента, когда действительно стоит закрыть рот.

(Из записок старого ловеласа)

Наверное, прогресс и справедливость императорской тюрьмы тоже побаивались, поэтому сюда и не спешили. Да и содержание заключённых было делом весьма затратным, даже при минимальных расходах больно бьющее по казне. Потому власти Ахара любезно предоставляли возможность арестантам заботиться о себе самостоятельно. Не всем, конечно, а только привилегированным. Но за вполне узаконенную, хоть и немалую мзду, лорд, умудрившийся угодить в Сырую башню, мог получить и камеру получше, и еду повкуснее, и одеяло потеплее. Ну а если к установленной таксе добавить ещё и старшему тюремщику за труды, то тюрьма становилась местом не только вполне комфортным, но и приятным.

Например, для того чтобы пригласить к узнику, проститутку, требовалось всего лишь заплатить сумму, сравнимую со стоимостью хорошей лошади. А чтобы девица могла проникнуть в камеру без приглашения, нужно было дать денег ещё и на овечку. И все вопросы о праве арестанта на свидания отпадали сами собой. Как сказал толстый стражник, с которым Анита договорилась: «Это ж не пос-те-щение получается, а так, перепихон. Значится, можно!»

Оставалось только решить, кто пойдёт к лорду Харрату. Здравомыслие подсказывало, что лучше всего на эту роль подходит Ирда, только вот остальные такую логику считали ущербной.

— Ну вы сами-то посудите, дамы, — утомлённо обмахивая себя рукой, тянула бордель-маман. — Часто ли хаш-эдки такими вот делами промышляют?

— Да постоянно! Среди хаш-эдок шлюх больше, чем блох в местных постелях, — безапелляционно отрезала Адаша. — Достаточно посмотреть на дядюшкин двор.

— Оно и видно, — буркнула человечка, видимо, обидевшись на замечание о блохах.

— Да нет, она правду говорит, — поддержала Ю. — Твои рога только слепой не заметит. Лучше я пойду.

— Это какой же извращенец с грахой свяжется? — фыркнула Анита. — Если только такой же или, может, тахар. Но лорды-гвардейцы же иные.

— Ты на что намекаешь? — насупилась великанша, упирая кулаки в бока — Хочешь сказать, мой муж извращенец?

— Да не, я про другое, — сладко улыбаясь, замела хвостом хозяйка. — Просто сказать хотела, что у господина-то Харрата вкусы иные, изысканные. Он же ведь...

— А ты откуда про его вкусы знаешь? — нехорошо прищурилась Арха.

— Да тьху на вас! — сплюнула, осерчав, Анита. — Что не скажешь — всё мимо. Решайте сами, а мне всё равно. Хоть вон девку свою засылайте!

— А я могу! — с энтузиазмом встряла Ируш. — Вот ей-ей могу! И никто ничегошеньки такого не заподозрит! Всем ить известно, что лорды на зелень-то падки. Я ещё бантики привяжу и косицы вот так заплету, а тама...

— Хватит спорить, — Арха встала, хотя это было совсем нелегко — поясницу ломило, словно лекарку по спине ломом перепоясали. — Иду я. На этом всё.

— А то ж! — восхитилась человечка. — В самый раз! Не граха, так малолетка сопливая, а не она, так шаверка на последних сносях. Прямо как у этой стервы: «Неисполнимых желаний нету»!

— Что за стерва? — деловито поинтересовалась девчонка-беса.

— Да дура одна. У неё заведение на той стороне улицы, ближе к концу. Никакого понятия о приличиях! Ей только деньги плати — она тебе и девочку, и козочку, и зад самого императора подставит, да простит меня Тьма.

— Я иду! — прикрикнула Арха, для убедительности ещё и костяшками по столу пристукнув. — Это не обсуждается. Накину плащ пошире, а живот простынёй перетяну.

— Чтобы перетянуть твой живот, нужна не простыня, а саван, — покивала Адаша, играя кинжалом. — Знаешь, шаверы таким покойников обматывают. Там у них в полотне то ли сто локтей, то ли двести.

Лекарка хотела было ответить демонессе что-нибудь достойное, да отвлеклась — дверь скрипнула тихонько, стеснительно и в комнату бочком, по стеночке, прокрался Данащ, тут же попытавшийся скрыться за креслом, в котором хаш-эдка сидела. И всё бы ничего, не будь физиономия пацана невинной, как у младенца. Видимо, Ю тоже нехорошее заподозрила. Граха уцепила пасынка за шиворот, вытащила на середину.

— Ну? — спросила грозно.

— Что? — захлопал длинными ресницами мальчишка.

— Ты где был? — расшифровала вопрос Арха.

— В Сырой башне, — застеснялся Данащ, даже ногой по полу шаркнул. — Лорда Харрата навещал.

— И как ты туда попал? — сурово сдвинула брови лекарка. Демонёнок изобразил пальцами как. — Кто тебя пропустил?

— Ой, ну какая разница, кто и когда? — мигом соскучился наглец. — Главное же результат, так? Вы тут с утра собачитесь, ничего решить не можете, а время уже к обеду идёт. Вот я и... Ну, если вам не интересно слушать про то, как там лордов пытаются, то могу...

— Что? — пискнул кто-то, вполне возможно, что и сама Арха.

По крайней мере, горло у ведуньи перехватило до сиплого присвиста.

— А то! Мне потом всё показали: и дыбу, и Трон Тьмы, и аиста. Там ещё такая штука есть, называется...

— Их пытаются? — голос у Адаши был странным, слишком высоким, звенящим. Да и сама хаш-эдка, со своего кресла вскочившая, натянутую струну напоминала. — Кто приказал?! — рявкнула.

— Кому приказал? — озадачился Данащ, всей пятернёй поскрёб кудлатый затылок. — А! Вы про наших, что ли? Не, они смиреннько по камерам сидят. Это уж потом я стражнику монетку дал, и он меня в подвал свёл, объяснил всё. Так вот, эта штука...

— Ты лорда Харрата видел? — спросила Арха.

Может, чересчур резко спросила и даже грубо, но не было у неё никаких сил про «штуки» слушать. Тут бы на ногах устоять, не рухнуть. Спасибо Ирде — поддержала, даже табурет подвинула. Правда, садиться лекарка не стала, побоялась, что тогда точно сознание потеряет.

— Ну так, а я вам о чём толкую? — насупился демонёнок. — Вот прав Ирраш: бабы, как

куры — квох, да квох! И не слышат ничего.

— Что он тебе сказал?

Ведунья за рукав придержала Ю, разогнавшуюся пасынку затрецину отвесить.

— Ну чего сказал? Удивился очень и тоже, между прочим, даже не поблагодарил, — мальчишка вздёрнул брови, явно на что-то намекая. Вздохнул, никакой реакции так и не дождавшись, продолжил недовольно. — Велел вам срочно домой возвращаться, в особняк Харратов. То есть всем туда идти: и мне с Ируш, и Ю, и вон леди. Мол, в тюрьму нас не потащат, а только под стражу возьмут, чтоб никуда не сбежали.

— Он с ума сошёл? — озадаченно протянула Адаша, не уточняя, в чём душевном здоровье сомневается.

Ей никто и не ответил.

— А, да! Сказал ещё, чтоб вы у лейтенанта, который ваш дом сторожит, про письмо спросили. Но только тишком, чтоб никто не слышал. Он там, то есть лорд Харрат, всё расписал, во!

— Да рядом с особняком никому из нас даже показываться нельзя! — возмутилась хаш-эдка. — Мигом под домашним арестом окажемся, если не хуже!

— Знаю, — пробормотала Арха, на табурет всё-таки садясь. — Он этого и добивается.

— В смысле? — не поняла демонесса.

— Защищает, как всегда, — усмехнулась лекарка, разглядывая собственные руки, благонаравно на коленях сложенные. — Если дело до допроса дойдёт, сможем сказать: ничего не знали. Ну а сбежали, потому что испугались, не разобрались. Как поняли, так сразу вернулись. Мы верные поданные императора и всё такое. А про дела гвардейцев ничего не слышали.

— Ну мне-то вряд ли поверят, — пробормотала Адаша, теребя серьгу в ухе. — А вот для вас это на самом деле выход. Лучше уж так, чем с толпой детей шляться неизвестно где, да ещё и без медяка в кармане. Ладно, собирайтесь, я вас провожу.

— Нет, — упрямо мотнула головой Арха. — Если хотите — уходите, я никого держать не стану. Только скажите, как мне Шхара найти?

— И его заставишь долги отдавать? — усмехнулась хаш-эдка.

Лекарка промолчала, лишь кулаки стиснула. Да и что тут скажешь? «Я за Дана саму Тьму платить заставлю»? Звучит-то громко, только никакого смысла в словах нет. Лучше уж молча дело делать.

***

Младший братишка Ирраша явился не один, а с дамой, да ещё с какой! Имени её Арха, конечно, не помнила, зато последнюю их встречу забыть не могла, как не старалась. Конечно, в Дана она несколько не сомневалась, но червячок сомнения, пусть и крохотный, нет-нет, а начинал подгрызать. И деваться от него некуда.

— Эта что здесь делает? — рывкнула Адаша, ткнув пальцем в стороны шаверки, скромно прячущейся за спиной Шхара.

И очень своевременно давая ведунье возможность промолчать.

— Пришла со мной, — с истинно лордской вежливостью огрызнулся младший Нашкас. — А вот ты тут что делаешь, стерва?

— Ша! — громыкнула Ю. — Разойтись по разным углам, а то я вас сама... разойду!

— Да ты знаешь, как она меня с тем судом подставила? — вызверился едва не брызжущий слюной Шхар. — Эта сука обещала!..

— Ша, — гораздо миролюбивее повторила граха, разминая кулак. — Кто старое помянет, тому глаз вон.

Последнее прозвучало вовсе не поговоркой и даже не предупреждением, а скорее констатацией факта: начавший свару лишится глаза.

— Это моя невеста, — недовольно проворчал шавер, косясь на Арху. — Ну, я надеюсь, что Ирраш... В общем, я подумал: её лучше спрятать, мало ли что.

— А вы идёте не самым коротким путём, — съязвила лекарка — вот и хотела же промолчать, а не удержалась. — надеюсь, ваш жених в курсе, что вы беременны... Простите, что вы уже не беременны от лорда Харрата?

— Если госпожа позволит недостойной говорить, то я скажу: никакого ребёнка не было. И я никогда не делила ложа с вашим мужчиной, — шаверка сложила руки, низко Архе поклонившись. — Прошу прощения за мою ложь. По собственной воле никогда бы не осмелилась обманывать вас, не потребуй от меня другого господин Ирраш.

— Он попросил сказать мне, будто у Дана есть бастард?

— Не совсем так, — очаровательно улыбнулась дама, просто-таки сияя своей совершенной красотой и всё меньше и меньше нравясь лекарке. Хотя меньше, чем: «Терпеть не могу» — вроде бы и некуда. — Мне неизвестно, по каким причинам господин Ирраш желал, чтобы вы уехали из столицы...

— Да ясно по каким, — проворчала Адаша, — спрятать хотели.

— ... но он был уверен: по собственной воле вы на это не согласитесь, — в сторону демонессы даже не взглянув, закончила красотка. — Поэтому он велел поговорить с вами по-женски.

— Женский разговор — это признаться, что вы любовница Дана? — тяжело поразились ведунья.

— Согласитесь: это сработало, — улыбка леди вполне могла бы осветить комнату без всяких ламп.

— Слушайте, я ничего в ваших делах не понимаю, — встряла Ирда. Искося глянула на красавицу-шаверку, добавила решительно: — И понимать не хочу. Но, может, делом займёмся? Ты зачем этого позвала?

— Наверное, чтобы этот узнал, что происходит, — хмыкнул Шхар, подвигая к себе стул. Сел, закинув ногу на ногу, руки на колене скрестил. — А, заодно, сказал, что вам делать.

— Как-нибудь без твоих советов обойдёмся! — прошипела Адаша.

За спиной Архи грохнуло, да так, что лекарка в сторону шарахнулась, едва не снеся Ирду — сагреша только подхватить её успела.

— Извиняюсь, — тихонько рыкнула Ю, пнув останки стула. — Уронила случайно. Неловкая я. Вот боюсь, как бы шкафчик на кого-нибудь не упал, а то ведь рядом стою.

— Н-да, — крякнул Шхар, глубокомысленно оглядев граху с макушки до пяток. — В общем-то, узнавать на самом деле и нечего. Про арест Адаша, конечно, никто не вспоминает. Судя по всему, его удалось в тайне сохранить. А вот про всех остальных болтают и даже не осторожничают, удивляются очень. А значит, сверху не велели языки прикусить.

— Кто приказ подписал, ты узнал? — мрачно поинтересовалась хаш-эдка.

— Опять-таки, ничего сложного в этом не было, — пожал одним плечом Шхар. — Про принца не скажу, а все остальные бумаги поступили из канцелярии столичной стражи.

— То есть, ты хочешь сказать: приказы подписал Ирраш? — изрядно помолчав, с

расстановкой уточнила Адаша. — Или его опять с должности сняли?

— Ну, сейчас-то, наверное, уже и сняли, — согласился шавер. — Но приказ подписан его заместителем.

— А кто у него заместитель? — осторожно спросила Арха.

Наверное, нехорошо таких вещей не знать, а, может, даже и стыдно. Лекарка бы промолчала, не грызи хаш-эдка ногти с таким озадаченным видом.

— Да в том то всё и дело, что никто! — отмахнулась Адаша. — Ноль без палочки, предан по-собачьи. И, главное, на место Ирраша не метит. Он бес, кто такого капитаном назначит?

— Самое интересное, — оскалился невесть чем довольный Шхар, — под приказами подпись только одна. Их даже в императорской канцелярии не утверждали, а уж сам Нахшон этих бумаг в глаза не видел.

— И что это значит? — снова не выдержала лекарка.

— А это значит, их можно опротестовать, — разулыбалась и хаш-эдка. — Конечно, надо будет нанять хороших адвокатов, но теперь у нас есть шанс!

— Да какой там шанс? — Ю недовольно цокнула языком. — Сколько вы бумажками перекидываться станете? За это время только Тьма знает что случиться может!

— У тебя есть другие предложения? — насмешливо поинтересовался шавер.

— У меня есть, — подала голос Ирда. — Взять этого заместителя за жабры и хорошенечко потрясти. Пусть расскажет, кто, что и зачем.

— Ты спятила? — недоверчиво поинтересовалась Адаша, Шхар же просто башкой покрутил, поражаясь предложенной глупости.

— А я согласна с ней, — бухнула граха. — Все эти ваши заходы и подходы — дело хорошее. Но я уж лучше сама всё сделаю.

— Да кто тебе даст делать-то, — фыркнул шавер.

— А кто мне запретит? — спокойно осведомилась великанша.

— Да хоть ты подумай! — хаш-эдка почему-то обратилась к Архе. — Мы сейчас не в том положении, чтобы похищения высших офицеров устраивать, да ещё и за жабры их брать! Лучше сделать всё аккуратно и грамотно. Согласись...

— Сколько это времени займёт? — перебила демонессу лекарка. Адаша промолчала, а Шхар руками развел, мол: «У Тьмы спроси». — Хорошо. Что за это время случиться может?

— Знать бы, кто за этим стоит... — хмуро буркнул шавер.

— Поправь меня, если я чего-то не поняла, — поднажала ведунья. — Пока вы адвокатов ищите, а потом пытаетесь найти, чем им заплатить, чего-то там опротестовываете, Дана на самом деле могут начать пытаться? Или переведут в другую тюрьму? Или казнят?

— Это-то как раз вряд ли...

— То есть, всё остальное возможно, — кивнула Арха и обернулась к Ирде, глянула на хмурую Ю. — Мы действительно можем этого заместителя поймать? — спросила.

В ответ сагреша лишь усмехнулась, сложив руки на груди. На призывы «Очухаться!» и «Не сходить с ума!» ифсоветка ни малейшего внимания не обращала, лекарка, впрочем, то же. Ну а граха, болезненно морщась, шею разминала. Наверное, прикидывала, как бы половчее на крикунов шкафчик «уронить».

***

Брать Арху «на дело» никто, естественно, не планировал. И, конечно же, она пошла вместе со всеми, хотя лезть вперёд и мешаться под ногами лекарка не собиралась. Просто

оставаться запертой в задних комнатах борделя у неё уже никаких сил не было. Последние три дня и так дались нелегко. Все чем-то занимались, лишь она одна чувствовала себя абсолютно бесполезной, а, главное, беспомощной. И это мучило больше всего. А ещё неизвестность.

Каждое утро Данаш бегал в тюрьму, передавая её письма Харрату, но ответа ни разу не принёс — переписка лордам была строго запрещена, а денег на подкуп стражи не осталось, кошелёк, который прихватила с собой Арха, исчез, потерялся в суматохе. Судя по слухам, собранным Шхаром, по обрывкам разговоров, подслушанным демонёнком, с гвардейцами пока ничего страшного не случилось. Но только Тьма и знала, что в Сырой башне на самом деле происходило. И ведунья совсем не чувствовала Дана, хаш-эд закрылся от неё наглухо, а это пугало.

Потому легче было дом руками передвинуть, чем оставить лекарку под крылышком бордель-маман.

— Да где же он? — шёпотом прогудел Данаш, в очередной раз сплюнув. — Давно пора и появиться. Совсем у некоторых совести нет! Ждётся вот так, ждётся...

Плевался сын лорда Сарреша как заправский верблюд и не всегда попадал на брусчатку — досталось и архиной юбке. Но лекарка пацану ни слова не сказала. В конце концов, кто-то, волнуясь, губы обгрызает, кто-то плюётся — каждому своё.

— Ты лучше расскажи, как первый раз в тюрьму пробрался, — попросила Арха, не столько мальчишку успокаивая, сколько себя.

— Да чего там! — хмыкнул Данаш. — Анита-то верно придумала. Взял я, значит, кошелёк, да и пошёл...

— Какой кошелёк?

— Да твой же! — дивясь архиной недогадливости, фыркнул паршивец. — Ну вот, взял я его, пошёл к коменданту и давай ему фтюхивать дохлую крысу за бобра, мол: «Любит меня лорд, дня прожить не может, дайте, дяденька, его утешу. А он мне расскажет, где золото припрятал, я с вами потом ещё поделюсь». Он, понятно, уши-то и развесил. Чего сложного?

— Таки сделал из Дана извращенца, — хмыкнула Арха, нервно ладони растирая. — Ну, молодец!

— А то! — довольно равнодушно откликнулся Данаш. — Только вот не ценит никто и... — демонёнок оборвал сам себя, приподнялся с корточек, держась за стену, прислушался к ещё далёкой дробе лошадиных копыт и тарахтению колёс. — А вот и он! Ну всё, пора мне.

— А что вы придумали-то? — очень вовремя спохватилась Арха.

— Да всё хорошее до нас уже придумано, — отмахнулся демонёнок и исчез в темноте — как в воду нырнул.

Лекарка прислонилась к стене, плотнее плащ запахнула. Прижиматься к холодному камню было не слишком приятно, но такая опора уверенности придавала — слишком уж темнота действовала на нервы. Два приближающихся каретных фонаря казались глазами огромного чудища, а становящийся всё громче цокот подков бил по ушам. И не убежишь: как тут бежать, когда сама напросилась? И не спрячешься: уже спряталась, надежнее некуда. А всё равно страшно, хотя непонятно, чего и бояться...

Детский, очень жалобный, страдающий вскрик рванул ночь, как старую тряпку. Захрипели, заржали лошади, кажется, становясь на дыбы. Громко выругался кучер.

— Дяденька, вы моего братика задавили! — истошно заверезжала невидимая в темноте Ируш. — Совсем ведь задавили, насмерть! Что я мамке теперь скажу-у?

— В чём дело, Берест? — послышался такой уверенный, даже властный голос.

Тихонько хлопнула каретная дверца.

— Да сам не пойму, — откликнулся растерянный бас. — Откуда взялся — не видел, Тьмой клянусь! Будто сам под копыта бросился! Честное слово, метр...

— Уби-или! — голосила девчонка. — Насовсем уби-или!

— Посмотри, что там... — приказал уверенный и замолчал, словно рот ему заткнули.

А следом снова тишина рухнула, только и слышно, как упряжь позвякивает, да лошади испуганно всхрапывают.

— Метр... — неуверенно позвал возница. — Эй, где вы там?

— Ну вот и всё! — довольно констатировал Данащ, появляясь так неожиданно, что Арха сама едва не заорала. — Говорю же: самое умное до нас придумали. Если с отцом и лордами ничего не выгорит, так можно на тракты податься. Говорят, прибыльное дело, доходное!

На это лекарка ничего отвечать не стала. Во-первых, идея мальчишки ей удачной не казалась. А, во-вторых, сердце у самого горла прыгало и говорить мешало.

***

Бес, надёжно примотанный к стулу, упорно молчал, не желая отвечать на вопросы, но и сам ничего не спрашивая, лишь зыркал исподлобья. Для затравки Шхар уже съездил иррашевскому заму пару раз по физиономии, но мужчину это, кажется, ничуть не впечатлило.

— Ничего он не скажет, — тихо сообщила Адаша, поворачиваясь к пленнику спиной, — хоть на куски режь. Нашкас умеет подчинённых выбирать.

— Ну, это как резать, — не согласилась Ирда, вычищая кончиком кинжала ногти.

— Можно, конечно, попробовать, — кивнула Ю. — Помни, отец мой одному голову мёдом намазал и рядом с муравейником оставил. Солнце и за половину ещё не перевалило, а тот уже петь начал, как соловей.

— Так, — протянула Арха, не слишком понимая, что, собственно «так». Просто неудобно вдруг лекарке стало, некомфортно. А ещё подумалось, что Ллил не так уж и неправа была. — Хорошо, допустим, он нам расскажет, кто отдал приказ. И что дальше?

— А, может, об этом стоило раньше подумать? — ехидно осведомилась Адаша. — Да и вообще, говорят: думать полезно. Особенно если головой, а не тем, что у тебя шире плеч.

— А ещё говорят, будто завидовать нужно молча, — хмыкнула Ирда, совсем недвусмысленно окидывая взглядом фигуру хаш-эдки.

— Погодите, — лекарка подняла руку. — Нам нужно вытащить их из тюрьмы, так? Что для этого может понадобиться?

— Таран? — предположила Адаша.

— План нам нужен, план! — огрызнулась Арха, хрустнув сцепленными в замок пальцами. — Хотя бы примерно надо представлять, где их держат и как туда добраться. Ко мне тогда Ирраш приходил... Значит, капитан стражи это может сделать?

— Капитан стражи многое может сделать, — кивнула хаш-эдка, — но если ты надеешься, что он тебе нарисует разрешение вывести арестованных...

— Я надеюсь, что он мне нарисует, где камеры находятся, а где лестницы. Где ключи хранятся и как стража меняется, понимаешь? — прошипела ведунья. — И, думаю, для этого даже пытаться его не придётся.

— Это ещё почему?

— Да потому! Пусть он пошлёт особого дознавателя от городской стражи. Не к нашим,

конечно, чтоб не заподозрили, а к другим. Могут там быть какие-нибудь воры или убийцы? Ещё как могут! Вот пусть он и нарисует документ, так мы и узнаем всё, что надо.

— Я ничего не поняла, — призналась Ирда.

— Ну это же просто! — Арха стиснула кулаки, посмотрела на потолок, но ответа, почему никто не желает мозгами шевелить, там не нашла. — Этот бес, заместитель Ирраша, напишет бумагу, приказ — не знаю, как это называется! В общем, пошлёт дознавателя в Сырую башню по делу, для допроса какого-нибудь преступника. Этот дознаватель несколько раз туда ходит, делает вид, что работу выполняет, спрашивает там что-нибудь. А попутно узнает, где держат лордов, как к ним добраться, где ключи лежат, нарисует план здания, может, слухи соберёт. В общем, выяснит то, что Данашу не удалось. Думаю, такой документ из этого заместителя получится вытянуть и без муравейника с мёдом. Это же не предательство, верно?

— А где ты возьмешь дознавателя, который станет нам подыгрывать? — спросила Адаша.

— Да вот его зашлём, — Арха кивнула в сторону Шхара, который с настойчивостью дятла пытался добиться от беса ответов на одни и те же вопросы. — Не могут же в Сырой башне всех стражников в лицо знать?

— Это бред! — вынесла вердикт хаш-эдка, раздражённо выдёргивая локоть из руки ведуньи.

— Знаешь, я уже не раз убеждалась: бредовые идеи работают куда лучше, чем ваши накрученные интриги, — усмехнулась лекарка. — А первая мысль самая удачная.

Адаша раздражённо рогами покачала, но дальше спорить не стала. И на том спасибо.

***

К сожалению, природе было начхать на все планы вместе взятые, а, может, это у Тьмы чувство юмора опять проснулось, но небо, ещё вечером хмурое, дождливое, к полуночи развиднелось, и яркая луна повисла над шпилями тюрьмы совиным глазом. Белое молоко света заливало поблёскивающую грязь, превращая её в серебро. Наверное, только в такие вот ночи дорожка, по которой золотари из Сырой башни нечистоты вывозили, и выглядела прилично. Правда, вонь от красоты не убавилась.

— Ничё! — Данаш, рассматривающий стену и врезанные в неё маленькие, но отнюдь не хлипкие воротца, деловито утёрся рукавом. — Нас и так ни одна крыса не заметит.

— Будьте осторожнее, — наверное, в десятый уже раз попросила Арха. — Ируш, ни в коем случае не трогай большой колокол, только маленький. Запомни: сигнал пожара — три коротких удара. Раз, два, три. Потом пауза, а потом снова: раз, два, три. А если ударит набат, то сюда вся городская гвардия примчится.

— Да помню я, тётенька Арха, — тоскливо протянула девчонка, — Чай, не старуха.

— Данаш, — игнорируя бесу, долдонила лекарка. — Мы не знаем, сколько стражников побегут огонь гасить, но комендант точно с места сорвётся. Дождись, пока он выйдет, и бери ключи. Они у него в ящике лежат. Хватай всю связку, понял? И со всех ног беги сюда, Шхар, Ирда и Ю будут тебя ждать. Только не забывай, что у калитки тоже стражники стоят, поэтому остановись чуть в стороне, свистни. Вы... — ведунья обернулась к шаверке, чьё имя уточнить так и не удосужилась. — Поджигайте солому под стеной только тогда, когда услышите колокол, но огниво держите наготове. И сразу бросайте на ветки, чтобы дыму было побольше. Ирда, шхаровский план у тебя? Не перепутайте лестницы и...

— Остановись, ладно? — Шхар взял ведунью за локти, встряхнул легонько. — Все всё

помнят, десять раз обговаривали. Твоё дело маленькое: стой и жди. Я провожу Рахшу к костру и вернусь, а ребята пока пусть свою работу делают.

Арха покорно кивнула, закусив щёку, назад отступила.

— Ну, Тьма с нами! — выдохнул демонёнок и рванул вперёд, будто земля ему пятки жгла, Ирруш следом понеслась.

Через стену они перебрались ловко и бесшумно, как ящерицы. Сразу видно — не в первой такие преграды преодолевают. Впрочем, сейчас это только на руку играло.

Арха, не зная куда себя деть, нервно топталась на месте, тёрла ладони — даже Ирда на неё стала поглядывать с раздражением. Вернулся Шхар, кивнул, мол: «Всё в порядке», а сторожевая башня, чернильным росчерком темневшая чуть левее донжона, так и стояла — ни движения, ни огонька. Лунный свет, облизывающий её бока, подсвечивал пустые провалы бойниц, издевательски поблёскивал на колоколах: одном огромном, а другом маленьком, почти игрушечном.

Ведунья не знала, сколько времени прошло, когда под ними, наконец, крошечная фигурка появилась. Ей показалось, что вечность. А ещё примерещилось, будто беса уменьшилась в несколько раз, уж слишком низенькой она была, даже до верёвки, свисающей с колокольного языка, не дотягивалась.

Ирруш подпрыгнула, ещё раз и ещё, но всё же ухватилась за канат, прилипла, будто жук к травинке.

— Не раскачает, — выдохнула Ирда.

Девочка возилась на верхушке башни — не понять, что и делает. Потом мелькнула, отталкиваясь от стены ногами. Но силёнок у бесы явно не хватало, потому и раскачивалась она всё сильнее. И таки добилась своего — колокол ударил: раз-второй-третий. Ирруш спрыгнула вниз, по инерции отлетев в сторону, забила, словно муха в паутине.

— Там тросы натянуты, — простонала Ю, — чтоб в одиночку с колоколом с большим колоколом справиться. Сейчас...

Звонко, протяжно, как будто с натугой прогудел набат.

— А, Тьма! — выругался Шхар. — Уходим!

— Уже! — во весь голос и всё равно с трудом звон перекрикивая, рыкнула граха. — Без детей я не уйду!

— Ломайте дверь! — рявкнула Арха. — Ю!

— Так и знала, что таран нам пригодится, — пробормотала Адаша, оттаскивая лекарку в сторону.

Вспыхнули магические фонари, ослепив до слёз, заставив локтём прикрыться. Бешеной медведицей взревела великанша, что-то грохнуло — лекарка не поняла что — лязгнула сталь. Кто-то крикнул коротко, яростно. Арху поволокло вперёд, потащило с такой силой, что она едва успевала ноги переставлять. Над ухом орала хаш-эдка, кажется, требуя бежать быстрее, но за грохотом её почти не было слышно. Ведунье казалось, что стены тюрьмы рушатся и вот-вот их завалит обломками.

— Там боевой маг! — тоненько, по-комариному пискнул Шхар, хотя, наверное, от тоже кричал, надрывая связки. — Я туда!

Грохот притих, как отрезанный — не исчез совсем, но словно отдалился, за стеной остался. Арха оглянулась на захлопнувшуюся за ними дверь, посмотрела на Адашу, будто обсыпанную мукой, на хмурую Ю, на не побледневшего, а даже посеревшего Данаша — и ничего не поняла.

— Маг там, — сквозь зубы процедила хаш-эдка, по-кошачьи брезгливо отряхивая белую пыль. — А Шхар, как обычно, всё проворонил. Считай, нам повезло. Теперь пока разберутся, что к чему, немного времени есть. Тьма! Это ж надо! Пять дней тут пастись и не узнать, что у них в страже маг есть!

— Пошли, — буркнула граха, — потом навозмуцаешься.

— Сообразить бы ещё, куда идти, — проворчала демонесса, вытягивая из-за раструба перчатки сложенный лист.

— Я знаю, — остановила её лекарка, собственный голос как со стороны слыша, — помню. Сейчас прямо, а потом по лестнице и направо.

— Ну, веди, — фыркнула Адаша, кажется, в осведомлённость ведунье несколько не поверив.

Но Арха-то действительно знала, куда идти, план, составленный Шхаром, наизусть выучила. Вот только помнила она и то, что впереди по коридору, ведущему в камеры, ещё один пост должен быть.

Он и был: стол, а на нём, в трехрогом подсвечнике, сальные свечи горели. Ещё полупустая кружка с пивом стояла. Стул валялся на полу, словно в спешке опрокинутый. И ни души кругом. Архе примерещилось, будто дальше, там, где свет факелов сливался в зыбкий полумрак, мелькнуло: то ли тряпку подбросили, толи лёгкое покрывало сквозняком раздуло. Лекарка моргнула и всё пропало, остался лишь пустой коридор, остро воняющий тюрьмой.

Впрочем, даже если и не показалось, была ли разница?

Лекарка тряхнула головой, отобрала у Дана увесистую связку, пошла к дверям, ещё и на внушительные запоры закрытые.

— Мы как, всех заключённых освободить будем или выборочно, исключительно лордов? — бросила ей в спину хаш-эдка.

— Всех, — кивнула Арха, перебирая ключи, — открывайте камеры.

— Ты серьёзно?

Лекарка плечами передёрнула, а отвечать ничего не стала, потому что нужный ключ нашла.

— Дан! — позвала, ещё дверь до конца не открыв.

— Ты что тут делаешь? — рявкнул демон, сразу за порогом стоявший.

— Я... Мы... — пробормотала Арха, совсем не такой реакции ожидавшая. Девушка глянула на хаш-эда и тут же взгляд отвела: в глазах Харрата бушевало такое пламя, что даже ресницы с бровями оранжевым подсвечивались. — Мы вас... спасаем.

— Зачем?! — сквозь стиснутые зубы выдавил Дан, кажется, едва сдерживающийся, чтобы... Чтобы что-то не сделать. Демон запустил обе пятерни в волосы, рванул, с силой растёр лицо. — Ладно. Это потом.

Лорд отодвинул ведунью в сторону, будто мебель, вышел из камеры.

Да уж. В мечтах Архе эта встреча совсем по-другому представлялась.

Если женщина не скрывает своего возраста, значит, она нагло довольна собой.

(Из высказываний императрицы Эрханы)

Шавер, едва не придавив собой Шая, свалился, как кот, не удержавшийся на ветке, ну или будто снег на голову — неожиданно, в общем. Ифтор, ещё толком отдышаться не успевший, придушенно мявкнул, шарахнулся в сторону, сбив Ирраша. Тот схватился за Адашу — в общем, получилась безобразная куча мала, разбившаяся словно волна о мол, об лорда Харрата, прикрывшего лекарку.

— Бардак, — брезгливо поморщившись, констатировал хаш-эд. — Бордель на прогулке!

— Притон? — предложил Шай, даже не пытаясь встать.

— Дурдом, — не согласился Ирраш, раздражённо отряхивающий одежду.

Арха могла бы поспорить. Ей компания сборище бродяг напоминала, причём долго удиравших от городской стражи через особо колючие кусты с периодическими занырами в овраги. Грязные, оборванные, запыхавшиеся и дико злые демоны только злостью, пожалуй, и напоминали высоких лордов. Но это и понятно: всем известно, выбраться из тюрьмы гораздо сложнее, чем в неё попасть. К побегу эта аксиома была применима полностью.

— Что там? — мрачно поинтересовался Дан, взглядом буравя Шая, который вроде бы подниматься собрался, но почему-то передумал, так и остался стоять на одном колене, зажимая ладонью плечо под уже знатно подмокшей, потемневшей курткой.

— После того, как вы смылись, там совсем весело стало, — сплюнул Шхар, как-то неуверенно поглядывая на Харрата снизу вверх. — По всей видимости, когда ударил набат, городские патрули решили, что Сырую башню взяли штурмом. Тем более что во дворе заваруха ещё та была. Тюремный маг расхреначил стену, да и ваша бешенная ифсоветка солдат, как капусту шинковала.

— Ну так! А чья школа? — во всю пасть разулыбался Шай, но тут же сник, увял под грозным хаш-эдовским взглядом.

— Дальше что? — ещё мрачнее спросил Дан.

— А дальше они, в смысле городская стража, вынесли главные ворота. Вот уж не думал, что решётки такими хлипкими бывают, — покачал головой шавер. — И тут кто-то начал орать, мол: «Где принц? Адаш, мы идёт на помощь!» — ну или что-то вроде этого.

— Это я, я! — аж подпрыгнул от распиравшего энтузиазма Данаш. — Дайте дальше расскажу! Когда этот маг по стене бахнул, я слышал, как комендант завопил, приказал солдатам левое крыло охранять и никого туда близко не подпускать. А Шхар же говорил, что принца отдельно от всех держат. Ну я и сообразил, что он в том крыле. И тут как раз ворота начали ломать. Вот и начал кричать.

— Зачем? — нахмурился Дан.

— Ну как зачем? — даже обиделся демонёнок. — Те, кто внутри были, решили, что те, кто снаружи принцу на помощь идут. А те, кто снаружи, наоборот подумали. И ка-ак бросятся друг на друга! А тут ещё заключённые понабежали отовсюду и такая махаловка пошла — просто ух! Загляденье смотреть!

— Арестованных-то кто выпустил?

— Мы, — не слишком смело подала голос лекарка. — То есть я. Решила, что чем

больше суматохи, тем проще выбраться.

Демон даже не обернулся. Он вообще не шевелился: стоял, как каменное изваяние самому себе.

— Дядя Дан, отец, но ведь всё же как надо получилось, — наконец, заподозрив, что-то идёт не так, заскулил Данаш. — И Ирда с Ируш убежали, я видел. Наверняка, они к Аните подались.

Ирраш, едва не чеканя шаг, подошёл к дереву и со всей дури саданул по нему кулаком, лишь щепки в стороны брызнули. Потом ещё раз.

— Чего это он? — прошептала Ю на ухо Архе, та в ответ только плечами пожала.

— А ему это всё разгребать, — любезно пояснил лорд Харрат, головы повернуть так и не удосужившийся. — Кто будет отвечать за массовый побег? За драку в тюрьме? За то, что городская стража с охранниками сцепилась? С кого, как не с капитана этой самой стражи спрашивать? Ах, да! Ему же ещё всех беглых отлавливать придётся!

— Почему ему? Он же уже не... — начала ведунья и замолчала.

Смысл возражать, если даже не понимаешь, о чём говорят?

— Так что вы тут делаете? — выдержав паузу, тихо, почти шёпотом, осведомился Дан.

Арха схватила Ю за руку, а та — предательница — ещё и отступила. Правда, наткнулась на молчавшего Тхия, улыбнулась неуверенно и будто даже в размерах уменьшилась. В общем, защищать подругу она явно не собиралась.

— Дан, — Арха, сухо сглотнув, попыталась выдать что-то, хотя бы отдалённо смахивающее на вразумительное, — я говорила, мы...

— Я спрашиваю. Что. Вы. Тут. Делаете? — ещё тише выговорил хаш-эд, чеканя каждое слово.

— Мы...

— Почему вы не в особняке?! — заорал демон, наконец-то обернувшись. Лучше бы он этого не делал, уж больно страшен оказался лорд Харрат. — Почему вы не под охраной трёх взводов стражи?! Какой Тьмы, чтоб вас всех разодрало, вы тут бунты устраиваете?! Почему ты не можешь сидеть там, где я тебя оставил?

— Потому что я не твоя ручная болонка? — рявкнула в ответ Арха, которую происходящее сумасшествие окончательно допекло. — Ты действительно думал, что я сложу лапки и буду дожидаться, пока тебя на виселицу поволокнут? Может, мне ещё и платочком вслед стоило помахать?

— Ты, Свет тебя побори, моего ребёнка носишь!

— Надо же, теперь ребёнок нам вдруг дорог стал? — коротко хохотнула лекарка.

— Ты соображаешь, что говоришь?

— Нет, — спокойно заверил его Адин, вставая между демоном и Архой, даже руки в стороны расставил. — Не соображает. И ты тоже. Заканчивайте орать, иначе сейчас сюда вся столичная стража сбежится.

Дан пыхтел, играл желваками, полыхал глазами, но молчал. Ведунья тоже зубы сцепила, несмотря на то, что сказать хотелось многое.

— Очень хорошо, — похвалил Адин. — Теперь давайте так. Насколько я понял, ты, Арха, письмо Дана не получила. Почему?

— Потому что они из особняка рванули, даже не удосужившись выяснить, кто и зачем пришёл! — рявкнул хаш-эд. — Между прочим, умудрившись покалечить трёх стражников.

— Про покалечить я ничего ему не говорил! — пискнул Данаш, но никто на него

внимания не обратил.

— Мне непонятно, почему они туда не вернулись?!

— Да потому!..

— Стоп! — хлопнул в ладоши Адин. — В общем, письма Арха не читала и что происходит, не поняла. Предлагаю остановиться на этом. — Понимаешь, — ифтор развернулся к ведунье, бесстрашно оставив пышущего яростью хаш-эда за спиной. — Мы долго считали, что нашим главным противником является императрица.

— Я в курсе, — буркнула лекарка.

— Да, но в последнее время и она, и император ведут себя очень странно: они вообще бездействуют. Мы связаны, ничего не можем предпринять, не зная и даже не предполагая, как они поступят в ответ. Да и уверенности теперь уже нет, что палки в колёса нам именно они ставят. Мы начали думать: может, Адаш ведёт двойную игру. Он это и подтвердил, кстати.

— Давай покороче, — проворчал Тхия, — время идёт.

— В общем, мы решили их спровоцировать, заставить действовать. Проще всего этого добиться поступком, которого от тебя никто не ожидает. Поэтому Ирраш и инсценировал... — Адин почесал бровь. — Точнее, приказал нас арестовать.

— Бред, — помолчав, уверенно кивнула Арха. — Это самый бредовый бред, который я слышала.

— Вовсе нет, — Адин мягко взял её за руку. — Во-первых, достаточно было дать делу законный ход, чтобы нас с извинениями выпустили. Во-вторых, нет ничего надёжнее императорской тюрьмы. Государственного преступника, сидящего в Сырой башне, отравить, заколоть или ночью подушкой придушить гораздо сложнее, чем лорда, спокойно живущего в своём доме.

— Зато его можно там до конца дней оставить или на плаху отправить!

— В принципе, да, — улыбнулся с неподражаемой лордской снисходительностью ифтор. — Но мы-то не простые заключённые. Поверь, всё продумано, приготовлено и трижды подстраховано.

— Вот только никто не брал в расчёт команду бешеных баб, которые нас освободить ломанутся, — рявкнул Ирраш, ещё разок саданув по дереву.

И отвернулся, облизывая костяшки, будто на других ему неумоготу смотреть было.

— Но почему вы нам просто не рассказали? — Арха выдернула ладонь из руки демона, потёрла лицо. — Не настолько уж мы и дуры.

— Как? — устало спросил Дан. Беситься он уже перестал, но лучше б уж злился. Теперь хаш-эд выглядел так, словно у него никаких сил не осталось. — Нашей... связью я пользоваться боялся — мало ли? Слишком уж это ненадёжно. У Тхия дома чересчур много лишних ушей и языков, который могут что угодно разболтать.

— Я не трепач! — возмутился демонёнок.

— На чьей стороне Адаша, не угадаешь.

— Вот спасибо вам огромное, мессир, — отвесила поклон демонесса.

— У нас в особняке полно слуг. Никогда не знаешь, кто может подслушать и кому донести, понимаешь?

— Нет, — честно призналась Арха. — Это паранойя.

— Это предосторожность, — не согласился хаш-эд, проведя пятернёй по волосам. — Ты вместе с Ю и детьми должна сидеть в особняке под охраной. Лейтенанту, который должен

был вас охранять, я доверяю. Ты обязана быть в безопасности! А вместо этого...

— Ты доверяешь мне меньше, чем какому-то бесу? — взвилась Арха. — Не делай вы из всего тайн, не накручивай на пустом месте сложностей, ничего и не случилось бы! Ты даже закрылся от меня, чтобы я и чувствовать не могла!

— Да никто не закрывался, просто стены в тюрьме экранированы. Я же хаш-эд, а не бес какой-нибудь! — заорал демон, мигом выйдя из апатии и с головой ныряя в ярость. — До тебя так и не дошло: всё слишком серьёзно! Вы не имеете права пострадать! Вы принадлежите мне! Ясно? Во Тьму всё остальное!

— Моё мнение тоже? — ровно уточнила ведунья.

— Да, если речь идёт о твоей жизни!

— Замечательно! А теперь послушайте меня, лорд Харрат! — рывкнула Арха, ткнув пальцем в грудь демона. — Мне чхать на то, что вы думаете, если речь идёт о вашей жизни! И во Тьму всё остальное! Ты тоже принадлежишь мне. Ясно?

— Они друг на друга похожи больше, чем я думала, — протянула Адаша, задумчиво покусывая ноготь на мизинце.

— А то! — фыркнул Шай. — Арха тихая-тихая — воды не замутит. Но если уж её достало, то тут только держись!

— Любовь — она такая, — покивала Ю, пытаясь заглянуть в глаза Тхия.

— Всё это здорово, — буркнул Данащ, недовольно косясь на орущих лекарку и демона. — Но чего мы тут сидим-то? Ждём, когда кто припожалует?

— Нет, — проворчал подошедший Ирраш. — Ждём, когда в Сырой башне бардак закончится и стража начнёт город прочёсывать. Тогда будет больше шансов проскользнуть. И не нарваться на случайный патруль, который несётся куда-нибудь, сломя голову.

— Твоя логика меня пугает, — заметила Адаша. — Но доверюсь профессионалу. Вопрос только в том, куда нам податься? Все выезды теперь уж точно перекрыты намертво.

— А это уж пусть Дан решает, — пожал плечами Шай, глянув через плечо на собачающуюся парочку.

Впрочем, орать они перестали, но и решать ничего лорд Харрат явно не собирался. По крайней мере, в ближайшее время. Занят он был, с невестой целовался.

***

Как не парадоксально звучало утверждение Ирраша, но мимо организованных патрулей, густой сетью тралящих столицу, проскользнуть оказалось довольно просто. Точнее, просто это было для демона, саму систему разработавшего. Он буквально до минуты знал, где и когда должны появиться стражники и вперёд шёл уверенно, то едва на пятки солдатам не наступая, то заставляя прятаться в подворотнях, даже дыхание сдерживая, то подгоняя вперёд.

К императорскому дворцу они вышли, когда за тонкими нитками дыма, всё ещё тянущимися от шпилей Сырой башни, за жидким туманом, поднимающимся с реки, небо уже светлеть начало. На фоне его зыбкой серости громадина замка выглядела притаившимся чудовищем — не спящим, а выжидающим чего-то. Сад за решёткой ограды чернел непроходимым бором, вокруг ни огонька и тихо, будто на кладбище.

Лорд Харрат подошёл к калитке свистнул приглушённо и странно, с переливом, прислушался. Арха никакого ответа не услышала, но хаш-эд кивнул довольно, сунул руку куда-то за решётку забора и в сторону. Калитка, приглушённо скрипнув, открылась.

— А разве стражи тут нет? — шёпотом спросила лекарка, цепляясь за рукав Шая.

— Мы тут сами стражей сколько лет были! — ухмыльнулся демон.

— То есть вот так просто любой может зайти к императору в гости?

— Ну, не любой, конечно, но может.

Ирраш, обернувшись через плечо, раздражённо цыкнул. Пришлось лекарке придержать любопытство, идти молча.

Если Арха когда-нибудь и представляла себе императорское жилище, то совсем не так. Она-то ждала лепнины с позолотой и прочих роскошеств, а увидела унылые, даже убогие строения. Рассохшиеся двери, скучные коридоры, чем-то напоминающий подъезд в доходном доме. Тут тоже было довольно темно: фонари, хоть и магические, светили тускло и расположены были довольно далеко друг от друга. Каменные полы тут не мыли и не подметали уже пару лет, а, может, и больше. Ступеньки лестниц надсадно поскрипывали и откуда-то тянуло подгоревшим луком. И опять-таки: кругом не души.

— Сейчас выйдем в личные покои императрицы, — едва слышно предупредил Шай.

— Отсюда? — поразилась Арха.

Но, как оказалось, удивлялась она зря. За очередной довольно обшарпанной дверью и тяжёлыми портьерами, в которых ведунья, конечно, немедленно запуталась, находилась роскошная гостиная. Впрочем, убранство особняка Харратов с этой комнатой могло и поспорить. А ещё лекарке примерещилось, что это помещение она уже когда-то видела. По крайней мере, демонята с крыльями и обилие нарисованных гирлянд из розочек казались узнаваемыми.

Обойдя кривоногий диван — света из громадного, от пола до потолка окна как раз хватало, чтобы мебель разглядеть — Арха подошла к стене, потрогала пальцем позолоченный деревянный виток панели. И отряхнула руку о подол, хотя никакой пыли тут и в помине не было. Просто до лекарки дошло: дом, в котором она теперь жила, наверное, тоже императрица обставляла. Впрочем, тогда она короны, конечно, не носила.

— Вы не одобряете мой вкус, милочка? — раздался из темноты хриплый, скрипучий с противным пришепётыванием голос.

Арха вздрогнула, резко на пятках развернувшись. Испугалась не она одна: кто-то приглушённо охнул; кто-то громко шаркнул по паркету, выругался, наверное, наткнувшись на мебель; звякнула сталь.

— Нет, мыслей я не читаю, — шелестяще хихикнув, заявил призрачный голос. — Это просто опыт. Опыт и много-много прожитых лет. Вы поморщились, вот мне и подумалось, что наши вкусы разнятся. Кстати, никаким особым зрением я тоже не обладаю. Знаете, чем ближе Тьма, тем меньше света требуется.

— Вы кто? — не выдержала Арха.

— Не хорошо, не вежливо. Родственников следует и по голосу узнавать.

Сухо щёлкнуло кресало, высекая искры, затеплился крошечный огонёк, потом ещё один и ещё. Тёплый оранжевый круг света от зажженных свечей пополз, разрастаясь, обрисовывая тёмную женскую фигуру. Вернее, даже и не женскую, а старушечью: сторбленную, скособоченную и руки у неё заметно дрожали — пламечко в пальцах подпрыгивало.

— Так лучше? — снова хихикнув, поинтересовалась карга и медленно обернулась, держа канделябр так, чтобы свет ей на лицо падал.

Арха охнула, отступила, упёршись в Дана. Демон её поддержал, обнял, прижимая к себе, словно защищая.

— Ваше императорское Величество? — не то спросил, не то приветствовал хаш-эд.

— Зачем же так официально, сынок? — Демонесса неловко уселась в кресло, поставила подсвечник рядом, сложила руки на животе. — Или такая мать тебя не устраивает?

— Меня вообще моя мать не устраивает, — отрезал демон. — В любом обличи.

Про другие обличия дановской матушки лекарка ничего сказать не могла, но это и её не устраивало. Демонесса даже и на старуху-то походила мало. Скорее уж на труп, высохшую мумию: пергаментная кожа прилипла к скелету и было её чересчур много, наверное, потому, что от мышц ничего не осталось. Сквозь слишком уж редкие волосы просвечивал череп, даже на костяных швах у основания рогов каждую шишку видно. А улыбалась императрица пустыми младенческими дёснами. Лишь глаза у неё и жили: тёмные, блестящие. Они-то больше всего жути нагоняли.

— Вот так, — всплеснула костлявыми ручками чудовище. — Заботишься о нём, заботишься, собственной жизни не жалеешь. А в ответ никакой благодарности!

— Мне тебя благодарить не за что.

— И зря! — неожиданно резко ответила демонесса. — Родителей стоит благодарить хотя бы за то, что ты в этом мире появился.

— Так вы же его чуть к Тьме и не отправили! — выпалила Арха.

— Верно, — ухмыльнулась старуха. — А почему не отправила-то? Ладно, чего пришли? Хотите, чтобы Нахшон отречение подписал? Так зря старались. Умер мой возлюбленный супруг. Уж несколько месяцев, как во Тьму отправился. Да не даст она ему покоя во веки!

— Зачем ты его убила? — поинтересовался Дан.

Льда в голосе хаш-эда вполне хватило бы, чтобы наделать мороженого для всех детей столицы. Только вот Арха-то слышала, как быстро, частя, бьётся его сердце. Ведунья положила ладонь поверх руки демона, успокаивая.

— Вот и я говорю: рановато, — непонятно к кому обращаясь, проворчала императрица. — Слишком ещё молоды и тупы, слишком. Никто его не убивал! — теперь она точно с сыном говорила. — Время его просто пришло. Он хоть и сильно моложе меня, но тоже не мальчик. А вы о своих правах заявлять не торопились.

Императрица выпрямилась в кресле, не без труда подняла голову, и это жалкое подобие величественности выглядело по-настоящему страшно. И противно.

— Заруби себе на носу, сынок, и когда потребуется сделай то же, что сделала я: власть в империи можно менять только тогда, когда наследник действительно готов её принять. Нельзя допускать, чтобы на троне оказался избалованный юнец, окружающий себя фаворитами. Вокруг императора должны быть опытные и готовые брать на себя ответственность лорды. Мужики, а не мальчишки.

— Я не... — начал Дан.

— Помолчи, — подняла руку демонесса, — и слушай. Я всегда хотела править. Знала, что у меня это получится лучше, чем у кого бы то ни было. Но, к сожалению, так вышло: императрицей стала поздновато. Но у меня был сын, который мог бы принять власть. Мог бы, но его больше интересовали девки, драки и попойки. Ни раз и не два я пыталась вразумить, но ты не слушал. Да ещё эти дурацкие понятия о чести лорда, которые в тебя отец вбил!

Старуха раздражённо дёрнула рукой, будто муху отгоняя.

— Мне необходимо было дождаться, когда повзрослеешь. Слава Тьме, такая возможность имелась. Уж прости, что пришлось тобой же воспользоваться. Впрочем, мне прощение ни к чему. Итак, в конце концов, ты увлёкся этой вот человечкой, — императрица

брезгливо причмокнула вялыми губами. — Знаешь, как детей приучают к ответственности? Дарят им щенка. Собака болеет, ранит лапу, в капкан может угодить. Ребёнок возится с ней, воспитывает... Основную мысль, думаю, ты понял.

— Так ты?! — рывкнул Дан.

— Не ори, — поморщилась карга. — Я два раза замужем была и всё за хаш-эдами, меня воплями не удивишь. Конечно, расчёт был на то, что ты ею рано или поздно наиграешься. О внуках полукровках я точно не мечтала. Знала бы, так ещё подождала. Бывает, ошиблась, решила, что ты перебесился, потому отпустила, отдала времени власть надо мной. Но я никак не ожидала, что твоего благородства хватит Адаша на трон волочь. Ну уж тут ничем помочь не могу. Дураком родился — дураком помрёшь. Ладно, не на троне, так хоть рядом с ним окажешься. Впрочем, шанс у тебя ещё есть. Мне совсем немного осталось, а «племянничек» заперт надёжно и об этом мало кто знает. Согласись, ловко я тебе подыграла, — императрица хихикнула, кокетливо прикрывшись ладошкой. — В общем, думайте. Помощников тебе я сумела неплохих подобрать.

Старуха мотнула костистым подбородком в сторону молчавших демонов.

— Вот тут уж точно вашей заслуги нет! — завила Арха, само того не ожидая.

Да ещё и стряхнула с себя руку Дана, шагнула вперёд. Ещё сказать хотела, но опять ей помешали высказать «свекрови» всё, что о ней думает. Фигура, замотанная в чёрные покрывала, вышагнула из тени, подошла к креслу императрицы, положила руку на её плечо. Хаш-эдка сидела, как ни в чём не бывало, будто к ней богини постоянно на огонёк заглядывали.

— А вот тут я согласна с девочкой, — мягко мурлыкнула Тьма, — а ты, подруга, не права. Людей вам почти удалось истребить. Но, как видишь, иногда человечность побеждает. Честь, преданность, благородство, сострадание, всепрощение.

Арха не видела, куда смотрит богиня, но знала, что она по очереди обращается к Дану, Иррашу, Тхия, Адину, Шаю. И почему-то это было очень неприятно.

— Разве честь, преданность и благородство — это не от вас? — спросила не без вызова — откуда только смелость взялась?

— Нет, не от меня, — покачала головой Тьма. — По крайней мере, не такие. Впрочем, это никакого значения уже не имеет. Может, поздновато, но я всё же сообразила, что вам нужна вера, но не нужны боги. А, может, и не поздно, в самый раз. Так или иначе, но, думаю, Мать будет рада блудной дочери. Вместе с ней и посмеёмся. Ну, или взрыднём над мировой несправедливостью. Пожелай мне счастливого пути, человечка, не боящаяся говорить со мной.

— А как же Шай? Его вы не заберёте! — крикнула Арха.

— Да что такое! — совершенно по-бабьи всплеснула руками богиня. — С тобой Тьма прощается, в империи смена власти, а ты даже величия момента осознать не способна?

— Нет, — упёрлась ведунья. — Просто...

— Да забирай своего Шая со всеми потрохами, — огрызнулась Тьма. — Он мне надоел до коллик. Ты, кстати, тоже.

Богиня, стоявшая от Архи шагах в десяти, вдруг очутилась рядом — шёлк её покрывал проехался по лицу лекарки.

— Кстати, от меня ещё один сюрприз, — шепнула Тьма нежно, наклонившись к самому уху девушки

Архе показалось — её пополам перерубило. Она упала бы в невесть откуда взявшуюся

лужу, не подхвати её Ю. Комната закачалась, поплыла. Кто-то кричал, кто-то теребил лекарку, требовал, но ничего, кроме понимания, что она сейчас просто взорвётся изнутри, и боли, озверело грызущей поясницу, значения не имело.

— Что с тобой! — пробился до сознания голос Дана и стало легче, спазм начал отпускать, словно кулак разжимая. — Арха, что с тобой?

— Рожая я, — выдавила ведунья сквозь стиснутые зубы.

— Сейчас? Немедленно прекрати! — рыкнул, кажется, вконец ополоумевший хаш-эд. — У меня бастардов не будет!

— Будет, — заверила его Арха, нежась на полу, как в самой мягкой постели. Какое же это наслаждение — просто отсутствие боли. — Ещё как будет.

— Ну зачем ты так жестоко? — усмехнулась Тьма где-то очень-очень рядом. Хотя покрывала маячили далеко, за спинами столпившихся вокруг ведуньи. — Это же так просто. Смотри! Дан, лорд Харрат и так далее, и так далее, ты согласен назвать эту женщину своей и быть её защитником до тех пор, пока я не разлучу вас?

— Что? — хаш-эд, до хруста сжимающий руку лекарки, кажется, не осознал не только о чём его спрашивают, но и кто. — Да, конечно! Согласен!

— Арха... Вечно путаюсь в твоих фамилиях, ты их слишком часто меняешь. В общем, ты согласна назвать этого мужчину своим и принять его защиту?

— Да! — боль, ещё слабая, снова начала накатывать, как валун.

— Ну и чудно, — подытожила Тьма. — Передо мной и при всех этих многочисленных зрителях, объявляю вас мужем и женой. Да буду я тому свидетелем.

— Ю, помоги! — выдохнула Арха, которую все свидетели и свидетельствования скопом в данный момент интересовали меньше всего.

— Я? — испугалась граха. — Да я и не помню ничего!

— Горячей воды! — потребовал Шхар, опускаясь рядом с девушкой на колени. — Чистого полотна. Ножницы.

— Убери от неё свои лапы! — взревел Дан.

— Я медик, вообще-то! — рывкнул шавер. — Или сам за дело возьмешься? Лучше прикажи принести воды.

— И вина! — потребовал Шай. — Надо же пяточки обмыть!

— Типун тебе на язык! — гаркнула Ю. — Головкой, головкой идти должен.

— Дан, — из последних сил сдерживаясь, чтобы не завопить, процедила Арха. — Ты иди уже куда-нибудь, ладно? А мы тут сами.

— Ты опять ничего не поняла! Я же люблю тебя!

— Ну так полюби пока на расстоянии! — заорала лекарка — боль обхватила живот раскалённым обручем, надавила, подержала в тисках и медленно, нехотя начала отпускать. — А потом возвращайся... — выдохнула Арха.

Тьма, никем, кроме императрицы не замеченная, подошла к креслу, снова положила ладонь на плечо демонессы, тихонько сжала.

— Пойдём, — сказала негромко, — нам тут больше делать нечего.

— Пойдем, — кивнула старуха. — Только скажи, кто родится? Сын?

— Сын, — усмехнулась богиня. — Но первой вылезет девчонка, а уж он следом. Всё же остальное пусть решают сами.

Тьма прикрыла глаза, видя колышущееся разнотравье, холм и древний могильный камень. Мать обернулась, придерживая белое покрывало, которое раздувал ветер,

улыбнулась. Дочь кривовато усмехнулась в ответ.

— Думаешь, ты победила?

— А ты как думаешь? — спросила Жизнь.

Вместо послесловия

К вечеру похолодало, воздух пах близким дождём и из окна, раскрытого в сад, тянуло сыростью. По-хорошему, конечно, стоило его закрыть или хотя бы плотные портьеры задёрнуть, но не хотелось. От сквозняка шаль неплохо защищала, а вот без луны, белым глазом повисшей над яблонями, без соловья, ещё пока только пробующего голос, становилось скучно и грустно.

Арха тяжело вздохнула, сняла нагар с потрескивающей свечи и обречённо подтянула к себе чистые листы. Соловьиные трели, луна и прочие романтические радости работать не помогали. А работать надо, потому как издатель плоды её творчества аж с прошлой недели ждал.

Леди Харрат проверила перо — хорошо ли отточено, не прилип ли волосок.

Тьма, какими только глупостями не приходится заниматься?

«Подписывая разрешение на пересказ нашей истории, я ожидала, что результатом трудов станет серьёзное произведение, в духе «Они бились за Родину!» и «Вся кровь за империю». Но в итоге вышел может и не плохой (судя по его популярности действительно неплохой), но всё же авантюрный роман...»

Арха усмехнулась, прикусив кончик пера. Дан тоже конечного результат не оценил, потому многоуважаемый автор до сих пор прячется где-то на побережье, боясь в столице нос показать. Может, добавить, что сама она излишним тщеславием не страдает, потому долго не соглашалась на предложение писаки? Или это будет выглядеть нескромным?

Вот же мир несправедлив! Всякие гении на пляжах греются, а ты тут отзывы строчи! Или как там? Предисловие, послесловие? В общем, нечто, что должны тиснуть в газетах перед началом продаж переиздания. Конечно, очень хочется вывести поперёк листа большими буквами: «Бред!» — и в таком виде отправить. Но, скорее всего, подобную точку зрения издатель не оценит.

Так, ладно. Что там у нас с сутью?

«Возможно, в книгах авантюрного характера достоверность деталей и не важна. Но всё же хочу заметить: автор беспардонно перепутал не только даты, но и места событий, а о географии он и вовсе имеет весьма смутные представления. Так при осаде Горкола герои присутствовать никак не могли, потому что случилась она ещё до рождения императора Нахшона...»

Тьма, да кому интересно, сколько там от Дубков до Горкола ехать, и когда там какая-то осада случилось? Читатели о географии с историей тоже имеют «весьма смутные представления». Да и на кой она им сдалась? Захотят, карты посмотрят. Кстати, карту-то к этому опусу и не приложили, зато втиснули с кровью выдранные куски из труда, между прочим, запрещённого в империи. Ну кому, скажите на милость, интересно, как выглядит истинный облик хаш-эда?

«Количество фактических ошибок в романе просто поражает. Порой же это даже никакие не ошибки, а откровенные ляпы. Так, например, автор долгое время не вспоминает, что жрицы Жизни по природе своей бесплодны. И не считает нужным объяснить, откуда, собственно, у главной героини взяли мать и бабушка. Сей факт всплывает только в четвёртой части, что, конечно, вызывает у читателей вполне обоснованное недоумение...»

Кусты зашелестели, будто в них кошка забралась, треснула сломанная ветка. «Да там мама, — шепнули под окном басом. — Пошли, сейчас начнётся!» — и снова шпионский шелест. Арха подняла голову, хотела окликнуть, да передумала. Лучше уж побыстрее закончить — и в сторону маяту.

«По моему мнению, автору не удалось раскрыть героев. Точнее, в угоду романтичности, характеры прототипов были сильно упрощены. Пожалуй, лучше всего писателю удалось передать ярость Ирраша и фривольность Шая. Но, например, ни безоговорочная преданность первого, ни истинная доброта второго в романе отражения не нашли. Как, впрочем, не показана мудрость и всепонимание Адина. В тексте он не раз именовался «душеведом», но глубинный же талант понимать чужие поступки и стремления не продемонстрирован. Тхия назван «рыцарем», но его врождённый аристократизм, надменность и истинно рыцарское отношение к дамам описаны походя. Главный же герой — лорд Харрат — и вовсе смотрится плоским. Адаш же в реальности гораздо более сволочная...».

Арха погрызла губу, подумала и последнее замалевала, приписав сверху «принц». Ещё подумала и вовсе смяла листок.

Кому нужно знать, какие они в реальности? Нет, надо что-то по существу написать.

«Насколько я знаю, наибольшее неприятие вызвала вторая часть этой истории. Точнее момент конфликта главной героини с инквизицией. Многие читатели иного определения, кроме как «дура» для девушки не нашли. Но её поведение продиктовано не глупостью, а...».

А чем? Наглостью? Как же давно это было. Вспоминается будто когда-то увиденный сон. Это ощущение... Не ощущение даже, а подспудная уверенность: тебе всё можно. Есть ведь демоны, которые от всего мира защитят, любые ошибки исправят, все проблемы решат — тебе больше ни о чём беспокоиться не нужно, даже о последствиях собственных поступков. Надо просто делать то, что правильным считаешь. После того, как долгие годы жила, собственную жизнь выцарапывая, такая уверенность с ума сводит.

И потом приходит дикий, липкий, даже ночью не отпускающий страх: они не всесильны...

Только кому это опять-таки нужно? Сказка-то не про реальную жизнь, а про девочку, сумевшую из грязи на самую верхушку взлететь. Хотя это её «взлетели», но снова: кому это нужно?

Нет, надо про любовь.

«Любовная линия в романе показана весьма однобоко. И многие поступки персонажей вызывают откровенное недоумение. Прежде всего, я так и не поняла, почему героиня готова пожертвовать столь многим ради демона, в котором эмоций и на империал не наберётся? В реальности же...».

И что в реальности? Разве такое расскажешь? Можно, конечно, на деталях сосредоточиться, но тогда это уже будет роман для дам постарше. А для остального слов ещё не придумали.

Над головой Архи что-то грохнуло, словно наверху шкаф уронили — хрустальные подвески погашенной люстры жалобно звякнули.

— Папа, немедленно отпусти его!

Леди Харрат поморщилась, поправила шаль на плече, подтянув к себе новый листок.

«С одной стороны автор слишком многое домысливает. Так, например, сцена объяснения Шая и Ирды целиком плод его фантазии. Я вообще сомневаюсь, что сагреша, гордящаяся своим независимым положением, способна опуститься на колени, пусть даже

ради высших целей. Но с другой стороны главные герои романа слишком сдержаны в своих чувствах. Если бы они позволили читателям...»

На втором этаже бухнуло, железно кляцнуло, взревело не вовремя разбуженным медведем. А, может, и драконом. Арха потёрла висок, пытаясь за хвост выволочь потерянную мысль.

— Папа!

— Уйди, Эйна! — Кажется, теперь рухнули два шкафа разом.

«Акцентируя внимание на мелочах, писатель упускает серьёзные конфликты, как, например, отношения Ллил и Ирраша. Он не смог передать суть их непонимания, несхожести: истинного демона и девушки, демонессы по рождению, но светлой по воспитанию. Ллил просто пропадает из повествования, будто её и не было. На самом же деле для лорда Нашкас это расставание стало настоящей трагедией, которую он, боюсь, переживает до сих пор...»

Не-ет, это, пожалуй, лишнее. За такое «братик» и голову отвернуть может.

По лестнице дробно загрохотали тяжёлые шаги и ещё что-то, будто громоздкое волочат, задевая косяки.

— Папа, оставь его в покое! Ничего такого он не делал! В конце концов, мне уже шестнадцать, а я ещё даже целоваться не умею! Хватит лезть в мою личную жизнь! И перестань колотить его, ты же голову прошибёшь! Папа!

— На самом деле, отец, пожалей придурка. У него и так мозгов немного, — протянули с эдакой насмешливой ленцой.

Вот кому весело, так это Эйнеру. Где только научился так по-свински себя вести, спрашивается?

Рокочущий рёв заставил балки в перекрытиях испуганно содрогнуться. Арха устало потёрла переносицу. На чём остановилась-то? Вроде, там что-то про чувства было.

— Эйнер!

— Да, сестрёнка? Кстати, сменила б ты отмазку. «Ни разу нецелованная» устарело ещё года два назад.

— Я тебя придушу! Папа, отпусти! Ты его убьёшь!

Грохот — уже за дверью. А лестница, кажется, всё-таки обвалилась.

— Чтоб я тебя рядом со своей дочерью больше не видел!

Нет, бушевал всё-таки не медведь, даже и не дракон, а всего лишь демон. Впрочем, почему «всего лишь»? Лучше уж дракон, чем хаш-эд в бешенстве.

— Папа, ты ему руку сломал!

— Пусть скажет спасибо, что ноги не выдернул! Иначе ползком бы побежал! А ты иди в свою комнату и!..

— Я всё маме расскажу!

— Стой! Эйна, стой, сказал! Я тебе пока ещё отец и моё слово...

— Ты деспот и тиран!

Ну вот, в ход пошла тяжёлая кавалерия. Против слёз и соплей даже разъярённым драконам не выстоять. А папам хаш-эдам тем более.

— Ну, всё, успокойся! Успокойся, сказал! Эйна! Ну ладно, ладно. Забирай того жеребца, что твоя сумасшедшая бабка прислала, слышишь? Я разрешаю.

— И коле-ечко с изумру-удиком?..

— Ладно, на день рождения... — трагические всхлипы прервались страдальческим

стоном, перешедшим в бурные рыдания. — Хорошо, хорошо! Покупай это Тьмой драное колечко! Только чтоб я этого хмыря рядом с тобой больше не видел.

— Папочка, ты лучший! Ты самый-самый лучший демон в мире!

— Слушай, отец, а если я себе спальню девицу притащу, ты мой карточный долг оплатишь?

— Твои долги, сам и плати!

— Ай! — кажется, кому-то отвесили затрещину. — А это за что?!

— За то, что проигрался! Ты наследник Харратов или тупой тахар? Хорошо, хоть мать не знает...

Мать не знает. Мать абсолютно точно ничего не знает.

Арха ткнулась лицом в лодочкой сложенные ладони, глянула искоса на исчёрканные листы, отодвинула локтём в сторону. В конце концов, кому нужны эти отзывы вместе с предисловиями и её личным мнением? История-то всё равно про любовь. А она такая, какая есть. Кто бы что по этому поводу не думал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net